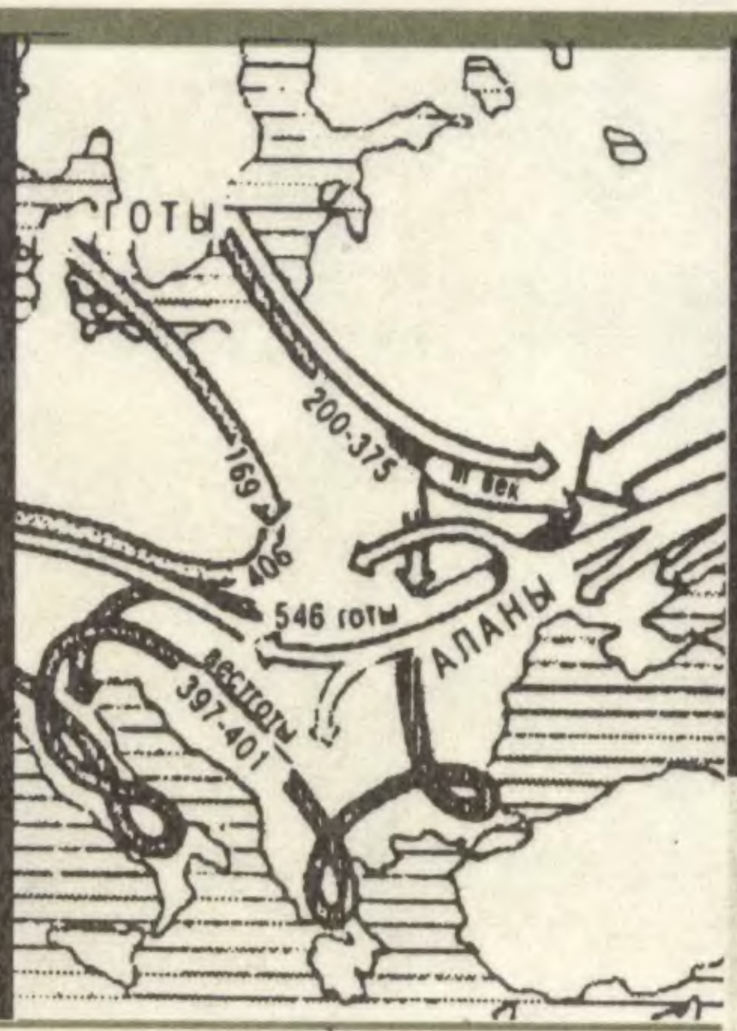
Ф.Х.Гутнов

РАННИЕ АЛАНЫ

Проблемы этносоциальной истории

Отсканировано
в январе 2015 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бæрзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд æрцыд
2015 азы январы
сæрмагондæй паблик «Бæрзæфцæг»-ы
чиныгдонæн.

http://vk.com/barzafcag

ВАНДАЛЫ

ГОТЫ

169

406

200-375

III Век

375 г.н.э.

ГУННЫ

САРМАТЫ

АЛАНЫ

546 ГОТЫ

412

ВЕСТГОТЫ

397-401

АЛАНЫ

АЛАНЫ

429

Ф.Х.Гутнов

РАННИЕ АЛАНЫ

Проблемы этносоциальной истории

Владикавказ «ИР» 2001

63.3(2Р–Осе)
Г–97

Г–97 Гутнов Ф.Х.
Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории – Владикавказ: Ир, 2001 – 256 с.

В книге рассматриваются актуальные вопросы этнической и социальной истории ранних алан.

Г $\frac{0508000000-7}{M131(03)-01}$59–01

63.3(2Р–6Осе)

ISBN 5–7534–0281–х

© Гутнов Ф.Х., 2001

Учителям — ученик

ВВЕДЕНИЕ

Ираноязычные племена евразийских степей — скифы, сарматы, аланы — с момента выхода на историческую арену сразу же попали в поле зрения древних авторов. Перемещаясь во времени и пространстве, вступая в контакты с разными народами и цивилизациями, они волею судьбы оказались участниками многих важных событий мировой истории, то являясь одной из причин крушения крупных держав, то, напротив, способствуя возникновению новых государств. Заимствуя у соседних народов некоторые обычаи и традиции, элементы культуры, принимая в свои ряды и ассимилируя иноплеменников, скифы и сарматы, в свою очередь, легко внедрялись в иноэтническую среду, влияя на ход социальных и культурных процессов. Например, аланы, по словам Г.Вернадского[1], «сыграли одну из самых важных ролей в истории древнего мира, равно как и в начале средних веков... аланы... служили соединительной линией... между народами степей и Средиземноморья, между Востоком и Западом ... важность аланского искусства в истории цивилизации была широко признана еще до наших дней...» (*Вернадский//*Архив СОИГСИ, с.3-4).

Действительно, алан мы находим на огромном пространстве от Испании на западе до Ирана на востоке, от Британии на севере до Африки на юге. В Риме и Константинополе они стояли во главе кавалерийских отрядов, полков, армий, были крупными землевладельцами и консулами, патрициями и претендентами на императорский престол (Аспар, Ардабур и др.). В целом, как вслед за Б.Бахрахом отмечает В.Б.Ковалевская, (1992а, с.71) аланы «были в хорошей позиции, чтобы стать частью новой средневековой аристократии, ее элиты».

Согласно анализу итальянского ученого Ф.Кардини, «возникновением средневекового рыцарства Запад обязан... прежде всего иранским народам, находившимся к северу от Кавказа — скифо-сарматам... средневек-

[1]Здесь и далее сноски в конце глав.

вая военная структура запечатлела в себе только им одним свойственный оригинальный облик. Нет сомнений, что это особенно проявилось на техническом уровне[2]. Однако нам представляется, что это утверждение применимо и к сфере духовного влияния[3]» (*Кардини* 1987, с.42). Примечательно, что несколько алан было канонизировано католической церковью. В Западной Европе аланы, по Б.Бахраху, не только оказали «влияние на развитие военного искусства и облика аристократии», но и оставили след «в художественном ремесле, религии и литературе» (*Бахрах,* 1993, с.108-110, 114-141). Ираноязычные пришельцы оказали такое влияние на быт и культуру народов Старого Света, что автор «Истории Британии» эпонима (родоначальника) Европы назвал Аланом (*Ковалевская,* 1992а, с.74).

Заметный след оставили аланы в истории народов юго-восточной Европы. Показательно в этом отношении иранское имя основателя Дунайской Болгарии хана Аспарука. Лингвисты в этнониме видят иранский термин *Aspa-ruk* «светлый конь» и рассматривают это как свидетельство тесного переплетения «булгарских и иранских элементов». Некоторые современные болгарские исследователи полагают, что население протоболгарского социума изначально являлось полиэтничным, включавшим в себя потомков сарматов. Аланы входили и в состав населения Хазарии, что привело к культурно-религиозному синтезу[4] и появлению в структуре хазарского пантеона иранских божеств (*Бубенок,* 1997, с.19-20).

Значительную роль играли аланы (как скифы и сарматы) на юге России. А.П.Новосельцев, отмечая некоторые лексические заимствования древнерусского языка, подчеркнул, что, например, термины «богатырь» и «боярин» имеют «явную иранскую этимологию». И в принципе речь должна идти «о лексическом и даже общественном наследии древних насельников нашего юга — иранцев... часть которых слилась со славянами и участвовала в этногенезе юго-восточной части русского славянства» (*Новосельцев,* 1986, с.42). Новые исследования ученых подтверждают данный вывод. Анализ материалов погребения VI-VII вв. у с. Мохнач вблизи Харькова привел археологов к выводу «о более глубоком, чем это считалось ранее, проникновении сармато-аланских элементов культуры в среду славянского населения» (*Аксенов, Бабенко,* 1998, с. 120). Как тут не вспомнить слова П.И. Шафарика: «Деяния Алан весьма важны для истории древних Славян» (*Шафарик,* 1837, т.1, кн.2, с.294).

Проблема древних иранцев юга России вызывает интерес и по другим аспектам; отметим некоторые из них: 1) время формирования и этносоциальное развитие различных иранских союзов племен; 2) их роль в этнических процессах и эволюции общественного устройства горцев Кавказа; 3) место в этнической истории алан-осетин; наконец, 4) соотношение между различными ираноязычными «археологическими культурами» (по терминологии В.А.Городцо-

ва). Говоря о последнем аспекте, отметим, что практически все специалисты признают преемственность ираноязычных этносов нашей страны. Тем не менее, скифология, сарматоведение и алановедение существуют фактически автономно, из-за чего имеются искажения в освещении некоторых вопросов. В частности, в таком важном вопросе, как генезис осетинского (аланского) народа, недостаточное внимание уделяется ираноязычному населению Кавказа в античный период, а это мешает познанию исторических процессов во всей их полноте и динамике. Согласно общепризнанной точке зрения, основу современного коренного населения Северной и Южной Осетии составили смешавшиеся с кавказскими племенами аланы (*Происхождение*...1967). Это мнение нашло отражение и в учебниках (*Этнография*...1982, с.261). При таком подходе как бы за бортом остается участие в этногенезе осетин скифов и сарматов. Вспомним предостережение В.И.Абаева об опасной тенденции «умалить или свести к нулю роль скифо-сарматского элемента в формировании осетинской этнической культуры». Возражая против этого, ученый отметил: «Имеем два объективных факта. Первый: иранские племена приходили и оседали. Второй: там, где они оседали, уже существовало коренное местное население (об этом говорит хотя бы топонимика), и нет никаких сведений, чтобы это население было истреблено или куда-нибудь выселилось. А раз так, то современное население этих мест может быть только результатом смешения указанных компонентов» (*Абаев* 1967, с.18).

Ираноязычные племена оказали влияние на судьбы не только предков осетин, но и других горских народов. Особое место в истории Кавказа принадлежит аланам. Появившись здесь на рубеже н.э., они около полутора тысяч лет влияли на ход политических событий. Следует учитывать и тот факт, что современный этнический состав населения Северного Кавказа в основном сложился именно в указанный период. В этногенезе горских народов в той или иной степени принимали участие и аланы. Их вклад в этот процесс «еще требует всесторонней научной оценки, но и для осетина, и для балкарца, и для карачаевца наших дней нет сомнения в том, что аланы — их славные предки» (*Ковалевская* 1984, с.7); хотя иранскую речь сохранили только осетины.

Еще до недавнего времени приоритетными и актуальными у нас считались исследования по советскому периоду, хотя в теории признавалась независимость актуальности от хронологической близости к современности (*Жуков* 1987, с.226; *Ковальченко* 1987, с.57). Из-за такого подхода образовались «белые пятна» в изучении прошлого всех народов бывшего СССР, в том числе и осетин. Красноречивые цифры общего числа профессиональных историков и тех, кто занимался дооктябрьским периодом, наглядно фиксируют чудовищный разрыв в отношении к различным периодам нашего прошлого. На уровне подготовки кадров высшей квалификации (по

античности и средневековью) это отставание проецируется уже в первую четверть нынешнего века.

Со второй половины 80-х гг. XXв. в отечественной науке происходит мучительный процесс раскрепощения исторического сознания, отказа от привычки к устоявшимся схемам и директивным оценкам, от страха «ошибиться» и не попасть в «общую струю» (*Чубарьян* 1989, с.8). С этого же времени резко возрастает интерес к ранним этапам истории народов. В принципе человечество издревле проявляет интерес к своему прошлому, стремясь познать его. Отмечая это, В.Я.Петрухин и Д.С.Раевский (1998, с. 7) приводят блестящую иллюстрацию из стихотворения А.С.Пушкина:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

В нашей стране в «постперестроечный» период история, по оценкам специалистов, «приобрела огромную, можно сказать, даже чрезмерную, актуальность. Это относится к так называемой этнической истории» (*Капица* 1992, с.7). Однако удовлетворение возросшего спроса на историческую литературу «профессионально» не подготовлено. К тому же имеют место попытки во что бы то ни стало в кратчайшие сроки заполнить зияющие пробелы в изучении прошлого того или иного народа. Такая попытка без подготовки квалифицированных кадров, без должного обеспечения необходимыми средствами чревата негативными последствиями, на что уже указывал В.И.Марковин (1994; 1996). К сожалению, появились просто поверхностные, конъюнктурные исследования, наносящие вред не только науке, но и обществу. Как тут не вспомнить М.Блока: «Дурно истолкованная история, если не остеречься, может в конце концов возбудить недоверие и к истории лучше понятой» (*Блок* 1986, с.7).

В течение долгого времени в науке имело место скептическое отношение к истории т.н. «варваров».В конце XIX в. Г.Н.Потанин писал: «Пренебрежение ученых к степным народам задерживает развитие науки. Установлению правильных взглядов на роль этих «варваров» и на историю духовно-культурных заимствований мешают наше арийское высокомерие, ложная историческая перспектива». На пороге третьего тысячелетия Л.Р.Кызласов (1999, с. 195) с сожалением отметил: «За прошедшие столетие качественного изменения в подходах исследователей к этому предмету, увы, так и не последовало».

Такой взгляд на кочевников восходит к литературе эпохе эллинизма, для которой характерно противопоставление «грек — варвар» (позднее «римлянин — варвар»), переходившее в противопоставление «цивилизация — варварство». Однако и в ту далекую эпоху такое противопоставление возникло далеко не сразу. В античной

литературе до греко-персидских войн практически не существовало конфронтации «грек-варвар» (*Грацианская* 1999, с.46-47). Формирование самого термина «варвар», первоначально связанного с непонятностью чужой речи, приходится на VI и. до н.э. Даже в памятниках конца V в. до н.э. термин «варвар» в ряде случаев мог сохранять чисто лингвистическое значение (*Иванчик* 1999, с.18). К началу н.э. в античной традиции сложился стереотип варвара — это любой не грек, не римлянин (реже — не македонянин). Как видно, этот стереотип оказывается *не этническим, а этическим понятием* (*Грацианская* 1999, с.57). В эпоху Великого переселения народов понятие «варвары» стало связываться с военным контекстом и, как правило, сопровождаться словами «осадили», «опустошили», «совершили нападение». В числе лидеров «варварского» мира источники той поры называют и алан (*Буданова* 1999, с.14-15).

Упрощенный взгляд на кочевников как на варваров, не создавших свою цивилизацию, имел широкое хождение в науке вплоть до наших дней. Справедливости ради надо сказать, что в последние несколько лет имеет место «смена парадигм» — так условно охарактеризован процесс, происходящий в современной науке в отношении к «варварам», «варварскому миру» (*Буданова* 1999, с.112).

На фоне активных дискуссий последних лет по актуальным проблемам скифологии и сарматоведения, как-то затерялась аланская тематика. Между тем, как в этнической, так и в социальной истории алан накопилось немало вопросов. Далеко до единства взглядов даже по ключевому из них — является ли термин «аланы» этническим, или собирательным, географическим? Слишком полярны оценки уровня развития общественного строя ранних алан, неясны факторы и механизмы, влиявшие на эволюцию их социальных отношений. Все это подчеркивает необходимость проведения новой широкой дискуссии по аланской проблематике (*Исаенко, Кучиев* 1995, с.31).

В данной работе вниманию специалистов и широкого круга читателей предлагается авторское видение решения ряда проблем этносоциальной истории ***ранних алан.*** Не претендуя на окончательное решение поставленных вопросов, свою главную задачу автор видит в систематизации и обобщении накопленного материала, тем самым определяя, в какой-то мере, направления новых поисков.

---

[1]В другом месте Г.Вернадский подчеркнул значение Кавказа и алан в ранней истории славян. «Аланы, особенно та их ветвь, что известна как роксаланы (рухсасы), играли огромную роль в консолидации и объединении антов и других южнорусских племен. Вероятно, правящий класс у антов был аланского происхождения». Говоря о значении Кавказа, ученый отметил, что регион «культурно — как и можно было ожидать... был местом встречи Востока и Запада, христианства и ислама, византинизма и ориентализма, иранской и тюркской цивилизаций и образов жизни. В силу такой сложной исто-

рической почвы... к взаимоотношениям между Русью и Кавказом следует подходить как к особой проблеме». «Из коренных племен Северного Кавказа два представляются особенно важными для изучающего русскую историю из-за ранних и близких связей с русскими. Это осетины и касоги (адыгейцы)» (*Вернадский* 1996а, с.375, 376). Вообще, к проблеме взаимовлияния ираноязычных и славянских племен Г.Вернадский обращался во многих своих исследованиях. «Иранский период обладал фундаментальной значимостью для последующего развития русской цивилизации... именно иранцы заложили основание политической организации восточных славян. Искусство Древней Руси было также пропитано иранскими мотивами» (*Вернадский* 1996, с.115-116).

[2]Французский исследователь Я.Лебединский отмечает «глубокий след скифо-иранских народов, легший на военные традиции (и вообще на культуры) их преемников в зоне юго-восточной Европы. Без учета этого следа многое в истории Украины и Южной России — непонятно» (*Лебединский* 1997, с.195).

[3]Еще П.И.Шафарик, опираясь на Эдду, предполагал, что скандинавы «заимствовали многие религиозные обряды у Алан». Этноним «аланы» в глубокой древности был занесен в Скандинавию «скитавшимися Норманнами...». П.И.Шафарик полагал, что от алан «происходил Один, знаменитый герой Скандинавских повестей» и главный бог викингов. В сагах «главное жилище Асов называется *Asgard*, т.е. город или край Асов, в котором объяснители обыкновенно видят небольшую область Аспургиан, на берегу Черного моря, или же нынешний город Азов на Дону, хотя, может быть, под ним разумелось собственно местопребывание Алан где-нибудь на Днепре». В другом месте П.И.Шафарик писал: «можно полагать, что Один был герой, происходивший собственно от Сарматских Алан и поселившийся в Скандинавии» (*Шафарик* 1837, т. 1, кн. 2, с.294-312; кн. 3, с.114).

[4]Мовсес Каганкатваци среди божеств, которым поклонялись хазары, назвал бога молний Каура. А.П.Новосельцев, усматривая в нем иранское божество, предположил его связь с древнеиранским названием солнца. В первой части имени другого хазарского божества — Аспандианта (второе имя Тангри-хана) ученый выделил иранский корень *Aspa* — «конь» и предположил, что «это было сарматское (массагето-аланское) божество, отражавшее культ лошади, столь важный у кочевников» (*Новосельцев* 1990, с.81, 145-146).

ИСТОРИОГРАФИЯ

Историография рассматриваемой проблемы очень обширна. Конечно, специальных исследований по теме «ранние аланы» наберется немного. Но в огромном количестве работ рассматривались такие важные вопросы, как соотношение этнонимов «аланы» и «осетины», эволюция общественного строя и религиозных верований у прото- и раннеаланских племен, их связи с соседями и отдаленными странами. Дать хотя бы общую оценку накопившейся литературе в небольшом обзоре не представляется возможным. Поэтому остановимся лишь на узловых моментах историографии.

Долгое время как представители российской науки, так и чиновники мало что знали о происхождении и истории осетин. Протопоп И.Болгарский в донесении 1780 г. архиепископу астраханскому и ставропольскому Антонию писал: «Что касается до самих сих народов, которых мы называем осетинцами, откуда они или от кого именно начало свое приняли, о том ни прежде, ни ныне совершенно узнать невозможно...» (*Русско-осетинские*...1984, т.2, с.383-384). Более чем скудная информация о них содержится в первом сводном труде о народах России, принадлежащем перу И.Г.Георги (1776). Ничего не сообщает о них Ф.Засс (1805). А в «Историографической записке» в разделе «Оссы или осетинцы» мы читаем лишь: «История их покрыта неизвестностью» (*Историогеографическая*...1810, с.31).

В 1802 г. в Санкт-Петербурге на французском языке вышла книга Я.Потоцкого «Начальная история народов России», в которой специально рассматривалось происхождение осетин (стр.86-89). Автор пришел к выводу, что осетины являются ветвью алан-асов, потомками «осилов» Птолемея, «сарматов-мидян» Диодора Сицилийского и Плиния. Значение этого вывода станет понятным, если вспомнить уровень научных представлений о Кавказе на рубеже XVIII-XIIIX вв. Так, М. В. Ломоносов

предков осетин считал или славянами, или финно-уграми; в своем труде «Древняя российская история» (1766) он ясов и алан относил к «словенскому либо чудскому поколению». В такой ситуации утверждение об ираноязычности осетин являлось поистине революционным. Однако работа Я.Потоцкого осталась почти неизвестной специалистам.

По традиции идею о генетической связи осетин с аланами приписывают Ю.Клапроту. В дневнике своего путешествия по Кавказу в 1807-1808 гг. он указал на преемственную связь ираноязычных осетин с аланами и сарматами (*Klaprot* 1812, 1814, Bd. 1. S. 77; Bd. II. S. 577). Такое решение приобрело особую актуальность потому, что в то время в науке господствовала точка зрения А.Л.Шлоцера, трактовавшего термины «скифы» и «сарматы» как «географические имена» (*Schlozer* 1785, S. 112, 214-215). В вопросе же соотношения аланы-осетины Ю.Клапрот, по сравнению с Я.Потоцким, принципиально нового ничего не внес. Но, справедливости ради отметим, что в изданной чуть позже в Париже брошюре немецкий ученый «сделал ряд ценных и интересных замечаний по частным проблемам древней и средневековой истории алан-осетин» (*Гаглойти* 1966, с. 13). Отмечая генетическую преемственность средневековых алан и позднейших осетин (осетины — «это одновременно и аланы»), Ю.Клапрот их этногенез объяснял переселением скифами в VII в. до н.э. колонии мидийцев «в Сарматскую страну, расположенную в северной части Кавказа... Современные осетины происходят от этой колонии...» (*Осетины* 1967, с.175-176; *Клапрот* 1992).

Альтернативное решение предложил В.Сент-Мартин, полагавший, что аланы на Северном Кавказе появились в результате миграции из Согдианы и Арала в I-III вв. н.э. При этом, алан и осетин он рассматривал хотя и родственными, но разными народами. Предками последних он считал исседонов, которые «еще во времена Митридатовых войн должны были находиться на Кавказе» (*Charpentier* 1917, S. 363).

В.Сент-Мартин большое значение придавал изучению «осетинского языка, вне всякого сомнения, самого важного из языков Кавказа из-за его связей с основными языками Европы и Азии большой индоевропейской группы». Отдавая дань Ю.Клапроту, исследования которого «привлекли внимание ученых Европы к одному из самых замечательных народов тамошних высокогорий, к жителям Осетии», В.Сент-Мартин вместе с тем подчеркнул, что «этот ученый допустил большую ошибку, одновременно историческое и этнологическое смешение, идентифицируя кавказских ясов и алан, которые завладели Осетией в первые века нашей эры». Французский ученый упрекнул и Шегрена за употребление этнонима «Осетины». «Это название, постоянно употребляемое г-ном Шегреном, так же как и Клапротом и всеми другими русскими, немецкими и французскими авторами, тем не менее, не является подлинным этнонимом:

это слово совершенно неправильного образования... грузины всегда называли иронов осами, а их страну Осетией, добавляя к названию народа окончание, которое в грузинском языке служит для обозначения территории в целом. Осетия, таким образом, означает страну, а не народ. Но русские, в свою очередь, придали этому слову форму «осетинцы», жители Осетии, а другие народы Европы переняли эту форму, смягчили ее и сделали из нее название «осеты», которое и закрепилось в употреблении» (*Шегрен* 1998, с.12-14, 19).

С этих пор взгляд на историю алан, как на часть прошлого осетин все более распространялся в научном мире, хотя сомнения по поводу ранних периодов истории осетин окончательно еще не рассеялись. Характерным примером является вышедшая в 1836 г. большая коллективная работа «Обозрение российских владений за Кавказом». Автор раздела «Осетины» А.Яновский с сожалением отмечал: «Нет никаких источников, из которых можно бы вынести заключение о населении Осетии в разные эпохи» (*Обозрение...* 1836, с.185). Правда, тут же подчеркнуто, что все осетины (как северные, так и южные) «одного происхождения, имеют собственный язык». Комментируя это утверждение, издатель данной работы В.Легкобытов напомнил идею Ю.Клапрота о «мидо-аланских» корнях народа. Со своей стороны, В.Легкобытов обратил внимание на то, что аланы арабских географов жили там же, где и аланы Птолемея и Иосифа Флавия, и «где ныне живут Осетины». Следовательно, и в начале н.э., и в XIV в., и в XIX в. народ этот оставался «там же, и что поэтому не без основания Осетины могут быть признаны Кавказскими Аланами средних веков» (там же, с.186-187).

Примерно в это же время И.Бларамберг завершил свой фундаментальный труд о горских народах. Касаясь происхождения осетин, он вслед за Ю.Клапртом и В.Легкобытовым, назвал их потомками «сармато-мидийцев» и «алан». При этом И.Бларамберг критически использовал свидетельства Константина Багрянородного, И.Барбаро, древнерусские летописи, сочинения армянских авторов, арабских историков и географов, грузинские хроники. В результате он также пришел к выводу о тождестве алан и осетин (*Бларамберг* 1992, с.133-139).

П.И.Шафарик (1837, т.1, кн.2) аланам отвел немало места в своих «Славянских древностях». Называя алан «сильным народом Сарматского племени», он коснулся и их происхождения: «Этот народ начинает показываться из Скифской и Савроматской тьмы в первый раз в конце Iв. по Р.Хр., но в Азиатской истории память о нем идет далее в древность». В другом месте ученый высказался более определенно: «Главное местопребывание этого древнего народа было за Доном, в степях между Меотидой, Кавказом и Хвалынским морем, а *колыбель* его — Мидо-Персия, из коей долгое время выходили в Европу многочисленные полчища его, известные под именем Роксалан, Язигов и Алан...» Касаясь проблемы соотношения алан с осе-

тинами, П.И.Шафарик подчеркнул: «Нынешние Аланы, обитающие в Северной части Кавказских гор, называют сами себя Ирон, а землю свою — Иронистон, напротив того Грузинцы именуют их Осами или Овсами, землю их — Осетией, русские же — Асами, Осетинцами (Осами, Осетинцами)» (там же, с.286-312, сл.).

В целом, к середине XIX в. сложилось довольно прочное мнение не только о происхождении осетин от алан, но и о корнях самих алан. О степени распространения этих знаний свидетельствует пример митрополита Макария, который в своей «Истории русской церкви» (*Макарий* 1845) говорил о «многочисленных свидетельствах древности о наших аланах, об их родстве с царскими скифами Геродота, об их тождестве с массагетами, сарматами и проч. и проч.».

На рубеже 60-70-х гг. XIX в. на Кавказе появились новые периодические издания: «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник сведений о Кавказе», газета «Терские ведомости» и др. На страницах новых сборников публиковался В.Б.Пфаф (1870, 1871, 1871а, 1872, 1894). Его исследования представляют собой первую попытку систематизированного написания истории алан-осетин с древнейших времен до Крестьянской реформы. Автор поднял обширный круг вопросов и в решение некоторых из них внес весомый вклад. Например, обращает на себя внимание тот факт, что он первым из российских ученых (раньше М.М.Ковалевского) рассматривал феодальный строй как универсальный этап в развитии всего человечества. Он же указывал на две волны ираноязычных племен на Северном Кавказе. Вместе с тем, следует признать, что В.Б.Пфаф неоправданно смело выдвигал самые разнообразные гипотезы по истории осетин, не особенно утруждая себя стремлением их обосновать. Конечно, при таком подходе выводы страдают серьезными ошибками. В свое время на некоторые из них обратила внимание редакция «Сборника сведений о кавказских горцах», в котором печатался В.Б.Пфаф. Редакция отмечала: «не видно полного основания для принятия тех выводов и предложений, к которым приходит автор» (ССКГ. Вып. IV. С.1).

Конкретный анализ этногенеза осетин исследователь подменил общими рассуждениями об их ираноязычных предках (сарматах, аланах) и «совершенно фантастическим» (Ю.С.Гаглойти) утверждением о синтезе иранцев-осетин с семитами в XV в. до н.э. (*Пфаф* 1870, с.2-8, 23). Справедливо рассматривая эпос как ценный источник, В.Б.Пфаф в трактовке фольклорных сюжетов был чересчур прямолинеен, ошибочно приняв нартов за реально существовавший народ. Как на рациональное зерно следует указать на то, что, согласно исследованиям специалистов, нарты — фольклорное отражение (обобщение) предков осетин: скифов, сарматов, алан. Большинство сюжетов эпоса осетин имеет аналогии из истории и быта ираноязычных племен юга России (*Дюмезиль* 1976; *Абаев* 1982).

Несмотря на некоторые ошибки, работы В.Б.Пфафа еще долго

оказывали влияние на последующих исследователей. К его бесспорным заслугам следует отнести первую в литературе широкую и разностороннюю характеристику социальных отношений у алан-осетин (*Косвен* 1959, с.262).

Значительным событием в развитии кавказоведения стало издание трудов М.М.Ковалевского (1883; 1886; 1890). Его работы по истории горских народов еще при жизни исследователя принесли ему заслуженное признание современников. А изыскания в области средневековья, феодализма, древнерусской общины, родовых отношений закрепили за ним славу «выдающегося русского ученого». Каким бы периодом всемирной истории не занимался М.М.Ковалевский, его интересовал «механизм» развития человеческого общества, «тесная взаимосвязь между ростом государственных учреждений и изменениями общественного уклада, в свою очередь вызванную эволюцией экономических порядков» (*Ковалевский* 1975, с.264).

Важное место в сфере научных интересов М.М.Ковалевского занимали осетины. Многие стороны их быта определили «характер и план» одной из монографий ученого — «Современный обычай и древний закон». В ней он намеревался дать не простое описание права осетин, но «объяснить фактами из быта этого народа многие вопросы древнего права» (*Ковалевский* 1886, т. 1, с. IV). В предварительных замечаниях к основному тексту М.М.Ковалевский остановился на раннесредневековом периоде истории осетин. В данной области ученый разделял точку зрения В.Ф.Миллера, благодаря дружбе с которым он еще в рукописи смог познакомиться с третьим томом знаменитых «Осетинских этюдов» и использовать полученную информацию в своей работе.

По убеждению М.М.Ковалевского, «Всеволоду Миллеру окончательно удалось обосновать тот взгляд, что осетинский язык принадлежит к иранской ветви арийских языков» (там же, с. II). Упрекнув А.Гакстгаузена (*Гакстгаузен* 1857, ч. II, с.115) за необоснованное отождествление осетин с немцами, М.М.Ковалевский в резкой форме отверг и идею В.Б.Пфафа: «под влиянием слишком поспешно сделанных антропологических и филологических наблюдений, г.Пфаф остановился на *несчастной мысли* видеть в Осетинах какое-то смешение арийского народа с семитическим». Как показал М.М.Ковалевский, иранское происхождение осетин, «доказанное В.Миллером лингвистическими данными», нашло подтверждение в письменных источниках и археологических материалах. В давние времена на Северном Кавказе появились «кочевья Иранцев... в их числе были *Аланы*, отождествляемые нередко средневековыми писателями с народом *Асси* или *Яссы* наших летописей, иначе говоря, с Осетинами». Мысль о тождестве алан и осетин показалась М.М.Ковалевскому настолько значимой, что он повторил ее еще раз: «показания Грузинских летописцев о древности Осетин находят себе решительное подтверждение в однохарактерных свидетельствах древ-

них писателей об Аланах». В современных себе осетинах исследователь видел «уцелевший остаток многочисленных иранских поселений, какие расположены были некогда в Южной России». После нашествия монголов и Тимура они отошли в горы, где нашли «одновременно благоприятные условия для сохранения своей независимости и препятствия своему численному размножению» (*Ковалевский* 1886, т. 1, с.11-12, 15-21).

Несомненный интерес для нашей темы представляет третья часть «Осетинских этюдов» В.Миллера. Будущий академик в 1879-1886 гг. совершил пять научных экспедиций в Осетию, основательно овладел языком, записывал фольклорные памятники, изучал быт и верования народа. В ходе работы над историей он широко использовал данные таких нетрадиционных источников как лингвистика, топонимика, нумизматика и др., стремясь извлечь из них хотя бы «долю подлинной исторической истины».

Рассматривая древние и средневековые периоды жизни «оссов» (алан), В.Ф.Миллер детально остановился на вопросе исторической этнонимии и доказал принадлежность этнонимов *ос, алан* и *яс* к одному и тому же народу (*Миллер* 1887, с.45-48). Опираясь на солидную источниковедческую базу, он пришел к убеждению о принадлежности языка осетин «к иранской группе индоевропейской семьи»; предки осетин «входили в состав тех иранских кочевых племен, которые были известны за многие столетия до Р.Хр. под именем сарматов и отчасти скифов...» (там же, с.100-101). В другой работе ученый писал, что осетины являются остатком большого иранского племени, в классическую древность известного под именем понтийских скифов и сарматов, а в средние века — под именем алан (*Miller* 1903, S.4). В.Ф.Миллер проанализировал корпус античных, древнеармянских и древнегрузинских исторических памятников и в определенной мере воссоздал жизнь аланских племен I-IV вв. (*Миллер* 1887, с.45-48).

Исследования В.Ф.Миллера имели огромный резонанс в Осетии, стали мощным импульсом развития культуры и образования. «Осетинские этюды» бесспорно являются достоянием мировой науки и до сих пор вызывают большой интерес (*История СО АССР* 1987, с.355-356).

Наряду с трудами В.Ф.Миллера, настольной книгой кавказоведов надолго стала работа «Аланы по сведениям классических и византийских авторов» Ю.Кулаковского. Ему удалось в основных чертах проследить политическую историю алан от времени их появления на европейской арене до монголо-татарских походов. Социальные процессы рассматривались лишь вскользь, а касаясь проблемы этногенеза, ученый ограничился лишь констатацией того, что осетины — «потомки и остаток древних алан». В то же время он счел необходимым подчеркнуть актуальность исследования истории ираноязычных племен Кавказа, «так как судьбы алан составляют часть

до-русской, если можно так выразиться, истории нашей родины» (*Кулаковский* 1899, с.111, 167). Специальную работу посвятил Ю.Кулаковский распространению христианства у алан (*Кулаковский* 1898.).

Особенностью литературы рубежа XIX-XX вв. является появление в числе ее авторов осетин. Хотя на исторических взглядах осетинской интеллигенции лежит явная печать идеологической борьбы той эпохи (вспомним, например, острейшие дебаты по сословному вопросу), ее роль в становлении краеведения трудно переоценить. Вообще же краеведы (не только на Кавказе) играли важную роль в распространении исторических знаний и возбуждении интереса к изучению прошлого (*Могильницкий* 1976, с.265).

В большинстве работ местных авторов история предков рассматривалась лишь попутно (*Цаликов* 1882; *Ардасенов и Есиев* 1892; *Гатуев* 1901). Специальную работу по данному вопросу подготовил А.Кодзаев. В историографии советского периода его работа подвергалась уничтожающей критике, на наш взгляд — только из-за политических взглядов автора. В годы первой русской революции он выступал за сохранение и развитие церковноприходских школ. Не восприняв идеи большевизма, А.Кодзаев как наблюдатель осетинских школ предостерег (под угрозой увольнения) учителей от политической деятельности. Из-за этого он подвергся резкой критике со стороны леворадикальной части осетинской интеллигенции (Казбек, 1905, 20/IV). В советской историографии он также характеризовался как человек «реакционных взглядов», выражавший интересы националистов (*Тотоев* 1968, с.54-58; *Санакоев* 1971, с.24; *Васильева* 1975, с.123), а работу иначе как «компиляцией» не называли. Но с этими оценками трудно согласиться. В дневнике Ц.Амбалова есть запись о том, что А.Кодзаев в 1918 г. во главе делегации от России «наблюдал за установлением советско-финляндской границы». Обвинения в компиляции также несостоятельны, ибо помимо обширной библиографии (на русском, французском, немецком и латинском!), автор опирался на солидную источниковую базу. Это позволило ему высказать некоторые новые мысли и подтвердить старые идеи. В частности, новые аргументы в пользу идеи В.Миллера о преемственности скифов-сарматов-осетин он нашел в исследованиях немецких ученых Мюллера, Цейса и Мюлленгофа (*Кодзаев* 1903, с.6, 8 примеч.4). А.Кодзаев разделил мнение своих предшественников о связи осетин «с древним кочевым племенем Аланов». Разбор свидетельств античных писателей не оставил у краеведа «сомнения в полной справедливости этого мнения» (*Там же*, с.54). Разумеется, исследование школьного учителя, как бы тщательно оно не готовилось, не лишено ошибочных положений (об общественном строе в средние века, распространении христианства и др.). Но давая книге общую оценку, вспомним о ее влиянии на рост национального самосознания народа и стимулирование интереса к изучению древностей Осетии.

Обзор дореволюционной историографии будет неполным, если не вспомнить, что в тот период к изучению аланской проблематики приступили и археологи. В первую очередь, следует отметить изыскания П.С.Уваровой (1900) и Ф.С.Гребенца (Панкратова) (1915).

Становление советского кавказоведения началось с усвоения результатов. Характерным примером является монография Г.А.Кокиева (1926), основанная на исследованиях дореволюционных специалистов. Впервые вводились в научный оборот некоторые документы из Посольского приказа. В связи со спецификой цели, стоявшей перед автором – создание учебного пособия, работа представляет собой компактное изложение истории осетинского народа с древнейших времен до середины XIX в. Используя достижения дореволюционных кавказоведов, Г.А.Кокиев повторил и ряд их ошибок. В частности, причиной генезиса феодализма он считал появление «общественного слоя абреков». Вместе с тем, по некоторым вопросам он занял принципиальную позицию. Так, возражая М.М.Ковалевскому, Г.А.Кокиев указывал на невозможность механического заимствования общественных форм; они являются результатом внутренних, а не внешних причин: «феодализм в Осетии обусловлен только внутренними причинами и вполне самобытен» (там же, с.69-70). Автор рассмотрел время заселения предками осетин северных и южных склонов Кавказского хребта, соотношение между этнонимами «алан» и «осетин». Если в данной работе Г.А.Кокиев под аланами-асами видел исключительно предков осетин, то позднее он изменил свое мнение: все горские народы, за исключением кабардинцев, в той или иной степени являются потомками алан (см.: *Гаглойти* 1966, с.33).

В другой работе ученый обратился к проблеме факторов классообразования у горцев. Одной из причин, обусловивших выделение старшин в господствующий класс, являлось усиление их «как военных организаторов» походов. Другим важным фактором он считал появление «частной собственности на скот» (*Кокиев* 1940, с.44-45).

В 20-х гг. начала свою плодотворную научную деятельность Е.Г.Пчелина, много сделавшая для изучения истории алан (*Пчелина* 1929; 1932; 1934; 1947). Благодаря ее исследованиям, кавказоведы уточнили представления о социальном строе алан, их отношениях с соседними странами и народами.

Своеобразным катализатором развития краеведения на Северном Кавказе стало открытие горских НИИ. В начале 30-х гг. они существовали во всех республиках; в Ростове продолжал работу Северо-Кавказский краевой горский институт. Историческое отделение Северо-Осетинского НИИ в 30-х гг. планировало издать: «Хрестоматию по истории Осетии», «Родовой строй в Осетии», «Материалы по феодализму и родовому строю в Осетии», «Очерки по истории Осетии» и др. (*Работа*...1934, с. 136-138).

Весомый вклад в разработку проблем истории ранних алан внесли зарубежные ученые. Например, Э.Шарпентье (именно так традиционно переводится с немецкого Jarl Charpentier) развил точку зрения В.Сент-Мартина о том, что аланы и осетины — близкородственные, но разные народы. В доказательство этого он приводил три аргумента: «их грузинские соседи всегда строго различали Аланети и Ос-ети; Константин Порфирородный упоминал алан, управляемых собственным царем, и асов (= осетин) внутри Кавказа, среди которых находилось несколько вождей племен (Stammeshauptlinge); арабскому автору Масуди (943 по Р.Хр.) также казалось необходимым проводить различие между аланами на севере и осетинами внутри Кавказа» (*Charpentier* 1917, S.363-364). Но все эти аргументы уязвимы.

Осами грузинские летописи и историки в разное время называли скифов, сарматов, алан и осетин (*Джанашвили* 1897; *Вахушти* 1904; *Мровели* 1979; *Летопись Картли* 1982). Иными словами, в культурных кругах Грузии ставили знак равенства между названными этносами, тем самым признавая преемственность ираноязычных · скифов-сарматов-алан-осетин. Константин Багрянородный, в действительности, различает не «царей алан» и «вождей осов» (как об этом писал Э.Шарпентье), а «эксусиократора» Алании и «архонта Асии», контролировавшего Дарьяльский проход. Современные специалисты в «эксусиократоре» единодушно видят царя Алании; в «архонте» М.В.Бибиков видит аланского владельца-князя (*Бибиков* 1982, с.143). Отношения эксусиократора Алании и архонта Ассии сопоставимы, очевидно, с отношениями великого князя и местных князей Киевской Руси X в. Что касается Масуди, то в доступных нам переводах его трудов (*Караулов* 1908, с.53-54; *Минорский* 1963, с.204-205) обнаружить противопоставление алан и осетин не удалось.

Появление алан в Юго-Восточной Европе Э.Шарпентье относил к 1 в. н.э.: «первыми классическими авторами, упоминавшими их (алан) имя, были Сенека и Лукан. К этому времени имя народа было уже довольно хорошо известно в Риме». Далее цитируется рассказ Иосифа Флавия о том, как император Тиберий спровоцировал алан к нападению на Парфию. Аланы, «перейдя Главный Кавказский хребет, разорили Армению и Мидию; с этим сообщением вполне оправдано сопоставимы заметки Тацита о сарматах». Уже тогда часть алан находилась «в устье Волги и далее южнее на Тереке и Кубани, где в средние века располагалось, собственно, Аланское государство;» (*Charpentier* 1917, S. 360-361). Здесь же автор, обращаясь к свидетельству Плиния (IV, 12, 25) о связи алан с роксаланами, последний этноним трактовал как «аланы на Волге», усматривая в первой части названия племени Rox-alani иранское название р. Волги (S.360, Bem. 4).

Вызывают интерес маршруты, по которым, согласно Э.Шар-

пентье, ираноязычные племена мигрировали из Средней Азии. В то время как аланы через каспийские степи двинулись в Европу, предки осетин (= «часть древнего аланского народа») «пошли южным путем и через Гирканию пробивались далее на Центральный Кавказ» (S.364). Здесь же отметим, что В.Миллер, разбирая возможные маршруты движения предков осетин на «их местожительства на северокавказской плоскости и в горах», писал: «у нас нет ни одного прямого исторического указания» на эту тему, поэтому «остается прибегнуть к данным языка, к рассмотрению культурных слоев и спросить себя, не сохранилось ли в них каких-нибудь следов пути, которым шли предки осетин, прежде чем водворились на Северном Кавказе». Предпринятый анализ осетинских названий металлов убедил ученого в том, что аланы «должны были двигаться не с юга... а с севера, близ обильных металлами отрогов Урала...» (*Миллер* 1887, с.11-12; 1887а, с.XL-XLII; *Miller* 1904, S.72-73). Большинство исследователей придерживается этой точки зрения. Но это не означает (как мы попытаемся показать ниже), что аланам не был известен и другой путь — через южное побережье Каспия (Гирканию).

Концепцию В.Сент-Мартина — Э.Шарпентье об аланах и осетинах как родственных, но различных частях одной этнической группы, в разное время и разными путями переселившихся на Кавказ, Ю.С.Гаглойти справедливо объясняет стремлением исследователей согласовать взаимно исключающие, казалось бы, факты. Это — пребывание осетин (осов грузинских летописей) на Кавказе с древнейших времен, идентичность алан и осетин и, вместе с тем, появление этнонима «аланы» в античных источниках лишь в 1 в. н.э. Не найдя правильного решения данных вопросов, вышеназванные ученые нашли выход в трактовке алан и осетин как двух различных, хотя и родственных, частях одного народа (*Гаглойти* 1966, с.55).

Специальную статью разбираемой теме посвятил Е.Тойблер. Миграцию алан в Юго-Восточную Европу он связывал с «передвижением североазиатских степных народов». Это «великое движение (Bewegun) не имело ни исторического начала, ни исторического конца, но составляло эпоху. Границами эпохи, в которой аланы как особый народ выступают на арену истории, являются, с одной стороны, возведение Китайской стены, с другой стороны, т.н. переселение народов...» После постройки Великой Китайской стены «в аралокаспийской степи образовался союз народов, в котором в 120 г. до Р.Хр. в низовьях Яксарта и Арала впервые встречаются Аньцай, материнский народ алан. Кроме исторически обоснованного соответствия Аньцай=Аланы, лингвистически констатируется идентичность Аньцай=Аорсы, так что из этого получаем равенство Аланы =Аорсы. По сообщениям Страбона, пришедшие с севера и осевшие между низовьями Танаиса и северным побережьем Каспия аорсы — часть постепенно продвинувшегося большого союза племен, из которого аланы впервые появляются на Кавказе в 35 г. по Р.Хр.» (*Taubler*

1909, S.22). Почти одновременно аналогичную идею высказал М.И.-Ростовцев (1918, с.128).

Не останавливаясь здесь на определенных противоречиях концепции Е.Тойблера, отметим, что она легла в основу одной из бытующих версий о появлении алан в Юго-Восточной Европе и связала это явление с их продвижением с востока. Альтернативная («автохтонная») версия восходит к П. Рау (*Rau*, 1927), согласно которому аланы сформировались на позднеримской стадии развития сарматской культуры на местной основе. Позднее К.Ф.Смирнов уточнил, что аланы вызревали в среде аорской конфедерации, но в то же время он был «совершенно согласен с мыслью» о «тесной связи» алан «с массагетским массивом восточных племен». Если я правильно понял его идею в последней монографии, то ученый признал связь алан «с приуральско-приаральскими дахо-массагетами (и, вероятно, исседонами)» (*Смирнов* 1984, с.121).

Наиболее последовательно и аргументировано «автохтонную» версию происхождения алан отстаивает Ю.С.Гаглойти (1966; 1967). Попытку модернизации данной версии предприняли В.Б.Виноградов и Я.Б.Березин. Прослеживая эволюцию катакомбного обряда, они пришли к выводу, что под «сираками» с III в. до н.э. и «аланами» с I в. н.э. «на Северном Кавказе выступает формирующееся и, видимо, ко II в. до н.э. в основном сложившееся этнокультурное сообщество, включавшее в себя полиэтничных потомков населения Предкавказья скифского времени, сарматские племена сираков, группу аорсов, алан, роксалан и т.п., но также и в различной степени сарматизированные местные племена» (*Виноградов, Березин* 1985, с.54).

Разнообразные вопросы этносоциальной истории алан в цикле специальных работ рассмотрел З.Н.Ванеев (1989, 1990). В дискуссии о соотношении этнонимов «алан» и «осетин» он занимал последовательную, принципиальную позицию и на основе большого фактического материала доказывал идентичность алан сочинений римских и арабских авторов, овсов грузинских хронистов, ясов древнерусских летописей. В целом, разыскания ученого по отдельным аспектам истории алан-осетин стали заметной вехой в кавказоведении (см.: *Гаглоева* 1981).

В научной разработке этногенеза алан-осетин, исторической этнонимии, классообразования, эволюции религиозных верований и др., велика заслуга В.И.Абаева (1949; 1958; 1965; 1967; 1968; 1982; 1989; 1992: 1995). Уже его первые работы имели широкий резонанс не только в нашей стране, но и за рубежом (*Gerhardt* 1939, S.33-51). Отстаивая точку зрения об ираноязычных корнях осетин, выдающийся российский лингвист вместе с тем впервые обосновал роль местного субстрата в их формировании. «Кавказская языковая среда наложила заметный отпечаток на все стороны осетинского языка: на фонетику, морфологию, синтаксис, лексику, семантику, идиома-

тику» (*Абаев* 1949, с.76). Но по основному пункту этногенеза алан-осетин ученый высказался твердо и однозначно: главные «положения, касающиеся этногенеза осетин, стоят прочно и непоколебимо: наличие иранского элемента в их этнической культуре и их изначальное культурно-языковое родство с другими народами индоевропейского круга; северный путь их движения на Кавказ; преемственная связь их со скифами, сарматами и аланами» (там же, с.75). В.И.Абаев исследовал отношения «патрон-клиент» и их роль в классообразовании, по данным языка восстановил отдельные сюжеты взаимоотношений алан-осетин с соседними народами.

В послевоенное время история алан-осетин, как вообще народов Северного Кавказа, становится объектом пристального внимания грузинской историографии. Это не удивительно, учитывая ту огромную роль, которую играли жители Предкавказья в судьбах стран Закавказья. И.А.Джавахишвили призывал своих земляков-интеллигентов к исследованию прошлого народов Северного Кавказа. Изучение древней истории горцев при помощи анализа ономастики, этно- и топонимики привело ученого к выводу о том, что скифо-сарматские племена 1 тыс. до н.э. представляли собой родственное грузинам население. По его мнению, в давние времена в западной Грузии жили протоадыгские, а в восточной — протовайнахские племена. Отсюда они позднее расселились в места своего постоянного обитания (*Джавахишвили* 1950, с.247-250). Как бы с позиций сегодняшнего дня не оценивать концепцию И.А.Джавахишвили, следует признать, что она послужила мощным импульсом изучения в Грузии истории и культуры северокавказских народов.

В 1958 г. по инициативе и под руководством З.В.Анчабадзе открыт отдел истории горских народов Кавказа в Институте истории, археологии и этнографии АН Грузии. Познанию прошлого северокавказских народов был придан планомерный характер; сотрудники отдела подготовили и издали немало интересных исследований, согласно которым северокавказские объединения играли большую роль в древней Картли. Эта мысль находит подтверждение в фундаментальном труде академика Г.А.Меликишвили (1959). Его анализ не оставляет сомнений: военно-политическое могущество Иверии в значительной степени базировалось на союзнических отношениях с соседними горскими (особенно ираноязычными) племенами.

Алано-грузинские отношения детально исследовал Г.Д.Тогошвили. Взявшись за разработку этой в то время неисследованной темы, ученый собрал богатый материал из древнегрузинских, армянских, византийских и римских источников. В своих исследованиях ученый пришел к выводу о большой важности в истории двух народов многовековых интенсивных военно-политических, экономических и культурных связей. Аланские дружины участвовали в многочисленных компаниях против завоевателей Грузии, нередко влияли на ход

и результат внутриполитической борьбы, протекавшей в Закавказье (*Тогошвили* 1958; 1977; 1991).

В 60-70-е гг. история средневековых алан-осетин фактически была предана забвению. В 1964 г. на научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в СССР» это обстоятельство с сожалением отметил А.К.Джанаев (*Проблемы*...1969, с.220-221). Правда, в 1973 г. в Миннеаполисе (США) вышла интересная монография об аланах Б.Бахраха (*Bachrach* 1973). Но она быстро стала библиографической редкостью. Для нашего читателя книга до недавнего времени оставалась неизвестной, да и не могло быть иначе: в то время при оценке многих крупных представителей исторической мысли Запада анализ их концепций мы подменяли разносной критикой (*Чубарьян* 1989, с.15-16, 19-20, 25).

В эти же годы получила распространение точка зрения, согласно которой осетины являются потомками не столько ираноязычных племен, сколько автохтонных горцев Кавказа. О политической подоплеке появления и тиражирования этой концепции уже писалось (*Исаенко, Кучиев* 1995, с.21-25), поэтому не будем на ней останавливаться.

Трудно сказать, в каком состоянии находилась бы сейчас рассматриваемая проблема, если бы не многолетняя плодотворная работа археолога В.А.Кузнецова. Первая же его крупная работа (*Кузнецов* 1962) вызвала интерес специалистов. Правда, не все высказанные идеи нашли понимание и поддержку. Например, позиция археолога-кавказоведа в вопросе этногенеза алан-овсов (сужение содержания этнонима «аланы» до уровня географического термина) встретила решительное возражение специалистов (*Ванеев* 1961; *Гаглойти* 1966, с.43-47). В связи с этим В.И.Абаев указал на «опасную тенденцию обезличить аланскую народность» (*Абаев* 1967).

Последующие исследования В.А.Кузнецова (1973; 1977; 1980) заполнили один из важнейших пробелов кавказской историографии – политическую истории Алании. Своеобразным итогом четвертьвековых поисков В.А.Кузнецова стала монография «Очерки истории алан» (*Кузнецов* 1984) – «первый, наиболее полный и обещающий труд по истории алан... в котором подведен итог длительному изучению аланской проблемы и тем самым определены магистральные направления предстоящих исследований» (*Чибиров, Чочиев* 1985, с.94-95).

Немалый интерес представляют исследования А.В.Гадло (1979; 1985; 1986) по этнополитической истории Северного Кавказа 1-го тысячелетия – периода лингвистической и этнокультурной интеграции этносоциальных организмов. Историю формирования различных народов Северного Кавказа и их культуру рассматривают В.Б.Ковалевская (1984) и Г.Е.Афанасьев (1992), для которых характерен скрупулезный источниковедческий анализ разнообразных памятников. Средневековым армяно-аланским отношениям посвя-

тила свою работу Р.А.Габриелян (1989). Аланская проблематика заняла много места на 1-ой международной конференции по осетиноведению, состоявшейся осенью 1991 г. во Владикавказе (*1-я Международная*...1991).

В последние годы в отечественной науке безоговорочно доминирует версия об ираноязычных корнях осетин; различаются лишь подходы и акценты в поисках непосредственных предков алан и современных осетин. Одни авторы упор делают на скифский след (*Берлизов* 1996а), другие происхождение осетин рассматривают как процесс иранизации населения Центрального Кавказа на длительном отрезке времени; причем, в этом процессе активная роль наряду с кобанцами, аланами и сарматами отводится тем же скифам (*Абрамова* 1993; 1995), третьи в процессе происхождения осетин решающую роль видят в аланах (*Бубенок* 1997), четвертые этногенез алан связывают с ираноязычными племенами Средней Азии (*Щукин* 1994; *Скрипкин* 1990; 1996), и т.д.

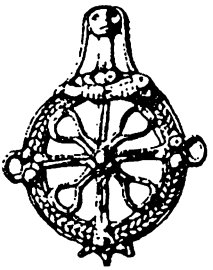
Несмотря на обилие исследований, проблема этногенеза осетин остается «одной из важнейших проблем, связанных с этнической историей Северного Кавказа» (*Абрамова* 1996, с.5). Немало вопросов остается в этносоциальной истории алан. В последние годы все резче ставится вопрос о тюркоязычности алан (см., например: *Мизиев* 1986), безапелляционно утверждается, что аланы - вовсе не предки осетин, а лишь балкарцев и карачаевцев (*Байрамкулов* 1998). В принципе, совершенно справедливо совсем недавно подчеркнул Т.А.Габуев (1997, с.71): «До сих пор окончательно не разрешены ключевые вопросы истории алан: их происхождение, время появления на Северном Кавказе, соотношение аланского этноса и археологической культуры«.

Этим мы ограничим наш краткий обзор изучения аланской тематики. Сделано много[1], но многое еще предстоит сделать. Как верно подметил М.Блок, «изучение прошлого развивается, непрестанно преображается и совершенствуется» (*Блок* 1986, с.35).

---

[1]В последнее время все большей критике подвергаются исследования советских историков. Нам представляются обоснованными возражения Я.А.Шера (хотя он говорит лишь об исследованиях археологов, его мысли можно распространить на исследования античников и медиевистов). Во-первых, критика работ 30-50-летней давности с позиций современной науки некорректна. Во-вторых, для своего времени это были добротные, качественные исследования, и недостатки, видимые сейчас, в те годы были незаметны. Да и власти видели в этих работах нечто большее, чем только идеологическое обеспечение своей политики. К тому же трудно себе представить, чтобы такие ученые, как М.И. Артамонов, Б.Б. Пиотровский, Б.А. Гарданов, М.П. Грязнов, И.И. Ляпушкин и им подобные могли творить под чью-либо диктовку. Что касается сопоставления с западными исследователями, то по меньшей мере в одном мы еще долго не достигнем западного уровня — в обустройстве науки: в оборудовании, снабжении, в разделении труда, в реализации

идей, которые нередко нашим специалистам приходили и приходят раньше, чем западным коллегам. Если же сравнивать «застойный» и «постперестроечный» периоды по такому показателю, как экспедиции, конференции, издание печатной продукции, то сравнение окажется явно не в пользу современности. Отмечается также снижение планки качества университетского образования, фактическое снижение требований к кандидатским и докторским диссертациям (*Шер* 1999. С. 209-223).

ИСТОЧНИКИ

Основными источниками по истории ранних алан являются сочинения античных, византийских и восточных авторов, древнегрузинские и армянские летописи и хроники. Разумеется, перечисленные источники создавались в иноэтнической среде, с другими социальными и бытовыми условиями. Это иногда приводило к перенесению на алан не свойственных им социальных представлений, а тем самым к некоторому искажению реальности. Это обстоятельство следует учитывать при работе с данными памятниками.

Римские и византийские источники. Сочинения античных авторов охватывают историю Кавказа и Средней Азии на протяжении длительного времени. Интерес к данным источникам не ослабевает уже несколько веков. Особенно интенсивно выявление, изучение и комментирование текстов античных авторов велось на рубеже XIX-XX вв. Выборку сведений классических и византийских писателей об аланах сделал Ю.Кулаковский (1899). Аналогичную работу применительно ко всему Кавказу провел К.Ган (1884; 1890). Но самый фундаментальный труд в этой области принадлежит В.В.Латышеву. Вместе с группой историков и филологов ему удалось издать полный корпус извлечений из сочинений античных авторов о Скифии и Кавказе (*Латышев* 1893; 1890). В конце 40-х гг. XX столетия группа советских ученых во главе с А.В.Мишулиным в «Вестнике древней истории» переиздала труд В.В.Латышева, частично дополнив и заново прокомментировав переводы (*Латышев* 1947-1949). И уж совсем недавно начато переиздание этого труда учеными Санкт-Петербурга (*Латышев* 1992; 1993). Помимо этого, В.Ф.Патракова и В.В.Черноус в Ростове, а В.М.Аталиков в Нальчике составили сборники извлечений о Кавказе и Доне из произведений древнегреческих и римских писателей (КДПАА; АИСК). Подборку греческих, римских, византийских, древне-

русских и восточных источников об аланах-ясах с небольшими комментариями издал Ю.С.Гаглойти (*Аланика* 1999, 2000).

Издание В.В.Латышева уникально по капитальности и охвату материала. При безусловных достоинствах (полнота подборки, наличие текстов-оригиналов, достаточно высокий уровень большинства переводов) данный свод имеет и ряд существенных недостатков: практически полное отсутствие критического аппарата, указателей, отсутствие единого хронологического принципа подачи текстов и т.д. Снижает научную значимость издания В.В.Латышева отсутствие комментариев; это четко осознавал сам автор. «Подробное и строго научное комментирование всех известий, — писал он в предисловии, — составило бы огромную работу, сопряженную со многими трудностями, для преодоления которых потребовалось бы много лет, а примечания случайные и поверхностные не достигли бы цели». Переиздание, предпринятое журналом «Вестник древней истории», не сняло вопроса об академическом издании античных свидетельств. Задача «комплексного контекстуального изучения каждого известия Свода остается по-прежнему в силе» (*Подосинов* 1999, с.4-5).

В рамках небольшого обзора не представляется возможным даже кратко охарактеризовать исторические сочинения древности. Поэтому мы остановимся на основных памятниках.

Из античного корпуса источников самым уникальным и содержательным для нашей темы является «География» Страбона (1964), который «представляет богатейший, разнообразный, часто уникальный материал» (*Грацианская* 1988, с.33). Анализ Л.И.Грацианской механизма составления текста «Географии» подтвердил предположение о том, что Страбон работал как историк, стремясь создать пособие для начинающего государственного деятеля (там же, с.143-144). Следует также учитывать, что «География» Страбона открыла этап обобщения знаний о новых странах по хорографическому принципу. Он цитирует множество отдельных географов: Эратосфена, Гиппарха, Полибия, Эфора, Артемидора, Посидония и других авторов, из чьих рассказов или сводных работ Страбон черпал материал по отдельным странам, добавляя подробности из местных источников (*Зубарев* 1999, с.319). Однако, как справедливо отмечает Ф.Бози, «География» — это не только ценное собрание известий из разных источников; во всех книгах «Географии» приводится комплекс сведений о климате, условиях среды обитания, очертаниях континентов и локализации народов различных регионов. В этом смысле она может быть охарактеризована как своеобразный «каталог» знаний о мире античных людей (*Bosi* 1994, P.109).

В описании Прикаспия и Кавказа Страбон использовал литературные памятники и показания очевидцев, в частности — отчеты участников похода Помпея в Закавказье. Наиболее значительным из них был труд Теофана из Мителены, друга Помпея. Страбон

неоднократно цитировал Теофана и скорее всего у него заимствовал сведения о социальном устройстве Иберии, горцев Центрального Кавказа. На свидетельства участников похода Помпея опирался Страбон и при описании Черноморского побережья, Албании, торгового пути с Северного Кавказа в Среднюю Азию. Описание побережья и народов Восточного Кавказа в «Географии» основано на тексте Патрокла, который по поручению Селевка Никатора между 285-282 гг. до н.э. объехал Каспийское море и составил перипл. Материалы по Армении частично современны Страбону, частично восходят ко II в. до н.э. (*Новосельцев* 1980, с.20-22).

Важные данные оставил Иосиф Флавий (1991; 1991а; 1993), один из немногих античных историков, чьи произведения дошли до нас в почти неизменном виде.

Флавий происходил из очень знатной еврейской жреческой семьи. По уверению самого Иосифа, его прадед Симон был иерусалимским первосвященником, а родословная матери восходила к ранее царствовавшему в Иудее роду Хасмонеев. Настоящее имя историка — Иосиф бен Маттафия. В войне с Римом командовал большим отрядом, попал в плен. Вскоре новый римский император — полководец Веспасиан (которому Иосиф в свое время пророчил счастливую судьбу) — освободил его. По традиции римских вольноотпущенников, Иосиф бен Маттафия получил родовое имя Веспасиан и стал называться Иосифом Флавием.

Описывая события, свидетелем и участником многих из которых он был, Иосиф приводит такие подробности происходившего, каких не найти у других античных авторов. «Иудейская война» является важнейшим источником по истории первоначального христианства. Однако Флавий не замыкается в географических границах своего описания и часто переносит читателя из одной страны в другую, из региона в регион. Едва ли не первым из писателей древности Флавий оставил краткую характеристику алан.

Из римских историков императорского периода особняком стоит Корнелий Тацит (55- ок. 120 г.). Он пользовался расположением всех трех императоров Флавиев, последовательно продвигавших его по ступеням сенатской карьеры. В своих произведениях он стремился понимать историю, «не поддаваясь любви и не зная ненависти». Его труды — «Анналы» и «История» (*Тацит* 1968; 1991) — несмотря на неполную сохранность, важны для изучения древней истории. Сочинения охватывают период с 14 по 70 г. н.э., богатый крупными политическими событиями. Тацит значительное внимание уделил взаимоотношениям Рима с провинциями и соседними странами, в том числе с Арменией, Албанией, Иберией. Коснулся он и роли алан (сарматов) в политической жизни региона.

Отношение к неримским народам у Тацита двоякое. С одной стороны, он показал справедливый характер борьбы населения провинций и земель, покоряемых римлянами. С другой стороны — не-

редко обнаруживается и противоположное отношение к «варварам» — «кровожадное, хищно-шовинистическое, нелепо и мертво аристократическое» (*Кнабе* 1981. С. 130).

Немалый интерес представляет «Естественная история» Плиния, сторонника древних порядков, вкусов и нравов. При идентификации этнических названий в «Естественной истории» мы должны учитывать два обстоятельства. Во-первых, по словам самого Плиния, он пользовался преимущественно трудами греческих авторов эпохи эллинизма. Во-вторых, сами греки получали информацию нередко из вторых рук (*Вигасин* 1999. С.20-21).

По охвату материала, накопленного греческими географами и римской картографией, из всех дошедших до нас трудов древности наиболее полными являются работы Птолемея. Правда, работая с текстами Птолемея, нельзя не учитывать того, что не все его произведения дошли до нас в изначальном варианте. Так, «Географическое руководство» известно нам лишь благодаря поздним переписчикам, следовательно, не исключена возможность ошибок в тексте (*Зубарев* 1999, с.316-317, 319, 326).

В ряду античных памятников о ранних аланах особое место занимают свидетельства Арриана, римского офицера, непосредственно сталкивавшегося в бою с аланами. Тексты основных его работ («Тактика» и «Диспозиция против алан») сохранились в средневековой военной рукописи *Laurentianus* среди работ других греческих писателей. Для нас особенно важно то, что Арриан много внимания уделил представителям иранского мира — скифам, сарматам и аланам (*Перевалов* 1999).

Из письменных памятников II в. необходимо отметить найденный недавно в Керчи экономий в честь какого-то неизвестного по имени военного и государственного деятеля, приближенного царя Савромата I (документ готовится к печати Ю.Г.Виноградовым). В нем говорится о поездке этого лица к императору (Домициану или Трояну, если допустить, что экономий составлен после смерти последнего в 118 г. и до кончины Савромата в 123 г.) и предпринимаемых мерах по урегулированию отношений между Боспором и царями алан (*Сапрыкин* 1998, с.202).

Крупнейшим римским историком эпохи заката империи, которого одновременно рассматривают и как первого византийского историка, был Аммиан Марцеллин (333-391 гг.). Грек, уроженец сирийской области Антиохия, он сблизился с культурным миром Рима и свой труд «Деяния» (или «История») написал на латыни. Сочинение Марцеллина охватывает события римской истории от конца I в. до 378 г. Из 31 книги до нашего времени первые 13 не дошли. В оставшихся, где описаны события 353-378 гг., Аммиан выступает как современник и очевидец происходившего (*Аммиан Марцеллин* 1949; 1991; 1994), что придает его работе особую ценность. Марцеллин — «первоклассный источник по Армении, особен-

но времени правления Пана» (*Новосельцев* 1980, с.27). Он приводит сведения о Грузии и Албании. Но особое значение имеют сообщения Аммиана о скифо-сарматских племенах, первая подробнейшая характеристика алан. «Деяния» Аммиана Марцеллина — многоплановое историческое сочинение, при создании которого он использовал разнообразные виды и типы источников. Дифференцированное отношение к ним является одним из характерных качеств Аммиана как историка. Неотъемлемую часть «Деяний» составляют разнообразные экскурсы, в которых проявилась огромная эрудиция автора, его обширные познания во многих областях культуры народов той эпохи. Анализ материалов в этих экскурсах показывает, насколько хорошо Аммиан знал труды своих предшественников и творчески их использовал (*Ермолова* 1999). В целом, труд Марцеллина по праву пользуется репутацией ценного исторического источника, т.к. приводимые в книге «данные тщательно проанализированы», сведения «тщательно подобраны, проверены и на них вполне можно полагаться» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с.20).

Крупнейшим историком ранней Византии, бесспорно, является Прокопий Кесарийский (см.: *Курбатов* 1991, с.184-266), прозванный так по названию палестинской местности, где он родился. В 527 г., когда Юстиниан вступил на престол Византии, Прокопий поступил на государственную службу. Умер он, как полагают, около 562 г. Прокопий оставил несколько произведений (*Прокопий* 1862; 1950), важных для понимания происходивших в середине VI в. на Кавказе событий. В VIII книге «Войны с готами» он приводит очень ценные сведения о расселении гуннов, киммерийцев, алан, цанов, колхов, абасгов, лазов, армян, иверов, месхов и других племен и народов Северного Кавказа. Географические сведения Прокопия, интересные, часто достаточно точные, отражают уровень географических знаний византийцев той эпохи. Позицию Прокопия как историка характеризует его отношение к «внешним варварам», а оно последовательно негативное. «Для Прокопия характерна высокая степень недоверия к варварам, настороженность, убежденность в присущем им коварстве и главном стремлении — вредить делу ромеев» (*Курбатов* 1991, с.199). Такую позицию византийского автора следует учитывать, используя его труды.

Важнейшим византийским источником раннего средневековья бесспорно является сочинение императора Константина VII Багрянородного (908-959 гг.) «Об управлении империей» (1989). В нем представлен уникальный материал по политической, социально-экономической и этнической истории большинства государств на стыке Европы и Ближнего Востока. Самый большой по объему раздел составляют главы 14-48; раздел этот озаглавлен «О народах». Интересно отметить, что характеристике этносов, населявших юг России, посвящено 18 глав (из 53), еще 4 — Грузии и Армении. Из одного этого видно, сколь важен труд Константина Багрянородного

для истории Кавказа. Правда, в работе с данным памятником не следует забывать о политической доктрине автора, согласно которой окружающие империю народы рассматриваются с точки зрения полезности для византийского государства. «Преклонение и покорность иноплеменников перед империей, — отмечает Г.Г.Литаврин, — изображаются Константином как норма в межгосударственных отношениях: империя не вступает в дружбу с иными странами и народами, а ее дарует...» (*Константин Багрянородный* 1989, с.28). Столь субъективный подход к оценке и характеристике сопредельных стран отразился, разумеется, в содержании текста сочинения Константина Багрянородного.

Восточные источники. Трудно переоценить значение восточных (особенно арабских) источников в изучении прошлого народов Кавказа. Повышенный интерес к данным памятникам объясняется ценной информацией по раннесредневековой истории горцев. Правда, по истории *ранних алан* эти источники менее значимы. Проведена большая археографическая работа, издано большое количество текстов и исследований (*Гаркави* 1870; *Заходер* 1962, 1967; *Велиханлы* 1974; *Восточные материалы*...1976-1979; *Тер-Мкртычан* 1979-1985; *Восточные источники*...1980; *Шихсаидов* 1986 и др.).

Самое раннее сохранившееся арабское географическое сочинение — «Книга картины Земли» — принадлежит Мухаммаду ибн Мусе ал-Хваризми (Хорезми). Его географическая работа в своей области открывает новую эпоху, но не ей он обязан мировой славой в истории науки. Имя ал-Хваризми было введено в Европу трактатом по арифметике, в латинском переводе которого есть слово «алгоритм». Данный термин известен сегодня каждому школьнику.

Биографические данные ал-Хваризми неполны, время жизни определяется приблизительно и по косвенным данным: род. ок. 780 г. — ум. после 847 г. Работал в Багдаде при дворе халифа ал-Мамуна (813-833 гг.). Халиф основал «Дом мудрости», в котором с греческого и сирийского переводились древние труды по астрономии, географии, математике, медицине и пр. Ал-Хваризми участвовал в астрономических исследованиях, составлении карты мира. «Книга картины Земли» написана между 836 и 847 гг. Это сочинение представляет собой переработку на основе новых данных «Географического руководства» Клавдия Птолемея и оказало серьезное влияние на развитие средневековой арабской науки. Значительное место ал-Хваризми отвел территории Восточной Европы и Кавказа (*Крачковский* 1957, с.91-97; *Калинина* 1984а, с.179-199; 1988, с.11-107).

X в. справедливо называется «золотым веком» мусульманской географической литературы. Авторы этого периода большей частью являлись путешественниками и имели возможность непосредственно наблюдать быт и нравы отдельных народов. Поэтому, как справедливо подчеркивал В.В.Бартольд, «их труды представляют

неисчерпаемую сокровищницу драгоценных культурно-исторических сведений» (*Бартольд* 1973, с.103).

Если географы «классической школы» свои сочинения посвящали преимущественно мусульманскому миру, а об отдаленных странах писали лишь мимоходом, то, например, Масуди проявлял постоянный интерес к истории и быту немусульманских народов (*Бейлис* 1986, с. 145). С юных лет он путешествовал и побывал во многих местах, в том числе и на Кавказе. Его основное сочинение — Мурудж ад-Дзабах — «единственное в своем роде систематическое описание Кавказа и его племен» (*Минорский* 1963, с.188). На русский язык название этой работы переводится по-разному: «Луга золота и рудники драгоценных камней» (Н.А.Караулов), «Россыпи золота» (В.Ф.Минорский), «Промывальни золота» (В.М.Бейлис). Как бы то ни было, данное сочинение представляет собой уникальное историко-географическое описание многих народов мира. Не случайно Масуди дореволюционные исследователи сравнивали с Геродотом, удивляясь «его разносторонней эрудиции и трудности задач, которые он разрешал в своих сочинениях» (*Караулов* 1908, с.29). Подробные этнические, социальные и политические сведения о Кавказе и сопредельных районах делают труд Масуди одним из самых значимых.

Подробные сведения о европейских народах имеются в компиляции Ибн-Рустэ «Книга драгоценных камней». Полагают, что он завершил свою работу в 912 г. Ибн-Рустэ не был путешественником, использовал текст «Записки» анонимного автора с описанием структуры управления в странах Восточной Европы и Кавказа. По предположению В.Ф.Минорского, аноним «путешествовал по меньшей мере за пятьдесят лет до того, как Масуди написал свои «Золотые росписи» (в 943 г.) (*Минорский* 1963, с.217). Создается впечатление, что автор «Записки» располагал разнообразной информацией о жизни и быте описываемых этносов и специально обратил внимание на прерогативы владык. Ему были известны их титулы, а в некоторых случаях и имена. Правда, не все они поддаются уверенной идентификации на основе данных других источников. Тем не менее, в целом «Записка» в какой-то мере отразила этапы перехода от догосударственного устройства к раннеклассовому обществу: «от патриархальной разобщенности и отсутствия особой военной организации у буртасов до государственности у хазар, алан и других народов...» (*Бейлис* 1986, с.144).

Из более поздних произведений отметим «Развлечение страстно желающего странствовать по землям» (XII в.) ал-Идриси (*Бейлис* 1984). Его информация об аланах, на первый взгляд, кажется основанной на показаниях очевидцев. Однако анализ В.М.Бейлиса показал, что помимо сведений, почерпнутых (по всей вероятности, из вторых рук) от информаторов, ал-Идриси опирался на материалы карты из какой-то арабской обработки сочинения Птолемея. В

свою очередь, ал-Идриси стал основой для сочинения испанского географа XIII в. Ибн-Саида (*Бартольд* 1973, с.104).

Первостепенное значение для изучения проблем этногенеза и социальной истории *ранних алан* имеют ***древнекитайские памятники.*** Г. Вернадский в отношении саков и алан Центральной Азии свидетельства древнекитайских источников назвал «драгоценными сообщениями» (*Вернадский//*Архив СОИГСИ, с.9).

Самым ранним из интересующих нас памятников являются «Исторические записки» [Ши цзи] Сыма Цяня — придворного историографа императора У-ди (140-87 гг. до н.э.). Сыма Цянь изложил историю Китая с мифических времен до начала I в. до н.э. Разработанный им принцип тематического деления материала при строго хронологическом его изложении внутри разделов позднее стал основным принципом построения династийных историй. Авторы последних восприняли и другое нововведение Сыма-Цяня — описание соседних и дальних народов.

После падения в 25 г. н.э. империи Западной (Ранней) Хань возникла Восточная (Поздняя) Хань. В 64 г. император приказал придворному историографу Бань Гу написать полную историю Ранней Хань. К 82 г. труд [Хань шу] в основном был завершен; события в «Истории» доведены до 25 г. В разделе «Повествование о западном крае» Бань Гу изложил сведения о народах и владениях Средней и даже Малой Азии.

Следующая династийная история — «Хоу Хань шу» («История Поздней Хань») охватывает период с 25 по 220 гг. н.э. Именно в этой хронике содержится краткое сообщение о переименовании Яньцай в Аланья.

В историографии нередко поднимался вопрос о степени достоверности данных древнекитайских памятников. Еще в XIX в. В.В.Григорьев писал: «вряд ли мы должны верить в каждое слово китайца, писавшего во II в. до Р.Хр. о странах и народах, бывших тогда совершенно неизвестными далекому Китаю». Китайские авторы «о делах Запада могли и должны были многое перепутать, многое упустить из виду» (*Григорьев* 1871, с.134). Такая оценка представляется излишне пессимистичной.

При императорском дворе с древности имелось специальное учреждение, ведавшее приемом иностранных гостей - вождей племен, глав государств и их послов; сообщаемые ими сведения фиксировались. Высокий статус информантов определял их компетентность. В «Повествовании о западном крае» отражены лишь те известия о государствах и народах Средней Азии, которые при дворе «получали от своих или иностранных послов и других высокопоставленных лиц» (*Боровкова* 1989, с.7-9).

В середине V в. создана «История Младшей Хань», в которой описаны события 25-220 гг. н.э. (*Цуциев* 1995, с.42 примеч. 7; 1999. С. 7-9).

Армянские источники (1985) представляют немалый интерес для нашей темы. В наиболее ранних армянских исторических памятниках не выдерживается хронологический принцип, свойственный, например, летописям древнеславянским. Первоначально изложение велось по периодам правления «царей». Лишь со второй половины VI в., после принятия армянской эры летоисчисления, местные исторические сочинения стали летописями в подлинном смысле этого слова (*Новосельцев* 1980, с.32).

Становление исторической мысли в Армении историографическая традиция связывает с периодом царствования «мудрого Врамшапуха (с 392 г.)», когда начался «золотой век просвещения древней Армении» (*Макарий* 1845). В начале V в. знаменитый Месроп изобрел письменность и стал основателем целой школы мыслителей, писателей и историков. Около сорока талантливых юношей были посланы для получения образования в Константинополь, Афины, Александрию. В их числе находились будущие основатели армянской исторической мысли - Мовсес Хоренаци, Егише, Лазар Парпеци, Корюн и др.

Одним из первых исторических трудов в Закавказье является «История Армении» Агатангехоса. В написании этого антропонима, представляющего собой скорей не имя, а псевдоним (со значением «благой вестник»), мы опираемся на перевод армянских ученых. Хотя имеются и иные трактовки: Агатангел, Агафангел и др. По мнению большинства исследователей, армянская редакция труда Агатангехоса составлена между 461-465 гг.: затем появились переводы на греческий, арабский, латинский, эфиопский и грузинский языки.

Сочинение Агатангехоса очень сложно по составу и не является (несмотря на название) историей Армении. Автор использовал массу легенд о христианизации страны и фантастические сказания. Тем не менее, труд Агатангехоса — ценный источник по истории региона, ибо фольклорные произведения, использованные анонимным автором, базировались на реальных исторических событиях (*Абегян* 1948, с.36).

Другим ранним и важным сочинением является труд Фавстоса Бузанда, созданный в 70-х гг. V в., — «История Армении». До наших дней дошли лишь III-VI книги, где изложены события от смерти Трдата III в 332 г. до 387 г. Сохранившаяся часть содержит рассказ о борьбе армянского царя Хосрова II Котака с царем маскутов, которых Фавстос Бузанд (а также Егише и Мовсес Хоренаци) отождествлял с аланами. Источником Фавстоса в основном служила устная традиция. При этом он настолько широко использовал армянский народный эпос «О персидской войне», что, говоря словами крупнейшего исследователя древнеармянской литературы М.Абегяна, труд Бузанда представляет «в большей своей части не историю, а поэзию». Причину многих национальных бедствий Фавстос, выражав-

ший взгляды церкви, видел в грехах преемников Трдата III, в их конфликтах с католикосом и кознях проиранской партии армянской знати. Такая политическая тенденциозность требует осторожного отношения к оценкам Бузанда. «Но с точки зрения социальной терминологии этот труд весьма ценен» (*Новосельцев* 1980, с.33).

Противоречивую оценку современных специалистов вызывают работы Егише (Елише) «О Вардане и войне армянской» и «Толкование кн. Бытия». В первом труде, написанном между 458 и 464 гг., в живой поэтической форме воссозданы события антииранского восстания, поднятого Варданом Мамиконяном в 451 г. Согласно А.В.-Гадло, «Егише был современником этих событий, и его труд — не компиляция, а историческая монография, написанная по собственным впечатлениям и по рассказам других участников событий» (*Гадло* 1979, с.28). По А.П.Новосельцеву, труд Егише — «нечто среднее между собственно историческим и агиографическим сочинением».

Важное значение для изучения раннесредневекового Кавказа имеет «История Армении Лазаря Парпеци и послание Ваану Мамиконяну». Данная работа служит своеобразным продолжением сочинения Фавстоса Бузанда и охватывает события от раздела страны до V в. Как и у Фавстоса, здесь приводятся сведения об аланах.

Одним из интереснейших памятников древнеармянской литературы является «История Армении» Мовсеса Хоренаци (*Моисей Хоренский* 1858), до сих пор вызывающая споры исследователей (*Абегян* 1948; *Абрамян* 1962; *Адонц* 1971). С момента завершения труд Мовсеса стал едва ли не самым читаемым в армянской культурной среде, а автор заслуженно получил почетный титул «отца армянской истории». Хоренаци поставил грандиозную для своего времени задачу — написать историю армянского народа от легендарного прародителя до 428 г., даты ликвидации царской власти в восточной части страны. И задачу эту *для своего времени* автор «решил блестяще» (А.П.Новосельцев). Такая оценка не заслоняет, разумеется, недостатков сочинения Мовсеса.

Одна из сложностей в обращении с трудом Хоренаци — вопрос о его источниках. Весьма образованный человек, он черпал сведения из греческой и, вероятно, из сирийской литературы; в его «Истории» фигурируют Геродот, Иосиф Флавий, Евсевий, Мар Аббас Катина и другие авторы. Мовсес не был просто компилятором. Его сочинение — «глубоко осмысленное произведение» (А.В.Гадло). Даже следуя за каким-либо источником, он привносил свои наблюдения и давал свои оценки. Вместе с тем, обращают на себя внимание хронологические и фактологические неточности, которых, вроде бы, не должно быть из-за знакомства Хоренаци с работами предшественников, где эти сведения подробно и точно приводятся. Создается впечатление, что Мовсес пользовался всеми средствами для достижения главной цели — возвеличивания самостоятельного Армянского государства. Это приводило к «корректировке» привлекаемых

свидетельств. Причем, он нередко не просто пересказывал их содержание, а фактически становился их первым критиком, например, эпических песен, пытаясь «подтвердить иносказательный смысл этих сказаний» (*Моисей Хоренский* 1858, с.120-121). Иногда, правда, вольная трактовка Хоренаци некоторых фольклорных сюжетов приводила к причудливому переплетению реальных фактов с легендарными сведениями. Но нельзя забывать, что в ту далекую пору легенды, эпос воспринимались как реальное отражение прошедших событий. Поэтому искать рационального отображения действительности на каждой странице «Истории Армении» бесперспективно. Это, однако, не означает ее отрицание как первоисточника. Напротив, без нее невозможно изучать древние периоды истории Кавказа (*Армянские*...1985, Вып. 1, с.11-12; *Гадло* 1979, с.36-44; *Новосельцев* 1980, с.34-37).

Следующим важным источником является «Армянская География» Анания Ширакаци (VII в.). Уроженец села Ани Ширакской области, Ананий в погоне за знаниями объездил много мест, 8 лет в Трапезунде обучался у византийского ученого Тохика и изучал рукописи в местной библиотеке. Полученные знания позднее использовал для составления «Географии» — «Ахшарацуйц». В этом объемистом труде автор опирался на сведения Птолемея, Паппа Александрийского, мемуары путешественников, географические сочинения. В «Ахшарацуйц» много интересных данных о расселении этносов Кавказа, об экономических, политических и этнических процессах.

В работе использованы также сочинения армянских авторов VIII-X вв. Гевонда (Левонда), Шапуха Багратуни, Иоаннеса Драсханакертци, епископа Ухтанеса и др.

Древнегрузинские летописи и хроники. Среди письменных источников по истории алан особое место занимают грузинские летописи и хроники, в первую очередь — широко известный свод «Картлис цховреба» (буквально: «Жизнь Иберии»), в котором собраны основные грузинские исторические сочинения. Долгое время в научном обороте был лишь поздний (XVIII в.) список КЦ, созданный «учеными мужами» по приказу Вахтанга VI (1675-1737 гг.). В «уведомлении» к первому тому отмечалось, что Вахтанг лично «проверил летопись и исправил некоторые места, а также пополнил ее некоторыми сведениями из армянских и персидских исторических сочинений» (*Джанашвили* 1897, с.2). Последнее обстоятельство дало повод текстологам КЦ считать свод плодом «вахтанговского сочинительства».

Разгромную характеристику данному своду дал К.П.Патканов: «На каждом шагу чудовищные анохронизмы следуют за не менее чудовищными противоречиями до такой степени, что в первом отделе Хроники едва ли можно встретить хоть один факт, имеющий действительно историческое значение» (*Патканов* 1883, с.215).

Начальная часть свода, по убеждению К.П.Патканова, «вымышлена одним лицом с предвзятою целью» (там же, с.205).

Критически относился к сведениям КЦ и В.Ф.Миллер. Называя свод «весьма смутным источником», ученый, например, обратил внимание на явную гиперболизацию фактов в рассказе о походе Горгасала против овсов; «в этом пространном повествовании на долю исторической истины придется лишь несколько ничтожных крупиц» (*Миллер* 1887, с.31).

Относительно недавно К.Григолиа вынужден был признать: «отдавая дань уважения и благодарности комиссии Вахтанга, следует заметить, что некоторые исправления носили тенденциозный характер. Поэтому мы не можем безоговорочно принимать вахтанговскую редакцию «Картлис цховреба» (*Григолиа* 1973, с. 14).

Советский академик А.Е.Крымский в своем рукописном фундаментальном труде «Хазары» (ОРФ ЦБ Украины, ф.1, д.25500) также подверг критике древние разделы КЦ. «Настоящей во всех фактах правдивой истории, — писал А.Е.Крымский, — мы не должны, конечно, здесь искать. Если для русского историка странно было бы заимствовать фактическую историю настоящего Добрыни (Владимирова дяди) из русских былин о Добрыне Никитиче или изучать историю самого Владимира из былин об Илье-Муромце, то тем более странно искать историческую правду в грузинском эпическом рассказе о Вахтанге Горг-аслане, инкрустированном в Картлис цховреба» (*Маргиев* 1992, с.216-217).

Академик, очевидно, имел в виду фольклорную основу начальных разделов КЦ, фактическая сторона которых разительно отличается от свидетельств очевидцев или личных наблюдений летописцев.

Критическое освоение КЦ для древних периодов истории все еще не завершено, хотя библиография (от публикаций М.Броссе в начале XIX в. до наших дней) очень велика. Советские специалисты (за исключением ряда грузинских кавказоведов) античного и средневекового периодов осторожно подходили к оценке интересующих нас сюжетов КЦ. Известный исследователь генезиса феодализма в Закавказье А.П.Новосельцев писал: «я, за редкими исключениями, воздерживаюсь от обращения к материалам «Картлис цховреба» до VII-VIII вв.» (*Новосельцев* 1980, с.40). И дело здесь не в позднем возникновении «вахтанговского» списка КЦ, т.к. еще в 1884 г. Д.Бакрадзе (1887) обнаружил список КЦ, переписанный по повелению царицы Мариам (1636-1646 гг.) . Затем был найден и издан на русском языке (*Такайшвили* 1900) текст «Мокцевай Картлисай» («Обращение Картли»), составленный не позднее середины X в., но не ранее VII-VIII вв. В 1913 г. И.А.Джавахишвили выявил еще один список (царицы Анны) КЦ, а в 1922 г. — третий «довахтанговский» список (Чалашвили), созданный в XV в. Тем не менее, недоверие к начальной части КЦ из-за ее мифического характера сохра-

нялось. Вероятно поэтому, в грузинской классической историографии бытовала точка зрения, согласно которой древнегрузинские памятники до VII в. почти не имеют источниковедческой ценности (см.: *Новосельцев* 1980, с.39).

Ранние исторические хроники, вошедшие в КЦ, помимо фольклорных памятников, базируются и на каких-то древних записях, кратких и лаконичных. Высказывалось мнение, что лаконичный стиль первых хроник «определенно указывает на традиции погодных записей» (*Меликишвили* 1959, с.28; *Аласания* 1986, с.135). Трудно судить, насколько это верно, но есть основания полагать, что с давних времен в Грузии велись небольшие исторические записи, образцы которых видны в «Обращении Картли». Систематизация этих кратких записей началась не ранее VII-VIII вв. (*Новосельцев* 1980, с.39).

КЦ, как отмечалось выше, представляет собой свод летописей и хроник. В числе наиболее древних — «Жизнь картлийских царей» епископа Леонтия Мровели (1979) и «Жизнь Вахтанга Горгасала» Джуаншера (1986). Все списки КЦ начинаются работой Леонтия (XI в.), освещавшей древние периоды истории до VIII в. Примерно тогда же создана «Жизнь Вахтанга Горгасала». Относительно личности ее автора и времени создания все еще существуют разногласия (*Анчабадзе* 1990, с.32-33), хотя большинство исследователей время жизни Джуаншера относит к X в. Установленным можно считать, что «летописец в качестве источников использовал местные хроники и некоторые персидские предания» (*Абхазия*...1988, с.44). Наряду с явными преувеличениями и даже фантастическими сообщениями, особенно в разделах о времени правления Вахтанга Горгасала, Джуаншер приводит интересные сведения об истории Кавказа раннесредневекового периода.

Агиографическая литература. В числе наиболее ранних источников, содержащих сведения об аланах, особое место занимают памятники закавказской агиографии — «мученичества» и «жития» святых. До сих пор специалисты не пришли к единому мнению в оценке агиографии: можно фиксированные памятники церковно-религиозного происхождения относить к памятникам исторической письменности или нет (*Аласания* 1986, с.82). Как правило, «мученичества» и «жития» возникают под влиянием личных наблюдений, показаний очевидцев, либо базируются на более ранних сведениях, в том числе черпаемых из исторических сочинений. Данные памятники сложны по композиции. «Житие», например, «сложное архитектурное здание, в котором каждая часть имеет свое особенное назначение...» (*Ключевский* 1989, с.66, 72). В сравнении с «мученичеством», «житие» более биографично. Последнее не следует понимать прямолинейно, ибо, как подчеркивал В.О.Ключевский, «житие» — не биография, а панегирик в форме биографии, так же как образ святого в «житии» не столько портрет, сколько икона (там же,

с.70-71). Вообще, среди «житий» раннего средневековья многие не дают никаких сведений о благочестивых личностях, чью жизнь они должны изображать. Но указания на особый образ жизни в эпоху, когда они были написаны, делают «жития» неоценимыми (*Блок* 1986, с.38).

Из армянских агиографических памятников особо значимы для избранной нами проблемы «Житие Сукиасянов» и «Житие Воскеанов», созданные в V в. (*Памятники*...1973, с. 176-185;Армянские...1985, в. 1, с. 43-46). Содержащаяся в них информация важна для выяснения армяно-аланских контактов, реконструкции ранних этапов распространения христианства у алан и уточнения особенностей их внутренней жизни (см.: *Гутнов* 1992).

Грузинских памятников агиографической литературы выявлено много (*Абуладзе* 1964). Интересен рассказ о святой Нине, в IV в. попытавшейся распространить христианство среди горцев Северного Кавказа (*Такайшвили* 1900, с.23). События раннего средневековья описываются в «Мученичестве Або Тбилели», составленном в VIII в. Иоанном Сабанис-дзе (*Памятники*...1956), «Мученичестве святых Григория, Рипсимы и Гаяны» (*Марр* 1905).

Перейдем к ***археологическим памятникам***; о них, как историческом источнике, написано немало (*Массон* 1976; *Колпаков* 1988; *Социальная*...1993; *Ольховский* 1995; *Afanas'ev* 1994). Важность археологических данных подчеркивает то обстоятельство, что они являются реальными остатками, поступающими в распоряжение исследователя. В то время как письменные памятники — продукт третьей стороны с иными, чем у номадов, этническими и социальными представлениями. По этой причине некоторые исследователи отдают предпочтение археологическим источникам. Д.Браунд, например, пишет: «Терминология античного мира должна стоять на втором плане, за данными вещественных источников, потому что когда мы переходим из греко-римского мира на земли сарматов, мы переходим из исторического времени в доисторическое. А в доисторическом времени нашим путеводителем должна быть археология» (*Браунд* 1994, с. 173). Правда, не со всем можно согласиться в этом утверждении. Во всяком случае, письменные памятники помимо недостатков имеют бесспорные достоинства, так же как археологические данные помимо плюсов имеют минусы.

В реконструкции социальной истории использование археологических материалов основывается на двух допущениях: 1) общественное положение погребенного полностью отражается в поведении членов социума во время организации похоронной церемонии; 2) погребальная процедура зависит от количественного и качественного состава лиц, признающих наличие общественных или семейно-родственных связей с умершим (*Социальная*...1993, с.5). При этом, как признают сами археологи, на современном этапе развития науки, уровень разработок методик распознания социальной структу-

ры древних обществ «не может быть выше стадии первого приближения к истине» (*Акишев* 1993, с.46). Так, С.А.Плетнева полагала, что археологическим индикатором элитарного класса было наличие в мужских могилах поясного набора. Однако анализ Г.Е.Афанасьева (1993, с.131-143) данного вопроса при помощи выборки из 130 катакомб из всего имеющегося материала по салтовской катакомбной погребальной обрядности (около 1500 погребений) показал, что значение поясного набора в системе социальной стратификации мужской части общества является самым низким. Можно даже сказать, что поясной набор служил характерным элементом костюма всех взрослых мужчин независимо от социального статуса.

По убеждению Б. Дженито, «Значение и роль воина, центральной фигуры кочевых обществ, в археологическом контексте трудно выяснить до тех пор, пока не проведены четкие разграничения, например, между тем, что такое оружие и что такое орудие, что является ритуальным (экстраординарным), а что функциональным (ординарным) объектом». Вместе с тем итальянский ученый полагает, что анализ погребального обряда «позволяет сегодня получать интересные и неожиданные результаты, нацеленные на определение индексов ранга и статуса, которые предполагают определенную социальную сегментацию...» (*Статистическая*...1994, с.11).

Уровень методики «чтения» археологических памятников и использования результатов в реконструкции социальных процессов растет с каждым годом. Например, для изучения этнокультурного комплекса кочевников археологи научились «читать» памятники изобразительного искусства. Заключенная в них информация разнообразна, охватывает различные стороны жизни общества и позволяет почерпнуть сведения о деталях быта, религии, мифологии, вооружении, тактике ведения боя и др. Предметы искусства, рисующие облик номадов, условно делятся на две категории: 1) объекты погребального комплекса, 2) произведения монументального характера, являвшиеся частью интерьера парадных или культовых помещений – скульптуры, рельефы или настенные росписи (*Абдуллаев* 1998, с.83-84).

Отличительными чертами цивилизации номадов, согласно версии А.И. Мартынова (вызвавшей неоднозначную реакцию специалистов), являются монументальная архитектура погребальных сооружений, монументальное искусство каменных изваяний, пышные и общественно значимые погребения вождей, социально значимое искусство (*Могильников* 1992, с.288). Материалы раскопок, по убеждению некоторых археологов, позволяют реконструировать половозрастную и социальную дифференциацию древних обществ (там же, с.288-292). .

Большие сложности испытывают ученые при использовании данных археологии в реконструкции этнических процессов. В «Археологическом словаре» английских ученых У.Брея и Д.Трампа

(1990, с.218) выражен взгляд большинства археологов на алан, как одно из сарматских племен. Это тем более удивительно, что чисто археологическими методами проблему формирования *ранних алан* нельзя решить однозначно. Предлагаемые интерпретации накопленного в ходе раскопок материала и полученные на этой основе выводы диаметрально противоположны. Палеоантропология пока вообще ничего не дает по ранним аланам. Исследования идут лишь по линии выяснения соотношения средневековых алан и позднейших осетин. Но даже этот вопрос еще далек от окончательного решения, ибо, как подчеркивают специалисты (*Цветкова* 1981, с.69-75; *Шевченко* 1986, с.100-107; *Герасимова* 1994, с.55-61; *Тихонов* 1994, с.62-68), «ни уровень развития теоретической мысли, ни само наличие, а тем более состояние изученности палеоантропологических материалов, не представляются удовлетворительными» (М.М.Герасимова).

Неожиданную остроту приобрел вопрос о времени появления катакомб на Северном Кавказе и их этнической принадлежности. Одни исследователи считают, что «катакомбный способ захоронения не является определяющим и обязательным признаком ранних алан» (*Мошкова* 1983, с. 28) и эти могильники оставлены «смешанной по своему составу группой населения» (*Абрамова* 1993, с.9); другие, напротив, уверенно заключают, что «катакомба является аланской формой погребального сооружения» (*Аланы, Западная Европа*...1992, с.149), что данная идея «продолжает получать подтверждение на массовом материале» (*Ковалевская* 1992, с.30) и «представляется ... более логичной» (*Гаглойти* 1995, с.13).

Одно из других возможных направлений поисков археологов продемонстрировал А.С.Скрипкин, проследивший среднеазиатские корни распространения аланских тамг в Северном Причерноморье (*Скрипкин* 1990, с.208).

Фольклор. В данном исследовании большое внимание, как источнику, уделено фольклору. В самом общем виде фольклор — совокупность устных текстов, функционировавших (или функционирующих) в быту какого-либо народа, или какой-либо локальной, конфессиональной, профессиональной или иной первичной, контактной группы (*Чистов* 1986, с.6, 30).

Для восстановления процесса классообразования важное значение имеют данные такого жанра фольклора, как эпос. Исследователи осетинского нартовского эпоса сходятся во мнении, что сказания в основе своей отражают ту стадию развития, которую называют «военной демократией» (*Скитский* 1949, с.21-22, 25; *Смирнова* 1959, с.61-64; *Абаев* 1978, с.30, 34); возможно, точнее ее называть стадией «военной иерархии». Нартовский эпос помогает определить некоторые факторы и механизмы классообразования, уточнить роль в этом процессе престижной экономики, потестарных функций и т.д. Среди жанров фольклора особый интерес для историка представляют генеалогические предания[2]. Одной из их особенностей является

не просто фиксация исторических фактов, а их отражение в связи с определенной мировоззренческой моделью (*Бурде-Шнейдевинд* 1969, с.341-345). Родословные рассказы появились далеко не на первом этапе становления классового общества и представляют собой продукт его развития. Данные произведения создавались с целью обоснования привилегий знати. Реакцией на «аристократические» предания стало возникновение «демократических» вариантов. Субъективность обоих типов произведений устного творчества очевидна. Тем не менее, данные генеалогических преданий, критически проанализированные, могут дать дополнительную информацию по нашей теме.

Проблемы этносоциальной истории ранних алан невозможно решать без учета данных ***языкознания*** . Практически все специалисты в этой области аланский (осетинский) язык относят к (иранской) группе индоевропейской семьи языков; одним из первых на это указал академик А.М.Шегрен (*Sjogren* 1848, S.571). В.Ф.Миллер отмечал, что осетинский язык – «последний остаток одного из северных диалектов иранского праязыка. Предки осетин... пришли из Азии в Европу в доисторические времена и некогда под различными названиями (сарматов, аорсов, сираков) занимали Северный Кавказ, нижнее течение Дона и часть северного побережья Черного моря. Только незначительная часть этих европейских иранцев сохранилась под названием осетин в горах Кавказа...» (*Миллер* 1887б, с. XLIX). В другой работе ученый уточнил: «1.Осетины принадлежат по языку к иранской группе индоевропейской семьи народов... 2. Предком осетинского языка было одно из наречий, развивавшееся в северной части древнейшей территории, занятой иранцами, приблизительно на север от Окса и Яксарта в степях Средней Азии... 4. Предки осетин входили в состав тех иранских племен, которые были известны за многие столетия до Р.Хр. под именем сарматов и отчасти скифов ... Может быть, к тем же иранским племенам принадлежали далее на востоке массагеты и некоторые другие племена, известные персам под именем саков» (*Миллер* 1887, с.100-101; ср.: *Miller* 1903, S.4).

Современные В.Ф.Миллеру лингвисты поддержали его идею (*Hubschmann* 1877, S. 11-12; *Hirt* 1905, S.112-114). В главном специалисты разделяют ее и в настоящее время (*Bleichsteiner* 1918, S.7; *Zgusta* 1955, S. 52-56; *Bielmeier* 1977, S.1, 7-11: *Diesner* 1981, S. 70), некоторые различия имеются лишь в деталях. Г.А.Ахведиани аланский (осетинский) язык считал «непосредственным продолжателем» скифского (*Ахведиани* 1960, с.174-175). В.И.Абаев для всех иранских наречий Северного Причерноморья VIII в. до н.э. – V в. н.э. употреблял единый термин – «скифский язык». Целый ряд общих черт этих наречий, противопоставлявших их всему остальному ираноязычному миру, позволяет, по мнению ученого, «рассматривать все скифо-сарматские говоры как одно лингвистическое

целое». Конечно, между ними имелись и различия, особенно между скифским и сарматским, но в целом имеющийся лингвистический материал свидетельствует «о языковом единстве иранского Причерноморья и позволяет применить к этому единству одно общее наименование». Более точным, полагает В.И.Абаев, было бы назвать его не «скифским», а «скифо-сарматским», однако это «наименование несколько громоздко» (*Абаев* 1949, с.147-149).

К этой проблеме В.И.Абаев возвращался неоднократно; реагируя на критику своей концепции со стороны Я.Харматты, исходившего из исконной диалектной пестроты скифо-сарматского мира и постулировавшего наличие 4-х диалектов. В.И.Абаев обратил внимание на один уязвимый пункт в аргументации венгерского иранист: различия скифо-сарматской ономастики можно «рассматривать как разные ступени развития одного и того же языка» (*Абаев* 1971, с.11). Автор вновь высказался за концепцию двух диалектов, скифского и сарматского, одного языка. К аналогичному выводу пришел Л.Згуста. На основе анализа солидного ономастического фонда Северного Причерноморья он выделил два диалекта: архаический (скифский) и более «молодой» (сарматский). Различия между ними не были принципиальными; оба диалекта очень близки друг к другу и вместе «образовывали один язык» (*Zgusta* 1955, S. 254).

Изложенное не означает, что лингвисты происхождение аланского языка связывали только со скифо-сарматскими наречиями Северного Причерноморья. Например, Р.Фрай, хотя и считает осетин потомками «средневековых алан, *скифского* иранского народа» (*Фрай* 1972, с.65), вместе с тем счел необходимым подчеркнуть: «Древнеосетинский язык можно, очевидно, отождествлять с языком аланов только в том случае, если под ними понимать совокупность этнических групп. Проблема родства аланов с согдийцами и хорезмийцами во многом еще не ясна» (там же, с.221).

Э.Бенвенист более уверенно говорил о связи алан со Средней Азией: в аланском (осетинском) «распознается одна из значительных форм того иранского языка скифов, который в результате последовательной дешифровки согдийского, хотанского, а теперь и средневекового хорезмийского языка выступает из мрака неизвестности» (*Бенвенист* 1965, с.23).

Изучение текстов осетинского нартовского эпоса дало Г.Бейли возможность «заметить, как лексика сакских диалектов древнего Хорезма (500 – 1000 гг.) и Тумшука совпадает во многих случаях с частью осетинской лексики, будучи в этом отношении отличной от других иранских диалектов» (*Бейли* 1977, с.43).

И.Г.Добродомов осетинский относит к «скифской (северо-восточной) ветви иранских языков, носители которых пришли из Средней Азии» (*Добродомов* 1981, с.39). При этом ближайшими родственниками названы древний хорезмийский и согдийский.

Конечно, и среди лингвистов имеются разногласия. Так,

К.Е.Гагкаев обратил внимание на то, что в схеме классификации языков скифский относится к древнеиранским, а сарматский и аланский - к среднеиранским. Однако, по его мнению, имеются «серьезные лингвистические основания (этимология, словообразование) рассматривать ономастику восточных провинций Скифии как отражение не древнеиранского, а среднеиранского состояния» (*Гагкаев* 1981, с.17).

В целом основные точки зрения иранистов на проблему происхождения аланского языка сводятся либо к признанию его скифским (скифо-сарматским), либо к отрицанию столь прямой и непосредственной связи, но и в этом случае определенная преемственность между ними подразумевается. При любом из вариантов лингвисты полагают, что ареал формирования аланского языка очень велик — от Алтая до Дуная. Характерный пример — мысль Р.Фрая: «Хотя мы не всегда еще можем точно отграничить раскопанные сарматские памятники от аланских или массагетских, но благодаря самоотверженному труду археологов постепенно заполняются лакуны в наших знаниях о древней истории Средней и Центральной Азии. Огромная область, простирающаяся от Алтая или даже от Китайской стены до Трансильвании и Венгрии, обнаруживает черты определенного единства, причем выясняется, что иранские племена играли на этих территориях очень важную роль — по крайней мере в течение тысячелетия, предшествовавшего гуннскому нашествию первых веков новой эры» (*Фрай* 1972, с.222).

Вопросы социально-экономической истории могут плодотворно изучаться при помощи анализа терминологии источников. Правда, если он написан на иностранном, это мало что может дать для истории ранних алан. Как бы добросовестно таковой документ не был составлен, он написан автором, чуждым для данной среды. Иностранные авторы пользовались понятиями и терминами своего общества и языка, которые лишь приблизительно фиксировали чуждые им явления (*Новосельцев, Пашуто, Черепнин* 1972, с.12 примеч. 7). Гораздо большие результаты дает анализ социально-политических понятий, бытовавших в средневековой Осетии и имевших, как правило, местное происхождение. По авторитетному мнению В.И.Абаева, «язык представляет первостепенный исторический источник ... Каждое слово-понятие, если удается раскрыть его историческое содержание, представляет ценнейший документ» (*Абаев* 1949, с.9). По убеждению М.И.Дьяконова, «лингвистические данные при правильном применении методики могут оказаться не менее, а даже более достоверными, чем известия текстовых памятников, обычно используемых историком» (*Дьяконов* 1951, с.92). В целом, анализ терминологии источников для ранней эпохи — один из главных методов исследования социальных связей (*Новосельцев* 1985, с.99).

В работе использованы данные ***топонимики, генеалогии, антропонимии.*** Особое внимание медиевистов к нетрадиционным

источникам связано со спецификой письменных памятников. Последние выходили из под пера лиц, относившихся к полярным классам, поэтому были субъективными. История того или иного древнего периода, реконструированная только на базе письменных источников, в какой-то мере может оказаться неполной и односторонней (*Стродс* 1977, с.42). Избежать этого помогают нетрадиционные источники, дающие немалую информацию для реконструкции социальных и этнокультурных процессов. Так, состав имен, бытующих в обществе в определенный период, характеризует его «лицо». Выполняя ряд социальных функций, имя живет и развивается по законам языка, но причины, стимулирующие развитие именных систем, лежат вне сферы действия лингвистики и по своему происхождению социальны (*Суперанская* 1973, с.25-26). В нашей стране антропонимические исследования ведут, в основном, лингвисты. В этой связи В.Б.Кобрин напоминал, что антропонимика - ценная помощница в поисках историков: особенно велико ее значение для изучения персоналий, для генеалогии (*Кобрин* 1977, с.80). Разумеется, не обладая специальной подготовкой и необходимыми познаниями, мы не можем заниматься лингвистическим анализом имен, но это и не входит в нашу задачу. Нас интересует социальная и этнокультурная информация аланского именника, ибо имя — это пароль, обозначающий принадлежность носителя к определенному общественному слою. Имя не столько разделяет людей, сколько вводит в ряд. Оно связывает носителя с другими лицами с тем же именем и с тем же социальным слоем, в котором оно принято, независимо от его исходного этимологического значения (*Никонов* 1974, с. 14.20).

---

[1]Контактной называется группа, осуществляющая внутри себя прямую (от человека к человеку) коммуникацию.

[2] Под преданием понимается устный, имеющий установку на достоверность прозаический рассказ, основное содержание которого составляет описание реальных или вполне возможных фактов. Сведения, сообщаемые им, представляли интерес для той общественной среды, в которой предание бытовало (*Толстова* 1983, с.7-8)

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Прежде чем приступить к изучению процесса этногенеза *ранних алан* необходимо, очевидно, определить свое толкование таких терминов, как «этнос», «народ», «этногенез», т.к. вольность в обращении с этнической терминологией привела к тому, что однозначно описываемые различными исследователями явления называются ими по-разному. На нечеткость перечисленных понятий в нашей науке, и их отличие от содержания терминов, употребляемых в зарубежной этнологии, уже неоднократно обращалось внимание (см., например: *Дьяконов* 1993, с.4-6).

Понятие «этнос» мы используем ниже для обозначения общности людей, объединенных происхождением, языком, культурой и осознающих свою принадлежность к данной общности, независимо от места своего обитания или подданства. Принято считать, что в отличие от этноса народ (народность), помимо этнического, представлял собой и социально-политическое единство, члены которого являлись подданными одного государства. По традиции мы используем данную трактовку термина, хотя и с оговорками, ибо, например, северные и южные корейцы, северные и южные осетины являются одним народом, а живут в разных государствах.

Не принимаем мы и противопоставления «народности» и «народа». Под первым понятием в литературе советского периода понимались общности людей, живущие в условиях отсутствия промышленности и рабочего класса. В то время как «народы» и «нации» — это этнические общности эпохи капитализма и социализма. На уровне бытового сознания такие различия воспринимаются как уничижение представителей «народности». Между тем, народы, как таковые, независимо от численности, наличия или отсутствия промышленности и рабочего класса, равноценны. Различаются лишь созданные ими общества. А этнография изучает не общества, не

развитие капитализма или социализма, а происхождение, культуру этнических общностей. Поэтому мы отказываемся от использования термина «народность» в пользу понятия «народ».

Наконец, термином «этногенез» раньше обозначался процесс формирования народа из разных компонентов. Началом этногенеза считалось появление общего самоназвания, а завершением — однозначность признаков, когда каждый представитель всех компонентов осознает себя принадлежащим только к новой этнической общности и ни к какой другой (*Бромлей* 1983, с.7-22, 57-87, 173-199; *Литаврин* 1988, с.64-66; *Кузнецов* 1990, с.35-49). Более точным представляется подход С.А.Арутюнова, термин «этногенез» применяющий «лишь к такому процессу, в результате которого из ряда существовавших до этого этносов, этнических общностей или их частей складывается новый этнос, осознающий себя как нечто отличное от любых ранее существовавших групп и выражающий это самосознание через новое самоназвание. Самоназвание это, как правило, восходит к одному из ранее известных этнонимов, но приобретает качественно отличное содержание». Самосознание и самоназвание служат основным этническим маркером; «все остальные процессы составляют дальнейшую историю данного этноса» (*Арутюнов* 1989, с.8-9).

Исходя из вышеизложенного, завершением этногенеза (= формирования этноса) алан условно можно считать IV в. Современник той поры Аммиан Марцеллин, рассказывая о некоторых племенах Кавказа и Средней Азии первых вв. н.э., подчеркнул, что они «теперь в с е вообще называются аланами», т.к. имеют общие «обычаи, образ жизни и вооружение» (*Аммиан Марцеллин* 1949, с.383-384). Что касается времени оформления аланского народа, то мы уже имели возможность присоединиться к мнению А.В.Гадло (1979, с.201) и отнести это событие к началу X в., связав с образованием аланского государства [раннеклассового общества] (*Гутнов* 1991, с.235).

Конечно, степень этнической консолидации алан X в. отлична от той, которую они имели в IV в., не говоря о ситуации на стыке двух эр. Чтобы зафиксировать эти различия, мы, по аналогии с подходом М.Н.Погребовой и Д.С.Раевского (*Погребова, Раевский* 1994, с.32-33) к качественно различным этапам истории скифов, предлагаем уточнить содержание этнонима «аланы» для каждой эпохи.

Самых древних носителей данного этнонима, живших до н.э., можно назвать *«архаическими /или прото/аланами»*. Это имя соотносимо, например, с жителями «страны Аньцай» восточных источников. Ираноязычные племена, попавшие в поле зрения античных авторов в первые века н.э. условно обозначим как *«ранних алан»*. Племена, объединившиеся к середине X в. в относительно консолидированную общность, составили собственно *средневековых алан*. Их дальнейшая этническая история — процесс формирования

народа, а отпочковавшиеся в ходе Великого переселения народов части являлись уже составными аланского этноса как такового. В данной работе нас интересует место, время и механизм превращения *архаических* алан в алан *ранних.* Решив эту проблему, мы сможем ответить на вопрос, когда и откуда аланы пришли на Кавказ.

Насколько позволяет состояние источников, этногенез ранних алан надо бы рассмотреть с трех точек зрения (*Дьяконов* 1993, с.90): 1) *антропонимической* — выявить основную массу биологических предков народа; 2) *историко-культурной* — реконструировать основы материальной и духовной культуры; и 3) *языковой* — выявить генезис языка данного этноса[1]. Последний аспект, не обладая специальной подготовкой, мы не можем анализировать самостоятельно и ограничимся знакомством с достижениями современного языкознания.

Изучение социальной истории прото- и раннеаланских племен затрудняется рядом факторов. Немало проблем создает неразработанность нашей методологии. Еще недавно историки, находившиеся в противоречии с концепциями марксистской науки, вынуждены были «подгонять» свои выводы под обязательную формулу, говорить не то, что хотелось бы, что видится совсем иначе, чем дозволено (*Поплинский* 1993, с.17). Как справедливо отметил В.М.Массон, негативные последствия догматизации «научного наследия таких выдающихся ученых, которыми бесспорно являлись К.Маркс и Ф.Энгельс», сказывались отрицательным образом. Как правило, ни К.Маркс, ни Ф.Энгельс специально не занимались историей обществ, относимых по их номенклатуре к докапиталистическим. Тем не менее, целый ряд их попутных замечаний, а иногда даже конспектов трудов других ученых, становились фундаментом начетничества. Выходили специальные сборники с подборками вырванных из контекста отрывков и цитат, как некий непогрешимый и почти обязательный катехизис (*Массон* 1996, с.8). Сейчас, конечно, положение изменилось и прежнего «пресса» жестких схем никто не испытывает. Однако остались разногласия в определении критериев и механизма перехода, а также характеристике форм ранних государств (*Ашрафян* 1985; *В научном...*1988; *Куббель* 1988; *Павленко* 1989; *Возникновение...*1990; *Ранние формы...*1993; 1995; и др.).

Все сказанное не означает, что формационный подход к периодизации и объяснению крупных этапов всемирной истории абсолютно непригоден. Вообще, как справедливо отметил М.С.Капица (1992, с. 5), «сейчас нет такого человека, который взял бы на себя смелость давать методологические указания. Речь может идти лишь о выражении мнения, которое подразумевает существование других мнений».

При анализе больших эпох, выступающих на макроуровне, может быть использован, в разумных пределах, и формационный подход (*Массон* 1996, с.14). И.М.Дьяконов и В.А.Якобсон резонно

отмечают, что и цивилизационный подход имеет свои слабости. Если при формационном подходе нередко допускались натяжки в угоду господствующей идеологии, то при цивилизационном подходе преобладает сознательный отказ от всяких обобщений, игнорирование вполне очевидных общих черт многих цивилизаций. В нашей стране по вполне понятным причинам возникла своеобразная аллергия на марксизм, в то время как в других странах он остается вполне респектабельной социологической и исторической теорией. Наряду с ним существуют и используются другие теории. Такая теоретическая разноголосица, по замечанию И.М.Дьяконова и В.А.Якобсона, не должна ни смущать, ни настораживать историков. По аналогии с точными науками, в каждом конкретном случае выбирающими наиболее подходящую теорию, ученые не видят причин для отказа ни от формационного, ни от цивилизационного подхода. «Первый из них позволяет выявить общие черты и различия в обществах древности, а второй эти различия уточняет и объясняет» (*Дьяконов, Якобсон* 1998, с.22-23).

Историки-марксисты при определении понятия «государство» исходили из положения В.И.Ленина: «государство - это есть машина для поддержания господства одного класса над другим» (*Ленин*, т.39, с.73). В последнее время все настойчивее высказываются сомнения в правомерности такого взгляда на сущность государства. Стало очевидным, что гражданское государство не возникает просто как «ответ» господствующего класса на необходимость контроля над классом эксплуатируемых (Е.М.Штаерман, Л.Капогросси Колоньези и др.); оно может возникнуть еще в условиях отсутствия частной собственности на землю, а, следовательно, и частнособственнической эксплуатации (В.П.Илюшечкин, Ю.В.Павленко и др.); одним из путей его формирования является узурпация общественно значимых функций (военного) управления и перераспределения прибавочного продукта (Л.С.Васильев, Л.Е.Куббель и др.); и т.д.

В целом, на сегодняшний день, во-первых, как марксистские, так и немарксистские концепции государства в конечном итоге имеют общий знаменатель — «насилие», а во-вторых, в современной науке на операциональном уровне вообще не существует определения понятия «государство», т.к. на деле все они «оказываются более или менее подробными списками институтов государства» (*Белков* 1995, с.175; см., например: *Крадин* 1995, с.42-45, 49-50; *Попов* 1995, с.189-194).

При характеристике первых этнополитических образований государственного типа историки все чаще прибегают к понятию «раннеклассовое (раннеполитическое , раннегосударственное сословное) общество». В самом общем виде под ним понимается общество, где эксплуатация (в широком толковании этого термина) осуществляется путем присвоения части прибавочного продукта правящей

знатью, благодаря ее власти-собственности и за счет выполнения редистрибутивных функций. Частнособственническая эксплуатация при этом либо отсутствует полностью, либо не играет существенной роли (*Васильев* 1982; *Илюшечкин* 1986, 1990; *Куббель* 1988; *Павленко* 1989; *Ранние формы*...1993; 1995).

Далеко до полной ясности и в вопросе о путях возникновения государства. Преобладающей все еще остается точка зрения, согласно которой формирование государства связано с «разложением» общины, появлением слоя частных собственников и созданием ими аппарата управления как орудия угнетения и подавления сопротивления эксплуатируемых категорий населения. Но и здесь накопилось слишком много фактов, не соответствующих этому мнению. На кавказском материале традиционную точку зрения по рассматриваемому вопросу в свое время оспорил Л.И.Лавров. «Экономическая мощь господствующего класса, — писал он, — в средние века не всегда и не везде базировалась на землевладении. Немалую роль играли военные трофеи, торговые пошлины (на важных путях и в торговых городах) и особенно дань... предстоит разобраться: позволяют ли кавказские материалы считать, что земельная рента является непременной формой присвоения феодалами прибавочной стоимости, и не свидетельствуют ли они, что эксплуатация нередко принимала форму дани, не связанной с землепользованием и землевладением» (*Лавров* 1978, с.26-27).

Это заключение, «прямо-таки ошеломляющее по своей четкости и категоричности» (*Кобычев* 1980, с.174), было резко оспорено кавказоведами. Как представляется, специалисты просмотрели рациональное зерно в предложении Л.И.Лаврова — критику традиционного взгляда на генезис феодализма у горских народов.

Изучение социальных структур не только номадов, но и всех дофеодальных обществ, существенно затрудняется несовершенством понятийного аппарата. Хотя и в этой области в последнее время достигнут прогресс, мы разделяем пессимистичный прогноз В.С.Ольховского: «полной унификации понятийно-терминологического аппарата в ближайшее время вряд ли следует ожидать» (*Ольховский* 1995, с.84). Даже среди исследователей, придерживающихся сходных взглядов на процесс классообразования, трактовка того или иного термина не совпадает. Так, П.Л.Белков под термином «власть» понимает «отношение подавления экономически доминирующим классом экономически подчиненного класса» (*Белков* 1993, с.73). При таком подходе основной чертой власти признается принуждение, а появление самой власти как таковой связывается с возникновением государства. Однако принудительный характер присущ не только государственной, но и вообще любой общественной власти. Власть, принуждение могут основываться на авторитете всего общества, традициях, общественном мнении и т.д. Применение мер принуждения и самого строгого наказания еще не требует существо-

вания государства. Управление возможно и без особого аппарата власти, без принуждения в рамках всего общества. Возникает же государство лишь тогда, когда без особого аппарата насилия и принуждения не может сохраниться определенная система социально-экономических отношений между людьми (*Антипов, Кочергин* 1988, с.117).

Автор данной работы вслед за Ф.М.Бурлацким и Л.Е.Куббелем (*Куббель* 1988, с.28-29) под термином «власть» понимает «способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью какого-либо средства — авторитета, права, насилия (экономического, политического, государственного, семейного и др.)». Аналогичным образом трактуют данное понятие В.В. Радаев и О.И. Шкаратан (1995, с.25): «Власть — это способность социального субъекта в своих интересах определять цели и направления деятельности других социальных субъектов (безотносительно их интересов); распоряжаться материальными, информационными и статусными ресурсами общества; формировать и навязывать правила и нормы поведения (установление запретов и предписаний); предоставлять полномочия, услуги, привилегии».

Скудность и противоречивость источниковой базы, с одной стороны, отсутствие «единой общепринятой терминологии, применяемой для обозначения последовательных этапов сложения классов и государства» (*Яценко, Раевский* 1980, с.103-104), с другой, привели к тому, что специалисты, рассматривая одни и те же явления на основе одних и тех же источников, нередко приходят к прямо противоположным выводам.

Сторонники разных школ и направлений признают за кочевниками важную роль во всемирной истории. Поэтому особое значение изучению культуры степей придавал А. Тойнби. Известный представитель французской исторической школы Ф. Бродель в степи видел бикфордов шнур, по которому взрыв шел от Китая до Германии. Е.Е. Кузьмина (1999, с.163) полагает, что скорее степной пояс можно назвать «приводным ремнем» цивилизации Старого Света, способствовавшим диффузии важнейших культурных достижений Евразии. Вместе с тем отметим, что до сих пор остро дискутируется теоретический вопрос о «потолке» самостоятельного развития номадов. Раздаются даже голоса о кризисе в изучении их истории (*Цинман* 1993, с.188).

В 70-е гг. некоторые советские ученые высказали предположение, что в ходе самостоятельного исторического развития кочевники могут достичь стадии протоклассовых или даже раннеклассовых отношений, а их дальнейшая судьба зависит от характера взаимодействия с соседними земледельческими обществами (*Першиц* 1976; *Хазанов* 1976). Сторонники данного направления «существенной

особенностью процесса классообразования в обществах кочевых скотоводов» считают «высокий удельный вес внешнеэксплуататорской деятельности».

Ю.М.Павленко оспорил правомочность данной гипотезы, полагая, что «чистые» кочевники без «постоянных контактов с соседними цивилизациями, без включения даннической эксплуатации оседлоземледельческих обществ или частичного оседания и появления городских центров на их территории» (*Павленко* 1989, с.89-100) не могут выйти на уровень раннеклассовых отношений. Б.Ф.Железчиков, опираясь на А.М.Хазанова («Номады и внешний мир»), внутренние процессы у кочевников, связанные с социальной дифференциацией, считает «обратными и не слишком интенсивными ... в определенных, достаточно редких случаях они способны вызвать к жизни стратифицированное общество и никогда государство» (*Железчиков* 1994, с. 12-13).

В обобщающем труде по истории ранних кочевников Б. Дженито справедливо отметил, что методами археологии нелегко интерпретировать промежуточные ступени между вождеством и ранним государством. По убеждению итальянского ученого, комбинация социально-экономических факторов, в том числе ограниченность ресурсов, определенную нестабильность, «полное отсутствие интенсивного земледелия и частной собственности на землю и пастбища, исторически мешала подъему настоящего господствующего класса в кочевом обществе» (*Статистическая*...1994, с.11, 13).

Альтернативной точки зрения придерживался Г.А. Федоров-Давыдов, призывавший различать понятия *частная* и *феодальная* собственность (*Федоров-Давыдов* 1976). Согласно его концепции, частная собственность характерна для античного и нового времени, феодальная (в том числе и у кочевников) – для средневековья. Не частная, а именно феодальная собственность «способствовала подъему, возвышению господствующего класса». Нечетко оформленная юридически и территориально, феодальная собственность у номадов заключалась во власти над кочевым населением кочевого сеньора, определении им маршрута передвижения, перераспределении между подвластным населением пастбищ, колодцев и т.п. (*Федоров-Давыдов* 1996, с.216).

Л.Е.Куббель союзы племен, аналогичные раннеаланским, относил к «иерархически организованным структурам»; они характеризовались обязательным наличием зачаточных форм эксплуатации. Причем, эксплуатации, как коллективной «благородными» племенами «младших» членов союза, так и индивидуальной, преимущественно захваченных иноплеменников и неполноправных адаптированных чужаков. Почти всегда существовала даннические эксплуатация не входивших в состав союза соседей; в сочетании с военным грабежом она могла быть очень интенсивной. В какие-то периоды внешняя

эксплуатация, отодвигая на второй план стремление отчуждать продукт у соплеменников (иногда делая ее ненужной), оказывалась основным источником поступления доходов племенной верхушки, образуя экономическую основу ее функционирования в качестве правящего слоя общества. Разумеется, внешняя эксплуатация требовала особого внимания к военной организации, как надежной гарантии ее сохранения. В свою очередь, эта организация составила готовый аппарат власти в случае ее обращения против своего же народа, т.е. ради эксплуатации внутренней. По Л.Е.-Куббелю, такое обращение возможно, как правило, у оседлых народов. У кочевников до этого обычно не доходило: прикрытием внутренней эксплуатации служили, в первую очередь, трансформированные традиции взаимопомощи (*Куббель* 1988, с.152-153).

Обобщая взгляды части исследователей, Ю.В.Павленко основной линией развития эксплуатации внутри кочевой среды считал использование знатью труда обедневших и не имевших самостоятельного хозяйства общинников. По его мнению, параллельно, по мере развития кочевого скотоводства, возрастала организационная роль племенной верхушки при распределении пастбищных угодий и организации сезонных перекочевок. Выделяются две основные эксплуататорские прослойки: 1) окружение «царя», военная аристократия, обогащавшаяся за счет дани, добычи и использования своего высокого общественного положения; 2) знать, выделившаяся за счет собственных крупных стад, за которыми ухаживали общинники-пастухи (*Павленко* 1989, с.88-89).

В настоящее время на материале разных этносов разрабатывается сразу несколько подходов к социальной истории кочевников: концепции особого «номадного» способа производства, предклассового, раннеклассового и феодального состояния кочевых обществ (*Крадин* 1994, с.63; *Tosi* 1994, p.651-666).

Как представляется, позиция любого исследователя зависит от трактовки употребляемых терминов и методологических установок. Если, например, исходить из оригинальной посылки А.В.Коротаева и А.А.Оболонкова об ошибочности непосредственного отождествления родового строя с первобытным, т.к. родовой строй противопоставлен не классовому обществу, а государству, то следует признать их правоту и в другом: «раскол общества на классы совершается зачастую еще в рамках родового строя, и позднеродовой строй может выступать в качестве надстройки уже непервобытного, раннеклассового общества» (*Коротаев, Оболонков* 1989, с.40). При такой исходной позиции становится очевидным признание возможности за «чистыми» кочевниками самостоятельно достичь раннеклассового общества.

Дискуссия о социальном строе ранних алан недавно получила новый импульс. Традиционную точку зрения на общество ранних

алан как военно-демократическое (военно-иерархическое) С. А. Яценко отнес к одному «из ключевых стереотипов сарматологии» (*Яценко* 1994а, с.200-204). По его убеждению, уровень социально-политического развития алан I-II вв. *«должен быть* более высоким, чем у их предшественников — европейских сарматов». Аргументы в пользу этого С.А.Яценко видит в погребениях донских алан, являющихся, по его утверждению, «самыми богатыми в истории кочевых народов (так, в одном уцелевшем тайнике в Дачах найдено 16000 золотых изделий!), масштаб социальных контрастов в их обществе был колоссальным (в Степи в это время по-прежнему преобладают могилы рядовых скотоводов с нищенским инвентарем)» (*Яценко* 1993, с.68).

На наш взгляд, в позиции С.А.Яценко эмоции перевешивают аргументы. Во всяком случае, археологические памятники ранних алан, включая элитные погребения, изучены пока еще слабо, а имеющийся материал не дает оснований для столь категоричных утверждений.

---

[1]В.Б.Ковалевская сопоставила элементы, которыми характеризовали этнос 5 древнекитайских авторов и Геродот, и получила следующую картину. 1 — *этноним*, причем ни китайские авторы, ни Геродот не отмечают особой разницы между названием этноса и его самоназванием, хотя речь об этом иногда идет. 2 — *территория*, признак обязательный во всех описаниях. 3 — о *климате* сообщает Геродот и двое китайских авторов. 4 — *занятия* непременно характеризуют все народы, также как и 5 — *обычаи.* 6 — о *языке* говорится только у Геродота и одного китайского историка, так что статистически он не выглядит обязательным элементом в описании древних народов. 7 — *образ жизни* или *нравы* присутствуют в китайских описаниях и не рассматриваются Геродотом. 8 — *религия* характеризуется Геродотом и очень редко китайцами. 9 — *одежда* часто описывается и тем и другими (*Международный*... 1994, с.75).

[2]Термин «разложение» предполагает гибель общественной структуры, в то время как община погибла в капиталистическом обществе. Поэтому понятие «разложение общины» не вполне применимо к раннему средневековью; община сохранялась длительное время, менялся лишь ее тип (модель).

[3]Мы не считаем себя настолько компетентными в данном вопросе, чтобы уверенно присоединиться или опровергнуть эту точку зрения. Отметим лишь, что в ходе дискуссии о возникновении античного государства (ВДИ, 1989, 1990) высказывались мнения о соответствии раннеклассового общества государству. Но сама идея А.В.Коротаева и А.А.Оболонкова о возможности возникновения классов в рамках позднеродового строя заслуживает внимания.

I. ПРОТОАЛАНЫ. ЭТНОГЕНЕЗ РАННИХ АЛАН

Интерес к протоаланам в этногенезе ранних алан весьма значим, ибо в зависимости от того, какое племя или группа племен тем или иным исследователем рассматривается в качестве непосредственных предков алан, решается вопрос о времени и месте генезиса последних. Напомним, что опираясь на С.А.Арутюнова (*Арутюнов* 1989, с.8-9), под этногенезом мы понимаем процесс, в результате которого из ранее существовавших этносов и групп складывается новый этнос, осознающий свое отличие от предшественников и выражающий самосознание через новое самоназвание (восходящее, как правило, к одному из ранее известных этнонимов, но приобретающее качественно отличное содержание).

В историографии накопилось немало гипотез о непосредственных предках алан. В основном, оформилось два направления: 1) «автохтонисты» происхождение алан понимают как процесс развития скифо-сарматского населения Северного Кавказа; 2) группа ученых этногенез ранних алан связывает со Средней Азией. Если же детализировать взгляды специалистов, то версий по данному вопросу окажется гораздо больше (по подсчетам С.А.Яценко (1993, с.60) — восемь).

Наиболее последовательным сторонником «автохтонной» версии остается Ю.С.Гаглойти. Не отрицая в принципе связи в целом алан с сако-массагетским миром Приаралья, ученый вместе с тем убежден, что конкретно предкавказские аланы генетически связаны со скифами и сарматами, издавна населявшими эти места. Опираясь на данные отдельных античных авторов, Ю.С.Гаглойти аорсов и сираков выводит от скифов. Аорсы же, по мнению ученого, «это те же аланы» (1966; 1995).

Аналогичной позиции придерживаются В.И.Марковин и Р.М.Мунчаев; «ключ к пониманию этногенеза осетинского народа и происхождению его культуры» они видят в «ассимиляции носителей Кобанской культуры»

последовательно «скифскими, сарматскими и аланскими ираноязычными племенами» (*Markowin, Muntschajew* 1988, S.89).

«Массагетская» версия разрабатывается как археологами, так и лингвистами. Например, согласно В.И.Абаеву, аланы порождены восточной ветвью скифо-массагетской среды: «Прямыми предками осетин являются, как известно, аланы, которым, по заслуживающему доверия свидетельству Диона Кассия и Аммиана Марцеллина, приписывается массагетское, то есть среднеазиатское происхождение, и которые уверенно локализуются в Южной России и на Северном Кавказе только с конца I тыс. до н.э.» (*Абаев* 1965, с.120).

«Аорские» корни алан рассматриваются многими исследователями (*Артамонов* 1962, с.43, 359, 457; *Виноградов* 1963, с.106-107, 161-165). Особая позиция была у К.Ф. Смирнова. Принимая алан за выходцев из степей Северного Прикаспия, «вызревавших» в аорской среде, он одновременно связывал их с массагетами (*Смирнов* 1984, с.121-123). Ряд исследователей выводит алан от различных племен Средней и Центральной Азии (*Фрай* 1972; *Керефов* 1988; *Раев* 1989; *Скрипкин* 1990; *Гугуев* 1992; *Яценко* 1993). Отметим определенную корректировку взглядов Р. Фраем. В одной из последних своих работ, подтвердив центральноазиатские корни алан, в частности, их связь с асиями/асами, он в качестве «рабочей гипотезы» указал на связь между аланами и эфталитами. Долина Или, «возможно, была родиной как эфталитов, так и алан до их миграций» (*Frye* 1996, p. 2, 4-5). Как историографический факт отметим ошеломившее кавказоведов предложение А.О.Наглера видеть в аланах не этнос, а «социальный слой сарматского общества, из которого формировалась военная знать» (*Наглер, Чипирова* 1985, с.90).

Вышеизложенное, а также отмеченный в последние годы «небывалый подъем, буквально взрыв интереса к проблемам истории и культуры сарматских племен» (*Виноградов* 1994, с.151), включая алан, оправдывает наше обращение к поиску круга племен, относившихся к протоаланам.

Судя по античной традиции, какая-то часть протоалан относилась к скифскому миру. Страбон роксалан называл «последними из известных скифов» (*Страбон* 1991, с.169). В данном случае очевидно, что географ употреблял термин «скифы» именно в этническом смысле, а не использовал его как синоним слова «варвары». Иосиф Флавий «об аланском народе» также «упомянул как о скифском племени, живущем на берегах Танаиса и Меотийского озера» (*Иосиф Флавий* 1991а, с.435). Сарматов вообще Иосиф также считал «скифским племенем» (там же). И в данном случае имеется ввиду этническая близость перечисленных племен, т.к. соседних с ними «варваров» (например, германцев) Флавий не называет «скифами». Лукиан писал о совпадении языка и одежды скифов и алан. «Ибо и то, и другое одинаково у алан и скифов; аланы не носят только таких длинных волос как скифы» (*Лукиан* 1935, т.1, с.318).

Скифами назвал алан Арриан (*КДПАА*, с.314-315). Наконец, по Птолемею, в районе Меотиды проживали «скифы-аланы» (*Птолемей* 1990, с.148). Оригинально интерпретирует сообщение Птолемея Т.А.Габуев (1998, с.27-28). По его мнению, этноним «аланы-скифы» указывает на то, что Птолемей считал «алан выходцами из Скифии, которая простиралась к востоку от Волги и охватывала большую часть среднеазиатского региона». В конечном итоге у Т.А.Габуева информация Птолемея о «скифах-аланах» трансформируется в понимание «алан как части восточных скифов», т.е. массагетов. Такая смелая, новаторская трактовка свидетельства Птолемея может вызвать возражения; по сути вся концепция держится исключительно на критике одного источника.

В конце прошлого века в пользу скифского происхождения алан высказались В.Ф.Миллер (1887, с.101) и В.А.Кулаковский (1899, с.3, 4, 13, 33). Гипотезу дореволюционных ученых в наши дни на археологическом материале пытается подтвердить Н.Е.Берлизов. Согласно его выборке, 236 погребений из 18 могильников Центрального Предкавказья сарматского времени по обряду оказались близки, с одной стороны, 93 средневековым аланским, а с другой стороны — 73 позднескифским. Во II в. до н.э. в Центральном Предкавказье осела компактная группа, «родственная поздним скифам Крыма», возможно, адаптировавшая какую-то часть местного населения и соседних сарматов. Во II-I вв. до н.э. эта группа взяла под контроль предгорья Центрального Кавказа, заходя на западе до р. Лабы. Со II в. н.э. ареал исследуемых памятников смещается на восток — в бассейн среднего Терека. Погребальный обряд и конструкция катакомб «становятся особенно близки средневековым аланским V-VIII вв.». Примерно в это же время (II в. н.э.) «в Предкавказье появляются памятники», которые Н.Е.Берлизов связывает «с аланами-маскутами». Их взаимодействие с «потомками скифов и кобанцев привело к окончательному оформлению культурного комплекса, характерного для алан в эпоху позднего средневековья» (*Берлизов* 1996а, с.106, 113-115). Однако аргументы исследователя уязвимы для критики. Так, появление катакомб в Центральном Предкавказье, по мнению многих археологов, связано скорее не со скифами, а с восточными ираноязычными племенами. Еще больше трудностей возникает с доказательством миграции скифов Крыма на Северный Кавказ. Что касается аналогий сарматским погребениям Центрального Кавказа последних веков до н.э., то, опять-таки, немало аналогий к ним можно привести из памятников с востока. Все это делает версию Н.Е.Берлизова вероятной, но далеко не бесспорной.

Свою гипотезу Н.Е.Берлизов попытался подкрепить выкладками антропологических данных (*Берлизов* 1996, с.31). «Сравнение краниологических серий как будто бы подтверждает ранее сделанный вывод о решающей роли потомков скифских и массагетских племен в аланском этногенезе» (*Берлизов* 1998, с.36). Однако и эта

попытка встретила резкие возражения со стороны специалистов, подчеркнувших, что «антропологический тип индивидуума не может быть индикатором этнической принадлежности. Это азы антропологии»; «не только антропологический тип индивида, но и антропологический тип популяции не могут служить, сами по себе, объективным этническим маркером или объективным критерием»; «результаты статистической обработки... представляются некорректными по сути. Истоки катакомбного обряда вовсе не обязательно связывать с поздними скифами Крыма или «массагетами Таласа или Ферганы»; «Что же касается антропологии, то автор демонстрирует недостаточное знание методологии этой науки и современных методических подходов к обработке палеоантропологических материалов» (*Герасимова* 1998; *Яблонский* 1998).

Более осторожно «скифскую» версию рассматривает М.П.Абрамова, по мнению которой роль скифов значима не столько в этногенезе алан, сколько в этногенезе осетин. В формировании последних она рассматривает два этапа (опуская сарматский). Первый этап (VII-V вв. до н.э.) связан с господством в Центральном Предкавказье скифов; длительное пребывание последних в регионе способствовало их тесным контактам с местным населением и инфильтрации скифов на территорию предгорий, где складывалась смешанная группа населения. Иллюстрацией этому служат Нартановские курганы в Кабарде. Вероятно, «для этой группы было характерно двуязычие — владение как иранскими, так и местными языками». В то же время горные районы испытывали лишь некоторое влияние культуры скифов. Второй период М.П.Абрамова связывает с появлением на Северном Кавказе алан. Хотя это «и способствовало усилению процесса иранизации местного населения в результате несомненных контактов, однако в целом не изменило этнический состав оседлого населения этой зоны (исключение составляет район Кисловодска)». Эта картина характерна, по мнению ученой, для Западного Предкавказья (к которому почему-то отнесены могильники Зилги и Бесслан); памятники этого района «не дают материалов, свидетельствующих о постоянном пребывании и об оседании здесь кочевых аланских племен...». В то время как «западные районы Предкавказья являлись зоной активных действий аланских племен, Восточное Предкавказье, как и территория Нижнего Дона, было местом постоянного их обитания». Исходя из того, что памятники алан здесь распространяются «примерно с середины III в.», вторую волну иранизации Центрального Кавказа М.П.Абрамова относит к рубежу II-III вв. Это относится к равнинным районам; население горной зоны процессу иранизации подверглось еще позже. В конечном итоге первую (западную, скифскую) волну иранизации М.П.Абрамова связывает «с формированием дигорского диалекта», а вторую (восточную, аланскую) — с формированием иронского (*Абрамова* 1993, с.199-201).

Концепция М.П.Абрамовой наряду с рациональным зерном — демонстрацией скифского этапа в формировании раннесредневековых осетин (алан), противоречит данным лингвистики и археологии в отказе от сарматского этапа этого же процесса. Напомним предостережение В.И.Абаева об «опасной тенденции умалить значение скифо-*сарматского* элемента» в этногенезе осетин. Пребывание сарматов с III в. до н.э. в зоне Центрального Кавказа и именно в Северной Осетии подтверждается археологически. Наиболее ранние катакомбы и подбои происходят именно с территории Северной Осетии — из Моздокского района (см. ниже).

Довольно большой сарматский подкурганный могильник совсем недавно был обнаружен на среднем течении Терека в Северной Осетии. Курганы расположены у сел. Заманкул примерно в 30 км на северо-запад от входа в Дарьяльское ущелье и в 15 км на восток от Эльхотовских ворот — важного стратегического прохода через Терский хребет. Предварительная датировка кладбища — III в. до н.э. — вторая половина I в. н.э. Хотя, по данным Я.Б.Березина и В.Л.Ростунова, подкурганные катакомбы сооружались здесь и позже, в IV-V вв. Археологи предполагают их связь с расположенным поблизости Брутским городищем первой половины тысячелетия.

В инвентаре исследованных захоронений обращает на себя внимание большое количество импорта. Интересен бронзовый этрусско-италийский шлем типа «Манхейм» (I в. до н.э.) — первая находка такого рода в юго-восточной Европе. К III в. до н.э. относятся чернолаковый канфар, ножка фасосской амфоры и др. Керамический комплекс могильника имеет выраженный кавказский облик; много культовых предметов: курильниц, двуручных сосудов с гальками внутри. Из предметов вооружения чаще всего встречаются железные наконечники стрел; они обнаружены в большинстве захоронений, а вот мечей — всего два (да один кинжал). Вместе с тем встречен неизвестный сарматам тип оружия — булава, более характерная для кобанцев вплоть до конца скифской эпохи. В целом, участники раскопок считают, что заманкульский могильник оставлен «группой сармат, уже в III в. до н.э. перевалivших Терский хребет и обосновавшихся на Владикавказской равнине у входа в Дарьяльское ущелье. Длительное и близкое общение с местными горцами» сказалось на «кавказоидности» значительной части погребального инвентаря. По мнению археологов, «заманчиво было бы связать прекращение функционирования» могильника с аланскими походами I в. в Закавказье. Аланы проходили в Закавказье через Дарьял и «должны были оттеснить или уничтожить тех, кто контролировал дорогу в Закавказье раньше» (*Березин, Ростунов* 1994, с.47-50).

В сарматское время через Дарьяльский проход осуществлялись наиболее активные военные действия и походы. Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и археологические материа-

лы. Переселяясь в Закавказье, сарматские племена вступали в тесные контакты с оседлыми земледельческими племенами, что сказывалось на характере культуры и этническом составе автохтонного населения.

Вообще сарматы Северного Кавказа имели специфические черты, выделявшие их в сарматском мире III-I вв. до н.э. В частности, «обращает на себя внимание довольно резкое отличие района Кубани и Ставрополья по целому ряду важных признаков: ориентировка погребенных, особенности расположения погребений под курганной насыпью, оформление погребального ложа, использование ритуальных веществ, погребальный инвентарь». Археологи пришли к выводу о целесообразности выделения кубано-ставропольских памятников в рамки одной культуры и необходимости, вероятно, рассмотрения памятников раннесарматского времени Северного Кавказа отдельно от сарматских памятников более северных территорий (*Статистическая*...1997, с.186, 210).

На основе синтеза в равнинной и предгорной контактных зонах складывались принципиально новые этнообразования. Особую роль в этом процессе играл переход части сарматов к оседлости. Сарматы Предкавказья, переходя к стабильному кочеванию на землях, находившихся в сфере влияния оседлых племен, успешно осваивали отдельные элементы их культуры, утрачивая некоторые свои. Интересно, что немногочисленные богатые подкурганные погребения содержали золотые гривны, серьги, браслеты, соотносимые со скифским, а не сарматским искусством. Учитывая факт длительного пребывания скифов на Центральном Кавказе и вероятность оседания определенной их части и после ухода основной массы, следует согласиться с М.П.Абрамовой (1992; 1993; 1994) в том, что среди расселившихся здесь сарматов традиции скифского искусства оставались в силе. «В целом, археологические материалы показывают, что в материальной культуре сарматов Центрального Предкавказья III-I вв. до н.э. прослеживается сочетание как сарматских, так и местных северокавказских (или скифских) традиций».

До сих пор речь шла о европейских аланах и выводились они от европейских скифов. Однако в античной традиции бытовала и другая точка зрения, согласно которой аланы произошли от массагетов Средней Азии. Один из последних примеров – позиция Т.А. Габуева: характеристики алан как скифов и массагетов не противоречат, а дополняют друг друга. «Если характеристика алан, как части восточных скифов, носит достаточно широкий характер, то указание на их массагетское происхождение в значительной мере сужает тот круг народов, из среды которых могли выйти аланы, поскольку массагетов древние авторы также относят к числу скифских народов» (*Габуев* 1998а, с. 85). Массагетские корни алан последовательно отстаивает С.А.Яценко (1993; 1998а).

Так, по Диону Кассию, в переводе В.В.Латышева, после оконча-

ния Иудейской войны (в 135 г.) царем Иверии Фарасманом «другая война была поднята из земли албанов (алан), по происхождению массагетов...» (*Дион Кассий* 1991, с.351). Перевод К.Гана несколько иной: «Фарасман (II) царь Иберийский, подучил Аланов или Массагетов напасть на владения Парфян и пропустил их через свои земли» (*Ган* 1884, с.173). Аммиан Марцеллин, различая европейских и азиатских алан, в рассказе о походе Помпея упомянул «массагетов, которых мы теперь называем аланами» (*Аммиан Марцеллин* 1991, с.374). Представители древнеармянской историографии — Фавстос Бузанд, Егише, Мовсес Хоренаци и др. неоднократно писали о массагетах («маскутах»), отождествляемых с аланами (*Армянские*...1985, в.1, с.19-23, 29, 36, сл.). В дагестанской хронике «Дербенд-наме» упоминается область «Маскат — (тянется) от Табасарана и Кайтака до Маскура. Ее людей привели из Алана. Правителю ее дали имя Табун-шах» (*Якуби* 1927, с.21). Область «Маскат» древние авторы располагали, как правило, в северо-восточной части Азербайджана и лишь в раннее средневековье. Уже в IX в. Баладзори писал, что царство Маскат «теперь не существует» (*Баладзори* 1927, с.7).

Здесь же напомним, что античные авторы массагетов нередко причисляли к скифам в этнографическом смысле. Еще Геродот счел необходимым отметить дважды: «По мнению некоторых, массагеты — это скифское племя» (*Доватур, Каллистов, Шишова* 1982, с.85); «Одеждой, которую они носят, и образом жизни массагеты походят на скифов» (там же, с.93). Согласно Страбону, «Большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называется даями, более восточные из них называются массагетами и саками» (ДАСА, с.23). Плиний в ряду «знаменитейших скифских народов» выделил массагетов (там же); аналогичный сюжет находим у Диодора (в переводе П.И.Прозорова) (*Диодор* 1992,с.150).

В современной науке мнение о скифском (вариант: сакском) происхождении массагетов являются доминирующим (В.И. Абаев, О.А. Вишневская, Э.А. Грантовский, М.А. Дондамаев, М.А. Итина, К.Ф. Смирнов, И.В. Пьянков, В.В. Струве, С.П. Толстов и др.). К такому заключению ученые пришли на основе родства культур скифов, саков, массагетов, исседонов. В этом отношении интересна мысль о том, что «археологическая культура номадов раннего железного века могла соответствовать двум и более этносам, а не отдельным их подразделениям, например, аорсам, массагетам, исседонам и т.д.» (*Железчиков, Пшеничнюк* 1994, с.5). Очевидно, аналогичную позицию занимает С.А. Яценко. Определяя содержание термина «культура» применительно к кочевникам Сарматии конца II в. до н.э. — сер. I в. н.э., он пишет, что «речь идет, видимо, о конгломерате сходных культур союзов племен, мигрировавших с востока в ходе крупного перемещения в евразийских степях» (*Яценко* 1994, с.25-26).

На сходство многих элементов образа жизни, быта обычаев скифов и массагетов обратили внимание еще в древности (см. таблицу).

СКИФЫ

«Мы прибыли в отдаленный край земли, в скифскую страну... многолюдные племена скифов, обитающие на краю земли вокруг Меотийского озера... ты придешь к кочевникам-скифам, которые живут на высоких повозках с прекрасными колесами под плетенными кибитками, вооруженные дальнобойными луками».

Эсхил. *«Прикованный Прометей». Пер. В.В.Латышева[2] (Скифы, 1992. С.36).*

...живут они в кибитках... В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и табуны лощадей. На одном месте остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не хватает, переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят 'иппаку' (это сыр из кобыльего молока). Таков образ жизни и обычаев скифов».

Гиппократ. *«О воздухе, водах и местностях» (Скифы, 1992. С.88).*

«скифы очищаются таким образом: вымыв и умастив головы... Поставив три жерди... они натягивают вокруг них шерстяные покрывала, подлезают под покрывала и затем бросают зерна на раскаленные (на огне) камни. Насыпанное зерно курится и выделяет столько пара, что никакая эллинская парильня не сможет это превзойти. Скифы же, наслаждаясь парильней, вопят».[3]

Геродот. *История, IV, 73-75.*

МАССАГЕТЫ

«Массагеты — племя большое и сильное... Одеждой, которую они носят, и образом жизни массагеты походят на скифов. Они — и всадники, и пешие (есть у них и тот и другой род войска), и стрелки из лука, и копейщики имеют обыкновение носить секиры... Обычаи у них следующие... Когда массагет желает женщину, то, повесив колчан перед повозкой, он безбоязненно совокупляется с ней... Они ничего не сеют, но живут разведением скота и рыбной ловли... Пьют молоко».

Геродот. *История, I, 201, 216.*

«Они — хорошие конные и пешие воины, вооружены луками, мечами, панцирями, медными топорами, в битвах носят золотые пояса и золотые повязки... Жители равнин, имея землю, не обрабатывают ее, живут мясом овец и рыбою, образ жизни ведут кочевой и скифский, все эти народы имеют одинаковый образ жизни; их погребальные обряды, нравы и весь житейский обиход сходны».

Страбон. *География (ДАСА, 1940. С.22*

«У них находятся деревья, которые приносят плоды такого рода: всякий раз, как они собираются вместе группой, они разводят огонь, и, сидя вокруг него бросают эти плоды в огонь и все сильнее пьянеют, пока не поднимаются и не начинают плясать и петь».

Геродот. *История, I, 202.*

«когда человек становится очень старым, все родственники, собравшись вместе, приносят его в жертву и вместе с ним также и мелкий рогатый скот; сварив мясо, они устраивают пир».

Геродот. *История, I, 216.*

«С самими же черепами — не всех, но самых ненавистных врагов — они поступают следующим образом: каждый ...вычищает его. И, если это бедный человек, то, обтянув (череп) снаружи только сырой бычьей кожей, он так им пользуется. Если же богатый человек, то он обтягивает (череп) сырой бычьей кожей и, отделав золотом внутри, пользуется им как чашей. Делают они это и с (черепами) родственников, если у них была с ними тяжба, и если они одержали верх над ними...».

Геродот. *История, IV, 65.*

«Исседоны, как говорят, имеют вот такие обычаи: когда у человека умирает отец, все родственники приводят мелкий скот и затем, принеся его в жертву и разрубив мясо на куски, разрубают тело умершего отца того человека, который их принимает. Смешав это мясо, они устраивают пиршество. Голову умершего... очистив, они золотят, а затем пользуются ею как чашей для возлияний при ежегодных больших жертвоприношениях».

Геродот. *История, IV, 26.*

Таким образом, скифы и массагеты имели один язык, схожий образ жизни и обычаев, т.е. принадлежали к одному кругу ираноязычных племен. Скифо-массагетские корни алан подтверждаются многими сюжетами осетинского нартовского эпоса. Амазонские мотивы эпоса перекликаются с геродотовым рассказом о царице массагетов[4] Тамирис (*Толстова* 1984, с.186-210). Нартовские циклы о происхождении эпического народа, о Батрадзе, Сослане, волшебной чаше Нартамонга, гибели нартов и другие восходят к скифской эпохе (*Абаев* 1982; *Дюмезиль* 1990). Это является еще одним аргументом в пользу скифо-массагетского происхождения *ранних* алан.

К протоаланским племенам ученые относят и аорсов. Еще в конце XIX в. независимо, очевидно, друг от друга, В.Гутшмид (1888, S.69) и Ф.Хирт (1899, S.251) доказывали, что аорсам соответствует народ Аньцай/Яньцай китайских источников. Ф.Хирт, в частности, писал: «Аньцай, название страны, расположенной севернее Парфии, которая во времена младшей династии Хань переменила имя на Аланья; это имя я идентифицирую с аорсами Страбона и аланами других источников».

И.Маркварт поддержал названных авторов в том, что этноним «аорсы» является ранним названием алан, но в противовес им утверждал, что китайское «древнее произношение Am-tsai» соответствует «массагетам» (*Markwart* 1905, S.82-87). Этноним «аорсы» И.Маркварт понимал как почетное самоназвание господствующего племени в союзе приаральских массагетов, «образовавших мощное кочевое объединение, простиравшееся от Аральского моря до Танаиса» (*Markwart* 1905, S.86-87). Сходную позицию занимает Б.М.Керефов, по мнению которого после событий II в. до н.э. в районе северо-восточного Приаралья возник сармато-массагетский союз, в котором аорсы играли ведущую роль (*Керефов* 1988, с. 130-131).

Противоречивую позицию занимал Е.Тойблер. С одной стороны, он признавал создание в 120 г. до н.э. в арало-каспийской степи

крупного союза племен, включая «Аньцай, материнский народ алан», отмеченный «в низовьях Яксарта и у Аральского моря. Тут кроме исторически закрепленного равенства Аньцай=Аланы, лингвистически констатируется равенство Аньцай=Аорсы, из чего следует равенство Аланы=Аорсы...» (*Taubler* 1909, S.22). С другой стороны, категорически утверждал: «Несмотря на тождество этнонимов Аньцай=Аорсы и Аньцай=Аланы, имена Алан и Аорсов не идентичны, но дополняют друг друга как две части одного народа, отделенных друг от друга судьбой» (*Taubler* 1909, S.23).

Тождество этнонимов «яньцай», «аорсы», «аланы» безоговорочно признавал В.В.Бартольд: «Яньцай есть, несомненно, китайская транскрипция народного названия аорсов; в I в. н.э. китайцы говорят о *переименовании* владения *Яньцай* в *Аланья* и с того времени у классических писателей вместо названия *аорсы* для обозначения того же народа появляется название *аланы*» (*Бартольд* 1963, ч.1, с.813-814). Эту мысль ученый повторил неоднократно (*Бартольд* 1965, с.32-33). Столь же определенно высказался М.И.Ростовцев. В одной из работ, вышедшей в Кембридже в 1936 г., он писал: «Происхождение аорсов и аланов известно». Сопоставляя данные анналов «ранней» и «поздней Хань», он пришел к заключению, что «аорсы западных источников являются йен-тсай китайских 'Анналов' и спустя некоторое время после 25 г. по Р.Хр. другое племя одержало верх над ними и дало собственное наименование — аланы — всей конфедерации кочевников, которую оно контролировало. Не случайно название *аорсы* исчезает из западных источников во второй половине I в. по Р.Хр., когда на его месте оказывается этноним *аланы* (возможно, уже с 35 г. по Р.Хр.)» (*Ростовцев* 1993, с.92). Из современных исследователей данную идею наиболее последовательно отстаивают Ю.С.Гаглойти (1962, с.150-155) и В.Б.Ковалевская (1984, с.80; 1995, с.124).

Точку зрения на «яньцай» как «аорсов» недавно попытался пересмотреть Ю. Зуев. Он обратил внимание на то, что термин, который кроется в транскрипции *яньцай* или *аньцай* китайских памятников, интерпретируется учеными по-разному. Одни (Ф.Хирт, А.Гутшмид, Э.Пуллейблэнк и др.) видят в нем аорсов, И.Маркварт считал их массагетами, Цэнь Чжуимянь — кипчаками, О.Менчен-Хелфен и В.Хауссиг — эфталитами. Ю.Зуев присоединился к сторонникам еще одной версии. В утраченном сочинении «Хэнь шу цзе-гу» (Толкование текста «Истории Хань»), цитированном в комментариях к «Историческим запискам», говорилось, что «Яньцай это *Хэсу*». Вслед за Сиратори и Теггардом, Ю.Зуев в этом варианте видит отражение названия упоминаемого Плинием Старшим (23-79 гг.) сармато-аланского племени абзоев: «По сю его (Каспийского моря — Ф.Г.) сторону (т.е. западной стороны — Ю.З.) — номады и савроматы под многими отдельными именами, а по ту сторону (т.е. на востоке — Ю.З.) — абзои с неменьшим количеством названий». По

заключению исследователя, термин *абзой* (также как и *яньцай/хэсу*) — политоним, в значительной степени синонимичный термину *сармат* (*Зуев* 1995, с.41). Однако эта точка зрения вызывает слишком много вопросов, и пока не видно сколько-нибудь веских аргументов, чтобы ее предпочесть традиционному толкованию соотношения яньцай/аорсы.

Традиционную точку зрения недавно попытался пересмотреть й А.А. Цуциев. Он полагает, что «надежных данных об аорсах, как о племени, населявшем Приаралье, у нас нет. Кроме того, Ф. Теггардом показана невозможность лингвистического отождествления аорсов и Яньцай». В связи с этим Яньцай сопоставляется с наиболее могущественными кочевниками Арало-Каспия того времени - племенами сако-массагетского круга. В китайских источниках они известны под именем *сэ*. Но ни разу китайские памятники не упоминают массагетов; вероятно, они фигурируют под каким-то другим названием. Обратив внимание на совпадение локализации и этнических характеристик массагетов Страбона и Яньцай китайских авторов, исследователь в качестве «рабочей гипотезы» предполагает, что «именно массагеты были известны китайцам как Яньцай» (*Цуциев* 1999, с. 15-16).

Обобщая изложенное, отметим, что, по мнению большинства специалистов, аорсы /=яньцай/ — это протоаланское племя, господствовавшее в крупном объединении племен, видимо, массагетского круга, часть которого ближе к концу I тысячелетия до н.э. мигрировала из Приаралья на запад. Удивительно, но почти через тысячу лет после описанных событий по существу то же самое повторил Масуди в рассказе об аланской[5] гвардии хазарского кагана. В издании Н.А.Караулова интересующий нас сюжет приведен следующим образом: «Большая часть населения в царстве хазар составляют мусульмане[6], так как из них составлено войско царя; они называются Ларисия (в переводе В.Ф.Минорского — ал-ларисийа, арсийа) родом приблизительно из Хуварезма (у В.Ф.Минорского — «из окрестностей Хорезма»). В древние времена, вскоре после появления (возникновения) ислама, случилась в их государстве война и чума, они и приютились в царстве хазар; это люди храбрые и на смелость их царь хазар возлагает все надежды при своих войнах... В настоящее время из них 7000 составляют конную гвардию царя; они вооружены латами, касками и кольчугами...» (*Караулов* 1908, с.44-45).

Комментируя данный фрагмент, В.Ф.Минорский справедливо, на наш взгляд, предположил, что здесь имеются в виду, «по всей вероятности, аланы, которые жили сначала за Каспием на юг от Аральского моря. Арсийа звучит очень похоже на древнее *аорси* (по китайски *яньцай*). По-персидски имя *аорси* стало *ас*». Опираясь на показания китайских источников о переименовании Яньцай в Аланья («Алан, т.е. первоначально *арией*»), В.Ф.Минорский разделил

точку зрения о тождестве аорси и алан. Изменение имени он связывал с «результатом перехода господствующей роли в объединении племен к другому племени или клану» (*Минорский* 1963, с.193-194 примеч.23).

Аргументом в пользу последней мысли может служить свидетельство Птолемея (VI, 14, 19) об аланорсах. Исследователи часто разбивают данный этноним на составные части: «алан» + «аорсы» (*Altheim* 1768, S.71). Но, если одни на основе этого доказывали бытование в конфедерации двух разных народов, то другие категорически не соглашались с этим, полагая, что «речь идет лишь о различных названиях, прилагавшихся к одной и той же этнической группе» (*Гаглойти* 1962, с.153). Недавно появилась третья позиция — Т.А.Габуев (1998, с.27-28) отметил, «что аланы никем из античных авторов с сарматами не отождествляются, а иногда даже им противопоставляются». Что касается этнонима «аланорсы», то трактовка этнонима как алано-аорсы «неверна. Этот этноним прочитывается как *белые аланы* (В.И.Абаев) и рассматривать его как переходный нельзя». В другой статье Т.А.Габуев (1998а) вновь исключает из «этнонима аланорсы аорсов как обязательный компонент», но признает «тесную взаимосвязь между аланами и аланорсами», рассматривая их «как две племенные группировки одного и того же народа».

Обратимся к конкретным свидетельствам об аорсах и яньцай.

Наиболее ранние свидетельства содержатся в китайских анналах дома Хань. «Яньцай лежит почти в 2000 ли от Кангюя на северо-запад. И это кочевое владение; в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем. Войска более 100.000. Лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов. Это и есть северное море» (*Бичурин* 1950, с.150, 186). Интересно утверждение китайского источника о том, что Яньцай «в обыкновениях *совершенно сходствует* с Кангюем». О последнем сказано: «Это кочевое владение; в обыкновениях совершенно сходствует с юечжысцами; имеет до 90000 войска. Кангюй смежен с Даванью, и по малосилию своему признает над собою на юге власть юечжысцев, на востоке власть хуннов» (там же, с.150). В свою очередь, Большие Юечжи — также «кочевое владение. Следуя за скотом, перекочевывают с места на место» (там же, с.151). Судя по этим свидетельствам, Яньцай и Кангюй — кочевые образования.

Уже в первые годы после открытия Западного края Китай придавал Яньцай значение на уровне Парфии, Дацинь (восточные колонии Рима) и Индии, что подтверждает описание мероприятий, предпринятых сразу после победы над сюнну в 121 г. до н.э.: «чтобы иметь сообщение с государствами на Северо-западе...снова направили посольства в Аньси (Парфия), Яньцай, Лигань (Дацинь) и Шэньду (Индия)». В тот период ханьский двор отрабатывал стационарные маршруты Великого пути на запад. Находившийся в аралокаспийском бассейне Яньцай занимал ключевое место на север-

ной дороге: «Северная дорога при переходе через Цунлин (Памир) на запад как раз выходит в Даюнь (Фергана), Канцзюй (Кангха) и Яньцай». Через несколько столетий ситуация изменилась. Автор «Истории поздней Хань. 25-220 гг.», отмечал: «Государство Яньцай стало называться Алань-Ляо; (правитель) живет за земляными (крепостными) стенами (*кит.* цзюй ди чэн) и зависит от Канцзюй. Климат и почва теплые, много сосны и ковыля. Обычаи и одежды населения одинаковы с канцюйскими». В «Кратком обозрении государства Вэй. 220-265 гг.», сохранившимся лишь в передаче, говорится: «Есть... еще государство Яньцай, иначе называемое Алань. Все они одних обычаев с Канцзюй. На западе граничит с Дацинь, на юго-востоке с Канзцюй. Там много соболя, который славится; кочуют со скотом в поисках воды и травы; прилегают к большому озеру/болоту; в прежние времена весьма зависели от Канцзюй, а ныне не зависят» (*Зуев* 1995, с.38-40).

Обычно исследователи Яньцай локализуют на берегах Арала. По мнению Ю.Зуева, нет оснований «думать, что в китайских источниках под страной Яньцай разумелись исключительно местности у Аральского моря. В них присутствует представление о всей огромной территории тогдашних кочевий сармато-алан, хотя бесспорно, что именно восточное и северное Приаралье были наиболее известны китайцам» (*Зуев* 1995, с.41-42). Согласно скрупулезному источниковедческому анализу Л.А.Боровковой (1989, с.65), Яньцай локализуется в восточном Приаралье.

В числе античных авторов, знакомых с аорсами, был Страбон: «аорсы и сираки, простирающиеся на юге до Кавказских гор; они частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием» (*Страбон* 1991, с.177). В другом месте географ дал более развернутую характеристику. «Далее следуют кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем, именно набианы, панксаны, а также племена сираков и аорсов. Эти сираки и аорсы являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше, а аорсы обитают северные сираков. Абеак, царь сираков, выставил 20000 всадников (в то время как Фарнак владел Боспором). Спадин же, царь аорсов, даже 200000; однако верхние аорсы выставили еще больше, так как они занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря... вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения. Аорсы, впрочем, живут по течению Танаиса...» (там же, с.193)

Это сообщение Страбона содержит смутный намек на то, что две группы европейских аорсов (аорсы на Дону и «верхние» аорсы у Каспия) мигрировали из какой-то области, причем сделали это не по своей воле: они были «видимо, изгнанниками племен, живущих выше». Может быть, имеются в виду аорсы (яньцай) Приаралья?

Мощным, воинственным племенем рисует аорсов Тацит. Царь аорсов Эвнон, вступив с римлянами «в дружбу, пользовался боль-

шим влиянием» (*Гаглойти* 1966, с.281) и проводил активную внешнюю политику. Аорсы известны Плинию Секунду (*Плиний* 1991, с.164) и Птолемею (*Птолемей* 1990, с.148). Когда же и в связи с чем аорсы (яньцай) из Приаралья мигрировали на запад? Насколько важными были последствия этих процессов для этносов юга России?

Отвечая на последний вопрос, ограничимся мнением Г.Вернадского: «Изучающий русскую историю должен внимательно отслеживать развитие тенденций в евразийском кочевом мире, поскольку без знания этого развития многие события в истории России никогда не могут быть в достаточной степени поняты и оценены» (*Вернадский* 1996, с.85).

В специальной литературе уже высказывалось мнение о нескольких волнах сарматских миграций на запад. Опираясь на нетрадиционное прочтение Е.Боннелом сюжета Диодора Сицилийского о борьбе за боспорский престол («Арифарн царь сираков»), В.П. Шилов появление сираков и аорсов в степях Предкавказья относил к концу IV в. до н.э. (*Шилов* 1983, с.36).

В конце III в. до н.э. начинается очередной, наиболее крупный этап сарматского продвижения на запад (*Смирнов* 1984, с.117, сл.). С этой волной связывается продвижение части аорсов, занимавших до этого прикаспийские степи (*Maenchen-Helfen* 1945, p.78-80; *Ждановский* 1990, с.42). Вероятно с этой же волной номадов связано появление на Центральном Кавказе подбоев и катакомб. В 1983 г. археологической экспедицией Северо-Осетинского государственного университета в окрестностях с. Комарова Моздокского района Северной Осетии было раскопано 4 кургана. Наибольший интерес представляет богатейшее погребение пожилой представительницы кочевой аристократии, обнаруженное в восьмислойном кургане 1. Женщина погребена во впускной катакомбе. В Комарово известно всего пять катакомб такого типа. Еще две поблизости — у ст. Павлодольской; в погребении 1 кургана 2 покоилась пожилая женщина 60-65 лет, в погребении 10 кургана 2 скорее всего покоился подросток (из-за плохой сохранности костей определение не удалось провести). К этой же группе катакомб следует отнести еще 2 впускные подкурганные катакомбы, раскопанные экспедицией Государственного музея Востока в 1986 г. у ст. Черноярской в том же Моздокском районе Северной Осетии. Несколько катакомб аналогичного типа III-I вв. до н.э. было исследовано в Ставропольском крае. Таким образом, все известные на сегодняшний день впускные подкурганные катакомбы локализуются в Центральном Предкавказье, преимущественно в Северной Осетии и датируются III-I вв. до н.э. (*Виноградов, Березин* 1985, с.49-52; *Габуев* 1997, с.72). Конструкция катакомб, по классификации Т.А. Габуева, относится к первому, а по классификации К.Ф.Смирнова, ко второму типу, когда «длинные оси входной ямы и камеры находятся на одной прямой» (*Габуев* 1997, с.73-75).

Некоторые специалисты предполагают связь между появлением этого типа наиболее ранних катакомб на Центральном Кавказе и массовыми миграциями в евразийских степях и появлением во II в. до н.э. на исторической арене передового отряда ранних алан — роксалан (*Кузнецов* 1997, с.158-159). Не оспаривая в принципе эту идею, отметим, что появление роксалан в юго-восточной Европе методами археологии прослеживается с большим трудом; при современном состоянии науки выводы специалистов в данной области дальше вероятностных заключений не идут. Дело в том, что шансов на правильное отождествление археологических культур и этносов немного, а по мнению С.А.Арутюнова и А.М.Хазанова, это вообще невозможно. Тем не менее, при всей неоднозначности интерпретации археологических данных в этногенетическом плане без них становится нереальным изучение бесписьменных народов (*Яблонский* 1996, с.7, 9, 11, 61, 78). Сказанное в полной мере относится и к ранним аланам.

В современной историографии доминирует точка зрения, по которой катакомбы II типа и подбои сначала утвердились в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье, а затем стали распространяться на восток, юго-восток и запад. Если эта версия верна, то погребальные конструкции такого типа в Предкавказье могли попасть двумя маршрутами: или с сарматами Поволжья-Приуаралья, либо с ираноязычными кочевниками Средней Азии. В обоих случаях мы имеем дело с архаическими (или прото-)аланами (*Кибиров* 1959; *Смирнов* 1975; 1984; *Вайнберг* 1979; 1981; *Лоховиц* 1979; *Лоховиц, Хазанов* 1979; *Степная*...1992; *Кожомбердиева* 1997; *Ольховский, Галкин* 1997; *Балахванцев* 1998).

Наиболее крупный этап сарматской миграции, как уже отмечалось, К.Ф.Смирнов датировал концом III-I вв. до н.э. и связывал с активностью роксалан, язигов и аорсов. Их политические союзы настолько окрепли и усилились, что «оказались способными на крупные завоевания и переселения на Северный Кавказ» и в Скифию. По убеждению ученого, археология позволяет проследить движение сарматов и на юг — в район оседлых поселений Бухарского оазиса, «т.е. втягивание сарматов в движение» юечжей и других среднеазиатских кочевников, в результате которого было сокрушено Греко-бактрийское царство. В движении ираноязычных племен на запад К.Ф.Смирнов особо выделил «как племена-руководители» язигов и роксалан. Характеризуя роксалан, археолог отметил: «Это, конечно, был весьма мощный и особенно заметный античным авторам союз племен, игравший значительную роль» на юге-востоке Европы. Говоря об их происхождении, ученый подчеркнул тесную связь «роксаланов с аланами и тем самым с массагетским массивом восточных племен...» (*Смирнов* 1984, с.7, 115-121).

Идею К.Ф.Смирнова развил А.С.Скрипкин. Увеличение населения и климатические изменения вытолкнули сарматов Нижнего

Поволжья и Южного Приуралья из своих экологических ниш. С этим связан их приход в Среднюю Азию. Здесь они вместе с другими ираноязычными племенами отняли у греков Бактриану. Античные авторы среди племен, участвовавших в этом событии, называют асиев, пасиан, тохаров и сакаравлов (*Skripkin* 1994, p. 279-285).

Активизация ираноязычных кочевников нашла отражение не только в гибели Греко-Бактрии, но и в завоевании сарматами Скифии и проникновении на Северный Кавказ. Существует мнение, что во всех этих событиях участвовали одни и те же племена (*Ставиский* 1977, с.108, 109). А.С.Скрипкин полагает, что формирование аорсов и алан проходило в южноуральских и приаральских степях. «Предки будущих аланов, которые впоследствии придут в Европу, приняли участие в завоевании Греко-Бактрии, и окончательное их становление завершается в сако-массагетской среде». Основную роль в сарматизации Предкавказья и Северного Кавказа в последние века до н.э. и первые века н.э. А.С.Скрипкин отводит аорсам и сиракам, но и не исключает «появления здесь в результате военных походов аланов или установления ими протектората над этими районами» (*Скрипкин* 1990, с.193, 198-199, 211-212, 219-220).

В свете изложенного возникает соблазн связать с роксаланами (асами или тохарами) появление в Моздокском районе Северной Осетии впускных катакомб III-I вв. до н.э. Однако решающих аргументов в пользу этого предположения пока не видно. Сама идея о возможном появлении роксалан в степях юга России и именно в степном Предкавказье в составе миграционного потока II в. до н.э. представляется перспективной. Что касается этнической принадлежности *всех* ранних впускных катакомб Северной Осетии, то вопрос этот, на наш взгляд, остается открытым. Катакомбы известны многим ираноязычным племенам разных эпох на огромном пространстве от Средней Азии до Восточной Европы. Поэтому открытые в последнее время в Моздокском районе впускные подкурганные катакомбы могли и не принадлежать ранним аланам в узкоэтническом смысле. Если говорить конкретно о роксаланах, то с ними сложно связать какие-либо конкретные археологические памятники. Предпринятая К.Ф.Смирновым попытка отнести к роксаланам диагональные погребения оказалась неудачной и сам автор идеи отказался от нее (*Смирнов* 1981, с.22-23; 1984, с.121-122). Диагональные погребения появились не позже V в. до н.э. на Илеке и в низовьях Амударьи. Отдельные примеры *почти* диагонального положения в могилах известны для скифского времени на всей территории Евразии от Алтая до Причерноморья. Новые данные о распространении диагональных погребений задолго до появления на исторической арене роксалан заставили ученого пересмотреть свою точку зрения (*Смирнов* 1975, с.160-161).

По времени захоронения и положению вблизи Меотиды роксаланскими, возможно, являются некоторые погребения у с. Василь-

евка, в могильнике Аккерман-I на р.Молочной, у х. Шевченко и др., но четких признаков, позволяющих определить племенную принадлежность умерших, выделить пока не удается (*Щукин* 1994, с.146). Как будто бы можно связать с роксаланами богатые клады междуречья Дона и Днепра. Однако они известны и на территории расселения сираков в Прикубанье (с.Ново-Сергиевская, Ново-Джерилиевская, г.Кореневск), и в междуречье Дона и Волги (с.Жутово), где жила основная масса аорсов. Все «клады» принадлежали богатым конным воинам (*Смирнов* 1984, с.121).

Последнюю по времени попытку связать с роксаланами определенный тип археологический памятников предприняла В.И.Мордвинцева. Согласно ее анализу, именно с роксаланами можно связать упряжи типа II по ее классификации, бытовавшие в памятниках II-I вв. до н.э. между Доном и Днепром (*Мордвинцева* 1998, с.59-60).

Недавно гипотезу К.Ф.Смирнова попытались модернизировать. Диагональные погребения на Северном Кавказе, Дону и Причерноморье А.В.Симоненко (1989, с.119) связывает с «восточным импульсом». Однако однозначно доказать среднеазиатские корни диагональных погребений не удается. Диагональные погребения встречаются в раннесарматских памятниках IV-III вв. до н.э. (погребения Лебедевки, Пятимары, Кардаилово и др.). Интересно, что женское диагональное погребение в Пятимарах имела бронзовые наконечники стрел (*Статистическая*...1997, с. 100. 103-104).

Диагональные погребения отмечены и в скифских памятниках. Поэтому считать диагональные погребения характерной чертой лишь алан вряд ли правомерно. «Диагональные погребения, как и целый ряд других явлений в обряде и материальной культуре сарматов начала нашей эры, — пишет по этому поводу А.С.Скрипкин (1996, с.166), — представляют собой возрождение старых скифских традиций — феномен, который предстоит еще всесторонне исследовать, но о котором можно сказать, что проявил он себя в новой этнополитической ситуации». Вместе с тем А.С.Скрипкин не сомневается в том, что «диагональные погребения должны быть» аланскими. В период I-II вв. н.э. данный тип погребений стал преобладающим и «может быть признан как собственно аланский, в то время как погребальный обряд племенного объединения во главе с аланами был гораздо пестрее». Конечно, уточняет исследователь, ранние аланы отождествляются не только с диагональными погребениями. «Скорее всего, диагональные погребения характеризуют какую-то часть раннеаланского общества, отличавшегося в социальном или каком-то ином плане» (*Скрипкин* 1990, с.218). В связи с этим отметим обнаруженные на Днепре аланские диагональные погребения эпохи Великого переселения народов, принадлежавшие, по мнению археологов, выходцам с Северного Кавказа (*Казанский, Мастыкова* 1999).

Следует отметить принципиальную позицию Ю.А. Заднепровс-

кого, последовательно отстаивающего точку зрения о принадлежности погребений в подбоях могильников Южного Таджикистана, на землях Северной Бактрии, юечжам. Им же отмечено сходство этих памятников с памятниками в подбоях Семиречья, Ферганы и Бухарского оазиса. Особое значение придается открытию могильника (Хамадун) с подбоями в провинции Ганьсу Северного Китая — «территории предполагаемой прародины юечжей». Данный могильник китайские археологи определяют как памятник юечжей. Сопоставляя данные письменных источников о миграции юечжей в 165-140 гг. до н.э. от Ганьсу до Северной Бактрии, с данными археологии, ученый подчеркивает: «На всех основных участках миграции юечжей: на их прародине в Ганьсу, в Таримской впадине, в Семиречье и Фергане, в долине Зеравшана и в Северной Бактрии встречены погребения в подбоях. Распространение их, очевидно, отражает процесс расселения и передвижения юечжийских племен в Центральной Азии» (*Заднепровский* 1998, с.33-34).

С такой аргументацией не стыкуется тот факт, что одним из распространенных типов раннесарматских могильных ям погребений III-I вв. до н.э. являлись подбои (*Статистическая* 1997, с. 182). Подбои встречены и в позднесарматских памятниках Заволжья II-IV вв. (раскопки Б.Н. Гракова 1925 г. у сел Блюменфельд и Кано). Из 6 подбойных могил в 5 были погребены женщины. Интересно также, что из 17 погребенных у 10 черепа были деформированы (8 у женщин и 2 у мужчин). В сопровождающем инвентаре наиболее престижные вещи (фибулы, зеркала) встречены только в женских могилах. Обращает на себя внимание отсутствие гончарной керамики, хотя они имеются поблизости в погребениях Альт-Веймара, Бережновки, Политотдельского и даже в одном из курганов Блюменфельда раскопок П. Рау. Примечательно, что в двух случаях это были среднеазиатские красноглиняные кувшины. «Наличие в перечисленных могилах гончарной керамики, импорт которой в Заволжье в позднесарматское время, бесспорно, очень сократился, отражает или маркирует, по-видимому, сравнительно высокий социальный статус погребенных» (*Гущина, Мошкова* 1999, с. 42-49, 53).

Резюмируя все изложенное, отметим, что имеющегося материала недостаточно для сопоставления катакомб Моздока с аналогичными памятниками Приуралья или Средней Азии. Сам тип погребения мог быть заимствован из этих регионов. Но в погребениях во впускных катакомбах Моздока имелись свои специфические черты. Так, если в катакомбно-подбойных погребениях Приуралья и Средней Азии преобладала южная ориентировка, то в Предкавказье — западная. По мнению М.П.Абрамовой, меридиональная ориентировка не характерна для кочевников Предкавказья скифского времени, и ее появление связано с традициями сарматов, а западная — связана с влиянием местных традиций скифского времени (*Абрамова* 1993, с.36). Правда, в последнем случае возможна и иная интер-

претация, если вспомнить, что знаменитый «золотой человек» из кургана Иссык также погребен головой на запад (*Акишев К.А., Акишев А.К.* 1981, с.150), как и 20-летняя женщина в погребении 5 некрополя Тилля-тепе, тело которой покоилось в деревянной колоде, обернутой (как и в Комарово) в погребальное покрывало с нашитыми бляшками (*Сарианиди* 1989, с.110). Могильники номадов Бактрии и Согда (предполагается, что погребенные в них люди относились к участникам разгрома Греко-Бактрии во II в. до н.э.) также дают примеры западной ориентировки в подбоях (*Горбунова* 1994, с.59-60). Интересно, что в сарматском подкурганном могильнике III в. до н.э. – второй половины I в. н.э. у с. Заманкул Северной Осетии более ранние погребения имеют западную ориентировку, и южную – в более поздних (*Березин, Ростунов* 1994, с.48).

Здесь же напомним дискуссионную статью Б.А.Раева и С.А.Яценко (1993, с.111-125), в которой рассматриваются памятники Прикубанья середины I в. до н.э. – середины I в. н.э. – погребения т.н. «зубовско-воздвиженской группы» (ЗВГ), выделенной еще М.И.Ростовцевым. Авторы статьи акцентируют внимание на наличии «многочисленных инноваций в материальной культуре и погребальном обряде ЗВГ»; впервые встречены здесь многие специфические черты среднесарматской культуры, «включающие многочисленные элементы центрально-азиатского и Парфяно-малоазийского происхождения». Перечислив эти инновации (там же, с.112-117), археологи связали их с приходом с востока кочевников, ядро которых составили аланы. Обращаясь к античным авторам первых веков н.э., они находят подтверждение аланскому присутствию в Предкавказье. Особое место отводится Валерию Флакку, упомянувшему аланского вождя Анавсия («Ненасытного»): «Анавсий, уже раньше ставший врагом за то, что Медея была обещана в жены албанскому тирану, выслал пылких аланов, за которыми вскоре последовал и сам...» (*Валерий Флакк* 1991, с.246). Исходя из полиэтничности аланского массива (роксаланы, аланорсы, аланы-массагеты, аланы-скифы), Б.А.Раев и С.А.Яценко полагают, что будет «правомерным распространение этнонима *аланы* вслед за рядом античных авторов на центральное ядро ЗВГ» (*Раев, Яценко* 1993, с.121). Хотя данный вывод уязвим для критики, на наш взгляд, он может быть принят в качестве рабочей гипотезы.

Таким образом, основная волна миграций ираноязычных племен с востока на запад приходится на II-I вв. до н.э. Причины движения номадов на запад были различными: социально-политическими, географическими, а то и их комбинацией (*Грач* 1984). М.Г.Мошкова, касаясь причин «восточных импульсов» (массовых миграций на запад), связывала их как с политическими событиями второй половины II в. до н.э. (передвижением азиатских племен и разгромом Греко-Бактрийского царства), так «и особенно с экологической ситуацией» – «наступлением очень засушливого периода» (*Мошкова* 1983, с.19).

Природно-климатические изменения могли подстегнуть степняков к перемене мест. Кочевнику необходимо гораздо больше земли, чем земледельцу, поэтому межплеменные столкновения в эпоху усилившейся аридизации вызвали истребительные войны за пастбища и передвижение племен. Борьба между хуннами и юечжами за господство в степи вызвало миграцию III в. до н.э. Дополнительным стимулом послужило то, что в III в. до н.э. резко понизился уровень Каспийского моря[7] — «ниже абс. отм. минус 32 м», но повысился уровень Арала и Балхаша (*Гумилев* 1993, с.278-284).

Причиной переселения азиатских этносов на запад опосредованно стала постройка Великой китайской стены; она протянулась на 4 тыс, км, высота достигала 10 м, через каждые 60-100 м высились сторожевые башни. Правда, после окончания строительства выяснилось, что всех вооруженных сил Китая не хватит для организации эффективной обороны на стене. Тем не менее, ее возведение нельзя считать бессмысленным. Даже через неохраняемую стену не перетащить лошадей, а без них передвижение в азиатских просторах невозможно. Это обстоятельство препятствовало набегам кочевников (в первую очередь хуннов), стесняя их в выборе путей для нападения на оседлые области Китая. В результате хунны сменили направление агрессии, что, в свою очередь, вызвало движение других племен на запад (*Гумилев* 1993а, с.43-45).

А.С.Скрипкин «одной из основных» причин появления в Сарматии новых народов также считает «активность хуннов», которые на рубеже III-II вв. до н.э. нанесли «ряд ударов по отдельным подразделениям восточно-скифского мира. Начавшиеся передвижения наиболее восточных скифских группировок, граничивших с хуннами, сдвинули с места другие народы Азиатской, а затем и Европейской Сарматии» (*Скрипкин* 1994, с.29-30; см. также: *Скрипкин* 1994а, с.15-17; *Skripkin* 1994, p. 280-281).

Восточный импульс довольно четко прослеживается по инвентарю погребений на обширной территории к западу от Волги. В частности, во II-I вв. до н.э. в сарматских памятниках появляются мечи с кольцевым навершием, задолго до этого бытовавшие в сакомассагетской среде. В целом ряде находок в Поволжье и на Дону мечи с кольцевым навершием снабжены ножнами с лопастями в нижней и верхней частях. Такой тип ножен был широко распространен в последние века до н.э. на Алтае (*Скрипкин* 1992, с.23).

Наряду с погребальной обрядностью, предметами культа и т.д. важными этнокультурными индикаторами являются произведения искусства (*Ольховский* 1996, с.127). Еще М.И.Ростовцев обратил внимание на то, что в памятниках юга России с III в. до н.э. начинает прослеживаться «влияние какого-то нового искусства, чуждого более ранним скифским погребениям». По мнению ученого, это позднеиранское искусство сложилось на границе между сакским Туркменистаном, Персией и Индией. «Новая более сильная волна

тех же влияний нахлынула на юг России столетием позже, во II в. до Р.Хр.». Этот этап миграций М.И.Ростовцев связывал с гибелью Бактрии, возвышением Парфии, образованием в Индии индо-скифских царств. В свою очередь, все эти явления ставились в зависимость от движения юечжей под напором гуннов от границ Китая на запад и юго-запад. [В другом месте о данном этапе миграций сказано: «великое передвижение народов во второй половине II в. до Р.Хр., которое так кардинально повлияло на жизнь Востока, вытеснило на запад группу кочевых племен» - роксаланов, аорсов и сираков] . Одна волна сарматских кочевников за другой «докатилась и до степей юга России и разлилась здесь до южного Кавказа и Днепра». Позднее еще одна волна кочевников под напором юечжей и гуннов достигла южных районов России (*Ростовцев* 1993, с.45-46, 92).

Идея М.И.Ростовцева о путях распространения нового искусства нашла подтверждение в последних исследованиях. Находки в курганах юго-восточной Европы обнаруживают сходство с инвентарем «царских» погребений Тилля-тепе (*Сарианиди* 1984; *Скрипкин* 1990). После второй волны движения кочевников в Причерноморье, на Дону и Северном Кавказе появились серебряные позолоченные бляхи-фалары, несущие элементы искусства Бактрии, Индо-Скифии и «княжеств», созданных кочевниками на месте Греко-Бактрийского царства (*Щукин* 1994, с.145-146). Самые ранние фалары (Александрополь, Федулово) относятся еще к началу III в. до н.э., но подавляющее большинство датируется в пределах II-I вв. до н.э., и, следовательно, их появление связано с приходом новых ираноязычных племен с востока (*Щукин* 1994а, с.14-15). Детальный анализ фаларов, предпринятый В.И.Мордвинцевой, показал, что первыми среди украшений конского снаряжения сарматов появляются очень крупные наплечные фалары. Самые ранние их находки приходятся на территории Приуралья (Прохоровка), Нижнего Дона (Федулово) и Прикубанья (Успенская, Ахтанизовская). Первый комплекс датируется III в. до н.э, остальные — концом III — первой половиной II в. до н.э. В течение всего II в. до н.э. наплечные фалары этого типа бытовали, преимущественно, к востоку от Волги (Новоузенск, Сидоровка, Володарка, Ишимская находка), причем все они представлены греко-бактрийскими образцами. В конце II в. до н.э. импортные (среднеазиатские) фалары меньших размеров появляются на Кубани (*Мордвинцева* 1998, с.54).

О восточном импульсе в Причерноморье и на Кавказе свидетельствует и появление антропонимов с «фарном» — именем божества, почитаемого ираноязычными племенами Средней Азии. Интересен найденный на Кубани золотой амулет II-I вв. до н.э. с надписью «Богу Уатафарну». Согласно анализу В.Миллера, поддержанного Б.А.Литвинским, Уатафарн являлся «божеством мира жилища, покровителем домашнего счастья, и посвященный ему амулет

обеспечивал носителю счастье в домашней жизни» (*Литвинский* 1968, с.67-68, 70).

Я.Харматта уточнил датировку второго этапа миграции сарматов — между 130 и 125 гг. до н.э. «Примерно в это время в Восточной Европе появились аорсы и сираки. Поскольку движение сарматских племен на огромной территории от Арала до Дуная совпадает по времени с приходом юечжи-тохаров в Бактрию, то взаимосвязь этих двух событий не вызывает никакого сомнения... одна часть яньцай (аорсов), очевидно, очень сильно потесненная натиском тохарских племен, вместе с другими иранскими племенами устремилась на запад к Дону» (*Harmatta* 1970, p.34).

М.Б.Щукин миграцию номадов на запад также связывает с изменениями политической ситуации в Азии. Далеко на востоке хунны «где-то между 174 и 165 гг. до н.э.» разгромили юеджей, их правитель погиб, а из его черепа правитель хуннов сделал кубок. Остатки юеджей горными тропами через Тянь-Шань ушли на юг в пределы Греко-Бактрии. Если китайские хроники кочевников, двинувшихся на юг, называют юеджами, то античные авторы говорят о саках и массагетах. По Страбону (XI, 8, 2), «у эллинов отняли Бактриану асии, пасианы, тохары, сакаравлы...». По меньшей мере частично этнонимы китайских и античных авторов перекрывают друг друга. В движение были вовлечены различные группировки номадов евразийский степей и Средней Азии. Греко-Бактрия стала легкой добычей кочевников и к 135 г. распалась на 5 княжеств под управлением потомков завоевателей. Таким образом, порожденная действиями хуннов, волна движения номадов, отголоском которой были события в Бактрии и Парфии, покатилась дальше на запад и затухла в степях Северного Кавказа и Причерноморья. В конце II в. до н.э. здесь появились новые группы кочевников - роксалан, «мощноконных» аспургиан и неких сатархов, под которыми обычно понимают тохаров (*Щукин* 1994, с.137, 139-140).

Волна с востока коснулась и Приуралья. В Прохоровском кургане №1 III-II вв. до н.э. обнаружена серия предметов явно не местного происхождения. В первую очередь речь идет о железном литом панцире; его находка — единственная в сарматских древностях той поры. Особняком среди сарматских золотых украшений стоит прохоровская гривна с зооморфными окончаниями. Не имеют полной аналогии в сарматских древностях и особенности декора золотых обкладок ножен меча. Этот же курган — наиболее ранний сарматский комплекс с украшениями конской упряжи нового типа — наплечными бляхами — распределителями ремней (*Мордвинцева* 1996, 155-159). Находка в прохоровском погребении ахеменидских фиал, переделанных в фалары, может свидетельствовать о заимствовании сарматами данного типа украшений во время их участия в военных действиях на Ближнем Востоке (*Мордвинцева* 1998, с.59)

В целом, в настоящее время среди историков доминирует точка

зрения, согласно которой миграция юечжей вызвала «цепную реакцию» (*Гафуров* 1972, с.133; *Ставиский* 1977, с.108-109; *Керефов* 1988, с.123), в результате которой азиатские кочевники пришли в движение и стали продвигаться в западном направлении. С этим процессом Д.А.Мачинский связывал появление на исторической арене роксалан, явившихся «передовой группой аланского этнического массива, восточное, о точнее массагетское, происхождение которого несомненно»; их появление на юге России связывается с событиями в закаспийских степях в первой половине — середине II в. до н.э. (*Мачинский* 1971; 1974).

Д.А.Мачинского поддержал К.Ф.Смирнов, признав «тесную связь родоначальников роксалан с аланами и тем самым с массагетским массивом восточных племен» (*Смирнов* 1984, с.121).

А.С.Скрипкин считает, что сведения Страбона, «в основном, относятся к II-I вв. до н.э.» и полководцу Митридата Диофанту действительно пришлось «воевать с роксаланами, возглавляемыми Тасием» (*Скрипкин* 1994, с.29).

Позиция Д.А.Мачинского, К.Ф.Смирнова и А.С.Скрипкина о появлении роксалан в юго-восточной Европе еще во II в. до н.э. серьезно корректирует наши представления о начале генезиса собственно *ранних алан.* Как правило, отправной точкой этого процесса считается относящееся примерно к 25 г н.э.[8] сообщение китайских источников: «Владение Яньцай переименовалось Аланья; состоит в зависимости от Кангюя... Обыкновения и одеяние народа сходны с кангюйскими» (*Бичурин* 1950, с.229). К более позднему времени относится еще одно интересное свидетельство китайских анналов. «Правление в городе Аланьми. Эта страна прежде принадлежала кангюйскому удельному владетелю. Больших городов считается сорок, малых окопов до тысячи. Мужественные и крепкие берутся в *чжегэ, что* в переводе на язык Срединного государства значит: строевой ратник» (там же, с.311).

Указание китайских источников на изменение аорсами (яньцай) Приаралья в результате каких-то событий в начале н.э. своего названия на аланы надо понимать так, что прежде аорсы (яньцай) - это не аланы; хотя после этих событий часть аорсов приняла участие в этногенеза ранних алан. Сказанное вынуждает нас внимательнее отнестись к проблеме *«Протоаланы и Средняя Азия».*

Особую актуальность приобретает уточнение датировки первого появления роксалан в юго-восточной Европе. Д.А.Мачинский, К.Ф.Смирнов и А.С.Скрипкин такой датой считали конец II в. до н.э. Они исходили из свидетельства Страбона (VII, 3, 15); учитывая значимость данного сюжета, приведем его полностью. «Роксаланы воевали и с полководцами Митридата Эвпатора под предводительством Тасия; пришли они на помощь Полаку, сыну Скилура, и считались народом воинственным; однако... роксаланы в числе почти пятидесяти тысяч не могли устоять против шести тысяч, быв-

ших под начальством митридатова полководца Диофанта, и большинство их погибло. Они носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием им служат копья, лук и меч. Подобным образом вооружено большинство других варваров[9]. Кибитки номадов сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток пасется скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются. Они следуют за пастбищами; зимою в болотах около Меотиды, а летом — на равнинах» (*Страбон* 1993, с.260).

Подтверждение этому сообщению Страбона некоторые исследователи видят в Херсонесском декрете конца II в. до н.э. в честь Диофанта, где роксаланы названы «ревксиналами» (*Смирнов* 1981, с.21).

В реконструкции М.Б.Щукина появление роксалан на исторической арене выглядит следующим образом. К Митридату, правителю Понта, в конце II в. до н.э. прибыли послы Херсонеса Таврического; они молили о помощи против осаждающих их город скифов царя Скилура и его сына Палака. Отборные войска армии Понта во главе с Диофантом в 110 г. до н.э. покинули кавказский фронт и отправились в Крым. Разгромив скифов, полководец вернулся в Понт. Однако весной следующего года Палак возвратил себе свои владения и осадил Херсонес. Вскоре на помощь городу вновь выступил Диофант. Тогда-то и пришла на помощь скифам конница «ревксиналов» царя Тасия, зимовавших в болотах Меотиды. Но Диофант «сделал разумную диспозицию, и воспоследовала для царя Митридата Евпатора победа славная и достопамятная на все времена». Ученые предполагают, что битва произошла у стен крепости у мыса, вдающегося в Ягорлыцкую бухту. Диофанту удалось заманить туда роксалан и запереть там своей закованной в латы фалангой. Стиснутые в ограниченном пространстве кочевники в панике скорее передавили друг друга, чем пострадали от понтийцев (*Щукин* 1994, с.141-142). Так на исторической арене появилась новая сила — роксаланы.

Построение Д.А.Мачинского-К.Ф.Смирнова-А.С.Скрипкина[10] весьма привлекательно и вызывает соблазн разделить их мнение. Однако, учитывая первостепенное значение цитированных сведений Страбона для решения проблемы этногенеза ранних алан, отметим и бытующие у части исследователей определенные сомнения в их корректности. Высказав сомнения в «безоговорочной достоверности» и «безупречности» данного фрагмента Страбона, Л.С.Ильюков и М.В.Власкин вместе с тем справедливо отмечают, что в любом случае «уже в начале нашей эры (Страбон умер в 23/24 гг.) в поле зрения античных писателей появилось новое этническое имя — роксаланы» (*Ильюков, Власкин* 1992, с.21-23). А это раньше, чем упоминание китайских источников о переименовании яньцай (аорсов) в Аланья.

Несмотря на некоторый скепсис в отношении источниковедческой значимости сообщения Страбона о роксаланах у названных авторов, мы присоединяемся к мнению Д.А.Мачинского о появлении роксалан в юго-восточной Европе в конце II в. до н.э. Судя по смене этнической номенклатуры в этом регионе, роксаланы были лишь частью новой волны с востока; примерно в это же время здесь появляются язиги, сатархи, тагоры и др. Восточный импульс фиксируется не только по письменным, но и по археологическим памятникам. Возможно, эта волна номадов как-то связана с политическими потрясениями Средней Азии второй половины II в. до н.э., гибелью Греко-Бактрийского царства под ударами кочевников, среди которых древние авторы выделяли асиев, (п)асиан, тохаров и сакаравлов (сакарауков).

Иными словами, должны быть еще ираноязычные племена восточного происхождения, имевшие непосредственное отношение к формированию ранних алан. Об этом же говорят данные языкознания. Ю.С.Гаглойти, ссылаясь на изыскания лингвиста Г.Бейли и вслед за ним, предполагает «определенный период соприкосновения между предками осетин с хорезмийцами, согдийцами и предками носителей современного пушту» (*Гаглойти* 1962, с.175).

Насколько можно судить по китайским источникам, к переименованию страны Яньцай в Аланья причастен Кангюй. Первым информатором, познакомившим китайцев с западными областями Азии, был дипломат, путешественник Чжан Цянь. Его имя, пишет Л.Н.Гумилев, «должно стоять в одном ряду с именами Геродота и Страбона» (*Гумилев* 1993а, с.90).

До возвышения династии Хань китайцам была известна весьма ограниченная территория; свою страну они считали центром мира. Толчок к открытию новых земель дала внешняя политика: в поисках союзников в борьбе с хунну вспомнили о юечжах (тохарах), и к ним был послан опытный чиновник Чжан Цянь. Десять лет провел он в плену у хуннов, но смог бежать и добрался до западной Азии. На обратном пути он вновь попал в плен, вновь смог бежать и в 120 г. до н.э. вернулся на родину. Его рассказы о горных скотоводах-усунях, о владении кочевников Кангюй, расположенном в Голодной степи, о Яньцай, Аньси, Шенду или Инду (Индия) — вызвали в Китае огромный интерес к западным странам, сравнимый лишь с тем, который возник в Европе после путешествия Колумба. Китайский император организовал целый ряд посольств в эти страны. Крупные посольства состояли из нескольких сот, а малые — не меньше, чем из 100 человек. Ежегодно отправлялось от 5 до 10 посольств, которые возвращались по прошествии нескольких лет. Дипломатические путешествия позволили китайским ученым составить исторические карты Западного края и довольно точно описать жившие там народы (там же, с.90-92).

В анналах дома Хань Кангюй предстает как «кочевое владе-

ние», которое «в обыкновениях совершенно сходствует» с Яньцай и Большими Юечжами. Войска имело до 90000. Во II в. до н.э. «по малосилию своему» Кангюй признавал «над собою на юге власть юечжийцев, на востоке — власть хуннов». Однако через два века Кангюй усилился настолько, что подчинил сильное объединение Яньцай, после чего последнее «переименовалось Аланья» (*Бичурин* 1950, с.150-151, 229; см. также: *Заднепровский* 1994, с.99). Несмотря на резкое ухудшение природно-климатических условий с I-го в. до н.э. (в хрониках постоянно отмечаются очень холодные зимы и засухи, выходящие за пределы обычных) Кангюй предстает богатым скотоводческим государством, способным выставить до 200000 всадников (*Гумилев* 1993, с.289-290).

Располагая Кангюй между Амударьей (Оксом) и Сырдарьей (Яксартом), исследователи расходятся в точной локализации данного этнополитического образования. Согласно С.П.Толстову, Авеста и позднейшая зороастрийская литература Кангюй знают под именем «Кангюй, высокий и священный»; под этими названиями «скрывается Хорезм». В то же время ученый допускал возможность, что «Кангха - несколько более широкое понятие, чем Хорезм» (*Толстов* 1948а, с.145). Современные исследователи не подтвердили концепцию С.П.Толстова о Хорезме как о центре Кангюйского объединения, территорию которого ряд археологов теперь располагает на средней Амударье (*Древнейшие*...1985, с.206). Б.Г.Гафуров (1972, с137), напротив, «ядро Кангюя» локализует на средней Сырдарье. «Летовки кангюйцев располагались, скорее всего, вдоль Сырдарьи, а резиденция правителей Кангюя помещалась в районе Ташкента». Носителей этноса он считал «ираноязычным народом, потомками и наследники сырдарьинских саков». По Л.Н.Гумилеву (1993а, с.137), «Кангюй находился в холмистой степи Восточного Казахстана, между озером Балхаш и Иртышем».

Китайские источники Кангюй и их соседей представляют как кочевников, но в то же время «народ живет внутри глиняных стен». Археологи, действительно, обнаружили немало поселений.

Среди верований (по археологическим материалам) особенно четко выявляется божество Фарн — патрон верховного правителя, а вместе с тем дома, семьи, здоровья. В иранской мифологии данный образ символизировал державную силу, божественную сущность, приносившую богатство, власть, могущество (*Мифы* 1992, с.557). Культ бога Фарна персонифицировался в образе барана, изображения которого на разнообразных предметах кангюйской (и более ранней скифо-сакской) поры специалистами связываются с представлениями о Фарне (*Литвинский* 1968; *Кузьмина* 1987, с.59). Почитая Фарн, кангюйцы ручки сосудов делали зооморфными — в виде баранов (*Литвинский* 1968). Аналогичную функцию этот образ играл и у других племен скифо-сарматского мира. В скифских памятниках Закавказья VII-VI вв. до н.э. нередки изображения головки

барана (*Есаян, Погребова* 1985, с.109). Вообще у скифов очень популярными были изображения «головы барана на изделиях на кости, рога и бронзы» (*Хазанов* 1975а, с.55). Голова барана изображена на золотых ножнах меча скифского вождя VI в. до н.э. из Червонной могилы (*Брошинский* 1979, с.16); на знаменитой пекторали из Толстой могилы баран фигурирует на верхнем ярусе, символизировавшем небесную сферу мироздания; на золотой бляхе из Александровского кургана рядом с женской фигурой (по Б.Н.Гракову – богиня плодородия Апи) помещены два барана (*Граков* 1971, с.83 табл. XI, 1).

В богато украшенных ножнах мечей из Келермеса и Мельгуновского кургана божество Фарн, как персонификация славы, победы, воплощалось в образе барана, хищной птицы, рыбы, коня, верблюда и, наконец, воина. Очевидно, мастер, создавший келермесские ножны, попытался «изобразить этот главнейший персонаж иранской религии, наделив его чертами, характерными для большей части перевоплощений Фарна» (*Кузьмина* 1976, с.59). На пекторали из богатого погребения сарматского (аланского) скептуха I в. н.э. из Косики изображено несколько баранов и их голов. Здесь же найден золотой браслет, на втором ярусе которого изображены тушки баранов на растянутой шкуре. Интересно, что таких изображений – семь. По предположению археологов, представленные на браслете жертвенные животные – бараны – служат символом Фарна «*небесной благодати* у древних иранцев; весь же сюжет носит символическое или магическое значение» (*Дворниченко, Федоров* 1993, с.168-170, 172).

Как на интересный факт, укажем на неожиданную находку захоронений баранов в Дашлы I на севере Афганистана; они были аккуратно уложены в могилу на боку, головой на север, как и в могилах людей, в окружении точно таких же погребальных сосудов, что и в обычных людских могилах. То что в данном случае животные – это не заупокойная пища, видно по уникальному моменту: перед мордой одного из баранов внутри вазы на высокой ножке находились бараньи ребра! Т.е. захороненному барану, помимо сосудов положили и «пищу» для заупокойной жизни (*Сариниди* 1984, с.135).

В сарматских погребениях первых вв. н.э. на территории Подонья, Прикубанья, Причерноморья и Венгрии встречаются красно- и буролаковые фигурные сосуды в виде фигурки барана (*Симоненко* 1998, с.68).

Изображения баранов (и барано-грифонов) специалисты связывают со скифо-сарматскими представлениями о Фарне (*Хазанов, Шкурко* 1976, с.46; *Кузьмина* 1987, с.59).

Античные авторы не оставили данных о культе Фарна у скифов, сарматов или алан. Однако Л.Згуста (*Zgusta* 1955, S.141, 184, 197, 236-239) привел целый ряд теофорных имен с «фарн»; обычно

его переводят как «(небесная) благодать». Но, как отмечает В.И.Абаев, «речь идет о чем- то неизмеримо большем, чем бытовое значение этих слов» (*Абаев* 1992, с.110). Точное значение термина «фарн» определить трудно; будучи дериватом «неба-солнца», оно означало все то благое, источником чего древние мыслили «небо-солнце» (*Абаев* 1958, с.421). Большая популярность имен с «фарн» у скифов и сарматов юга России свидетельствует о широком распространении у них этого культа (*Кузьмина* 1976, с.60). Его отголоски находим в культуре современных осетин (*Чибиров* 1976; *Кочиев* 1988) и таджиков (*Гафуров* 1972, с.138).

Кангюйский след в археологических памятниках Причерноморья начала н.э. проследил А.С.Скрипкин. Он обратил внимание на распространение в юго-восточной Европе тамг, аналогии которых в Средней Азии и Хорезме известны еще до н.э. Территориальную лакуну между Хорезмом и Северным Причерноморьем заполнили находки тамг в Нижнем Поволжье. С.П.Толстов сходство хорезмийских и причерноморских (особенно боспорских) тамг объяснял политической зависимостью Боспора от кангюйских сиявушидов. А.С.Скрипкин более осторожен и говорит об «аланской гипотезе начала распространения определенной группы тамг в Северном Причерноморье» (*Скрипкин* 1990, с.208).

Сравнительный анализ катакомбных погребений Центрального Предкавказья и Средней Азии показывает, что наиболее близкие аналогии северокавказским подкурганным катакомбам III-IV вв. мы находим среди катакомбных погребений Средней Азии, в памятниках Средней Сырдарьи последних вв. до н.э. — середины I тыс. н.э. Присырдарьинские катакомбные погребения, аналогичные северокавказским подкурганным, являются преобладающими. Л.М.Левина обратила внимание на совпадение керамического комплекса и элементов погребального обряда Средней и Нижней Сырдарьи с аланской культурой Северного Кавказа (*Степная*...1992, с.28-30, 104-107; *Габуев* 1997, с.79).

Известную параллель можно провести между катафрактариями европейских и азиатских алан. Тацит оставил описание дружины тяжеловооруженных всадников роксалан, вторгшихся в Мезию: «Вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд. В тот день, однако, шел дождь, лед таял, и они не могли пользоваться ни пиками, ни своими длиннейшими мечами, которые сарматы держат обеими руками; лошади их скользили по грязи, а тяжелые панцири не давали им сражаться. Эти панцири, которые у них носят все вожди и знать...действительно непроницаемы для стрел и камней, но если врагам удается повалить человека в таком панцире на землю, то подняться он сам уже не сможет» (*Тацит* 1968, т.2, с.42).

Описанный Тацитом защитный доспех и вооружение катафрактариев роксалан напоминает снаряжение тяжеловооруженных ира-

ноязычных всадников Средней Азии. Их изображения сохранились, например, на рельефах зала сакской усадьбы в Халчаяне (рубеж н.э.) на правобережье Окса, в долине Сурхандаьи. Персонажи «чисто европеоидного облика...с густой бородой и усами», в тяжелом обмундировании — кирасах из больших четырехугольных пластин, опускающихся до колен (ср. с данными Тацита о «тяжелых панцирях», не дававшим роксаланским дружинникам подняться). Аналогии такому панцирю имеются на изображениях батальных сцен на пластинах из могильника Орлат в Самаркандской области. Интересна форма панциря из больших четырехугольных пластин с плотно прилегающей верхней частью, сильно приталенной к поясу частью, с неимоверно широким подолом, спускающимся до голени, а также высокий бронированный воротник (*Бернар, Абдуллаев* 1997, с.69, 75-76). Панцирный ворот плотно прикрывал горло катафрактария на надгробии Афения (I в.) в Керчи. На ряде стел Боспора имеются изображения катафрактариев в длинных (до щиколоток) панцирях из больших четырехугольных пластин с подобным воротом (*Десятчиков* 1972, с.74, 75).С защитным доспехом среднеазиатских номадов сопоставимы нераспашные, ниже бедер кольчуги катафрактариев, прорисованных на пантикапейском склепе Анфестерия I в. н.э. и панцирные рубахи катафрактариев ни нижнем фризе серебряного сосуда-кубка из погребения I в. у с. Косика.

Сопоставимы и покрытые пластинчатым панцирным доспехом крупные, длинноногие кони катафрактариев Средней Азии и юга России (там же, с.73, 75; *Бернар, Абдуллаев* 1997, с.74-75, 80-82; *Дворниченко, Федоров-Давыдов* 1993, с.150). По предположению Ю.М.Десятчикова, эта порода лошадей на Боспоре появляется с I в. Сюда она попала из Средней Азии (*Горончаровский* 1993, с.80).

Определенные параллели можно провести в вооружении номадов степей Евразии — распространении среди тяжеловооруженных всадников длинных копий, мечей, сложносоставного сильно рифлексирующего лука.

Панцирная конница ираноязычных номадов Окса и Яксарта принимала участие в крушении Бактрии. С.П.Толстов этих катафрактариев связывал с Кангюем; данная идея развивалась им в экскурсе «Конница Кангюя» монографии «Древний Хорезм» (с.211-227). Против этого выступила Г.А.Пугаченкова, отметившая, что при раскопках памятников древнего Хорезма последних веков до н.э. следов тяжелого доспеха обнаружено не было. Вместе с тем, на нижней Сырдарье в слоях Чирикрабатской культуры найдены прямоугольные, продолговатые железные пластины панциря (*Пугаченкова* 1966, с.28-30).

Ираноязычных катафрактариев, в последней трети II в. до н.э. осевших на восточных рубежах парфянской державы, осторожнее называть саками. В этой связи П.Бернар вспоминает Сеистан — «страну саков» на границе современных Ирана и Азербайджана. С этими

же кочевниками (саками и сакарауками) ученый связывает и погребения знати в Тилля-тепе (*Бернар, Абдуллаев* 1997, с.71). Такое решение представляется вероятным, но не бесспорным. Здесь же напомним точку зрения некоторых исследователей об участии сакарауков (сакаравлов) в этногенезе ранних алан. Хотя и здесь имеются сомнения, в целом представляется возможным, что устремившиеся на запад крупные контингенты приаральских алан по ходу движения включали в свой состав отряды всадников (катафрактариев?), предки которых сыграли определенную роль в разгроме Бактрии.

У античных авторов прямых указаний на соответствие европейских алан кангюйским нет. Лукан упомянул «область *варварской Коны*, где разбивается Истр на множество русл и, вливая воды сарматов в Понт, омывает потоками Певку» (*Марк Лукан* 1993, с.56). В схолиях к Лукану наряду с дунайской Коной отмечается и другая (государство или страна), расположенная далеко на востоке, на границе сарматской земли. Л.А.Мацулевич высказал предположение: не является ли вторая Кона дахо-массагетским Кангюем Средней Азии. Такое предположение, считает А.С.Скрипкин, может быть вполне правдоподобным, учитывая появление алан на Дунае не позже 65 г. (*Скрипкин* 1992, с.41).

Восточные источники Кангюй на стыке двух эр рисуют крепкой и богатой державой. «Кангюйский владетель пребывание имеет в стране Лоюени в городе Битань... Он не зависит от наместника... Народонаселение состоит из 120000 семейств, 600000 душ; строевого войска 120000 человек... обыкновения одинаковы с Большими Юечжи». В донесениях ко двору китайский наместник Го-шунь сообщал, что прежде хунну «имели под собой Усунь и Кангюй», но затем «лишились помянутых государств». По показаниям наместника, хунну, Кангюй и Усунь «при выгодных случаях взаимно нападают друг на друга. При соединении они не могут искренне доверять друг другу; при разделении не могут покорить друг друга». Признание Усунью вассальной зависимости от Китая подтолкнуло Кангюй в сторону союза с хунну. Это был тактический шаг в борьбе за влияние на Усунь, одновременно определивший отношение к дальневосточной империи. Го-шунь с горьким отчаянием признавал: Кангюй «горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланниками. Чиновников, посылаемых к нему от наместника, сажает ниже усуньских послов. Князьям и старейшинам его подают кушанье прежде, а потом уже посланным от наместника» (*ДАСА*, с.129).

В «Истории старшего Дома Хань» говорится, что Кангюй имел пять вассальных владений. Их китайские названия – Сусей, Фуму, Юни, Ги и Юегань – ничего не дают для идентификации с названиями местными либо взятыми у Страбона. Если руководствоваться географическими координатами китайских анналов, то эти владе-

ния должны были находится в районе Кзыл-Орды на Сырдарье. Кангюй стремился подчинить себе Усунь. Ориентация же последнего на Китай вызвала резкое обострение и без того враждебных отношений Кангюя с империей. Вероятно, именно противодействие Кангюя парализовало китайское влияние в Давани (Фергане). Возможно, не без участия Кангюя в 65 г. до н.э. в Яркенде вспыхнуло восстание, в ходе которого погибли китайский посол и владетель-китаефил (*Гумилев* 1993а, с.137-139).

Не имея больших возможностей для активных действий на востоке (сфера влияния юечжей, положивших начало образованию Кушанской державы), Кангюй обращает свои взоры к северу и северо-западу, завоевывает Яньцай. Данный факт, не без основания отмечает А.С.Скрипкин, «свидетельствует о завоевании Яньцай аланами в рамках проводимой политики Кангюя» (*Скрипкин* 1990, с.205).

Данная точка зрения находит все больше сторонников. В частности, А.А. Цуциев обратил внимание на свидетельство 118 главы «Хоу Хань шу», согласно которому Яньцай пережило два важных события: «переименовалось в Аланьна» и оказалось «в зависимости от Кангюя», хотя никаких серьезных этнических изменений не произошло. Вероятнее всего, оба события относятся «к самому началу правления младшей ханьской династии (25-220 гг.)». При этом новое название *Аланьна* трактуется «как государство алан», «Алания». Хотя «за кадром» осталось, что конкретно имеется в виду под «*государством* алан». Аланы, согласно А.А. Цуциеву, вторглись в Яньцай с территории Кангюя, основу населения которого составляли позднесакские и родственные им племена. Источники отмечают «близость кангюйцев в обычаях и одежде Яньцай-массагетам, а также юежчам-тохарам», что подтверждается археологическими материалами. Джетыасарская культура (Яньцай) характеризуется «резкой обособленностью от территориально более близких среднеазиатских культур (например, чирикрабатской) и в то же время обнаруживает тесные связи с культурами Средней Сырдарьи — отрарско-каратауской и каунчинской, которые считается кангюйскими». По данным Л.М. Левиной, до II-III вв. в джетыасарских материалах присутствует значительное число отрарско-каратауских форм и элементов, в то время как последняя культура содержит лишь единичные находки джетыасарской культуры. Это свидетельствует о направлении миграций и военных походов из Кангюя в Яньцай (*Цуциев* 1999, с. 16-18, 21).

Напомним, что еще раньше М.И.Ростовцев, говоря о тождестве аорсов и яньцай, писал: «спустя некоторое время после 25 г. по Р.Хр. другое племя одержало верх над ними и дало собственное наименование — аланы — всей конфедерации кочевников, которую оно контролировало» (*Ростовцев* 1993, с.92).

Вероятно, в начальный период взаимодействия алан и аорсов

появился составной этноним «аланорсы» (Птолемей), многими исследователями воспринимаемый как показатель результата слияния двух народов (Ф.Альтхайм, О.Менчен-Хелфен, К.Ф.Смирнов, А.С.Скрипкин и др.).

Помимо аорсов, в конфедерацию во главе с аланами входили и другие народы или какие-то их части. В первую очередь речь идет об усунях, которых в течение многих лет окрепший Кангюй пытался подчинить своему влиянию. Некоторые специалисты усуней восточных памятников отождествляют с асиями античных авторов.

Плутарх в «Дорожнике Александра» обратил внимание на наиболее типичные особенности бытия рядовых скифов-асиев (абиев). Они «равны и в свободе и в бедноте. Нравы абиев отличаются красотой бедности[12] и они соревнуются в том, чтобы ничего не иметь. Лук и стрелы у абиев — все их имущество: это то, чего они добиваются в жизни и что оставляют по наследству; у охотника есть стрела и у всех в обилии молоко и мясо, и достаточно шкур для одежды, кроме того, они гостеприимны и приветливы в речах» (*ДАСА*, с.79).

Более подробные сведения об усунях оставил китайский дипломат Чжан Цянь, какое-то время бывший послом в Усуни. «Усунь лежит почти в 2000 ли от Давани на северо-восток. Это кочевое владение, коего жители переходят с места на место. В обыкновениях сходствуют с хуннами. Усунь имеет несколько тысяч войска, отважного в сражениях. Усуньцы прежде были под зависимостью хуннов, но когда усилились, то собрали своих вассалов и отказались от своих поездок в орду... Правление усуньского большого гуньми (князя) в городе Чигу... Народонаселение состоит из 120000 кибиток, 630000 душ; строевого войска 188800 человека... Земли ровные и травянистые; страна слишком дождливая и холодная. На горах много хвойного леса. Усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде ... В их владении много лошадей и богатые содержат их от 4000 до 5000 голов ... Усунь считается одним из сильнейших владетелей» (там же, с.127-128).

Интересна легенда о возрождении племени усуней. По одной из версий, изначально усуньцы жили в Монголии под управлением гуньмо (Б.Г.Гафуров более точным считал *куньмо* от кун-баг «князь над племенами») Нань-доу-ми. Напавшие юечжи разгромили усуньцев и убили гуньмо. Оставшиеся откочевали под защиту хуннов (по другому варианту, напротив, именно хунны убили гуньмо). У погибшего вождя остался новорожденный сын. Как-то опекун запеленал младенца «и оставил его в траве, а сам ушел в поисках пищи. А когда он вернулся, то увидел, что волчица кормит его своей грудью, а ворон парит над ними, держа в клюве мясо. (Опекун) счел его духом и, взяв на руки, унес к хуннам. (Хуннский) шаньюй полюбил и воспитал его. А когда гуньмо достиг зрелости, он вернул ему народ его отца и послал возглавить войско». В конце концов юноша

отомстил за смерть своего отца и «разгромил юечжей» (*Бичурин* 1950, с.155-156).

Приведенное сказание имеет яркие параллели в нартовском эпосе осетин, особенно это касается сюжета с волком (*Миллер* 1881, с.147; *Абаев* 1949, с.187; 1965, с.88-90; *Нарты* 1990, с.87-89). Что касается роли ворона в возмужании фольклорного главы усуней, то еще Э.Шарпентье счел возможным китайское У-сунь переводить как «'сыновья сына ворона', что должно быть старым тотемным названием племени» (*Charpentier*1917, S.357 Anm. 5).

Интересно сообщение усуньского фольклорного памятника о том, что гуньмо «разгромил юечжей». Не это ли событие имел ввиду Помпей Трог, говоря, что «Ассии — цари тохаров» (юечжей)? Во всяком случае, как отечественные, так и зарубежные исследователи сообщение Трога не ставили под сомнение (*Feist* 1924, S.112-113; *Maenchen-Helfen* 1945, p.78, 80; *Бернштам* 1947а, с.43).

Усиление усуней к концу II в. до н.э. подтверждает тот факт, что Чжан Цянь предложил престарелому гуньмо взять в жены китайскую царевну (*ДАСА*, с.128) и переселиться в очищенные от хуннов земли на правах вассала императора. С первым предложением гуньмо согласился, но от переселения с цветущего Тянь-Шаня в голую Алашанскую степь категорически отказался. О величии усуней в тот период красноречиво свидетельствует и то, что на приемах владетеля Кангюя усуньским «князьям и старейшинам подают кушанье прежде, а потом уже посланным от наместника (Китая)».

Во время пребывания в Усуни Чжан Цянь увидел, что среди тамошней знати нет единства. Средний сын гуньмо, Далу, ненавидел своего племянника, наследника престола. Престарелый гуньмо выделил обоим по 10 тысяч конницы в управление. Это вызвало беспорядки в стране, но пока престарелый гуньмо был жив, они не переросли во внутренние войны (*Гумилев* 1993а, с.102).

В 72 г. до н.э. усуни совместно с Китаем решили нанести решающий удар по гуннам. 160 тысяч китайских всадников выступили пятью колоннами; одновременно 50 тысяч усуней напали на врага с запада. Приготовления императора гунны заметили и заблаговременно откочевали, сведя на нет действия китайских полководцев. Даже в китайских источниках приводятся смехотворные цифры убитых гуннов — от 19 до 700 человек — причем, два полководца попали под суд за преувеличение успехов и покончили жизнь самоубийством (*Бичурин* 1950, с.81-82). Зато бесспорный успех выпал на долю усуней; они разгромили ставку западного люли-князя, захватили в плен тестя, невестку шаньюя (главы гуннов), вождей, тысячников, воинов - всего 39 тысяч человек и 700 тысяч голов скота. Цифры выглядят завышенными, но, несомненно, потери хуннов были велики. Пытаясь исправить критическое положение, гунны в следующем году ударили по самому опасному противнику - усуням, уничтожив стариков и детей, остальных загнав в горы. Но на обратном

пути победителей настиг большой снегопад и страшные морозы, погубившие почти все войско (*Гумилев* 1993а, с.126).

Во внутренней жизни усуни постепенно переходили к оседлости. На Тянь-шане и в Семиречье раскопано множество их могильников. Полученный материал, отмечал Б.Г.Гафуров, корректирует данные письменных источников и «приход усуней с востока не следует понимать слишком буквально». Видимо, в Среднюю Азию переселилось небольшое племя (или группа племен). «Основная же часть племенного союза, известного в истории под названием *усуни*, представляет дальнейшую трансформацию местного сакского населения» (*Гафуров* 1972, с.139).

Э.Шарпентье *усуней* китайских памятников отождествлял с *асиями* Страбона и Трога и считал прямыми предками осетин (*Charpentier* 1917, S.349, 353-359), особо подчеркивая: «Итак, асиев, асиани или у-суней надо попросту рассматривать как *предков известных нам алан и осетин ...*» (*Charpentier* 1917, S.365). Оставляя в данном случае в стороне недостатки концепции Э.Шарпентье, отметим, что он асиев (усуней)[13] рассматривал в качестве непосредственных предков алан. Это мнение разделяет ряд ученых (*Maenchen-Helfen* 1945, p.74, 78: *Харматта*//Архив СОИГСИ, с.11, 15-18). Принципиальную позицию занимал Г.Вернадский. Он считал возможным асиев отождествлять с асами, «которые являются предками осетин. Иначе Асы известны как Аланы». Он обратил внимание, что, по китайским источникам, усуни имели голубые глаза и белокурые волосы — черты, указывающие «на их арийское происхождение; вполне вероятно, что они были одним из сарматских племен, возможно, другой ветвью тех же Аланов...» Г.В.Вернадский присоединился к мнению Э.Шарпентье о соответствии асиев усуням, а также к тому, что «имя Ас имеет параллельную форму Ос, которая сохранилась в названии осетин» (*Вернадский* 1992, с.215-216). В другой работе, посвященной эпической поэзии осетин, Г.Вернадский вновь повторил: «есть вполне серьезное основание считать, что народ *усунь* был аланской ветвью» (*Вернадский*//Архив СОИГСИ, с.10).

Более осторожен в данном вопросе Р.Фрай: «Многие исследователи отождествляют усуней с асами (аланами), что порождает новые проблемы как лингвистические, так и исторические». Он склонен присоединиться к другому направлению решения проблемы. «Отождествление *тохаров* с усунями китайских источников и исседонами, упоминаемыми Геродотом, является не более чем гипотезой, основанной лишь на лингвистических реконструкциях (точность которых оспаривается) и умозаключениях, тем не менее это отождествление кажется соблазнительным». Вместе с тем, Р.Фрай допускает, что «какая-то часть усуней соответствует асианам (asiani)...» (*Фрай* 1972, с.223-224). В примечании к мысли о возможном соответствии усуней асианам, ученый пишет: «Отождествление исседо-

нов... с усунями, арси, асианами или асами-аланами сопряжено со значительными трудностями, хотя в принципе любая из этих идентификаций (или все) возможны». В одной из последних работ Р.Фрай уточнил свою позицию: одна из возможных связей между Северным Кавказом и Центральной Азией — «это самоназвание осетин, которое относится к *аси* — народу, являвшемуся группой алан... Здесь можно вспомнить асиев или асиан классических источников. Они были одними из кочевых племен, вторгшихся в Бактрию в конце II в. до н.э. Они идентифицируются с усунями китайских источников, населявших долину р. Или...» (*Frye* 1996, p. 4).

Источники, как нам представляется, все-таки дают определенные основания для сопоставления усуней с асиями, а в последних видеть ранних алан (возможно, точнее — *часть* ранних алан). В числе «скифских» племен, «которые отняли у эллинов Бактриану», Страбон назвал асиев (*Страбон* 1993, с.287). Описывая те же события Помпей Трог, в передаче Юстина, «асиев» заменил на «асиане» (*ДАСА*, с.101) — форма, близкая к *усунь*.

Этноним «ас/и/», отмечал Э.А.Грантовский, «достаточно рано засвидетельствован среди сарматов, а также достаточно надежно определяется в некоторых личных именах Северного Причерноморья, причем в оформлении, явно указывающем на сармато-осетинскую диалектную среду» (*Грантовский* 1975, с.79).

Ю.С.Гаглойти как раньше (*Гаглойти* 1962, с.172; 1966, с.76-79), так и в настоящее время (*Алано-Георгика* 1992, с. 189), считает, что асии (асиане) — это «те же аланы». С некоторыми оговорками мы присоединимся к мнению А.С.Скрипкина об асиях как ранних аланах. «Какое-то время они находились на территории к югу от Аральского моря, этим, вероятно, объясняется особая близость осетинского языка с хорезмийским и согдийским, отмеченная лингвистами» (*Скрипкин* 1990, с.202).

Независимо от соотношения асии-усуни, последние причастны к формированию ранних алан, ибо в конце I в. до н.э. около 100000 усуньцев из-за междоусобиц покинули родину и осели в Кангюе. И лишь затем, спустя 30-50 лет, Кангюй завоевывает Яньцай, в результате чего тот переименовался в Аланья.

Решать проблему этногенеза *ранних алан* и не коснуться вопроса юечжи (тохаров) — невозможно. При этом мы четко осознаем, насколько сложна сама по себе тохарская проблема. Каких только версий не выдвигалось за более чем двухвековую историю их изучения. Называя тохарскую проблему «весьма сложной», Р.Фрай стремился «показать читателям трясину, в которой оказались многие ее исследователи, пытавшиеся примирить противоречивые данные источников» (*Фрай* 1972, с.222-223).

Юечжийская проблема получила мощный импульс в результате лингвистических исследований ученых разных стран. Появилось множество исключающих друг друга гипотез и теорий. Объединить

накопленные факты, наблюдения, сообщения в единую картину пока не удается (*Гафуров* 1972, с.129-133). Одно время усиливалась тенденция считать юечжей носителями т.н. «тохарских» языков, отличных от диалектов ираноязычных племен. Однако, как подчеркивает Г.М.Бонгард-Левин, этноним «тохары» применялся и к ираноязычным племенам. Но даже если принять гипотезу об особом языке юечжей, то «надо будет признать факт перемещения на территорию Бактрии центральноазиатских племен, передавших местному населению свое название, но ассимилированных бактрийцами и утративших свой язык» (*Бонгард-Левин, Ильин* 1985, с.395). Предпринятый Б.Лауфером в небольшой работе, изданной тиражом всего в 500 экз. и не получившей большого распространения, анализ юечжийской лексики показал, что они говорили на североиранском языке, принадлежавшем к той же группе, что и скифский, осетинский, согдийский и ягнобский (*Гумилев* 1993, с.282-283).

Большинство исследователей, признавая язык юечжей-тохаров иранским, остро дискутируют в отношении их конкретной племенной принадлежности. Г.В.Вернадский (1992, с. 215) наиболее вероятной считал связь юечжей «с сарматским племенем, Аланами». Рассматривая сообщение Трога об «асианских царях тохаров», ученый отмечал по этому поводу: «народом юечжи (в тексте ошибочно *йю-ки* -Ф.Г.) управлял аланский род... мы можем предположить, что позднее некоторые группы юечжи присоединились к ним в их движении на запад. Мы можем также предположить контакт между тохарским и аланским языками» (*Вернадский* 1996, с.103). С первой половины XIX в. существует гипотеза, по которой юечжи — это массагеты. Среди советских исследователей ее активно разрабатывал С.П.Толстов (1948, с.242-245). Он исходил из того, что догадка О.Франке о перекочевке части массагетов из Средней Азии на северо-восток — бесспорный факт (хотя веских аргументов в ее пользу не привел). Другие версии происхождения юечжей С.П.Толстов с излишней категоричностью объявил «предвзятыми и псевдонаучными конструкциями». Тождество юечжей и массагетов признают А.С.Скрипкин (1990, с.199), Ю.С.Гаглойти (с оговоркой, что массагеты — часть скифов) (1962а, с.173). Г.Халоун (1937, S.316-318) и в какой-то мере В.И.Абаев (1965, с.138) в юечжах видят скифов (саков); и т.д.

Остро дискутируется и вопрос о времени появления тохаров в Восточном Туркестане. Среди обитающих там племен в рукописи «Естественной истории» Плиния упоминаются и *Phocari (Focari)*, что «давно — и вполне убедительно — отождествлено с Tochari» (*Вигасин* 1999, с. 22). Е.Е. Кузьмина, полагая, что «время прихода тохар в Восточный Туркестан с прародины неизвестно», в качестве гипотезы предлагает рубеж III-II тыс. до н.э. В таком случае может быть поддержано предположение лингвистов о приходе тохаров в Восточный Туркестан ранее иранцев (*Кузьмина* 1999, с. 163, 171).

И.В. Пьянков (1994, с. 206), предлагая на роль древнейших предков тохаров носителей афанасьевской культуры, присоединился к мнению Р. Фрая о продвижении тохаров «далеко на юг и восток еще до распространения индоиранцев в этих же направлениях» (*Пьянков* 1999, с. 218). Наконец, Ю.А. Заднепровский (1998, с.33-34) предполагаемой прародиной юечжей считает провинцию Ганьсу в Китае, откуда они под давлением гуннов мигрировали на Запад.

Интересно указание китайских источников о близости «в *обычаях* и *одежде*» кангюйцев с яньцай и тохарами/юеджами. Китайские источники в описании раннесредневекового социума Яньцай вместо прежнего *Аланья* употребляют наименования *Сутэ* либо *Вэньнаша*. По мнению японских ученых, иероглиф «вэнь» является именем собственным. В этом случае еще раз подтверждается связь яньцай/алан с кангюйцами, у коих в тот же период имя Вэнь носили правители владения Кан, правопреемника Кангюя. Вместе с тем этот же иероглиф устанавливает связь и алан, и Кангюя с тохарами, на территории первоначального обитания которых он зафиксирован с I н.э. до н.э. (вэньоуто-ван). В китайских памятниках упоминается князь Аланьми, который «происходит из Дома канского государя»; кангюйским удельным князьям из тохарского рода Чжаову принадлежали города Алань и Аланьми (*Габуев* 2000, с. 24-25).

Все это свидетельствует о существенной роли тохаров в формировании ранних алан.

Интересно, что этноним «тохары» ряд исследователей (Ф.Альтхайм, Г.Вернадский и др.) выводят из аланского (осетинского) *toh* «борьба» и в конечном итоге тохары переводят как «воин, борец» (*Гаглойти* 1962а, с.174). О.Менчен-Хелфен и А.Бернштам в западных осетинах (аланах) — дигорцах видели потомков исторических тохаров (*Maenchen-Helfen* 1945, p.78-80; *Бернштам* 1947, с.134-148; 1950, с.148). По мнению американского ученого, первые группы «тохаров мигрировали на запад одновременно с сатархами и асами», составив с ними «одну волну миграции». В период продвижения на запад связи между асами и тохарами «ослабели»: «в источниках нет ничего, что бы указывало на такую же тесную связь между асами и тохарами, которая существовала» у них в Средней Азии (*Maenchen-Helfen* 1945, p.78-79). Синтез асиев (усуней) с тохарами на землях к востоку от Каспия признавался и советскими учеными (*Бернштам* 1947а, с.43; *Абаев* 1995, с.411). Относительно раннюю миграцию тохаров на запад, возможно, подтверждают античные авторы, если номадов видеть в придунайских сармато-аланских племенах «тагров» Птолемея (III, II) или в упоминаемых Плинием (VI, 22) придунайских тагорах (*Удальцов* 1946, с.46).

Не отрицая в принципе связь алан-овсов, в частности дигорцев, с тохарами, Ю.С.Гаглойти полагает, что «существование у осетин племенного названия тохаров-дигоров в виде *дыгор-дигор* говорит не о происхождении дигорцев от тохаров, а лишь о сохранении мас-

сагетского (resp. аланского) племенного названия в этнической номенклатуре современных осетин» (*Гаглойти* 1962а, с.135).

В последние годы версию «тохары-дигоры» весьма активно разрабатывает Б.М.Керефов. На территории Центрального Кавказа, некогда заселенной аланами, ему удалось выявить несколько топонимов, связь которых с тохарами, «возможно, не исключается». Б.М.Керефов обратил внимание на топоним «равнина Тохара» в Чегемском ущелье и сопоставил его с топонимом «равнина Тагара» нартовского эпоса осетин (*Керефов* 1988, с.124-131). В этой связи напомним, что Ананий Ширакаци в своей «Географии» (VII в.), описывая народы Азиатской Сарматии, на Северном Кавказе назвал «Аланов, Аш-Дигор... Аланы позади Дигоров в стране Ардоз Кавказских гор» (перевод С.Т. Еремяна). В более ранних переводах краткой и пространной редакций «Географии» составной этноним передан в форме Аш (Ас)-Тигор (переводы К.П. Патканова 1883 г. и И. Маркварта). В варианте перевода А.Сукри цитированный фрагмент приведен так: «За *Тикор*, аланы в местности Ардоз...» (*Армянские*...1985. Вып. II, с.17). В.А. Кузнецов (1999, с. 174) приводит еще один перевод — Р. Хьюсена: «There are many (peoples) in Sarmatia beginning from east to west thus: first the nation of the *As-Tigor* Alan's...» (курсив мой — Ф.Г.).

В.А. Кузнецов обратил внимание на принципиальное отличие последнего перевода от предыдущих. У Р. Хьюсена описание народов Сарматии идет с востока на запад, в то время как у всех его предшественников — с запада на восток. В результате получаем диаметрально противоположную этнографическую карту Кавказа. Но в данном случае для нас более важно, что и здесь интересующее нас племя названо «Ас-Тигор». По убеждению Б.М.Керефова, Тикор/Тигор и Ас-Тикор «в фонетическом отношении вполне безупречно связывается не только с Дигорами, но и с племенным названием тохаров...» Сходный процесс фонетического изменения этнонима тохары вроде бы прослеживается и в азиатском регионе. Через ряд промежуточных форм он в конечном итоге у Махмуда Кашгарского (XI в.) и Рашид-ад-дина (XIV в.) трансформируется в Тюкер/Дюгер (*Керефов* 1988, с.136-138).

Не имея специальной подготовки в области исторического языкознания, нам трудно разобраться в лингвистических тонкостях аргументации Б.М.Керефова. Заметим, однако, что его историко-этнографические параллели не лишены основания. Здесь же отметим, что В.И.Абаев зафиксировал у осетин (именно у дигорцев !) термин *tahajrag* «тахарский», восходящий «к названию какой-то страны... Быть может, отзвук этнонима tohar, относившегося к иранскому племени в Бактрии» (*Абаев* 1979, с.242).

Отметим еще один интересный факт. На кобяковской гривне бактрийского происхождения имеется антропоморфное изображение бога или героя, сидящего со скрещенными «по-восточному» но-

мнение... что первое упоминание в источниках какого-либо этнонима есть показатель времени сложения данного народа». Племя под названием «аланы» наверняка существовало и до 25 г. н.э. (вспомним, например, роксалан II в. до н.э.). Вышеизложенное означает лишь, что в результате этнополитических событий на рубеже двух эр оформился новый мощный союз близкородственных ираноязычных племен во главе с аланами, давшими всему объединению свое имя (ср.: там же, с.90-91).

Итак, раннеаланский племенной союз сложился в юго-восточном Приаралье. Этот район вместе с низовьями и средним течением Сырдарьи являлся одной из важнейших зон постоянных культурных и этнических контактов между скотоводами евразийского степного пояса и земледельцами оазисов Средней Азии. Регион был своеобразным «перекрестком» исторических путей передвижения народов, миграционных потоков и торговых дорог. Здесь сложились условия для устойчивого сосуществования и взаимовлияния различных этносов и союзов племен. Вполне закономерно специалисты называют данный регион «аральским узлом» этногенеза (*Левина* 1997, с.3, 11).

Все крупные этносоциальные организмы региона были полиэтничными. Это в равной мере относится к Усуни и Кангюю (*Заднепровский* 1997, с.14, 19, 35, 57). Следовательно, уже в момент возникновения раннеаланского союза он был полиэтничным.

Среднее и нижнее течение Сырдарьи, сопредельные районы, некоторые области Таджикистана и Туркмении до сих пор сохранили следы пребывания алан. Помимо отмеченных выше языковых параллелей между населением названных регионов и кавказскими потомками алан — осетинами, на это указывает немало фактов. В XI в. Бируни писал об аланах Сарыкамыша: «они — род аланов и асов, и язык их теперь составлен из хорезмийского и печенежского» (*Бируни* 1966, с.96). В Туркмении еще в 30-х гг. XX в. встречались потомки алан, сохранившие некоторые элементы культуры, собственное самоназвание («олам» или «улам»), жившие компактно, «обособленно от туркмен-арсаринцев, сохраняя чистоту крови, не смешиваясь с другими» (*Бахтиаров* 1930, с.39). Топоним «алан» (селения, урочища, водные источники) не редкость на территории Хорезмского оазиса. На старых картах отмечены урочище Кырк-алан («сорок алан») на правом берегу Амударьи и канал Алан-яб на левом. Наименование «асс» еще в недавнем прошлом сохраняло одно из подразделений узбеков левобережного Хорезма (*Толстова* 1977, с.152). Л.С.Толстова, исследуя исторический фольклор каракалпаков, ближайших соседей населения Хорезмского оазиса, доказала генетические связи широко известного дастана «Кырк кыз» с нартскими сказаниями потомков алан — осетин (*Толстова* 1984, с.186-216). Следы культурной преемственности с иранским миром сохранились и в быту жителей Средней Азии (*Басилов* 1997, с.38-39).

гами. В сарматской иконографии подобных изображений известно всего 4. Иконографически наиболее близкое – из Соколовой Могилы – также бактрийского происхождения. Существует предположение, что к нижнедонским аланам данная вещь могла попасть как военный трофей или дорогой подарок; изображенное божество – центральноазиатское (юечжийское) и к европейским аланам вроде бы отношения имеет лишь косвенное. Однако находка аналогичного антропоморфного изображения в аланских памятниках Осетии может изменить эту оценку. В 1993 г. при расчистке катакомбы 3 могильника VIII-IX вв. у горного с.Даргавс в Северной Осетии обнаружен тайник с предметами конского убора. Заслуживают внимания небольшие (выс. 13 мм) литые серебряные с позолотой на лицевой стороне бляшки с антропоморфным изображением, удивительно напоминающим фигуру божества с кобяковской гривны. Общее семантическое сходство не вызывает у археологов сомнений: «даргавская фигура имеет те же морщинистый лоб, непропорционально большую голову, треугольную бородку, что и кобяковский божок; похожи узкие прямые штаны и позы сидящих». Вещи, по убеждению исследователей, происходят из местной мастерской, нет никаких оснований предполагать восточное происхождение бляшек с фигурой сидящего мужчины. Если кобяковский курган оставлен ранними аланами, то появление аналогичной фигуры в аланском комплексе через 8 столетий позволяет предположить, что рассматриваемое божество принадлежит к аланскому пантеону. Столь длительное его существование в иконографии в практически неизменном виде вероятно связано с тем, что изображенный – одно из главных аланских божеств. По мнению А.А.Цуциева (1998, с.45), археологические материалы из Даргавса «свидетельствуют о родстве северокавказских алан и бактрийских юечжей...»

Процесс формирования *ранних алан* сопоставим с этногенезом древнерусского народа из различных восточнославянских племен: полян, древлян, кривичей и др. *Ранние аланы* - это не потомки какого-то одного племени (аорсов, либо сираков и т.д.), а результат синтеза близкородственных «скифских» этносов[14] (или их частей) района Окса-Яксарта-Приаралья. Возможно, решающий толчок к формированию нового этнообразования дали известные политические события в этом регионе в конце II в. до н.э. В новом союзе племен сако-массагетского круга быстро усиливались Кангюй и Усунь (асии). После того, как в конце I в. до н.э. сначала Жили со своими сторонниками (*Кюнер* 1961, с.91), а затем и мятежный Бихуаньчжи с 80000 подданных из-за междоусобиц покинули Усунь и переселились в Кангюй (*Яценко* 1993, с.68) (синтез!?), последний, разумеется, усилился. Вскоре он завоевал Яньцай (аорсов), в результате чего «Яньцай переименовалось в Аланья». Это не означает, что этноним «аланы» появился в начале н.э. По справедливому замечанию М.И.Дьяконова (1951, с. 90), «нет ничего более наивного, чем

Среди аргументов в пользу среднеазиатской версии формирования ранних алан имеется еще один, оставшийся практически незамеченным в отечественной сарматологии. Речь идет о пряслице, найденном во время археологических раскопок поселения на р. Малый Узень в Западном Казахстане. Анализ находки приведен в статье Я.. Харматты «Из истории алано-парфянских отношений» (*Acta Antiqua Hungaria. Budapest, 1965. T.XIII*). Ученого привлекла парфянская надпись на пряслице. Находка, по его убеждению, сделана на территории постоянного обитания алан. В подтверждение своей позиции Я.Харматта приводит археологический материал, доказывающий, что район малоузеньской находки располагался в центре аланских владений. Он же примерно определил время, в которое парфянское пряслице попало на аланскую территорию. Аланы совершили несколько опустошительных набегов на Парфию. В ходе одного из них, в 72 г., они захватили в плен жену и наложниц правителя Мидии Пакора, и освободили их лишь за выкуп в 100 талантов. А в Армении сам царь Тиридат едва не попал к ним в плен. Опустошив обе страны, аланы вернулись в свои земли, «с огромной массой пленников и другой добычи». Второй поход состоялся в 135 г. По Диону Кассию, «Мидия сильно пострадала», Армения и Каппадокия также были затронуты аланским вторжением. Как полагает Я.Харматта, и на этот раз основная добыча алан захвачена в Парфии (там же, р.144-147).

Венгерский исследователь предполагает две возможности появления пряслица с парфянской надписью на р.Малый Узень. Либо плененная аланами парфянка привезла пряслице с собой, либо грамотный парфянин уже в плену изготовил это орудие для своей дочери (на пряслице упомянуты отец и дочь). Что касается окончательной даты появления названного памятника, то Я.Харматта склонен отнести ее ко времени похода алан 135 г. Можно разделить вывод ученого: «тот факт, что плененные аланами парфяне попали на столь отдаленную территорию, говорит о том, что в набегах участвовали не только аланы, жившие в районе Кавказа, но и группы алан, населявшие другие края» (там же, р.147).

Таким образом, в начале н.э. часть ранних алан осталась в Средней Азии, а часть мигрировала на запад. Маршрут миграции помогают проследить археологические материалы. Обращает на себя внимание сходство некоторых типов погребальных сооружений джетыасарской культуры (основного населения Кангюя) и кавказских алан. Среди раскопанных 740 джетыасарских курганов 102 содержали кирпичные сооружения – склепы. В своем движении на запад, включая и в районы Северного Кавказа, носители джетыасарской культуры приносили с собой и свои обычаи, типы погребальных сооружений. В этой связи Л.М.Левина напоминает «аланские каменные склепы Северного Кавказа» (*Левина* 1997, с.6). Здесь же уместно вспомнить слова Г.П.Снесарева: «Обнаружив в Хорезме среди по-

томков древнего аборигенного населения наземный способ захоронения в сооружениях типа склепов (иногда на нарах в два и три этажа), мы смогли найти ближайшие ему аналогии не в Средней Азии, а на Кавказе у осетин; это мнение разделяют и кавказоведы» (*Снесарев* 1983, с.181).

Археологические памятники алан Приаралья и Кавказа имеют общие черты и в керамике. Согласно анализу Л.М.Левиной, своеобразный джетыасарский керамический комплекс, отличавшийся четко стандартизированными формами, пропорциями, технологическими приемами, известен по находкам не только в Приаралье или Фергане, но и на Северном Кавказе (*Левина* 1997, с.8-9). Со Средней Азией М.Б.Щукин связывает находки в кавказских древностях баклажки, боченковидных сосудов и другой парфянской и среднеазиатской керамики (*Щукин* 1994, с.207).

С восточным импульсом археологи связывают появление в I в. н.э. в степях юга России богатых женских погребений. Хотя первое такое погребение в Комарово Моздокского района Северной Осетии хронологически скорее всего им предшествует.

Античная традиция (Геродот, Псевдо-Гиппократ и др.) в общественной жизни савроматов большую роль отводили женщинам. Обычай, якобы, запрещал савроматским женщинам выходить замуж, не убив предварительно в сражении врагов (или одного, как у Геродота). Обратив на это внимание, Ф.Бози отметил, что в литературе о «варварских» народах убийство первого врага и доказательство этого — отрубленная голова — рассматриваются как успех в инициационных испытаниях, знак совершеннолетия, до которого вопрос о браке вообще не стоит. В середине IV в. до н.э. Платон писал, что женщины у кочевников все еще обладали боевыми традициями; эти женщины «хорошо знакомы... с луком и стрелами и со всеми остальными искусствами, и в этих искусствах, которыми они владеют как мужчины, они упражняются как мужчины». В двух периплах, приписываемых Скилаку и Скимну, видимо, частично отражавших ситуацию и знания IV в. до н.э., савроматы названы термином, дословный перевод которого означает «подчиненные женщинам». По мнению ученых, данный термин обозначал не столько реальное господство, сколько повышенный престиж женщин и их большую свободу в семейной жизни. Что касается археологических находок, то, как полагает Ф.Бози, оружие в женских могилах могло свидетельствовать не только об их воинском статусе, но и о высоком престиже. Вслед за А.М.Хазановым он подчеркивает, что малое число могил с мечом или копьем и большое число со стрелами указывает на участие савроматских женщин только в дистанционном столкновении, без вступления в ближний бой (*Статистическая...* 1994, с.22-24).

Последнее утверждение оспорил Г.А. Федоров-Давыдов (1996, с. 217): «Вряд ли была такая прямая связь между военной тактикой

и обрядом погребения. Ведь и среди мужских много погребений со стрелами без мечей».

В IV в. до н.э. в сарматской среде появляются новации, в том числе преобладание женских захоронений, что Б.Ф.Железчиков рассматривает как показатель «некоторых изменений в жизни общества номадов». В качестве примера богатых женских сарматских погребений можно привести социально значимое захоронение Новоорский I (к. 10 п. 1), в котором обнаружено 2 женских костяка с богатым набором инвентаря, включая золотую гривну, золотые нашивные бляшки и большое количество ритуальных предметов и веществ (*Статистическая...* 1997, с.98, 107).

К.Ф.Смирнов полагал, что гинекократические черты — погребения женщин с оружием - из всех ираноязычных племен более всего характерны для савроматов, составляя у них 20% от общего числа могил. Однако статистическая обработка погребений рядового скифского населения показала, что в их обществе захоронения вооруженных женщин — обычное дело. В половине женских погребений обнаружены наконечники стрел, а в четвертой части — копья. Получается, что процент вооруженных женщин в погребениях скифов значительно больше, чем у савроматов — 37% против 20% (*Смирнов* 1984, с.6, 34). В данном случае речь идет о рядовом населении. В Комарово же похоронена знатная женщина с богатейшим сопровождающим инвентарем. Такого рода захоронения в юго-восточной Европе предыдущего времени практически не известны. Прослеживаются они в Южном Приуралье.

В диагональном погребении 3 кургана 2 могильника Тара-Бутак обнаружен костяк женщины 50-60 лет (головой на запад северо-запад) с богатым и разнообразным инвентарем. Погребение VI-V вв. до н.э. согласно К.Ф.Смирнову, принадлежало савроматской жрице-наезднице. В Мечетсайском могильнике к богатым женским погребениям относятся уже упомянутое диагональное женское захоронение в кургане 1 III-II вв. до н.э. В этом же могильнике имеется целая серия богатых женских погребений IV вв. до н.э.: погребения 8 и 9 катакомбы 7, погребения двух женщин (с гривнами, обложенными золотым листом, серебряными браслетами, серьгами, оружием и великолепным ближневосточным зеркалом со сценой адорации) в могиле 5 кургана 8, диагональное погребение 1 кургана 9 и др. (*Смирнов* 1975, с.41-42, 76-79, 121-122, 136-143, 143-145).

К западу от Приуралья столь богатые женские погребения — редкость. Можно выделить курган второй половины IV в. до н.э. у хутора. Сладковский на Дону, главным погребением которого являлось захоронение знатной женщины с богатым инвентарем: серебряная гривна, полный комплект вооружения (массивное копье, длинный меч, колчан со стрелами) и др. Вероятно с ней же связано захоронение коня с металлическими деталями сбруи и уздечки (*Смирнов* 1984, с.44-54). Это погребение К.Ф.Смирнов (1982, с.121) на-

звал «наиболее ярким погребением сарматской амазонки». Помимо отмеченного вооружения и захоронения коня, ее сопровождали остатки частей разрубленной туши крупного барана, большое бронзовое зеркало с плоской ручкой, серебряные серьги, серебряная витая гривна с напаянными на концах полыми фигурками хищников, браслет из эллинистических бус и т.д.

В Причерноморье около 150 г. до н.э. действовала царица Амага (*Граков* 1954, с.28), которая, возможно, была предводительницей роксалан (К.Ф.Смирнов). Однако ее могила пока не обнаружена.

Несколько ярких сарматских комплексов первых вв. н.э. в последние годы открыты во II Авиловском могильнике на Иловли. Среди них выделяется курган 11 (I в. н.э.), содержавший богатое диагональное погребение женщины 40-45 лет. Анализировавший материалы данного комплекса И.В.Сергацков отметил, что среди диагональных погребений среднесарматской эпохи выделяются богатые женские погребения с едва ли не стандартным набором богатого инвентаря. К их числу относятся курган у с.Третьяки на Среднем Дону, несколько комплексов в Поволжье и целая серия погребений на Нижнем Дону (о последних см.: *Ильюков, Власкин* 1992, с.30-168). Все это довольно богатые захоронения, но не уровня погребений сарматской знати высшего ранга, хотя погребенные женщины имели высокий социальный статус. Важно и то, что все они были взрослыми женщинами. И.В.Сергацков в этой связи напоминает, что у осетин женщина почтенного возраста (40-50 лет) в иерархии семьи занимала место хозяйки, госпожи (осетинское и аланское «ахсин» — властвовать); она являлась главным распорядителем и имела неограниченную власть над другими женщинами семьи. Присутствие в рассматриваемых комплексах предметов ритуальной практики свидетельствует о том, что при жизни эти женщины были наделены жреческими функциями. Исследователь присоединился к З.Х. Албеговой, которая на основе анализа археологических данных и материалов осетинского эпоса пришла к выводу о выполнении женщиной функции домашней жрицы в обществе раннесредневековых алан[15]. «С определенной долей вероятности авиловское и ему подобные погребения можно считать захоронениями домашних жриц, хозяек. Погребения типа 'Хохлача', 10-го Кобяковского кургана и другие, видимо, имели более высокий статус» (*Сергацков* 1998, с.156-157).

Все перечисленные комплексы по богатству сопровождающего инвентаря явно уступают Комаровскому комплексу, который открывает серию богатых женских погребений в степях юго-восточной Европы. Вообще, эта серия богатых женских погребений в степях юга России распространяется лишь с I в. н.э. Археологи связывают это с восточным импульсом: миграцией на запад ранне (или прото) аланских племен — этнических групп сако-массагетского круга.

История сако-массагетских племен Азии действительно богата «амазонскими» мотивами. Вспомним, например, рассказы античных авторов о знаменитых царицах-воительницах Томирис и Зарине. Показания письменных источников подтверждаются археологическими данными. Анализ сакских древностей присарыкамышских могильников указывает на особое положение женщин в коллективе. Об этом говорят находки в женских погребениях предметов вооружения в комплексе с вещами явно культового назначения. Судя по материалам чирикрабатского периода, традиция хоронить женщин с оружием в Приаралье сохраняется долго (*Яблонский* 1996, с.66). Более того, набор предметов, отражавших культовую деятельность (каменный алтарь или зернотерка с пестиком в сопровождении реальгара, бронзовые зеркала), в равной степени характерны как для богатых, так и для бедных погребений. На этом основании археологи полагают что «у саков именно женщины выполняли ритуально-жреческие функции»(*Итина, Яблонский* 1997, с.80).

Аналогичная картина наблюдается и в других местах обитания саков. В уникальном непотревоженном алтайском кургане IV-III вв. до н.э. на р. Ак-Алах, в 14 км от границы с КНР обнаружена женщина европеоидного типа 17 лет. Среди богатого сопровождающего инвентаря выделим железный нож, наконечники стрел, остатки сложносоставного лука и колчана. Это погребение представительницы знати средней руки, занимавшей, видимо, промежуточное положение между рядовыми членами общества и высшей элитой (*Полосьмак* 1997, с.142-143).

Среди памятников усуньской поры вызывает интерес Каргалинское погребение женщины-шаманки, обнаруженное в ущелье поблизости от г. Алма-Аты. В могиле оказалось около 300 предметов из золота с инкрустацией из бирюзы. Богатый инвентарь сопровождал погребение (руб. н.э.) женщины в Кызыл-Кыр Бухарского оазиса. Судя по качеству и количеству украшений, эта незаурядная женщина принадлежала к знати, а погребение в известной мере сопоставимо с княжескими погребениями Тилля-тепе (*Заднепровский* 1997, с.18, 104).

В джетыасарских памятниках Кангюя в женских погребениях не редкость одно- и двулезвийные кинжалы, другие виды вооружения (исключая мечи). Многие детали женской (как и мужской) одежды носителей джетыасарской культуры находят аналогии в материалах прежде всего евразийских степей савроматского и сарматского времени, а также в богатых погребениях Тилля-тепе. Кожаные одежды всадниц из джетыасарских курганов близки к кожаным накидкам из горноалтайских сакских погребений (*Левина* 1997, с.8-9). Остатки кожаной одежды отмечены и в комаровском погребении.

Ранне (прото) аланские «амазонки» претендовали на исполнение не только военных, но и иных функций. Интересный материал на эту тему дает богатый курган 10 Кобяковского могильника у

восточной окраины г.Ростова, в коем, по мнению археологов (Б.А.Раев, А.С.Скрипкин, В.А.Симоненко, В.К.Гугуев, И.П.Засецкая, Т.А. Прохорова и др.), похоронена представительница элиты раннеаланской аристократии. Отметим некоторые характерные особенности погребения.

Удивление вызывает то, что кости правого предплечья скелета женщины 25-30 лет обломаны. Фаланги пальцев правой кисти со следами искусственных подпилов находились под черепом и вокруг него. Аналогичный ритуал отсечения правой руки у принесенных в жертву Аресу пленных отмечен Геродотом у скифов. Данный ритуал Ж.Дюмезиль сопоставил с сюжетами нартовского эпоса осетин, в которых Сослан и Батрадз отрубали противникам правую руку, что свидетельствовало о позорной смерти (*Дюмезиль* 1990, с.19-23).

Архаические представления о правой руке в значении положительного (в отличие от отрицательной левой) имеют несомненную биологическую основу. Здесь же отметим, что в осетинском языке слово *galiw* «левый» одновременно означает «плохое-дурное» (*Уарзиати* 1987, с.35). У древних индоиранцев бытовали представления «о правой руке, плече, лопатке как месте нахождения сакральной воинской силы, силы, которую могли дать воину всегда заботящиеся о потомках предки» (*Цагараев* 1995, с.35). С этой точки зрения дифформация правой руки знатной аланки из Кобяковского кургана выглядит несколько странно.

Сопровождающий инвентарь богат и разнообразен: множество золотых предметов, шкатулка, амулеты, браслеты, железный нож, серебряная ложка, китайское бронзовое зеркало, бронзовый таз, деревянный сосуд, конская сбруя и т.д. Интересно, что богато украшенный головной убор и сбруя окрашены в красный цвет — цвет воинов (если это не случайное совпадение).

Заслуживает внимания золотая ажурная гривна весом 485,9 г. В центре фриза изображен сидящий на коврике со скрещенными в восточной позе ногами мужчина с пышной прической и бородой. Одет он в кафтан и узкие штаны, заправленные в сапоги с застежками. В руках у мужчины чаша, на коленях — меч в ножнах. Оба предмета в древних иранских обществах были сакральными: чаша — атрибут жреческой власти, меч — атрибут царской власти. Т.А.Прохорова обратила внимание на то, что центральный персонаж сидит на коврике с двумя поднимающимися вверх косичками по углам — в индоиранской традиции и шаманской практике признак места, где боги или жрецы совершали акт жертвоприношения (*Прохорова* 1993, с.179-180).

Наличие в Кобяковском кургане таких инсигний власти, как диадема, гривна, топор, парадная конская упряжь с родовой тамгой позволяет сделать вывод о «царском» статусе погребенной. А найденные здесь же предметы культового назначения: сосуды, курильницы, амулеты и др., Т.А.Прохорова и В.К.Гугуев объясняют со-

вмещением «царями» (в данном случае — «царицей») управленческих и культовых функций (там же, с.182; *Гугуев* 1992, с.126).

Вообще, женские захоронения занимают значительный процент среди богатых раннеаланских погребений начала н.э. (среди наиболее показательных, помимо уже упомянутых Комарово и Кобяково, можно назвать Хохлач и Соколову могилу). По богатству и значимости им трудно найти что-либо равноценное среди более ранних сарматских курганов. Но, как справедливо подчеркивает А.С.Скрипкин, напрашивается аналогия с довольно ярко выраженными матриархальными традициями у сако-массагетского населения Арало-Каспийского региона (*Скрипкин* 1990, с.209, 215; 1996, с.168). Памятники фольклора сохранили свидетельства о высоком общественном положении женщины у древних народов Приаралья и их участии в ратных делах (*Толстова* 1984, с.186-208). Это перекликается с нартовским эпосом осетин и позволяет говорить о единых истоках данного явления.

В.И.Абаев обратил внимание на то, что в нартовском эпосе фольклорных «амазонок», включая прославленную Шатану, нередко называют *afsin* «хозяйка», «госпожа». В поисках этимологии этого термина ученый остановился на одноименном титуле среднеазиатских правителей. Титул afsin засвидетельствован ранними арабскими авторами у правителей Усрушана (последний al-Afsin — Хайдар — умер в 841 г.) и Согда (например, Гурек — «ихшид Согда, афшин Самарканда» в 737/8 г. заключил договор с арабским военачальником Муслимом). Здесь явно выступает нарицательное значение слова afsin «правитель». По убеждению лингвистов, afsin в своей форме носит явные черты сако-массагетского (скифского) происхождения. «Мы имеем дело со *скифским* социальным термином, распространившимся по Средней Азии. Весьма возможно, что термин afsin восходит к массагетскому матриархату и служил первоначально наименованием массагетских правительниц типа знаменитой Томирис...» (*Абаев* 1958, с.110-111).

Очевидно, в богатых женских ранне(прото)аланских погребениях, включая захоронение в Комарово, следует видеть наследниц громкой славы Томирис.

С начала н.э. в археологических памятниках юга России распространяются предметы т.н. «бирюзово-золотого» стиля (*Симоненко* 1989, с.118-119). Аналогичные находки сделаны и на Украине. На левом берегу Днестра у с.Пороги были раскопаны мужское и женское богатые погребения с многочисленными вещами в бирюзово-золотом стиле (на некоторых из них тамга Инисмея), имеющие прямые параллели в Тилля-тепе (*Щукин* 1994, с.217). Большинство археологов появление этих предметов в юго-восточной Европе связывают с приходом новых сарматских племен, связанных происхождением со Средней Азией — алан. Более осторожен М.Б.Щукин, полагая, что не стоит в каждом погребенном с вещами бирюзо-

во-золотого стиля видеть представителя именно аланской аристократии. Возможно, что стиль стал интернациональным, престижным, распространился в аристократической среде разных племен (там же, с.209).

Обращает на себя внимание массовые аналогии предметов из раннеаланских погребений с инвентарем в Тилля-тепе. Специфическими чертами последнего является наличие большого количества украшений, сосудов, корон и других предметов из золота, дорогих тканей с золотым шитьем (*Литвинский* 1982, с.35; *Сарианиди* 1984, с.144-152, сл.; 1989, с.88-90, 110-111, сл.). Аналогичные находки сделаны в курганах Комарово, 10 Кобяковском, Косика, Пороги и др. Предметы из перечисленных курганов имеют сходство не только с Тилля-тепе, но и с предметами из Бактрии, Центральной и Средней Азией; материалы курганов типа Хохлач имеют большое сходство с предметами из известных пазыркских курганов (*Раев* 1989, с.116, сл.; *Симоненко* 1992, с.153, сл.; *Гугуев* 1992, с.124, 126-127, 129; *Яценко* 1993, с.60-69; *Прохорова* 1993, с.174; *Дворниченко, Федоров-Давыдов* 1994, с. 142, 145, 159, 174, 178-179; *Щукин* 1994, с.207-208; *Гугуев, Трейстер* 1995, с.143-156). С.А.Яценко (1996, с.141-143), анализируя некоторые изображения на художественных изделиях из курганов Кобяково, Косика и др. пришел к выводу, что они отражают этнические специфические сюжеты и имеют яркие параллели в нартовском эпосе и духовной культуре осетин.

В I в. н.э. в погребениях сарматской знати (на Волге — Косика, Жутово и др., на Нижнем Дону — Садовый, Дачи) появляются наплечные фалары 1b (по классификации В.И.Мордвинцевой), выполненные в «полихромном стиле», — импортные (бактрийские, парфянские) и сделанные на Боспоре. Со временем распространения в этих районах упряжи типа 1 совпадает время появления в степях юга России алан. По убеждению В.И.Мордвинцевой (1998, с.54, 59), «изменение в I в. н.э. области распространения упряжи типа 1 со всей очевидностью свидетельствует о перемещениях в кочевом мире».

Крупный могильник позднеримского времени открыт в Центральном Крыму в 20 км к юго-востоку от Симферополя, в 1 км от с. Дружное, на склоне горы Шпиль. Раскопано 86 комплексов: 25 склепов, 29 грунтовых (14 из них содержали захоронения коней) и 32 подбойные могилы. Известно, что подбои «были широчайшим образом распространены в Крыму, начиная с I в. н.э.». Их появление здесь все исследователи связывают с сарматским влиянием. К сожалению, в Дружном «современными земляными работами был уничтожен наиболее ранний участок могильника». Из оставшейся части наиболее ранними являются подбои второй четверти III в. «Во второй половине III в. н.э. отмечается приток новой большой группы людей, что хорошо прослежено в Дружном не только хронологически и культурно, но и топографически. Вероятно, это были аланы,

пришедшие с Северного Кавказа ...» (*Храпунов, Масякин* 1998, с.146-147).

С первых веков н.э. в погребениях сарматов юго-востока Европы появляются «детали костюма, привнесенные с востока», золотые украшения, имеющие прямые аналогии в погребении 6 могильника Тилля-тепе « юэджийского царского кладбища нач. I в. н.э.». Эти инновации так или иначе связаны с аланами (*Иштванович, Кульчар* 1998, с.3, 5, 7).

Резюмируя все изложенное, присоединимся к мнению исследователей о том, что массовость восточных инноваций в культуре сарматов с начала н.э. вполне вписывается в контекст миграционных процессов той поры. «Больше всех на роль их распространителей могут претендовать аланы...» (*Скрипкин* 1996, с.165). В другой работе ученый отметил, что «аланы, весьма вероятно, были основателями крупного союза племен, который окончательно оформился в Восточной Европе» (*Skripkin* 1994, p. 283).

---

[1]И это несмотря на неполноту информации о землях восточнее Каспия, о чем писал еще Геродот (IV, 16, 25); Страбон (XI, 6, 2) высказался очень категорично: «народы, жившие по ту сторону Каспийского моря, назывались одни саками, другие массагетами, причем писатели не могли сообщить о них ничего достоверного, хотя и рассказывали про войну Кира с массагетами. Вообще ничего положительного не добыто исследованиями об этих народах ... вследствие легкомыслия историков и их страсти к сказкам» (*ДАСА*, с.20). Ему вторил Плиний (V, 1, 17): «По ту сторону (Яксарта) живут скифские племена ... Количество скифских нардов бесконечно и равняться они могут с парфянами. Знаменитейшие из них саки, массагеты, даи, эсседоны ... Ни в одном другом вопросе (как о скифах) так не расходятся писатели;» (там же, с.126-127).

[2]В переводе В.Ниландера и С.Соловьева:
«Направишься к востоку и придешь
К бродячим скифам; под открытым небом
Они проводят жизнь свою в шатрах
(Что движутся при помощи колес)
И далеко из луков мечут стрелы,
Разя врагов» (Скифы 1992, с.35).

[3]Описанный Геродотом обычай скорее всего отражает ритуальный обряд шаманского типа. В таком случае «вой» находившегося в войлочном «шалаше» — это «пение шамана», одурманенного парами конопли (*Грантовский* 1970, с.288, сл.; *Бонгард-Левин, Грантовский* 1983, с.117-118). Описанный Геродотом обряд во всех деталях подтверждается археологическими находками в скифских курганах Алтая V-IV вв. до н.э. (*Руденко* 1952, с.243, сл.). В курганах найдены своеобразные шалаши из 6 связанных сверху жердей (Геродот говорит о 3-х), покрытых войлоком или кожей. В погребальной камере 2-го Пазыркского кургана обнаружены 2 шестиноги, стоявшие над бронзовыми курильницами, с побывавшими в огне камнями и обуглившимися семенами конопли; к шесту одного из «шалашей» была привязана кожаная сумка с семенами конопли.

[4]Геродот рассказал о царице массагетов Тамирис, победившей опасного

врага Кира, при этом назвал массагетов скифским народом. Несколько веков спустя Помпей Трог (Скифы 1992, с.248-249), повторив тот же рассказ о победе Тамирис, назвал ее «царицей скифов».

[5]С конца VII в. верхи каганата опирались на иноэтнические дружины (*Гадло* 1984, с.28), включая аланские. Вскоре овская военная аристократия заняла здесь ведущие позиции. Во главе вторгшихся в 764 г. в Закавказье хазар стоял Астархан. «Он был главнокомандующим хазарской армии и предшественником беков, позже занявших первенствующее положение в Хазарском государстве, возвышаясь над самим каганом». Анализ М.И.Артамонова, а позднее и В.А.Кузнецова, показал, что «Астархан» — не личное имя, а титул «тархан асов», тархан алан (см.: *Артамонов* 1962, с.244-246; *Кузнецов* 1984, с.108, 112).

[6]В то время как «царь, его свита и все племя собственно хазар исповедовало иудейство...»

[7]Уровень Каспия неоднократно менялся за последние 2 тысячи лет (*Борисенков, Пасецкий* 1988, с.58-59).

[8]Назывались и другие даты. Э.Шарпентье, например, данные события относил к I в. (*Charpentier* 1917, S.361), Л.С.Ильюков и М.В.Власкин — к началу II в. (*Ильюков, Власкин* 1992, с.24-25).

[9]Этот сюжет Страбона по-разному интерпретируется учеными. Одни полагают, что ничего отличительного в вооружении роксалан по сравнению с другими племенами он не нашел: «подобным же образом вооружено и большинство других варваров». И лишь ко времени Тацита у роксалан произошел переворот в военном деле - сложился особый вид панцирной конницы — катафрактарии (*Перевалов* 1999а, с. 65-66). Другие полагают, что в реконструкции эпизода войны с участием роксалан Страбон опирался на различные источники: Посидония, историков Митридатовых войн, которые прямо или косвенно основывались на официальных документах. *Logos* Страбона включал в себя сведения, возможно, почерпнутые из эпиграфических текстов, декретов Херсонеса, в честь Диофанта — полководца Митридата в скифской кампании. Уже сам характер источников Страбона по данному сюжету не исключает предвзятого отношения к военным возможностям роксалан. Археологи отмечают в этой связи, что нарисованный «примитивный образ более соответствует стереотипам греческой этнографии, чем исторической реальности II и I вв. до Р. Хр.». Ф.Бози основную идею Страбона видит в стремлении показать плохую организованность варваров, не имевших шансов против компактной фаланги эллинов. Возражая, итальянский исследователь подчеркивает, что, «по меньшей мере, наступательное вооружение (копье, стрелы и меч) могло появиться тогда и невероятно, чтобы роксаланы, сражаясь с Митридатом, использовали только шлемы, доспехи из толстой бычьей кожи и плетенные щиты». Более полной картина становится при использовании археологических сведений (*Bosi* 1994, p. 112).

[10]Мы называем фамилии лишь этих трех авторов, хотя данную идею разделяют и другие исследователи. В частности, аналогичную картину появления на исторической арене роксалан рисует С.Ю. Сапрыкин. Согласно его версии, херсонесцы на протяжении II в. до н.э. вели упорную борьбу со скифами Скилура и Палака. Но если прежде они могли рассчитывать на помощь сарматов, то к концу столетия последние, среди которых особенно выделялись роксаланы, выступили в союзе со скифами против Херсонеса. Из почетного декрета в честь стратега Митридата Евпатора Диофанта, сына Асклепиодора, следует, что роксаланы присоединились к Палаку в самый

разгар кампании в степях Северного Причерноморья и не смогли устоять против хорошо организованной греческой фаланги Диофанта. Позиция сарматов в отношении скифов изменилась из-за намерения Митридата стать во главе всех варваров за перешейком Таврии вплоть до Борисфена. Сарматские вожди почувствовали угрозу своим интересам на Боспоре, что стало возможным после договоренности о его переходе к Митридату VI. Роксаланы, подчеркивает С.Ю. Сапрыкин, «вступили в войну только после того, как поняли истинные намерения Митридата в Тавриде и Северо-западном Причерноморье и потому присоединились к своим извечным противникам — скифам, предав Херсонес» (*Сапрыкин* 1996, с.133-134, 140-141). Сходной позиции придерживается Ф.Бози, обративший внимание на стремление Страбона выгодно оттенить достоинства войска Диофанта по сравнению с конницей варваров. Возможно, «настаивая на примитивности кочевников, греческий автор хотел объяснить более низкий уровень их тактики по сравнению с упорядоченной эллинистической фалангой...» (*Статистическая*... 1997, с.37-38). Появление роксалан в юго-восточной Европе во II в. до н.э. признают и другие археологи, например В.Е. Максименко (1983, с.19).

[11]Ритуальные захоронения баранов отмечены на обширной территории Евразии. В могильнике Тапхар VI в Забайкалье наряду с человеческими захоронениями обнаружено 6 погребений баранов. Почти каждое из них располагалось рядом с погребениями людей. Захоронения целой туши барана встречены в горном Алтае (раскопки В.В. Радлова II Катандинского кладбища), Туве (раскопки С.И. Вайнштейна в урочище Ак-Довурак). Причем, С.И. Вайнштейн привел параллель между рассматриваемым обрядом и описанием китайской летописи «Вэй-шу» ритуала захоронения жертвенных баранов у древних уйгуров. Последние «при каждом громовом ударе» кричали, стреляли в небо; затем покидали это место, чтобы вернуться через год осенью. Здесь они «зарывают в землю барана и зажигают светоч с ножом, шаманка читает молитвы». Похожий обряд у алтайцев зафиксировал Г.Н. Потанин: «Алтайцы приносят жертву огню после первого грома. При этом колют рыжеголового барана... подле огня кладут на четырех углах тряпки. Кам в это время камлает вокруг огня». По мнению С.В. Данилова (1982, с. 229-232), «в этих сообщениях говорится об обряде, связанном с посвященным жертвенным животным».

[12]Едва ли не с момента выхода «Илиады» один из ее сюжетов требовал объяснений; речь идет о фрагменте, где поэт упоминает «дивных доителей кобылиц млекоедов, и абиев, справедливейших из людей». Вплоть до наших дней большая часть исследователей сходится в том, что уже Гомер идеализировал известных ему номадов; в связи с этим предполагалось существование непрерывной традиции идеализации скифов от Гомера до авторов эпохи эллинизма. Однако недавно А.И. Иванчик (1999, с.7-45) убедительно опроверг эту версию, показав, что для античных авторов, особенно ранних, питание молоком — признак дикости, а вовсе не указание на идеализацию. У Гомера единственный идеальный образ в разбираемом пассаже — абии. И лишь в IV в. до н.э. меняется отношение к данному сюжету из поэмы Гомера и связано это с Эфором. Из текстов последнего, как полагает А.И.Иванчик, «становится ясно, что Эфор называл свой идеальный народ галактофагами, а слово *абии* в гомеровском тексте считал лишь эпитетом к нему». Видимо, начиная с Эфора можно говорить об идеализации скифов античными авторами. Этот же хронологический рубеж Л.И.Гращанская (1999, с.52-53) считает временем оформления литературного клише об идеализированном варваре, как воплощении простого, близкого к природе и непорочного образа жизни.

[13]Необходимо, правда, отметить, что равенство асии=усуни признается далеко не всеми учеными. Против этого выступали И.Маркварт, Г.Халоун, а такой видный зарубежный знаток китайской исторической ливистики, как Э.Пуллейблэнк, отождествление асиев с усунями назвал невозможным с историко-лингвистической точки зрения (*Гафуров* 1972, с.131).

[14]В этом смысле можно согласиться с Р.Фраем, что под аланами следует «понимать совокупность этнических групп» (*Фрай* 1972, с.221). Аналогичную позицию занимают многие исследователи (*Абаев* 1965; *Клейн* 1976; *Малахов* 1992; *Ростовцев* 1993; *Вернадский*//Архив СОИГСИ).

[15]Р.Фрай пишет по этому поводу: «хотя я знаю, что полиандрия не характерна для алан, женщина играла важную роль в раннем осетинском обществе; как можно догадаться по слову *axsin*, которое В.И.Абаев соотносит с корнем 'править'. Не следует также забывать о легендах об амазонках и важной роли Шатаны в нартовском эпосе» (*Frye* 1996, p. 3).

II. РАННИЕ АЛАНЫ И КАВКАЗ

Предпринятый в предыдущей главе анализ привел нас к выводу о том, что *ранние аланы* оформились в результате синтеза близкородственных ираноязычных племен (или их частей) района Окса-Яксарта-Приаралья. Древнекитайские источники это событие относят к началу н.э. (между 25 и 50 гг.). Примерно в это же время данный этноним появляется в античной традиции (*Bachrach* 1973, p. 3-8; *Гаглойти* 1966, с.52-53; 1995, с.11-21). Казалось бы, это дает надежное свидетельство времени рождения этноса. Однако Д.А.Мачинский, поддержанный К.Ф.Смирновым и А.С.Скрипкиным, обратил внимание на интересный рассказ Страбона, чей высокий авторитет, как ценного информатора, бесспорен (*Новосельцев* 1980, с.20-22; *Грацианская* 1988, с.33, 143-144), связанный с событиями конца II в. до н.э.: «Роксаланы воевали и с полководцами Митридата Эвпатора под предводительством Тасия;» роксаланы сразились с воинами Диофанта (*Страбон* 1993, с.260). Подтверждение этому сообщению Страбона исследователи видят в Херсонесском декрете той поры в честь Диофанта, где роксаланы названы «ревксиналами» (*Смирнов* 1981, с.21).

Как представляется, прежде чем имя алан в начале новой эры попало на страницы произведений античных авторов, носители этнонима должны были какое-то время находиться в поле их зрения. В противном случае трудно объяснить поразительную осведомленность римской традиции о жизни и быте алан. Страбон дает довольно подробную этнографическую характеристику роксалан[1], едва ли не в деталях совпадающую с характеристикой алан, данной позднее Аммианом Марцеллином (1991, с.383-385; 1994, с.492-495).

Аланы в начале новой эры настолько хорошо известны в Риме, что упоминаются не только в историко-географических, но и в литературных произведениях. Один из персонажей пьесы Сенеки задает вопрос: «Какая это

область?...Аргос?...Спарта?...Коринф?... Или же это Дунай, за которым скрываются могущественные, подвижные аланы?» (*Bachrach* 1973, p.3). Е.Тойблер полагал, что Сенека мог подразумевать под Дунаем реку Дон (*Taubler* 1909, S. 17 Bem. 5). Но в тексте пьесы ясно указан Дунай.

Племянник Сенеки известный римский поэт Марк Лукан в созданной в начале 60-х гг. н.э. поэме «Фарсалия» в уста Помпея вложил фразу о том, как полководец «стремился к Каспийским воротам и преследовал суровых и вечно воинственных алан[2]...» (*Марк Лукан* 1990, с.111). Нет оснований полагать, что Помпей действительно сталкивался с аланами, но их локализация рядом с парфянами и Каспийскими воротами впервые указывает на связь ранних алан с Кавказом. Однако в схолиях к Лукану аланы, вновь названные «вечно воинственными» противниками Рима, обозначены как «племя за Дунаем».

В другом месте «Фарсалии», подчеркивая храбрость Цезаря, Лукан назвал три могущественных народа, способных устрашить любого человека, кроме Цезаря: «Ни аланы, ни скифы, ни мавры, которые атакуют противника с копьями, не могли причинить ему вреда» (*Bachrach* 1973, p.4).

Из данных Сенеки и Лукана становится ясным, что уже в середине I в. широким слоям населения империи была известна доблесть аланских воинов. Причем племена ранних алан располагались в причерноморских степях. Но об их происхождении еще ничего не сообщалось; лишь Страбон отнес роксалан к скифам. Иосиф Флавий в «Иудейской войне», завершенной в 79 г., «об аланском народе» также «упомянул как о скифском племени, живущем на берегах Танаиса и Меотийского озера» (*Иосиф Флавий* 1991а, с.423). С замечаниями Флавия об этническом происхождении алан перекликаются наблюдения Плиния (23-79 гг.). В «Естественной истории» он писал: «В целом к северу от Истра все племена *скифские*, однако места, прилегающие к побережью, заняли разные народы; в одних находятся геты, которых римляне называют даками; в других - сарматы, по гречески савроматы (в их числе гамаксобии или аорсы); в третьих — выродившиеся и происшедшие от рабов скифы или троглодиты и затем — *аланы и роксаланы*». Выше последних к северу от Дуная до границ германцев «поля и равнины населяют язиги-сарматы» (*Плиний* 1991, с.210).

Сведения Плиния о расселении сарматов, в том числе племен ранних алан, весьма ценны. Хорошо известно, из сколь надежных и аутентичных источников черпал он информацию по данному вопросу: это проживавший в 49-68 гг. в Риме боспорский царь Митридат III, который в союзе с сираками потерпел поражение от аорсов; наместники Мезии Флавий Сабин и Т. Плавтий Сильван, чьи легионы неоднократно сходились в боях с отрядами ираноязычных племен (*Скржинская* 1977, с.9; *Виноградов* 1994, с.165).

На стыке I-II вв. ранние аланы постоянно упоминаются в античной традиции. Дионисий Периегет уважительно назвал их «храбрые аланы» (*Дионисий* 1990, с.124), а в другом месте, согласно комментарию Евстафия — «сильными и многоконными» (там же, с.127). Валерий Флакк в эпической поэме «Аргонавтика» (*Валерий Флакк* 1991, с.246) упомянул Анавсия, вождя «пылких алан»[3]. Последних Флакк поместил в Северном Причерноморье и приписал им активное участие в понтийских и кавказских делах. Сатирик Марциал в своей поэме укорял римскую гетеру Каелию: «и алан на сарматском коне не проезжает мимо тебя» (*Бахрах* 1993, с.35). Лукиан писал о совпадении языка и одежды скифов и алан. «Ибо и то, и другое одинаково у алан и скифов; аланы не носят только таких длинных волос как скифы» (*Лукиан* 1935, с.318). Арриан, первым из сражавшихся с аланами западных полководцев оставивший специальную работу об аланах, назвал их скифами (*Иосиф Флавий* 1991, с.314-315). Хотя нет сомнений в том, что, употребляя распространенный в то время термин «скифы», полководец имел в виду именно алан.

По Диону Кассию (в переводе В.В.Латышева), после окончания Иудейской войны (в 135 г.) царем Иверии Фарасманом «другая война была поднята из земли албанов (алан), по происхождению массагетов... она сильно потрясла Мидию, коснулась также Армении и Каппадокии ...» (*Дион Кассий* 1991, с.351). В переводе К.Гана данный сюжет изложен чуть иначе: «Фарасман (II), царь Иберийский, подучил Аланов или Массагетов напасть на владения Парфян и пропустил их через свои земли» (*Ган* 1884, с.173).

Интересно свидетельство Птолемея, оставившего подробное описание Северного Причерноморья и Кавказа. Высоко оценил римского географа М.И.Ростовцев: «Мы вправе думать, что он или его источники были в полной мере осведомлены о фактическом положении вещей... С особым вниманием поэтому мы должны отнестись и ко всему тому, что сообщает нам Птолемей о племенах, непосредственно соприкасающихся с территорией Боспора» (*Ростовцев* 1925, с.78-79). Европейскую Сарматию, отмечал Птолемей, заселяют «очень многочисленные племена:... по всему берегу Майотиды язиги и роксаланы; далее за ними внутрь страны — гамаксобии и скифы-аланы» (*Птолемей* 1990, с.148). Здесь же названы «Аланские горы», современными исследователями отождествляемые с Донецким кряжем. В описании Азиатской Сарматии привлекают внимание упоминание «реки Алонта» и «Сарматских Ворот» (там же, с.149) на границе Иберии. Последние — бесспорно Дарьяльский проход; в «реке Алонта» ряд исследователей видит р.Терек.

Особое значение для нас имеют сообщения Аммиана Марцеллина о скифо-сарматских племенах, первая подробная характеристика алан. Описывая северное Причерноморье, Азовское море и Дон, Марцеллин перечислил жившие там народы: «яксоматы, меоты, язи-

ги, роксаланы, аланы...» (*Аммиан Марцеллин* 1993, с.373). Согласно Аммиану, другая часть алан жила за Доном, где «тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами, получившими свое название от гор, они мало-помалу постоянными набегами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности...» (там же, с.382-383). Еще одна часть алан отмечена им «близ поселения амазонок»; это «аланы, обращенные к востоку и рассеянные между многолюдными и обширными племенами; их владения приближаются к азиатским землям...» (там же, с.383). Третью часть алан он, как нам представляется, локализовал на Северном Кавказе. На это указывают, вроде бы, два сюжета из «Деяний». Первый — в рассказе о «Помпее, который пройдя земли албанов и массагетов, которых мы теперь называем аланами, разбил и это племя (парфян) и увидел Каспийские озера...» Второй — во фрагменте об аланах: «с целью грабежа или охоты доезжают до Меотийского болота и Киммерийского Боспора, даже до Армении и Мидии» (там же, с.373, 384). В последнем случае указаны, скорее всего, два противоположных направления походов алан: на запад и (юго-)восток. Следовательно, эта группа алан, возможно, обитала на Северном Кавказе.

Таким образом, античная традиция *ранних алан* располагала, *как правило,* в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе. Из этих же данных становится ясно, что уже в середине I в. в империи была известна доблесть аланских воинов. Это косвенно подтверждает гипотезу Д.А.Мачинского — К.Ф. Смирнова — А.С.Скрипкина о появлении роксалан в юго-восточной Европе еще во II в. до н.э. Данное событие могло произойти во время одной из миграций ираноязычных племен с востока на запад. В этом отношении интересна мысль Г.В.Вернадского (1996, с.97): «Изначальным домом сарматов была огромная территория степей и пустынь к востоку от реки Урал и Каспийского моря. Их движение на запад было длительным процессом... Поэтому изучение цивилизаций Туркестана и Алтая важно для лучшего понимания истории Сарматского государства в Южной Руси».

В далеко не бесспорной хронологии Азиатской Сарматии Н.Е. Берлизов выделяет особый пласт последней трети I в. до н.э. — I в.н.э., характерный для Задонья, Предкавказья и Заволжья. Ряд его отличительных хронологических индикаторов (диагональные погребения, мечи с кольцевидным навершием, зеркала с «умбоном» в центре диска, котлы), появляются еще в предшествующий период, другие встречаются в памятниках следующего пласта. Однако, подчеркивает археолог, налицо ядро, характерное только для данной эпохи: кружальные сосуды типов К29, М34-35, Р3 (Скрипкин), курильницы типов I, IV, IX, X (Смирнов), зеркала типов VIII и IX/1 (Хазанов; Абрамова), лучковые одночленные фибулы 1-2 вариантов (Амброз), удила со стержневидными двудырчатыми псалиями. Погребения впускные, преимущественно под курганами в пря-

моугольных и квадратных ямах, подбоях, на Кубани и Задонье — в катакомбах. Особенностью данного пласта Н.Е. Берлизов считает широкое распространение «диагональных» погребений. В ориентировке господствует южный сектор, за исключением Предкавказья, где преобладает западный. Среди антропологических типов несколько вырастает процент долихокранов (вероятно, за счет ассимиляции какой-то части скифского и сакского населения) (*Берлизов* 1998а, с.53).

В миграционном потоке, начавшемся в I в. н.э., заметное место занимали аланы. Одна из характерных черт всех сарматских памятников той поры — очевидное восточное влияние (в погребальном обряде и особенно в материальной культуре). О восточном культурном импульсе свидетельствует распространение вещей бирюзово-золотого стиля, находки на Северном Кавказе и Дону китайских зеркал и наконечников стрел арбалетов, парфянской и среднеазиатской керамики; с востоком связаны некоторые детали устройства катакомбных погребений. Передвижением кочевников или аристократических дружин объясняют появление массивных золотых гривен и браслетов. Не исключено, что именно дружинниками оставлено «Золотое кладбище» (*Щукин* 1994, с.207-209). Кобяковские находки, как уже отмечалось, имеют сходство с предметами искусства номадов Центральной Азии и Бактрии; погребение из Косики по своему обряду близко известным погребениям в Тилля-тепе, а вещи из Косики имеют параллели в археологическом материале от Средней Азии до Ордоса; наиболее близкие аналогии находкам из кургана у с.Пороги имеются в памятниках Средней Азии и далее на восток; Б.А.Раев обратил внимание на большое сходство материалов из кургана Хохлач в Новочеркасске с известными курганами Пазырыка. По его мнению, в Причерноморье материальная культура курганов типа Хохлач появляется в начале н.э. в уже сложившемся виде и не имеет истоков в сарматских памятниках предшествующего времени. Начиная с I в. н.э. у сарматов появляется обширный перечень инноваций центральноазиатского происхождения. Все это, по убеждению археологов, «свидетельствует о смещении целого культурного пласта с востока на запад». Больше всего на роль распространителей восточных инноваций среди сарматов претендуют аланы (*Скрипкин* 1996, с.160-161, 165, 168).

Возможно аланам принадлежат погребения I в. н.э. на правобережье Кубани (*Шевченко* 1994, с.39). Примерно к этому же времени относится богатое погребение номада высокого социального статуса в т.н. «Круглом кургане» у Ростова (из раскопок В.Г.Тизенгаузена); среди сопровождающего инвентаря — ряд предметов среднеазиатского происхождения (*Демиденко, Журавлев, Трейстер* 1997, с.199-201).

Появление *ранних алан* на юге России не только изменило этнополитическую ситуацию в регионе, но и сказалось на самих при-

шельцах. В новых политических и географических условиях они, оказывая определенное воздействие на местное население, сами подвергались их влиянию, что сказывалось на этническом облике пришельцев. Речь идет о формировании собственно *средневековых алан*, отличных *от ранних алан*. Еще раз напомним, что вслед за С.А.Арутюновым мы понимаем под этногенезом процесс, «в результате которого из ряда существовавших до этого этносов, этнических общностей или их частей складывается новый этнос, сознающий себя как нечто отличное от любых ранее существовавших групп и выражающий это самосознание через новое самоназвание. Самоназвание это, как правило, восходит к одному из ранее известных этнонимов, но приобретает качественно новое содержание». Самосознание и самоназвание служат основным этническим маркером; «все остальные процессы составляют дальнейшую этническую историю данного этноса» (*Арутюнов* 1989, с.8-9).

При таком подходе становится очевидным отличие *ранних* алан от алан *средневековых*. В этой связи М.П.Абрамова вполне оправданно утверждает: «нельзя ставить знак равенства между аланами, жившими на Северном Кавказе в эпоху раннего средневековья, и теми кочевыми сарматскими племенами алан, которые нам известны по данным античных авторов. И те и другие, будучи ираноязычными племенами, значительно отличались друг от друга по этническому составу: аланы, жившие на Северном Кавказе, включали в свой состав и значительную долю местных племен» (*Абрамова* 1995, с.64).

Строго говоря, с появлением в регионе в начале н.э. новой волны кочевников с востока связан лишь заключительный этап этногенеза алан (осетин); начало же его следует отнести гораздо дальше в глубь веков, ибо *ранние* аланы на Северном Кавказе были далеко не первыми ираноязычными кочевниками. В процессе формирования алан-осетин мы выделяем три периода, первые два связаны со скифами и сарматами.

Скифы и Кавказ. Проблема характера связей и степени взаимодействия номадов и культур Северного Кавказа все еще остается актуальной. С каждым годом в результате археологических раскопок увеличиваются свидетельства длительного пребывания скифов в регионе. Еще недавно В.А.Ильинская и А.И.Тереножкин отмечали: «К сожалению, до настоящего времени мы не располагаем исследованиями, посвященными изучению скифских памятников на Кавказе в полном объеме и охватывающими различные его районы во всем богатстве и многообразии их культурных проявлений» (*Ильинская, Тереножкин* 1983, с.22). После выхода в свет монографий С.В. Махортых (1991; 1994) положение несколько изменилось.

Скифы оказали сильное влияние на местные культуры. «Невозможно переоценить скифское влияние на Северном Кавказе», — отмечают в этой связи В.И.Марковин и Р.М.Мунчаев (*Markowin, Muntschajew*, 1988, S.88). Это влияние отразилось как в матери-

альной культуре, так и в похоронном обряде. С другой стороны, результатом оживленных контактов и связей степняков с населением Северного Кавказа стало появление у них типично кобанских элементов (*Пиотровский* 1940, с.126, 129; *Ильинская, Тереножкин* 1983, с.44-51; *Markowin, Muntschajew* 1988, S.81-85; *Чеченов, Атабиев* 1990, с.55).

Специалисты (Б.Б.Пиотровский, А.А.Иессен, Е.И.Крупнов, В.А.Ильинская, А.И.Тереножкин и др.) выделяют «группу выдающихся по своему значению памятников VII-VI вв. до н.э.» из окрестностей Моздока Северной Осетии. Синтез скифов с кобанцами в зоне Центрального Кавказа - важный этап формирования предков осетин, хотя еще встречаются работы, где этот этап игнорируется. Даже в последнем советском вузовском учебнике по этнографии происхождение осетин изображалось только как результат смешения алан с кавказскими племенами (*Этнография* 1982, с.281). В.И.Абаев резко выступает против опасной тенденции «умалить или свести к нулю роль скифо-сарматского элемента» (*Абаев* 1967, с.18) в происхождении осетин. Вообще лингвисты со времен В.Ф.Миллера (1887, с.315) скифам отводят заметное место в формировании осетин, а если в качестве предков рассматриваются лишь аланы, то сами аланы выводятся из скифского (или скифо-сарматского) мира (*Bielmeier* 1977, S.7-10).

Находки скифских бронзовых и железных предметов вооружения, конских сбруй, образцов звериного стиля и пр. в могильниках Моздока, сел Кумбулта, Галиат, Нижняя Рутха, Фаскау, у святилища Реком, в районе древней дороги через Мамисонский перевал, в Раче и т.д. — свидетельствуют об устойчивых контактах древних кобанцев с выходцами из Передней Азии (*Уварова* 1900; *Пиотровский* 1940; *Алексеева* 1949; *Техов* 1980).

Выявление новых археологических материалов убедительно подтвердило ранее высказанную гипотезу о том, что для номадов Северный Кавказ — не «скифская дорога», которую они прошли по пути в Переднюю Азию, а затем по ней же — в Причерноморье. По мере накопления данных росло убеждение, что регион служил для скифов своеобразной базой, плацдармом для походов в Закавказье и далее. Но когда северокавказских археологических свидетельств по данной теме стало еще больше (и их количество все растет), мнение о регионе, как лишь плацдарме скифских походов в Переднюю Азию, перестало отвечать показаниям источников. Многие исследователи под тяжестью новых фактов пересмотрели свои взгляды по данному вопросу. Такой шаг вызывает тем большее уважение, что отказаться от своих позиций в том или ином вопросе историку очень трудно[6].

Характерно признание В.А.Ильинской и А.И.Тереножкина: «Рассматривая памятники степных районов Северного Кавказа, мы пришли к *существенному* и даже несколько *неожиданному* выво-

ду, что в период архаики (VII-V вв. до н.э.) на всей территории Предкавказья обитали многочисленные скифские племена. Это был не только плацдарм, откуда скифы отправлялись в походы, но и *постоянная зона обитания* - здесь находились их кочевья и могилы... Количество архаических скифских памятников не уступает известным в Причерноморской степи, а по степени концентрации, а часто и богатству, даже превосходит их» (*Ильинская, Тереножкин* 1983, с.69-71). К такому же выводу, но на более широкой источниковой базе, пришел и С.В.Махортых (1991, с.74-81, 104-106, 112-113).

На территории Северного Кавказа, согласно В.Ю.Мурзину, к началу 90-х гг. XX столетия выявлено около 50 скифских погребальных комплексов VII-VI вв. до н.э. по С.В. Махортых - более 100 памятников VII-V вв. до н.э. из 43 географических пунктов (там же, с.5), большинство которых отличается внушительностью погребальных сооружений и богатством сопровождающего инвентаря. В Северном Причерноморье открыто не более 20 скифских погребальных памятников того же периода; они равномерно «разбросаны» на большом пространстве и отличаются, за редким исключением, достаточно скромным инвентарем (*Мурзин* 1992, с.13).

С Северного Кавказа происходят выдающиеся по богатству и значению памятники — Келермесские, Ульские, Костромские курганы в Прикубанье с погребальными сооружениями внутри в виде шатровых остроконечных перекрытий из бревен над огромной ямой или над квадратной бревенчатой площадкой, сооруженной на уровне древнего горизонта почвы. Погребения сопровождались массовыми захоронениями коней с богатой уздой, выполненной в зверином стиле. В этих курганах обнаружены всемирно известные предметы скифского искусства, например, великолепный акинак в золотых ножнах и с золотой художественно оформленной рукоятью; роскошно оформленная боевая секира переднеазиатского происхождения (Келермес).

На территории Ставрополья внимание скифологов привлекают Александровские курганы. В 1973 г. был раскопан огромный курган высотой около 11 м и диаметром — 100 м. При устройстве кургана в центре на поверхности земли были возведены сооружения из камня, глины и дерева. В самом центре — главное погребение из крупного камня в виде круга диаметром 12,5 м. Оно оказалось ограбленным, но в жертвенном помещении найдены горелые человеческие кости и кости животных, наконечники стрел, сосуды, золотые обкладки деревянных сосудов, скелеты двух взнузданных лошадей, среди украшения которых выделяется серебряная четырехконечная звезда с изображением почитавшейся на древнем Востоке богини Иштар. Вероятно, это помещение предназначалось для захоронения принесенных в жертву людей и лошадей в связи с похоронами лиц из центральной гробницы.

Раскопки последующих лет, проведенные В.Г. Петренко, позволили Александровские курганы отнести к скифской военной ари-

стократии второй половины VII — началу VI вв. до н.э. (*Очерки...*1986, с.43-47).

В зоне Центрального Кавказа скифы освоили не только предгорья, но и высокогорные районы по обоим склонам Главного Кавказского хребта. Разнообразные скифские предметы найдены у сел. Кумбулта, Чми, в Казбекском кладе, а в Южной Осетии — в огромном Кобанском могильнике у сел.Тли. В этой связи рассказ Диодора Сицилийского о том, что скифы «приобрели себе страну в горах до Кавказа» (*Диодор Сицилийский* 1991, с.144) приобретает вполне реальную основу. Причем, пребывание скифов в ущельях Кавказа было отнюдь не кратковременным. Горцы имели достаточно большой срок, чтобы близко познакомиться с пришельцами.

Кобанские по происхождению глиняные фигурки изображают бородатых скифов в остроконечных шапках. Своим необычным внешним видом скифы, видимо, произвели большое впечатление, что отразилось на их восприятии современниками. Исключительный интерес представляют человеческие изображения на бронзовом поясе из погребения № 76 Тлийского могильника. В типичном для кобанских бронз стиле изображена сцена охоты конного и пешего бородатых и длинноволосых воинов. В правой руке пешего охотника — сложный скифский лук. На портупее висит футляр для лука, рядом пририсован колчан. Кафтан перетянут поясом. Аналогично одет и вооружен всадник. К конской узде привязана отрубленная человеческая голова (ср. с рассказом Геродота о воинских обычаях скифов). Специалисты поддержали Б.В.Техова, отождествляющего эти изображения со скифами (*Ильинская, Тереножкин* 1983, с.74-75).

Большая активность скифов к северу и югу от Главного Кавказского хребта отмечена древнегрузинскими летописями и историками. Например, Леонтий Мровели начало второго периода в этнической истории Кавказа связывал с появлением здесь «хазар», под которыми, по убеждению ученых (*Миллер* 1887, с.15-21; *Меликишвили* 1959, с.294 примеч.27; *Тогошвили* 1967, с.245-246; *Мровели* 1979, с.51), подразумеваются скифы. «В первый же свой поход хазарский (скифский - Ф.Г.) царь перевалил горы Кавказа и полонил народы... Был у него сын по имени Уобос, которому дал пленников Самхети и Картли. Дал ему часть страны Кавказа, к западу от реки Ломеки до западных пределов гор. И поселился Уобос. Потомками его являются овсы» (*Мровели* 1979, с.25).

В данном случае «овсами» Леонтий назвал скифов, но вообще в грузинских источниках «овсами» именовали скифов, сарматов, алан, а позднее — и осетин (*Гаглойти* 1991, с.31). Иными словами, этническую преемственность предков осетин в культурных кругах средневековой Грузии представляли в виде ряда: скифы — сарматы — аланы — осетины; все они обозначались одним термином — «овсы».

Рассказывая о военной и политической активности скифов на Кавказе, Л.Мровели остановился на эпизоде, связанном с завоева-

нием Картли «мидо-персидскими царями». Позднее «обрели Карт лоснаны удобный случай. Обратились они к овсам (скифам — Ф.Г.), призвали овсов и затем, обнаружив эристава (персов — Ф.Г.) в открытом поле, убили его. Выловили и уничтожили овсы и картлийцы всех персов, (таким образом) обрели свободу картлийцы...» (*Мровели* 1979, с.26). Описанные события относятся к первой четверти VII в. до н.э. О большой роли скифов свидетельствует также сообщение Леонтия о том, что среди функционировавших в Картли шести языков был и скифский. Причем, шесть этих языков, включая скифский, «знали все цари картлийские, все мужи и женщины» (там же, с.27).

Длительное пребывание скифов на Кавказе сопровождалось, по данным М.Н.Погребовой, «достаточно интенсивным внедрением этих воинов в местную среду» (*Погребова* 1990, с.41). В VII-V вв. до н.э. скифские элементы на Центральном Кавказе становятся настолько многочисленными, что налагают отпечаток на общий облик местной материальной культуры, придавая ей, по определению Е.И.Крупнова, «скифоидный характер» (*Ильинская, Тереножкин* 1983, с.20-32, 44-51). Скифское влияние заметно здесь и позднее. Весьма показательно в этом плане четкое разграничение Страбоном жителей равнины и гор. «На Иберийской равнине обитает население более склонное к земледелию и миру... горную страну, напротив, занимают простолюдины и воины, живущие по обычаям скифов и сарматов, *соседями и родственниками* которых они являются; однако они занимаются также и земледелием. В случае каких-нибудь тревожных обстоятельств они выставляют много десятков тысяч воинов как из своей среды, так и из числа скифов и сарматов» (*Страбон* 1964, с.475).

Таким образом, с момента появления в VII в. до н.э. скифы прочно освоили Северный Кавказ. Напомним в этой связи предостережение Н.Я.Марра, отметившего «теснейшие связи» скифов с Кавказом и показавшего, что игнорирование кавказских материалов при разработке вопроса происхождения скифов неизбежно приведет к неудаче. Скифская гегемония на Северном Кавказе с середины VII в. до н.э. представляется сегодня фактом доказанным (*Ильинская, Тереножкин* 1983, с.20-25; *Махортых* 1991, с.73, 95, 104-106, 109-111; *Мурзин* 1984, с.96-100; 1990; 1992, с.4-5).

На рубеже VII-VI вв. до н.э. возвратившиеся из походов значительные скифские воинские контингенты стали в Предкавказье основной политической силой. Не это ли имел в виду Ксенофонт, когда писал: «В Европе скифы господствуют, а майоты (меоты — Ф.Г.) им подвластны» (*Ксенофонт* 1991, с.37).

Находки в богатых скифских захоронениях вещей кавказского и переднеазиатского производства указывают на наличие дани, которой облагались местные племена; не будем забывать и просто грабежи (см.: Геродот I, IV).

Значительная концентрация скифских памятников в рассматриваемом регионе свидетельствует, по мнению В.Ю.Мурзина, о размещении здесь центра древнейшего скифского объединения, сопоставимого с «царством Ишкуза» ассирийских источников (*Мурзин* 1992, с.5, 12-13). Эта идея имеет свои «за» и «против». Но в любом случае несомненно одно: длительное скифское присутствие на Северном Кавказе было оформлено в какую-то социально-политическую оболочку.

В зоне Центрального Кавказа скифы вступили в контакты с кобанцами. В последнее время вновь стал дискутироваться вопрос об этнической принадлежности кобанцев. Один из крупнейших знатоков в этой области Б.В.Техов недавно уверенно сделал вывод: археологическая культура, сформировавшаяся «на северном и южных склонах Центрального Кавказа (Кобан, Тли) во второй половине II и первой половине I тысячелетия (до н.э.), принадлежит тем индоиранским племенам, которые остались и обосновались на Центральном Кавказе после передвижения основной их массы в Переднюю Азию». Не меньшее внимание обращает на себя и другое утверждение: «в течение тысячелетий не было такого периода времени, когда бы на территории Кавказа, особенно его Центральной части, не обитали племена индоевропейцев и иранцев, носителей ираноязычной традиции» (*Техов* 1994, с.8, 15).

Маститого ученого поддержали Д.Н.Медойти и А.Р.Чочиев: во II-I тысячелетии до н.э. «в регионе сформировалась и расцвела высокая культура, созданная племенами, принадлежащими к обширному индоевропейскому миру» (*Медойти, Чочиев* 1994, с.122).

Не занимаясь проблемами истории Кобанской культуры, нам трудно судить о степени надежности приведенных суждений. Если они подтвердятся, это во многом объяснит успехи скифской колонизации зоны Центрального Кавказа.

В.Б.Ковалевская высказала гипотезу об участии кобанских ремесленников (возможно и воинов) в составе скифского войска в эпоху переднеазиатских походов. Анализ письменных свидетельств, палеоантропологических, лингвистических и археологических данных привел ее к выводу о смешанном составе кобанского населения в VII-VI вв. до н.э. и необходимости выделения в кобанской культурно-исторической общности трех последовательно бытовавших культур. Первая отличалась гомогенностью; две последующие — гетерогенные (условно названные «скифо-кобанская» и «сармато-кобанская») сочетали древнекобанские традиции с иранскими инновациями, причем соотношение между ними различно для разных географических зон Северного Кавказа (*Ковалевская* 1985, с.48-69).

Идеи В.Б.Ковалевской нашли подтверждение и развитие в последующих исследованиях. Так, М.Н.Погребова и Д.С.Раевский (1989, с.63) обратили внимание на использование чуждавшимися ремесленного труда скифами-воинами эпохи архаики кобанских

профессиональных ремесленников-металлургов. Аналогичного взгляда придерживается В.Р.Эрлих (1994, с.110-112).

По мнению ряда исследователей, взаимовлияние в контактной зоне приводило к синтезу скифов и кобанцев (*Цулая* 1987, с.23-26; *Гаглойти* 1991, с.67-68; *Мошинский* 1997, с.33-45). Уникальный материал на эту тему В.Б.Ковалевская получила в результате раскопок позднекобанского могильника Уллубаганалы 2; расположенного в Эшкаконском ущелье, устье которого находится в 18 км к западу от Кисловодска. Все погребения — 11 мужских, 6 женских, 5 детских и 2 кенотафа — были не только не разграблены, но и не повреждены. В сопутствующий инвентарь входили оружие и орудия труда, украшения и керамика, напутственная пища и питье. Материалы этого вполне традиционного кобанского могильника вместе с тем содержали черты, свидетельствующие о *глубоком этнокультурном взаимодействии* кобанцев со скифами. Наиболее поразительные результаты дало антропологическое обследование черепов погребенных: у захороненных здесь воинов установлены типичные черты степняков, в то время как у женщин и ремесленников-кузнецов (в 3-х случаях из 4) — черт кавкасионского типа (*Ковалевская* 1984, с.32-52; 1985).

М.П.Абрамова, анализируя поселение скифского времени у аула Хумара в верховьях Кубани, также пришла к выводу о синтезе в контактных зонах. «Когда мы говорим о местном населении Северного Кавказа применительно к рассматриваемому времени, то на всей его территории (за исключением Дагестана на востоке и бассейнов Средней и Нижней Кубани на западе) мы размещаем племена кобанской культуры, полагая, что в данном случае слово «местный» является синонимом «кобанский». Однако следует различать горную и предгорно-равнинную зоны». Если в горах, по данным В.В. Бынака, в скифское время жило то же население, что и в эпоху бронзы, то совсем другое дело — открытые для вторжений районы предгорно-равнинной зоны. Проникнвоение и оседание здесь групп кочевников «приводило к формированию полиэтнических группировок» (*Абрамова* 1999, с.102).

В целом, в оценке характера взаимодействия степняков и кобанцев археологи разделились на две группы. Одни (В.Б.Ковалевская, М.Н.Погребова, Д.С.Раевский и др.) говорят о своеобразном «разделении труда» между скифами-воинами и кобанцами-ремесленниками в условиях, оцененных как межэтнический симбиоз. Другие (С.В.Махортых, С.Л.Дударев и др.) отстаивают идею о межэтническом синтезе между скифами и кобанцами, слиянии, породившем новые этнообразования (*Дударев* 1997, с.30; 1997а, с.37).

В любом случае, все исследователи отмечают активность скифо-кавказских контактов в период переднеазиатских походов (VII-VI вв. до н.э.). В последующее время, по мнению большинства специалистов, связи скифов с Кавказом ослабевают (с середины V в.

до н.э.), сокращается количество скифских памятников в Предкавказье до их практически полного исчезновения в начале IV в. до н.э. Особую позицию занимает М.П.Абрамова, по мнению которой со скифами связана первая волна иранизации автохтонов Северного Кавказа (*Абрамова* 1993, с.38, 199-201). Она полагает также, что какая-то часть скифов продолжала обитать в Предкавказье и после V в. до н.э., когда основная часть их соплеменников покинула регион. Отметим также точку зрения, согласно которой имела место этническая трансформация части скифского этноса Предкавказья и образования в результате этого процесса новой этнической общности (*Абрамова* 1990, с.118; *Ольховский, Евдокимов* 1994, с.45; *Мошинский* 1997, с.33).

Сарматы и Центральный Кавказ. Взаимовлияние ираноязычных и горских племен прослеживается по археологическим материалам последующих периодов (*Абрамова* 1986). Конец I тысячелетия до н.э. ознаменовался продвижением в Предкавказье новой волны ираноязычных кочевников. С конца III в. до н.э. население степной и частично предгорной полосы Центрального Кавказа постепенно утрачивает местные обряды и традиции. Некоторые автохтонные племена едва ли не полностью растворились в среде пришельцев. Другие, сохранив традиционные места обитания, подверглись сильному сарматскому воздействию. На равнине массовое распространение получили курганные погребения с явно выраженным сарматским обликом (у сел. Куртат, Даргкох, с. Павлодольской и др.). Другие памятники (могильники у Нижнего Джулата и Чегема-Второго) свидетельствуют о неоднородном составе предкавказских сарматов, на рубеже двух эр ставших оседать и смешиваться с местным населением.

В этой связи Ф. Бози отмечал в отношении Восточного Кавказа: «Многочисленные археологические свидетельства в этом регионе помогают нам понять, что проблема взаимодействия сарматов с местным населением — одна из наиболее важных». В могильнике Тарки «вместе с элементами, имевшими отношение к местным культурам, можно увидеть распространение сарматских традиций в керамике, вооружении, похоронных обрядах; здесь же много импортных вещей: кораллов, стеклянных бус египетского производства, раковин из Индии и т.д.» (*Bosi* 1994, p.118-119).

В некоторых регионах Северного Кавказа взаимоотношения сарматов и местного населения приобрели особую остроту. В частности, на территории Ставрополья сираки уничтожили ранее процветавшие поселения типа Грушевского. О богатстве самих сарматов можно судить по знаменитому Казинскому золотому кладу: в 1910 г. в одноименном селе Александровского уезда обнаружен горшок с 19 предметами, включая 9 массивных гривен и 5 браслетов. Общий вес предметов клада — около 16 кг. В самих сарматских материалах эти драгоценности можно сравнить с «царскими» набо-

рами из кургана Хохлач близ Новочеркасска. «Это золотая диадема царицы с припаянными по верху фигурками оленей, козлов, деревьев, впаянной в центре женской головкой из халцедона, золотая гривна и золотая кружка» (*Очерки...* 1986, с.63).

Наиболее значительным памятником пребывания сарматов на берегах Терека в границах Северной Осетии является курганный могильник у хутора Комарово Моздокского района. Среди 24 типично кочевнических погребений III в. до н.э. — середины I в. н.э. наиболее значительным оказалось центральное захоронение в кургане 15-метровой высоты. В подземной камере-катакомбе была захоронена рослая пожилая сарматка. Она покоилась в деревянном гробу, в несколько слоев обернутом золотой парчой, на которой крепилось множество бляшек с мужскими и женскими личинами. Поражает великое множество сопровождающего инвентаря — одних только золотых предметов — около тысячи; весьма интересны крупное бронзовое зеркало, золотая гривна, массивные золотые браслеты, украшенные баранами — символом Фарна, составной кулон в виде кабана — одного из воплощений Митры Веретрагны. Археологи обратили внимание на расшитую золотыми нитями ткань[8]. Погребение (I в. до н.э. по определению руководителей раскопок) принадлежало представительнице сарматской знати. Вокруг основного кургана — несколько других богатых захоронений. Как полагают археологи, в данном могильнике прослеживается смешение предкавказских (сиракских) и североприкаспийских (аорских) черт сарматского погребального обряда. Есть следы и субстратного кавказского влияния (*Абрамова* 1982, с.49-51; *Гиджрати, Наглер* 1985, с.131-132; *История Северо-Осетинской АССР* 1987, с.48-50). Хотя, на наш взгляд, возможна иная этносоциальная интерпретация комаровского комплекса.

Довольно большой сарматский подкурганный могильник совсем недавно обнаружен на среднем течении Терека в Северной Осетии. Курганы расположены у сел. Заманкул примерно в 30 км на северо-запад от входа в Дарьяльское ущелье и в 15 км на восток от Эльхотовских ворот — важного стратегического прохода через Терский хребет. Предварительная датировка кладбища — III в. до н.э. — вторая половина I в. н.э. Хотя, по данным Я.Б.Березина и В.Л.Ростунова, подкурганные катакомбы сооружались здесь и позже, в IV-V вв. Археологи предполагают их связь с расположенным поблизости Брутским городищем первой половины I тысячелетия.

В инвентаре исследованных захоронений обращает на себя внимание большое количество импорта. Интересен бронзовый этрусско-италийский шлем типа «Манхейм» (I в. до н.э.) — первая находка такого рода в юго-восточной Европе. К III в. до н.э. относятся чернолаковый канфар, ножка фасосской амфоры и др. Керамический комплекс могильника имеет ярко выраженный кавказский облик; много культовых предметов: курильниц, двуручных сосудов с

гальками внутри. Из предметов вооружения чаще всего встречаются железные наконечники стрел; они обнаружены в большинстве захоронений, а вот мечей всего два (да один кинжал). Вместе с тем встречен не известный сарматам тип оружия — булава, более характерная для кобанцев вплоть до конца скифской эпохи. В целом, участники раскопок считают, что заманкульский могильник оставлен «группой сармат, уже в III в. до н.э. переваливших Терский хребет и обосновавшихся на Владикавказской равнине у входа в Дарьяльское ущелье. Длительное и близкое общение с местными горцами» сказалось на «кавказоидности» значительной части погребального инвентаря. По мнению археологов, «заманчиво было бы связать прекращение функционирования» могильника с аланскими походами I в. в Закавказье. Аланы проходили через Дарьял и «должны были оттеснить или уничтожить тех, кто контролировал дорогу в Закавказье раньше» (*Березин, Ростунов* 1994, с.47-50).

В сарматское время через Дарьяльский проход осуществлялись наиболее активные военные действия и походы. Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и археологические материалы. Переселяясь в Предкавказье, кочевые сарматские племена вступали в тесные контакты с оседлыми земледельческими племенами, что сказывалось на характере культуры и этническом составе автохтонного населения (*Абрамова* 1992, с.20-22, 26-27).

В последние годы на севере Ставрополья открыта группа сарматских погребений II в. до н.э. — I в. н.э. В большинстве своем они представлены впускными грунтовыми ямами и «языковидными» катакомбами с западной ориентировкой погребенных. Особо выделяется погребение 14 «Большого» Ипатовского кургана. На фоне скромных одновременных захоронений оно резко выделяется своим богатством (*Белинский, Березин, Калмыков* 2000, с. 17).

Ряд сарматских курганов II-I вв. до н.э. раскопан у с. Коби Шелковского района Чеченской республики. Погребения впускные в курганы более раннего времени. В четырех случаях это ямы, в двух — катакомбы I и II типов по К.Ф.Смирнову. Костяки ориентированы головой на запад. В сопровождающем инвентаре преобладали украшения, бронзовые зеркала, (*Березин, Ростунов* 2000, с. 19).

На основе синтеза в равнинной и предгорной контактных зонах складывались принципиально новые этнообразования. Особую роль в этом процессе играл переход части сарматов к оседлости (*Чеченов* 1986, с.8). Сарматы Предкавказья, переходя к стабильному кочеванию на землях, находившихся в сфере влияния оседлых племен, успешно осваивали отдельные элементы их культуры, утрачивая некоторые свои. Так, например, северокавказские сарматы, по данным М.П.Абрамовой, использовали местные типы стрел, что, очевидно, свидетельствует об их достаточной изолированности от остального сарматского мира. Влияние местных традиций прослеживается в материальной культуре сарматов Предкавказья и по дру-

гим категориям инвентаря: предметам конского убора, орудий труда, некоторых видов украшений. Интересно, что немногочисленные богатые подкурганные погребения содержали золотые гривны, серьги, браслеты, соотносимые со скифским, а не сарматским искусством. Учитывая факт длительного пребывания скифов на Центральном Кавказе и вероятность оседания здесь определенной их части и после ухода основной массы, следует согласиться с М.П.Абрамовой в том, что среди расселившихся здесь сарматов традиции скифского искусства оставались в силе. «В целом, археологические материалы показывают, что в материальной культуре сарматов Центрального Предкавказья III-I вв. до н.э. прослеживается сочетание как сарматских, так и местных северокавказских (или скифских) традиций» (*Абрамова* 1994, с. 12).

А.С.Скрипкин предположил не только хронологическое (IV-III и II-I вв. до н.э.), но и культурное разграничение двух групп памятников раннесарматской культуры; по его мнению, сарматы Северного Кавказа составляли особый мир и должны рассматриваться отдельно от основного массива сарматских племен (*Статистическая...* 1997, с.186). «Абсолютно разделяя» эту точку зрения, М.П.Абрамова вместе с тем подчеркивает, что «именно в культуре сарматов Северного Кавказа получили широкое распространение основные элементы раннесарматской культуры — зеркала с валиком по краю, мечи с серповидным навершием и др.» Мечи с прямым перекрестием и серповидным навершием на северо-западном Кавказе появляются по крайней мере со второй половины III в. до н.э. Примерно с этого же времени распространяются зеркала с валиком по краю и (во многих случаях) с ручкой-штырем. Эти же предметы обнаружены в комплексах Центрального Предкавказья — на Ставрополье, в степной зоне Северной Осетии и Чечни. Новые находки позволяют «говорить о значительной сарматизации оставившего их населения, и, скорее всего, об оседании здесь некоторых группировок кочевых племен». Археологические материалы Ставрополья свидетельствуют о гибели ряда поселений в III в. до н.э., что, несомненно, связано с вторжением и расселением сарматов. Вместе с тем, «здесь и в более южных районах были живы некоторые традиции культуры скифов...» (*Абрамова* 1999а, с. 101-106).

Сарматское влияние на рубеже двух эр было достаточно мощным не только на севере, но и на юге Кавказа. Особенно большую роль во внутриполитической жизни Картли «овсы» сыграли в период образования восточногрузинского «царства» Фарнавазидов на рубеже IV-III вв. до н.э. Скрываясь от убийц отца, Фарнаваз, будущий основатель династии, с трехлетнего возраста воспитывался на Северном Кавказе. Л.Мровели конкретно не указывает, у кого укрывался Фарнаваз. Но, учитывая его прочные связи с сарматами /он «выдал одну сестру за царя овсов» (*Мровели* 1979, с.30)/, помощь овсов Фарнавазу в борьбе за престол, его ираноязычное имя, как и

имена других представителей его рода, можно без особой натяжки полагать, что Фарнаваз воспитывался среди овсов (*Алано-Георгика* 1992). И не случайно, видимо, сын его также носил овское имя — Саурмаг «Чернорукий» (*Цулая* 1984, с.189, 202 примеч. 12).

Влияние ираноязычных племен на Центральном Кавказе было настолько заметным, что на это обратили внимание античные авторы. Здесь вновь уместно вспомнить слова Страбона о том, что горы Кавказа населяли «простолюдины и воины, живущие по обычаям скифов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются» (*Страбон* 1991 с.185).

Н.А.Бердзенишвили указанное известие Страбона понимал как указание на родство горцев с сарматами. Для Г.А.Меликишвили симптоматичным представлялось то обстоятельство, что «не только Страбон и другие иноземные источники находят население горной Иберии сильно отличным от жителей низменности (первые по Страбону даже находятся в родстве с сарматами), но и грузинские источники рисуют аналогичную картину... Многочисленные сообщения той же грузинской традиции в связи с утверждением христианства в Грузии также подразумевают наличие в горных районах Грузии населения, в этнокультурном отношении обособленно стоявшего от населения равнины» (*Меликишвили* 1959, с.294, 295).

Появление ранних алан на Кавказе. Традиционно считается, что в I в. на смену сарматам юго-восточной Европы и Кавказа приходят аланы. Противоречивую позицию в этом вопросе занимает М.П.Абрамова. С одной стороны, она вроде бы разделяет традиционную точку зрения: «Значительные события происходят в Предкавказье в I в. н.э., что, как представляется, связано с появлением здесь алан...» (*Абрамова* 1992, с.27). В другой работе она пишет, что «именно с I в. н.э. распространяется новый археологический комплекс, связанный со значительными изменениями, произошедшими как в погребальном обряде, так и в материальной культуре. Все эти изменения вызваны появлением на исторической арене алан». Указывая здесь же на *почти* полное отсутствие «погребальных памятников, связываемых с кочевниками-аланами», М.П.Абрамова вместе с тем подчеркивает: «это не может означать того, что аланы были непричастны к судьбам северокавказских племен либо были как-то обособлены от них» (*Абрамова* 1994, с.13-14). В одной из последних своих монографий, обобщавшей многолетние поиски ученой, она последовательно опровергает многочисленные данные античной и закавказской традиции о пребывании алан на Кавказе в I в. н.э. (*Абрамова* 1993, с.171-177, сл.). В историографии уже отмечены уязвимые места подобной интерпретации письменных и археологических памятников (*Markowin, Muntschajew* 1988, S.89; *Афанасьев* 1992, с.83-97: *Ковалевская* 1992,с.23-26; *Гаглойти* 1995, с.11-21).

Выявляя причины изменений этнической карты юго-восточной

Европы в середине I в., Ю.Г. Виноградов поддержал М.Б. Щукина в том, что «аорсо-сиракский конфликт, возможно, нарушил неустойчивую стабильность сарматского мира и заставил ряд групп сарматского населения двинуться на запад, подталкивая и вовлекая в движение новые группы» (*Виноградов* 1994, с.164). Ю.Г.Виноградов обратил внимание, что изменения этнополитической ситуации в середине I в. фиксируется данными античной традиции. Страбон, последние изменения в свою «Географию» внесший около 20 г., аорсов локализовал между Танаисом и северным Прикаспием, южнее них, в Предкавказье, помещена территория обитания сираков; междуречье Дуная и Днепра географ отвел язигам, царским сарматам, ургам, бастарнам, а «равнины между Танаисом и Борисфеном» — роксаланам (*Страбон* 1993, с.259, 283-284).

Совершенно иную картину рисует Плиний, чей труд («Естественная история») увидел свет после гибели автора в 79 г. В IV книге он помещает аорсов вместе с роксаланами и аланами вдоль побережья Черного моря, а сираков — на левобережье нижнего Днепра. Правда, в VI книге Плиний аорсов называет среди племен у Каспия, т.е. там же, где их помещал Страбон.

Сопоставляя данные римских географов, Ю.Г.Виноградов приходит к выводу о том, что «около середины I в. отдельные группы сарматских племен — аорсов и сираков — откочевали с берегов Танаиса и Меотиды далеко на запад, в Буго-Днестровское междуречье и нижнее Поднепровье, где их присутствие фиксируется археологически» (*Виноградов* 1994, с.165). Перемены в этнополитической ситуации в середине I в. на побережье Черного моря и Северном Кавказе отмечены и А.М.Ждановским (1990, с.45-46). Вероятно, какая-то роль в этих процессах принадлежала аланам. Т.к. в последнее время вопрос о присутствии алан на Кавказе в I-II вв. приобрел неожиданную остроту, разберем подробнее имеющиеся материалы.

Поход алан в Закавказье в 35 г. В античной традиции сразу несколько авторов зафиксировали аланский (сарматский) поход 35 г. Тацит в описании войны Иберии с Парфией отмечает активное участие в ней сарматских племен. После первого успеха иберов в Армении парфянский царь Артабан поручил «своему сыну Ороду отомстить неприятелю», снабдив его войском и разослав людей для вербовки наемников. Царь Иберии Фарасман, «со своей стороны, получает поддержку албанов и поднимает сарматов, скептухи которых, приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправились на помощь и к той, и к другой. Но иберы — хозяева этой страны — быстро пропустили по Каспийской дороге (исследователи видят в ней Дарьяльский проход — Ф.Г.) сарматов, двигавшихся против армян, между тем, как сарматы, направлявшиеся к парфянам, были легко отрезаны, так как враг запер все проходы...» (*Тацит* 1968, с.276).

Интересно описание тактики пришедших на помощь Фарасману всадников, стремившихся «не допустить, чтобы их осыпали стрелами: это необходимо предупредить стремительным натиском и рукопашной схваткой. Отсюда — несхожая картина в войсках обоих противников: парфянин, приученный с одинаковой легкостью наскакивать и обращаться вспять, рассыпает свои конные части, дабы можно было беспрепятственно поражать врага стрелами, а сарматы, не используя луков, которыми владеют слабее парфян, устремляются на них с длинными копьями и мечами, и враги то сшибаются, то откатываются назад, как это обычно в конном бою, то как в рукопашной схватке теснят друг друга напором стрел и оружия» (там же, с.277-278). Из этого описания видно, что речь идет о катафрактариях, конной дружине скептуха.

Иосиф Флавий в рассказе о тех же событиях союзников иберов назвал «скифами». По Флавию, в 34 г. император Тиберий отправил письмо к консулу Сирии Вителию с поручением заключить мир с Артабаном, захватившим Армению. Одновременно император «большими суммами денег склонил царей иберийского и албанского не задумываясь воевать с Артабаном. Но те сами не согласились воевать, а натравляют на Артабана скифов, дав им проход через свои земли и открыв Каспийские ворота» (*Иосиф Флавий* 1993, с.334).

Упоминание «скифов» в I в. — анахронизм. В другой работе Иосиф Флавий уточнил: «племя аланов есть часть скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера» (там же, с.336), причем алан (скифов) он совершенно четко отличал от сарматов, вторгшихся в Мезию.

Дион Кассий несколько изменил рассказ об иберийско-парфянской войне, но и он говорит об активном участии в ней «скифов» (*Дион Кассий* 1991, с.350-351).

А.Гутшмид утверждал, что под «скифами» в данном случае следует понимать алан (*Gutschmid* 1888, S.121-122). Аналогичной точки зрения придерживался Э.Шарпентье: «Иосиф рассказывает, что еще император Тиберий в 35 г. спровоцировал алан совершить поход на Парфянское царство, вследствие чего те перешли Главный Кавказский хребет и разгромили Армению и Мидию; с этим сообщением вполне перекликаются созвучные заметки Тацита (Анн. VI, 33). Итак, уже в то время часть алан осела в устье Волги и далее на юге — на Тереке и Кубани, где в средние века располагалось собственно Аланское государство...» (*Charpentier* 1917, S.360). Ю.С.-Гаглойти (1966, с.71-74; 1995, с.47-52) поход 35 г. также связывает с аланами, которые в Закавказье пришли «через Дарьял». В.А.Кузнецов (1984, с. 12) пишет об активном участии алан в иберо-парфянской войне 35-36 гг., причем, по убеждению археолога, уже в то время аланы заявили о себе «как об активной военно-политической силе, сложившейся на Кавказе».

Данную точку зрения недавно оспорила М.П.Абрамова (1993,

с.172) на том основании, что «помимо предположений, точных данных по поводу участия алан в войне 35-36 гг. письменные источники не дают». Рассматривая те же события, В.А. Горончаровский (1993, с. 81) осторожно говорит об участии *сарматских* катафрактариев в битве 35 г.

В связи с рассматриваемым вопросом большой интерес представляет надпись на серебряной миске из уникального погребения сарматского скептуха середины I в. у сел.Косика Астраханской области. Характер богатого сопровождающего инвентаря позволяет связать его с «восточным» импульсом, т.е. продвижением (скорее всего) *ранних алан* из Средней Азии на запад (А.С.Скрипкин, В.В.Дворниченко, Г.А.Федоров-Давыдов).

В реконструированном Ю.Г.Виноградовым переводе надпись из Косики выглядит так: «Царю (скептуху или т.п.) такому-то, сыну такого-то от царя Артевасда: Ампсалак сделал» (*Виноградов* 1994, с.158). Последнее ирано-сарматское имя неоднократно встречается в надписях Боспора и Ольвии, хотя и не имеет пока удовлетворительной этимологии (*Zgusta* 1955, S.198). Имя «Артавазд» традиционно носили цари Армении. Согласно Ю.Г.Виноградову, сарматы (а не аланы) выступили на стороне Артавазда в его борьбе за армянский престол в 35-42 гг. Скептух первых получил богатые дары, а после окончательного поражения армянской армии[10] в 41-42 гг. вдоль каспийского побережья отошел в низовья Волги (*Виноградов* 1994, с.155-163).

Отметим, однако, что детально исследовавшие погребальный комплекс у с.Косика В.В.Дворниченко и Г.А.Федоров-Давыдов склонны связать появление здесь захоронения скептуха с новым ираноязычным импульсом, обусловленным, если даже не собственно аланами, то «под их влиянием и вследствие начавшегося сильнейшего их давления...» (*Дворниченко, Федоров* 1993, с.178-179).

Недавно детальный анализ всех античных свидетельств о событиях 35 г. предпринял С.М. Перевалов (1994, с.31-33). Не считая краткого описания событий 35 г. у Диона Кассия (LVIII, 26, 3-4), основную информацию об участии в них сарматов дают Иосиф Флавий (Иуд. др. XVIII, 97; завершена в 93/94 г.) и Тацит (Анн. VI, 33-35; время написания – 110-е гг.). Греческие рукописи Иосифа союзников Фарасмана называют аланами. Латинский перевод «Иудейских древностей» вместо алан ставит скифов (ср. Иуд. война, VII, 244: «народ аланов – часть скифов»). Какой этноним стоял первоначально в тексте, сказать трудно. С.М.Перевалов соглашается с Я.Харматтой в том, что только путем критики текста «проблему решить нельзя». Тацит употребляет широкий и почти нейтральный термин «сарматы», но именно у Тацита С.М.Перевалов нашел ключ к этнической конкретизации.

В качестве этнического маркера исследователь взял военную тактику и вооружение «сарматов». По Тациту (Анн. VI, 35), конные

«сарматы», отказавшись от луков, в бою действовали длинными пиками и мечами, чередуя маневры и мощные атаки. Такая тактика панцирной (тяжелой) кавалерии считалась традиционной для группы родственных племен — роксалан, алан и язигов. Флавий Арриан определяет эту тактику как «алано-савроматскую (сарматскую)» (Такт. IV, 3, 7). Для Тацита такой способ ведения боя был в новинку и он не упустил случая отметить его. Поскольку ни аорсы, ни сираки, чью междоусобную войну Тацит описал довольно подробно (Анн. XII, 15-16), не применяли вышеназванную тактику, в войне 35 г. под «сарматами» Иосифа Флавия следует понимать именно *алан*[11].

Участие именно *алан* в походе 35 г. обосновывается и в других работах С.М. Перевалова (1999; 1999а; 2000).

Изложенный материал позволяет предположить возможное участие какой-то группы *ранних* алан (дружинников?) в событиях 35-36 гг. в Закавказье.

Поход алан 72 г. Среди части историков бытует мнение, что вторжение алан (сарматов) в Закавказье в 35-36 гг. вызывало ответную негативную реакцию Рима и ужесточение его кавказской (антиаланской) политики. Насколько это мнение согласуется с показаниями источников?

Корнелий Тацит писал, что на дунайских границах Рима «племена сарматов и свебов объединяются против нас...» (*Тацит* 1968, т. II, с.6). Весной 68 г. третий Галльский легион был вызван в Италию (*Светоний* 1990, с.200). Проходя через Мезию, римскую провинцию в низовьях Дуная, принял сражение с 9-тысячным отрядом роксалан. И, если предыдущей зимой роксаланы уничтожили две кагорты, то теперь потерпели поражение.

Тацит причины разгрома роксаланских дружинников объяснял тем, что «римляне выступали в полном боевом порядке», в то время как катафрактарии думали «больше о грабеже, чем о сражении. Они двигались поэтому без определенного плана, не принимая никаких мер предосторожности». (*Тацит* 1968, т. II, с.42).

В приведенных сюжетах речь идет о придунайских аланах, кавказские же аланы не упоминаются вовсе.

К.В.Тревер (1959, с.120) полагала, что об аланской опасности римлянам мог рассказать царь Армении Тиридат I, вызванный в столицу императором Нероном. В Закавказье дела римлян, действительно, складывались непросто. По Тациту, «с большим ожесточением разгорелась протекавшая до того вяло и нерешительно война римлян с парфянами за владычество над Арменией...» (*Тацит* 1991, с.288). Силы парфян сковывало восстание в Гиркании: в 59 г. гирканцы отправили к римлянам посольство (*Бартольд* 1965, с.31), едва не погибшее на обратном пути. В конце концов, усилиями выдающегося римского полководца Домиция Корбулона Армения была сохранена за империей, а царем в 66 г. Нерон утвердил Тиридата.

Источники не дают никаких оснований предполагать какое-либо участие алан в этих событиях.

В последние годы своего правления Нерон замыслил грандиозный поход на Кавказ. О его масштабах, как писал Тацит, свидетельствует «множество воинских подразделений, которые Нерон вербовал в Германии, Британии и Иллирии и, готовясь к войне с альбанами, отправил к каспийским ущельям, но повернул с дороги для подавления вспыхнувшего восстания Виндекса» (*Тацит* 1968, т. II, с.8). Об этом же сообщает Светоний в рассказе о Нероне: «Готовил он поход к Каспийским воротам, набрал в Италии новый легион из молодых людей шести футов роста и назвал (фалангой Александра Великого)» (*Светоний* 1990, с.157).

В обоих случаях речь идет о Каспийских воротах, а Тацит ясно свидетельствует, что поход планировался против албанцев. Тем не менее ряд историков считает, что кампания намечалась против алан (*Taubler* 1909, S.17, 18). Решающим аргументом считается следующий фрагмент «Естественной истории» Плиния: «Здесь нужно исправить ошибку многих, даже тех, которые в последнее время принимали участие в походах Корбулона в Армению: они называют Каспийскими те ворота в Иберии, которые, как мы сказали, называются Кавказскими; это название стоит и на присланных оттуда ситуационных картах. И угроза императора Нерона относилась будто бы к Каспийским воротам, тогда как в ней разумелись те, которые ведут через Иберию в землю сарматов: ведь едва ли есть какой-либо доступ к Каспийскому морю вследствие облегающих его гор» (*Плиний* 1991, с.224).

Опираясь на свидетельство Плиния («четкое разъяснение» - по В.А.Кузнецову), некоторые исследовали полагают, что поход Нерона был задуман против алан (*Гаглойти* 1966, с.72-73; *Кузнецов* 1992, с.45). Несмотря на соблазн присоединиться к этой точке зрения, мы отметили ее уязвимые стороны (*Гутнов* 1997, с.3-4), что вызвало возражение со стороны Ю.С.Гаглойти. Один из его аргументов базируется на идентификации «Каспийских и Кавказских ворот» в некоторых античных памятниках; исходя из чего следует вывод: «Плиний ошибается, видя противоречие там, где его в действительности нет». Исследователь обратил внимание на рассказ Светония о том, что царь Парфии Вологез обратился к императору Веспасиану с просьбой о помощи «против алан». «Из этого похода ничего не вышло, аланы же в начале 70-х годов I в. н.э. совершили сокрушительный поход в Парфию, где царствовал уже Пакор II, наследовавший престол своего брата Вологеза I, и Армению». Данный сюжет, как полагает Ю.С.Гаглойти, «дает полное основание утверждать, что Нерон готовил поход именно против алан, тем более, что за время между кончиной Нерона летом 68 г. и провозглашением Веспасиана императором летом следующего года внешняя

политика Рима вряд ли могла существенно измениться» (*Аланика* 1999. № 2, с.250-251).

Ю.С.Гаглойти прокомментировал и свидетельство Тацита о множестве «воинских подразделений, которые Нерон навербовал в Германии, Британии и Иларии и, готовясь к войне с албанами, отправил к Каспийским ущельям...» По мнению ученого, употребляемый Тацитом вместо обычного латинского *порта* («ворота») термин *клаустра* («запор», «пограничная крепость», «стена» и др.) применим не к Каспийскому проходу, а «именно к Дарьяльскому ущелью и Крестовому перевалу, в частности» (*Аланика* 1999. № 3, с.248-249).

Приведенные аргументы не представляются нам решающими; мы продолжаем рассматривать версию возможного развития событий на Северном Кавказе в I в., изложенную Ю.С. Гаглойти, как вероятную, но не бесспорную. Во-первых, в цитированном фрагменте Плиния не учитывается наличие Дербентского прохода (Каспийских ворот), в существование которых Плиний, очевидно, не верил. Поэтому он не поверил и участникам походов полководца Корбулона, говорившим о Каспийском, а не Дарьяльском проходе. Учитывая то обстоятельство, что легионеры Корбулона долгое время сражались в Закавказье и на побережье Каспия, хорошо знали основные горные перевалы, мы склонны в данном вопросе скорее довериться им, нежели Плинию.

Во-вторых, давно уже подмечено, что в кавказском вопросе Рим по политическим соображениям должен был рассматривать алан как врагов Парфии — основного противника империи на Востоке. Показательно в этом плане, что аланский поход 35 г. по сути был направлен против парфян. «Поэтому, — отмечает Б.Бахрах, — по логике вещей, ко всякому противнику Парфии римляне должны были относиться благосклонно, а не идти на него войной... Вполне возможно, что Нерон планировал серьезную войну с Парфией, несмотря на заключенное перемирие (войны обычно готовятся в мирное время), а также стремился подчинить албанов и захватить контроль над Каспийскими воротами» (*Бахрах* 1993, с.146).

Другое возможное решение предложил М.С.Гаджиев (1998, с.32-33). Он присоединился к гипотезе А.Г.Бокщанина, который, исходя из общеисторической ситуации в регионе, наиболее вероятное объяснение планам Нерона видел в совместном римско-парфянском походе для прикрытия дороги вдоль западного берега Каспийского моря. М.С.Гаджиев обратил внимание на то, что Плиний конечной целью маршрута предполагаемого похода Нерона считал западный берег Каспия. Выход из этого противоречия исследователь видит в признании того, что «экспедиция планировалась на территорию и против сарматов Прикаспия», которых римский энциклопедист локализовал «выше» (т.е. севернее) прибрежной области албан. Нерону, продолжает М.С.Гаджиев, не было надобности организовывать по-

ход к Дарьялу, который контролировался проримской Иберией и ее военно-политическими союзниками — номадами с севера, не раз оказывавшими ей помощь в I-II вв. Учитывая установление в 63-66 гг. мира и союза между Римом и Парфией, организация крупной экспедиции против Албании, находившейся в сфере влияния Аршакидов, также выглядит маловероятной. С этой версией согласуются данные археологии, фиксирующие появление в Северном Дагестане со второй половины I в. новой крупной группировки кочевников, возможно, алан. На этой территории Птолемей (V, 8, 13) размещает олондов и исондов, имена которых могут сопоставляться с этнонимами «аланы» и «исседоны». Согласно данной гипотезе, планировавшаяся экспедиция Нерона имела целью во-первых, усмирение бурно вышедших на историческую арену алан, нарушивших благоприятное для Рима status quo в причерноморско-кавказском регионе, а во-вторых, восстановление нормального функционирования международной прикаспийской магистрали, торговля по которой приносила огромные доходы.

Кавказ для Нерона представлял особый интерес, который мог усилиться, по крайней мере отчасти, из-за нарастания беспорядков и грабежей на восточном побережье Черного моря. По предположению Д.Браунда, правителя Колхиды Полемона II Нерон лишил власти именно за то, что тот не мог должным образом бороться с разбоями и пиратством. Еще во времена Страбона древний город Диоскурия был центром процветающей торговли. А примерно полвека спустя Плиний совершенно определенно указывает, что город был покинут. Соседний, некогда очень богатый Питиунт разграбили гениохи, считавшиеся одним из самых многочисленных народов в Колхиде (*Браунд* 1991, с.34-35).

В отношении сарматов и алан, живших к северу от главных проходов Кавказа, Рим стремился проводить взвешенную политику и не портить с ними отношений. Характерно в этом смысле отношение официального Рима к участию своих воинских частей на Кавказе в войне 49 г. Хотя победа была блестящей, несколько когорт сумели расправиться с армиями двух царей, триумфа в Риме не последовало. Дело в том, что действуя совершенно правильно с военной точки зрения, командир римлян на Кавказе Юлий Аквила — офицер не очень высокого ранга, плохо разбирался в тонкостях большой политики и совершил стратегическую ошибку. Заключив союз с аорсами и разгромив сираков, он нарушил равновесие сил в регионе (*Щукин* 1994, с.206). Политика Рима не только в отношении «сарматов» Кавказа, но с варварским миром вообще строилась на стремлении использовании военного потенциала варваров с целью обеспечения интересов империи. «Дружба» между «царями» и Римом, предоставление «царям» или вождям каких-либо льгот и привилегий были инструментом римской внешней политики, средством влияния и удержания во власти Рима того или иного племени или

народа. За свою лояльность «цари» (rex, regulus), вожди (principes, duces) получали богатые дары (*Колосовская* 1996, с.146-147, сл.).

Сармато-аланские древности середины I в. - начала II в. отличает обилие античного импорта (керамика, металлическая посуда, бусы и другие украшения, в том числе из золота). По меньшей мере часть предметов италийского производства археологи рассматривают как подарки сармато-аланской знати от Рима, поступавшие сюда для нейтрализации варваров (*Копылов, Янгулов, Кузнецов* 1990, с.27-29; *Сергацков* 1992, с.42-43).

В 72 г. состоялся новый поход алан в Закавказье. Детальное описание этого опустошительного вторжения оставил Иосиф Флавий[12]: «племя аланов есть часть скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера. В это время, замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию и еще дальше ее, они вступили в переговоры с царем гирканов, ибо он владел проходом, который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, аланы, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну, причем никто не осмеливался им противиться, ибо царствующий в этой стране Пакор, убежав от страха в неприступные места, отступился от всего остального и лишь с трудом выкупил сотней талантов жену и наложниц, попавших в плен. И так, произведя грабеж с большой легкостью и без сопротивления, они дошли до Армении, все опустошая. Царем Армении был Тиридат, который, выйдя им навстречу и дав битву, едва не попался живым в плен во время самого боя; именно: некто издали набросил ему на шею аркан и готовился уже притянуть его, если бы он не успел убежать, перерубив мечом веревку. Аланы, еще больше рассвирепевшие вследствие битвы, опустошили страну и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычей из обоих царств» (*Иосиф Флавий* 1991, с.239-240).

Данный сюжет приведен в переводе А.И. Малеина. Существует перевод Я.Л. Чертока (*Иосиф Флавий* 1991а), сделанный с немецкого языка, что резко снижает его научную ценность. Недавно впервые в истории русской словесности появился перевод «Иудейской войны» с древнегреческого языка. Интересующий нас фрагмент в нем переведен так: «Народ аланы, о котором я прежде пояснил, что это скифы, живущие по берегам реки Танаиды и озера Меотиды, задумав в то самое время совершить набег на Мидию и в еще более отдаленные области, договаривались с царем гирканов. Ибо через его владения проходил путь, который был заперт железными воротами, поставленными царем Александром. И получив от него разрешение на проход, многочисленными толпами они напали на ничего не подозревавших мидийцев и стали опустошать густонаселенный и обильный стадами край. Никто не отважился им противостоять. Царствующий в этой стране Пакор от страха бежал в труднодоступные места. Оставив все, он едва вызволил попавших к ним в плен

жену и наложниц, отдав за них 100 талантов. Они грабили страну с большой легкостью, не вступая в сражения, и, опустошая все на своем пути, дошли таким образом до Армении. Там царствовал Тиридат, который выступил им навстречу и дал сражение, в котором чуть было живым не попал в плен. Ведь кто-то издалека набросил на него аркан, и ему удалось бы утащить царя, если бы тот не успел перерубить веревку мечом и таким образом спастись. Варвары же, еще более рассвирепевшие от этой битвы, опустошили страну и с великим множеством пленников и другой добычей, взятой из обоих царств, возвратились обратно на родину» (*Иосиф Флавий* 1993, с.403).

Практически этот рассказ (вплоть до совпадения деталей) повторил епископ Амвросий (1991, с.387-388).

В сообщении Иосифа Флавия имеются определенные противоречия: самое главное из них заключается в нестыковке начальной точки похода и его дальнейшего маршрута. Если речь идет именно о донских аланах, то они сначала должны были попасть в Армению и лишь затем — к мидянам, а не наоборот, как у Иосифа. Попытки объяснить это противоречие привели к появлению нескольких версий маршрута похода и его отправной точки.

А.Гутшмид (1888, S.133), буквально следуя за текстом Иосифа, попытался устранить это противоречие, «проведя» алан через Дербентские ворота и располагая там ставку гирканцев[13]. Е.Тойблер оспорил это мнение, справедливо отмечая, что Гиркания располагалась на юго-восточном берегу Каспийского моря и ее царь никак не мог контролировать Дербентский проход. Со своей стороны, Е.Тойблер, отталкиваясь от данных Птолемея и китайских источников, предложил свою версию событий и поход 72 г. связывал с восточными аланами (*Taubler* 1909, S.19-21).

Птолемей (VI, 14) действительно, описывая закаспийские земли (Окс, Яксарт, Гирканское море), отмечал: «Во всей Скифии по всему пути к северу по направлению к неизвестной земле пасут стада те, кто называется общим именем аланов-скифов» (*Птолемей* 1940, с. 130). По китайским источникам, в начале I в. находившаяся в Приаралье страна «Яньцай переименовалась в Аланья» (*Бичурин* 1950, с.229). В принципе, эти данные не исключают вероятности участия восточных алан в походе 72 г., т.к. на пути в Парфию аланы прошли контролируемую царем Гиркании территорию (Иосиф Флавий, Амвросий). Но эти данные противоречат утверждению античных авторов о том, что поход задумали аланы Танаиса и Меотиды.

Неожиданный аргумент идея Е.Тойблера получила в статье Я.Харматты «Из истории алано-парфянских отношений» (*Acta Antigua Hungaria*, 1965, T. XIII). Венгерский ученый обратил внимание на надпись на пряслице, обнаруженном археологами в низовьях р. Малый Узень в Западном Казахстане. Эта территория при-

надлежала аланскому племенному союзу, а надпись выполнена на парфянском языке. Объяснение этому факту Я.Харматта ищет в политических событиях конца I в. По его мнению, из похода 72 г. *восточные* аланы вернулись, приведя с собой «огромную массу людей». То же самое повторилось в 135 г. Резюмируя свой анализ, ученый заключил, что «во вторжении участвовали не только аланы, жившие в районе Кавказа, но и аланские группы, поселившиеся в других краях» (там же, с. 147). Конечно, имеются в виду восточные аланы.

Против версии об участии в походе 72 г. восточных алан, прошедших через Гирканский проход, в свое время резко выступил И.Маркварт, некорректно обвинив Е.Тойблера в «большой самоуверенности». С версией Е.Тойблера, писал он, можно согласиться только в том случае, если планируемый царем Вологезом ответный поход («для которого он в 75 г. просил у римлян помощь») за вторжение алан считать направленным «не на Кавказ, а на северо-восток, для римской сферы интересов совершенно удаленные транскаспийские степи» (Е.Тойблер). «Такая гипотеза, — отмечал в этой связи И.Маркварт, — между тем, полностью абсурдна». Аланы «не могли пройти через перевал Дарьял — так как этот путь вел сначала в Армению»; остается только один путь — «через Каспийские ворота, перевал у Дербента» (*Markwart* 1931, S.79-80, 83-84). Но и эта гипотеза, как отмечалось выше, наталкивается на серьезные возражения.

В поисках компромиссного решения академик Я.Манандян предложил маршрут движения алан провести по меото-колхидскому пути. Но и это предложение не нашло поддержки у исследователей. Совсем недавно Т.А.Габуев (1996, с.46) предложил новую версию: в походе участвовали донские аланы и «этнически родственные им» овсы — ираноязычные племена, «достаточно прочно освоившие к этому времени близлежащие к Дарьяльскому проходу районы». Однако уже неоднократно обращалось внимание на то, что этноним «овсы» известен лишь грузинским историкам; в описании одних и тех же событий грузинские источники говорят об «овсах», а армянские и античные авторы — об аланах.

Большинство специалистов полагает, что аланы участвовали в походе 72 г., прошли с севера через Дарьяльский перевал и уже в то время проживали в непосредственной близости от Дарьяльского прохода (*Кулаковский* 1899, с.103; *Меликишвили* 1959,. С. 345; *Тревер* 1959, с.126; *Гаглойти* 1966, с.75; *Ковалевская* 1984, с.86; *Кузнецов* 1992, с.45-47).

В одной из последних своих монографий М.П.Абрамова разбирает аргументы в пользу этого мнения и все их последовательно опровергает, что вынуждает нас вновь обратиться к данной теме и по возможности полно рассмотреть детали событий и степень надежности сохранившихся памятников.

Прежде всего разберем, что имели в виду Иосиф и Амвросий, говоря о «царе Гиркании» и «Гирканском проходе».

Страбон (XI, 8, 3), Тацит (Ан. XIV, 25), Плиний (VI, 25), Диодор (XVII, 75-76), Помпей Трог (Фил. ист. XII, 3-5), Плутарх (Ал. Мак. X, IV) Гирканию располагали на южном или юго-восточном побережье Каспия. Иногда Каспийское море называлось Гирканским; например, Дионисий Периегет упоминает «Каспийское море, которое другие называют Гирканским» (*Дионисий* 1991, с.360).

Укоренившееся в античной традиции представление о Гиркании закрепилось и в исторических сочинениях средневековой Европы. Так, в «Орозии короля Альфреда» (IX в.) сказано: «(горы Тавр тянутся) к западу вдоль побережья гарсека до моря, которое называется Каспием, где они смыкаются с горами Кавказа. Эту землю называют Старой Скифией или Иркманией» (*Матузова* 1979, с.23). Бартоломей Английский в энциклопедии «О свойствах вещей» (XIII в.), ссылаясь на Исидора Севильского, Гирканию называет частью Скифии. Исидор же так определял границы Гиркании: на востоке – Каспийское море, на юге – Армения, на севере – Албания, на западе – Иберия (там же, с.80, 88). Как видно, Бартоломей, в отличие от названных выше авторов, Гирканию локализовал на юго-западном побережье Каспия. Роджер Бэкон в «Великом сочинении» (XIII в.) Гирканию располагал на южной оконечности Каспийского моря (там же, с.209-210, 214-215).

Однако, помимо исторической области Гиркании (части Парфии), название «Гиркания» в античных географиях употреблялась и для обозначения Иберии (*Marqwart* 1905, S. 101). «Открытая нами ранее, – писал по этому поводу И.Маркварт, – из латинско-греческого написания *Hyrcani* среднеиранская форма множественного числа *Vrkan* , образованная из армянского множ. числа *Wir-k'*, в действительности встречается у Ухтанеса, ал-Якуби и Багратуни». Под «гирканцами» Иосифа Флавия, согласно И.Марквартy, следует понимать «иберийцев», а под «царем Гиркании» – «царя Иберии» (*Markwart* 1931, S.78).

Эту идею разделяют многие исследователи (*Патканов* 1877, с.39-50; *Меликишвили* 1959, с.348; *Гаглойти* 1966, с.75; *Кузнецов* 1992, с.45-49). Возможно, верна гипотеза Ю.С.Гаглойти о том, что Иосиф Флавий пользовался услугами армянского информатора, который Иберию назвал армянским именем Виркан (Гиркания).

Детали аланского похода 72 г. помогают воссоздать закавказские памятники – летописи, труды древних историков, фольклорные тексты. Большой интерес вызывает армянская агиографическая литература V в. – «Житие Воскянов», «Житие Сукиасянов», а также «История Армении» Мовсеса Хоренаци. Особую ценность имеет информация о Баракаде (Баракадре) и Сатинике, царевиче и царевне алан. Рассказ о них, в сокращенном варианте повторенный в трудах историков X в. Иоаханнеса Драсханакертци и епископа

Ухтанеса, имеет фольклорную основу, но, по мнению К.С.Тер-Давтяна, в нем отражены смутные отголоски реальных исторических событий. Содержание источника таково.

Во время похода в Армению сын аланского царя был захвачен и приведен к Арташесу. Попытки царя алан освободить сына из плена не увенчались успехом. В конфликт вмешалась царевна Сатиник и дело закончилось освобождением ее брата, а сама она вышла замуж за царя Арташеса. Вместе с нею в Армению прибыла группа сородичей. «Это были мужи видные и представительные, царского рода и главные среди дворцовых и военных чинов при дворце царя алан». Старший среди них, по имени Баракад, на родине «был вторым по престолу соцарствующим царя». Оставшиеся при дворе Арташеса аланы, вскоре (после проповедей монахов Воскянов) приняли крещение и отправились отшельничать на гору Коса-Таг. Через 44 года новый царь алан Гигианос (Датианос) узнал о том, что много лет назад некоторые бывшие аланские полководцы отправились с царицей Сатиник, крестились и не желают «поклоняться богам царей аланских и армянских». Гигианос послал за «святыми мужами» отряд воинов во главе с военачальником Барлахом (Баллахом ?). Однако вероотступники отказались выехать на родину и в соответствии с наказом царя Барлах перебил их.

Приведенный фольклорный сюжет уже становился предметом анализа специалистов. Ж.Дюмезиль и В.И.Абаев привели ряд интересных параллелей между Сатиник древнеармянских источников и Сатаной нартовского эпоса (*Абаев* 1982, с.28-31; *Дюмезиль* 1976, с.51-55). По мнению. В.И.Абаева, рассказ Хоренаци содержит материал для более конкретного сравнения с нартовским сказанием «Последний балц Урызмага». Мотивы, сближающие оба рассказа, следующие:

1. Поход алан (нартов) в чужие края.
2. Пленение брата Сатиник (Сатаны).
3. Спасение брата Сатиник (Сатаны).
4. Мотив выкупа.

Тут совпадение не в отдельных мотивах, а в целой их комбинации. Это, подчеркивает В.И.Абаев, указывает на то, что перед нами не случайное совпадение, а две версии (аланская и армянская) одного сюжета. Причем, нартовский рассказ, где брат Сатаны является ее же мужем, более архаичен (эпизод, связанный с обстоятельствами их женитьбы относительно недавно был специально рассмотрен учениками В.И.Абаева австрийскими учеными С.Фритц и Е.Гиппертом – Fritz S., Gippert J. Wyryzmagaes Eselsritt// Acta Orientalia. Budapest, 1984. T. XXXVIII). Различия двух версий в значительной мере объясняются тем, что в каждой из них проводится своя национальная тенденция. Изучение названной и других параллелей привело ученого к заключению о существовании связи между нартовским эпосом и армянскими эпическими сказаниями; начало свя-

зи относится ко времени аланских походов в Армению в начале новой эры. Следовательно, в интересующих нас древнеармянских памятниках переплелись сюжеты нартовского эпоса и армянских эпических сказаний, т.е. фольклорное отражение реальных событий из истории отношений двух этносов.

В.А.Кузнецов, подчеркнув значимость предания о Баракаде для выяснения не только армяно-аланских контактов, но и фактов внутренней жизни алан, привлек его для реконструкции ранних этапов распространения христианства у алан (*Кузнецов* 1992, с.308-309). Нас интересует этносоциальная информация фольклорных памятников.

Проанализировав данные древнеармянских историков и агиографических памятников о Сатиник и ее брате царевиче Баракаде, мы пришли к заключению, что в названных источниках переплелись сюжеты нартовского эпоса осетин (алан), древнеармянских эпических сказаний, и в целом мы имеем дело с фольклорным отражением реальных исторических событий в отношениях двух народов в первые века н.э. (*Гутнов* 1992). Затем М.К.Джиоев обратился к тем же древнеармянским памятникам с целью установить точное время жизни Сатиник и опровергнуть какую-то бы ни было привязку рассказа о Сатиник и Баракаде к событиям 72 г. Саму попытку уточнения хронологии событий можно только приветствовать, но не следует забывать о специфике отношения к хронологии фольклорных памятников. Как бы то ни было, М.К.Джиоев приходит к следующему выводу: «более близким к истине представляется предположение», что за царем Арташесом фольклорного памятника скрывается не Трдат I, как принято считать, а Трдат III, правивший в Армении на рубеже III-IV вв. При нем Армения в 301 г. принимает христианство как государственную религию. Жена этого царя, аланка родом, в агиографических памятниках V в. названа Сатиник, а Мовсес Хоренаци называет ее Ашхен. По убеждению лингвистов, имя царицы восходит к аланскому социальному термину «ахсин» — «государыня, госпожа, княгиня». Исходя из этого, М.К.Джиоев (1994, с.49-51) полагает, за Ашхен («госпожа») скрывается именно Сатиник, жена Трдата III. К анализу предания о Сатиник и ее брате Баракаде мы вернемся ниже. Здесь лишь отметим, что, если уж настолько детализировать сообщения фольклорного памятника и за каждым элементарным сюжетом видеть отпечаток реальной действительности, то стоит вспомнить, что муж Сатиник преследовал христиан, и поэтому никак не мог быть Трдатом III.

Детально проанализировал данный фольклорный памятник Т.А.Габуев (1997а, с.237-241). Он пришел к заключению, что свадьба Сатиник и Арташеса могла иметь место после аланского похода в Закавказье в 72 г.

Какая же из версий ближе к истине? Для ответа на этот вопрос обратимся непосредственно к текстам. Прежде всего необходимо

определить события, отраженные в памятниках армянского фольклора, и их хронологические рамки.

Мовсес Хоренаци сам указал фольклорные источники. В 49 главе второй книги «Истории Армении» он обращается к Сааку Багратуни с такими словами: «Деяния Арташеса последнего большею частью известны тебе из Эпических Песен, которые поются в Гохтене, а именно построение города, свойство Арташеса с аланами, дети его и потомки, страстная любовь (царицы) Сатиник к Аждахидам... Хотя все это известно тебе из Песни випасанов, но мы все-таки расскажем (тебе) и подтвердим иносказательный смысл этих сказаний» (*Моисей Хоренский* 1858, с.120-121).

Судя по приведенной цитате, эпические песни, отражавшие интересующие нас события, были широко распространены в Армении. Хоренаци стал их первым критиком, пытаясь «подтвердить иносказательный смысл этих сказаний». Правление Арташеса Хоренаци относил, очевидно, к рубежу I-II вв., т.к. армянского царя он считал современником Домициана, Нерона, и Трояна. Исследователь и первый издатель русского перевода «Истории Армении» Н. Эмин (1881, с.71-75), попытался уточнить хронологию событий и отнес их к периоду «царствования Арташеса (85-126 гг.) и Артавазда».

Интересна информация древнегрузинских летописей об алано-армянских отношениях начала новой эры. Согласно Леонтию Мровели, цари Картли, Азорк и Армазел, «призвали овсов и леков, привели царей овских — братьев-голиафов по имени Базук и Амбазук — с войском овским. И привели они с собой пачаников и джиков. Пришел к ним также царь леков и привел дурдзуков и дидойцев». Объединенное войско вторглось в Армению и опустошило ее. На обратном пути их настиг и разбил армянский полководец Смбат Бивритиан.

Столкновения между алано-грузинскими и армянскими дружинами продолжались и позднее. В частности, повествуется о пленении армянского царевича Зорена и заключении его «в крепость Дариалан». Через три года Смбат Бивритиан, царевичи Артавазд и Тигран с войском вторглись в Триалети. После переговоров цари Картли освободили Зорена, взамен армяне возвратили захваченные области Джавахети и Артани. После этого между армянами, грузинами и аланами воцарились дружественные отношения. «Отныне стали друзьями армяне, картлийцы и овсы. Заодно сражались против общего врага...» Существует и древнеармянская версия первой части этого рассказа (*Мровели* 1979, с.33-35, 69-70).

По мнению Г.А.Меликишвили, рассказ о военных событиях в «Картлис цховреба» «несомненно основан на армянской традиции... Возможно, летопись пользуется армянской устной традицией, которая является либо источником Хоренского, либо же сама возникла на базе данных «Истории» Хоренского. В другом месте своей работы Г.А.Меликишвили более категоричен: «Грузинская летопись и о

последующих событиях 70-80-х гг. I в. полностью черпает свой рассказ из армянской традиции» (*Меликишвили* 1959, с.45, 347).

Однако Г.В.Цулая (*Мровели* 1979, с.70) справедливо упрекает исследователей, не учитывающих мнения, высказанного еще в прошлом столетии В.Ф.Миллером: указав на некоторые расхождения в частностях армянского и грузинского рассказов, он все же не сомневался в том, что оба относятся к одним и тем же событиям. Обоим известны Смбат Бивритиан, армянский царь Арташес (Арташен), правивший в конце I и в начале II в., оба сообщают о вторжении объединенного войска в Армению, о столкновении на берегу Куры и победе армян. Оба сообщают затем о пленении Зорена (по Мовсесу Хоренаци — Зареха), сына Арташеса, заключении его в крепость и освобождении. Такие совпадения не могут быть случайными. «Что же касается достоверности того и другого рассказа, то, конечно, грузинский заслуживает большего вероятия» (*Миллер* 1887, с.27-28).

Симптоматично, что и Г.А.Меликишвили обратил внимание на то, что «Картлис цховреба» «все же дает своеобразное изложение и вовсе не следует во всем за Моисеем Хоренским». Против непосредственной зависимости говорит и тот факт, что в одних и тех же событиях в древнегрузинских летописях и «Истории Армении» иногда фигурируют разные лица. «Например, если по Хоренскому армянского царевича пленил картлийский царь Картам, то, согласно «Картлис цховреба», его взяли в плен цари Картли Азорк и Армазел» (*Меликишвили* 1959, с.45).

Вслед за Г.В.Цулая, автор данной работы рассмотренные родственные сюжеты древних закавказских памятников считает не столько плодом компиляции или заимствования, сколько отражением реальных исторических событий.

Таким образом, Иосиф Флавий, Амвросий, древнеармянские «Жития», Мовсес Хоренаци и «Картлис цховреба» повествуют (хотя и по-разному) об одних и тех же событиях I в. В древнеармянских памятниках мы имеем дело с обычной фольклорной контаминацией: царь Тиридат совмещен с эпическим образом Арташеса. Очевидно, имело место и совмещение разных по времени и месту действия событий. По древнеармянским источникам, заключение мира и установление дружеских отношений между Аланией и Арменией последовало после первого же столкновения, а поводом послужило пленение аланского царевича и его освобождение. «Картлис цховреба» заключение мира относит на несколько лет позже и связывает его с пленением и освобождением армянского царевича Зорсина. Веских, решающих аргументов в пользу признания большей достоверности одной какой-либо версии пока нет. Но для нас важно другое — все источники отражают взаимоотношения народов Кавказа в начале новой эры и единодушно указывают на заключение союза между Арменией и Аланией. По свидетельству «Картлис цховреба», союзники затем неоднократно выступали сообща (*Мровели* 1979, с.36-37).

Возможный ключ к установлению хронологии событий, изложенных в начальной части древнеармянских фольклорных памятников о Сатиник, нашел Т.А.Габуев (1997а, с.238-239). Он обратил внимание на то, что «родственники Сатиник» крестились в Армении под влиянием проповедей Воскянов — учеников апостола Фаддея. Апостолов с таким именем известно два. Один входил в число 12 ближайших сподвижников Христа. По преданию, он проповедовал в странах Ближнего Востока и в Армении. Второй входил в число 70 апостолов. Он проповедовал в Месопотамии, Сирии и Эдессе, небольшом княжестве к юго-востоку от Армении. Кто из них был наставником Воскянов — неизвестно. Важно, что окончание жизни обоих апостолов приходится на середину I в. н.э. Если учесть, что к армянскому двору явились Воскяны, т.е. ученики одного из этих апостолов, то это время примерно совпадает со временем похода алан в Закавказье в 72 г.

Участие аланских дружин в закавказских делах стало еще более интенсивным после появления в III в. иранских завоевателей. В трудах закавказских историков все чаще появляются сведения о северном союзнике. Под названием *Аланоз дурн* «Аланские ворота» известно им Дарьяльское ущелье. Один из представителей династии Аршакидов носил имя Аланаозан. Известны аланы историкам V в. Бузанду, Лазару Парпеци и Егише (Елише). Последний, комментируя фрагмент «Книги бытия», дал аланскому языку качественную характеристику: «прекрасный аланский» (*Армянские*...1985, в.1, с.30).

Многочисленные проявления дружественных алано-армянских связей в «Житиях» получили фольклорное преломление и «сузились» во времени. Не исключая возможности позднейших контаминаций (*Кузнецов* 1992, с.46-47), отметим, что рассказ армянского эпоса об аланском царевиче Баракаде отражает, на наш взгляд, в основном события начала новой эры.

Г.А.Меликишвили обратил внимание на слова Мовсеса Хоренаци о том, что аланы привлекли на свою сторону лишь «половину Иберии». Ученый связывал это с борьбой за единоличную власть между грузинским «царем» и «вторым царем», имевшем резиденцию в Армазском некрополе. Очевидно, верхи Армении поддержали «вторых после царя лиц» Иберии. Таким образом, аланский поход 72 г. был обусловлен не только внешнеполитической обстановкой, но и внутренним положением Иберии, царь которой, возможно, воспользовался вторжением алан не только для нанесения поражения Армении, но и для укрепления своей пошатнувшейся позиции внутри страны, для восстановления господства над отпавшей Правобережной Картли (*Меликишвили* 1959, С.347-350).

Весьма важно и другое свидетельство Мовсеса Хоренаци: аланы, помимо грузин, «соединились с горцами». Вспомним, что Амвросий также писал о том, что опустошительный набег в Закавказье

аланы совершили «вместе с прочими дикими и неукротимыми племенами». Леонтий Мровели уточнил: цари Картли «призвали овсов и леков, привели царей овских — братьев-голиафов по имени Базук и Амбазук — с войском овским. И привели они с собой пачаников и джиков. Пришел к ним также царь леков и привел дурдзуков и дидоев» (*Мровели* 1979, с.33). По древнеармянской версии, аланы привели «с собой пачаников и джиков, дурдзуков и дидавков» (там же, с.69 примеч. 122).

Итак, грузинская и армянская историческая традиция аланам отвела доминирующие позиции на Северном Кавказе; их «цари» Базук и Амбазук привлекли на свою сторону печенегов, предков адыгов, вайнахов, народов Дагестана. Объединенные силы явно превосходили по численности собственно картлийское войско. Именно поэтому грузинский хронист, как подчеркнул В.Ф.Миллер, «не старается умалить... значения помощи, оказанной грузинам их северными союзниками, особенно оссами. В рассказе заметно, что оссы, с их двумя царями великанами, играли важную роль, отодвигая на задний план грузинских царей» (*Миллер* 1887, с.28).

Участие различных горских племен в единой военной организации под эгидой алан делает весьма вероятной мысль К.Цегледи, поддержанного В.А.Кузнецовым (*Кузнецов* 1992, с.47), о том, что нашествие 72 г. предполагает возникновение нового крупного племенного союза во главе с аланами. Причем аланы, скорее всего, уже в I в. жили в зоне Центрального Кавказа и имели непосредственные контакты с местным населением. На это прямо указывает и Леонтий: после 72 г. во время войны между Арменией и Картли аланы постоянно выступали на стороне последней. Иберийские цари «укрепили города и крепости и заполнили их войсками, призванными из Овсети»; плененного армянского царевича Зорена заключили в крепость Дариалан. Три года длилась война, завершившаяся освобождением царевича; «отныне стали друзьями армяне, картлийцы и овсы. Заодно сражались против общего врага» (*Мровели* 1979, с.34-35).

Небезынтересна информация Мовсеса Хоренаци о «местности Артаз» на Северном Кавказе, принадлежавшей аланам (*Моисей Хоренский* 1858, с.124). Через два столетия после Мовсеса Ананий Ширакаци со ссылкой на Птолемея (II в.) писал: «Западнее (Каспийского моря), сообщает Птолемей, живут народы Удон, Аландон ... с одноименными реками, которые из гор Кавказа текут в море, до границ Албании» (*Армянские...*1985, в. II, с. 17). В названии обеих рек обращает на себя внимание их аланское (осетинское) оформление («дон» = река), а последний гидроним вообще переводится как «Аланская река».

Перечисляя «народы Сарматии», Ананий Ширакаци назвал алан «в стране Ардоз Кавказских гор, откуда вытекает река Армн ...» Название р.Армн, по убеждению специалистов, соответствует р.Терек, а аланская «страна Ардоз» Анания Ширакаци, очевидно, соот-

ветствует аланской «местности Артаз» Мовсеса Хоренаци. Еще В.Ф.Миллер показал, что «область Ардоз (Артаз) лежала по ту сторону Аланских врат и соответствовала Владикавказской равнине, к которой вполне применимо осетинское название Ардоз — *поляна*» (*Миллер* 1887, с.107). По уточнению А.В.Гадло (1979, с.165), заселенная аланами область «Ардоз Кавказских гор» — это весь район низменности, орошаемый Тереком, до его поворота на северо-восток ниже впадения р.Сунжи.

По резонному предположению В.А.Кузнецова, Владикавказская равнина название «Артаз» могла получить в начале новой эры. Уже в I в., согласно Плинию, Терек носил алано-иранское название Дириқдон; немного позже Птолемей ту же реку назвал «Алонта» (мн. число «аланы»), а реку Куму — Удон (*Птолемей* 1991, с.149), что указывает на присутствие алан на Центральном Кавказе еще в I-II вв. (*Кузнецов* 1992, с.48).

Следовательно, со второй половины I в. аланы постоянно находились в центре событий в Закавказье, что предполагает обитание какой-то их части где-то поблизости, по древнеармянской и древнегрузинской традиции — севернее Дарьяльского прохода.

Поход алан 135 г. Нашествие алан 72 г. и последующие вторжения вынудили Рим и страны Закавказья предпринять ответные шаги. Парфия просила у Веспасиана помощи в защите от алан (*Меликишвили* 1959, с.348). Как писал Гай Светоний Транквилл (Домициан, 2), в 75 г., «когда парфянский царь Вологез попросил у Веспасиана помощи против алан с одним из его сыновей во главе, Домициан приложил все старания, чтобы послали именно его; а так как из этого ничего не вышло, он стал подарками и обещаниями побуждать к такой же просьбе других восточных царей».

Здесь не ясно, как следует понимать слова «из этого ничего не вышло». То ли парфянам отказали в помощи, то ли Домициана не отправили на Восток, а парфянам все-таки помогли. Вспомним, что в период борьбы за императорский престол в Риме, «парфянский царь Вологез» прислал Веспасиану в помощь «сорок тысяч стрелков» (*Светоний* 1990, с.201). Учитывая это, можно предположить, что Веспасиан нашел способ хоть как-то помочь Вологезу[14]. Во всяком случае, «в Каппадокию, где не прекращались набеги варваров, он (Веспасиан — Ф.Г.) поставил добавочные легионы и вместо римского всадника назначил наместником консуляра» (там же, с.202). С другой стороны, римляне стремились обезопасить Дарьяльский проход, укрепив стены Армазской крепости с посвящением царю иберов Митридату, «другу Цезаря и других римлян», о чем свидетельствует греческая надпись 75 г. , найденная в 1867 г. на правом берегу Куры (*Меликишвили* 1959, с.348; *Габриелян* 1985, с.69).

Эти меры были своевременны, т.к. во время похода 75 г. аланы дошли до северо-западного Ирана. В 1960 г. археологическая экспедиция во главе с японским профессором Намио Эгамой открыла

катакомбный могильник начала н.э. в долине Дайламан на юго-западном побережье Каспийского моря. Об этнической принадлежности захоронения японские ученые говорить воздержались, т.к. катакомбы не характерны для Ирана той эпохи. Однако ряд советских ученых полагал, что дайламанские могильники оставлены сармато-аланами, проникшими в северо-западный Иран во время одного из набегов I в. Косвенно это подтверждается тем, что именно на данному пути — в Ленкорани — зафиксирована р. Аланиачай, а в Мукринском Курдистане и сейчас существует племя и округ «алан» (*Алиев* 1971, с.206; *Алиев, Асланов* 1976, с. 133-139; *Кузнецов* 1992,с.51).

Не меньшее беспокойство доставляли Риму и сарматы у непосредственных границ империи на Дунае. Евтропий сообщает о том, что Домициан (81-96 гг.) «совершил 4 военных похода: один против сарматов, другой — против хаттов, два - против даков. Над даками и хаттами Домициан отпраздновал двойной триумф, за победу же над сарматами поднес *только* (разрядка моя — Ф.Г.) лавровый венок. Однако многим опасностям подвергся он в этих войнах: так, в Сарматии один его легион был уничтожен вместе с полководцем» (*Евтропий* 1997, с.50). Очевидно, что скромные почести, оказанные императору за победу над сарматами, связаны с большими потерями, понесенными в этой войне.

По свидетельству того же Евтропия (там же, с. 52), император Траян (98-117 гг.) «царей Иверии, савроматов, Боспора...принял под свое покровительство». По мнению С.А.Яценко, под савроматами имеются в виду аланы Северного Кавказа. Хотелось бы присоединиться к этому мнению, однако, оно вероятно, но не бесспорно (см. ниже).

В войне между Иберией и Арменией в 80-90-х гг. I в. аланы, кажется, не участвовали. Правда, высказывалось предположение об отправке одного из отрядов XII легиона под командованием центуриона Фульмината для проведения «карательной экспедиции» «против албанов или проникших через Каспийские ворота к границам Армении алано-сарматских племен». Но, как подчеркивал Г.А.Меликишвили, такая «карательная экспедиция» вряд ли была под силу столь небольшому отряду легионеров, да и об участии алан в этой войне ничего не сообщают ни римские, ни закавказские источники (*Меликишвили* 1959, с.350-351).

В результате римского похода 109 г. в Закавказье император Траян «Армению, которую заняли было парфяне, отнял назад, по убиении владевшего ею Партамасира» — парфянского ставленника. Как сказано выше, сообщивший об этом Евтропий добавил, что Траян «царей Иберии, савроматов, боспорцев, арабов, осдроенов и колхов принял в подданство». Под «савроматами» С.А.Яценко понимает алан Северного Кавказа, а признание ими «верховенства Рима» связывает с «каким-то серьезным военным поражением», сравнимым с поражением царя сираков Зорсина в 49 г. и победами римско-

го полководца Плавтия Сильвана над номадами в 60-х гг. I в. (*Яценко* 1992, с.48; 1993, с.86).

Предположение С.А.Яценко, хотя и оригинально, уязвимо для критики. Во-первых, почему живший в IV в. Евтропий хорошо известных ему алан заменил на «савроматов», что для того времени — явный анахронизм? Почему под последними следует понимать именно северокавказских алан? Насколько верна сама информация Евтропия?

Аланы первых веков н.э. находились под пристальным вниманием античных авторов, но никто из них не сообщает о римском «подданстве» алан. Секст Аврелий Виктор (1997, с.89), описывая подвиги Траяна, не указал Северный Кавказ в число регионов, в которых император одержал победы: «он первый и даже единственный перевел римские войска через Астр и покорил в земле даков народ, носящий шапки, и саков с их царями Децебалом и Сардонием... кроме того, он ошеломил войной все народы на Востоке между знаменитыми реками Евфратом и Индом». Под саками «царя Сардония», скорее всего, имеются в виду язиги, обитавшие в то время по соседству с даками, между Дунаем и Тисой.

Наконец, аналогия с поражением сираков в 49 г. вряд ли уместна. Основной информатор по данному вопросу — Тацит — не дает никаких поводов думать, что разбитый Зорсин оказался в подданстве у Рима. Как выше отмечалось, главным в политике императоров в отношении сарматов (алан) являлась нейтрализация номадов, задабривание их скептухов с помощью даров и т.д. Иными словами, римская дипломатия искала в сарматах союзников, а не подданных. Тот же Тацит рассказал, что царь аорсов Эвнон, со своей конницей внесший существенную лепту в разгром сираков, вступил с римлянами «в дружбу, пользовался большим влиянием». Об этом свидетельствует тот факт, что по его просьбе враг Рима царь Митридат был помилован и «не поплатился своей головой» (*Тацит* 1991, с.281).

Все изложенное не означает, что активная внешняя политика Траяна не отразилась на позиции алан. Номады в годы его правления не предпринимали крупных походов. Но смерть Траяна в 117 г. и ослабление империи стали причиной новых походов алан. В 135 г. они вторглись в Закавказье. Н.Е.Берлизов (1994, с.70) осторожно предположил, что в данном случае имел место прорыв кочевников «из Кангюя и Давани (поход алан-маскутов 135 г.?)» через Закавказье в Сарматию, «что определило своеобразие позднесарматской культуры». Однако вопрос о том, какие конкретно аланы участвовали в походе 135 г., остается открытым.

Свидетельство об этом походе оставил Дион Кассий. Исследователи нередко пользуются переводом, изданным В.В.Латышевым: в 135 г. завершилась Иудейская война. «Другая война была поднята из земли албанов, по происхождению массагетов, Фарасманом (царем Иберии — Ф.Г.), она сильно потрясла Мидию, коснулась также

Армении и Каппадокии, но затем прекратилась вследствие того, что албаны были подкуплены дарами Вологеса (царя Парфии – Ф.Г.), а с другой стороны, побоялись правителя Каппадокии Флавия Арриана» (*Дион Кассий* 1948, с.277).

Некоторые специалисты буквально восприняли данный вариант перевода и поход 135 г. приписывали албанам, другие справедливо полагали, что албаны явно смешаны с аланами, т.к. первые никак не могли произойти от массагетов. Кроме того, имеется авторитетное свидетельство названного Дионом Кассием римского правителя Каппадокии Флавия Арриана. Своих противников он назвал *аланами:* сохранилась часть его работы «Диспозиция против алан», в которой он дает советы для успешной борьбы с аланской конницей (*Bachrach* 1973, p. 8, 9, 126-131).

Из всего этого можно заключить, что перевод интересующего нас сюжета Диона Кассия в издании В.В.Латышева неточен. Существуют и другие переводы, например, К.Гана: «Фарасман (II), царь Иберский, подучил Аланов или Массагетов напасть на владения Парфян и пропустил их через свои земли. Набеги этих варваров, главным образом, были направлены на Мидию, и только боязнь римского могущества, по-видимому, спасла Армению и Каппадокию от их вторжения. Они возвратились в свою землю, испугавшись Флавия Арриана, правителя Каппадокии и удовлетворившись дарами, которыми их осыпал Вологез II, царь Парфянский» (*Ган* 1884, с.173).

Несколько иначе перевел данный фрагмент Ю.С.Гаглойти: война «была поднята из земли аланов, которые являются массагетами, (иберийским царем – Ю.Г.) Фарасманом. Эта война сильно потрясла Мидию и затронула также Армению и Каппадокию» (*Гаглойти* 1966, с.82).

В результате детального анализа трех сохранившихся версий данного сюжета С.М.Перевалов дает следующий перевод: «Как только закончилась Иудейская война, тотчас другая была поднята из (страны) аланов (называемых массагетами) Фарасманом, сильно опустошила Албанию и Мидию, а Армению и Каппадокию только затронула. Затем, когда аланы были ублажены дарами Вологеса с одной стороны, и напуганы архонтом (правителем) Каппадокии Флавием Аррианом – с другой, (война) прекратилась». Дополнительным аргументом в пользу того, что первоначально поход алан был направлен именно против Албании, исследователь видит в свидетельстве Фемистия о походе Арриана против алан, в ходе которого римский полководец дошел до Каспийских ворот (Дарьяла) и «устанавливал границы» иверов с албанами (*Перевалов* 1998, с. 99).

Описываемый поход нашел отражение в закавказских памятниках, по которым армянский царь Валарш II (117-140 гг.) сумел откупиться от алан «подарками». Правда, Мовсес Хоренаци явно приукрасил успехи Валарша II в отражении аланского вторжения:

«Во дни его (Валарша II — Ф.Г.) массы северян, я разумею толпы хазаров и басилов, объединившись... Перейдя через реку Кур, они рассыпались по сю сторону. Им навстречу выступил Валарш во главе многочисленных храбрых воинов и рассеял полчища, все поле усеял их трупами и, преследуя их перед собою, прошел ущелье Чора. Здесь снова соединяются неприятели и строятся к бою. Хотя храбрые армяне, опрокинув их, обращают в бегство, однако Валарш падает от руки мощных копьеносцев» (*Армянские*...1985, в.1, с.34). В действительности, активных боевых действий между аланами («мощными копьеносцами») и армянами не было: удовлетворившись «дарами», номады вернулись на север.

Валарш II отправил в Рим послов с жалобой на царя Иберии Фарасмана, спровоцировавшего аланское вторжение. В 138 г. Фарасман с женой сам отправился в столицу империи и, как писал Дион Кассий, так успешно защищал перед императором Андрианом и сенатом свои поступки, что был совершенно оправдан, «владения его были увеличены и ему самому оказаны в Риме необыкновенные почести...» (*Ган* 1884, с.173-174). Римский император «увеличил его область, позволил принести жертву в Капитолии, поставил его конную статую на Марсовом поле и смотрел на военные упражнения самого Фарасмана, его сына и других знатнейших иберов» (*Дион Кассий* 1991, с.352).

С информацией Диона перекликается свидетельство Элия Спартиана: «Император Андриан никому из царей не давал столько подарков, как царю иберов, которому он кроме других великолепных подарков прислал еще слона и царскую охрану в 500 человек» (*Ган* 1884, с.174) /последнюю цифру многие историки оспаривают, предпочитая иное чтение - «отряд в пятьдесят человек» (*Меликишвили* 1959, с.358 примеч.80)/.

Интересно, что в столкновении с аланами в 135 г. легат Арриан обратил внимание на специфическую форму аланских штандартов — в виде драконов. По мнению С.А.Яценко, аланский штандарт с надувным драконом впервые появился во время набега кочевников на Мезию зимой 101/2 г. (колонна Траяна в Риме) (*Яценко* 1992, с.48-49). Арриану же принадлежит первое его детальное описание: «Скифские (аланские — Ф.Г.) военные значки представляют собой драконов, развевающихся на шестах соразмерной длины. Они сшиваются из цветных лоскутьев, причем головы и все тело вплоть до хвостов делаются наподобие змеиных, как только можно представить страшнее. Выдумка состоит в следующем. Когда кони стоят смирно, видишь только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на надувных животных и при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения, проходящего сквозь них. Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но полез-

ны для различения атаки и для того, чтобы разные отряды не нападали один на другой» (*Арриан* 1991, с.315).

Резюмируя изложенное, отметим, что поход 135 г. был спровоцирован Фарасманом, и для этой цели он использовал алан, скорее всего живших в непосредственной близости от границ Иберии, т.е. на Северном Кавказе.

Аланские походы в Закавказье конца II середины III вв. Рассматриваемый период на Кавказе отмечен столкновением интересов номадов и Рима (*Гей, Бажан* 1997, с.20-24; *Воронов* 1998, с.4, 18, 20). Как свидетельство очередного вторжения алан в Армению во II в. рассматривают археологи серебряную чашу, найденную среди аланских древностей во время раскопок 1934-1935 гг. у станицы Даховской недалеко от Майкопа. На чаше сохранилась надпись и имя «царя Великой Армении» Пакора. Изучавшая данный предмет К.В.Тревер, предположила, что надпись «могла быть написана в 161-163 гг., когда армянский царь Пакор правил и мог подарить эту чашу кому-нибудь из своего окружения. Можно допустить и другой случай, объясняющий появление чаши к северу от Кавказского хребта, а именно, что она входила в состав даров, полученных от Пакора кем-либо из аланских вождей, в могилу которого ей суждено было попасть» (*Тревер* 1953, с.244-245).

Одно из столкновений алан с армянами приходится на конец царствования Санатрука (185-197 гг.), погибшего в борьбе с ними (*Габриелян* 1989, с.71). Походы алан в Закавказье отмечены и в годы правления царя Армении Трдата II (198-215). Мовсес Хоренаци рассказал об этом событии: «(Между тем как) персидский царь, Шапух, отдыхал от войн, Трдат отправился в Рим к святому Константину. Шапух на досуге стал замышлять зло против нашей страны: он позволил всем северянам вторгнуться в Армению, условившись напасть на нее с другой стороны во главе ариев... Трдат Великий, вскоре возвратившись с запада и узнав это, равно и то, что Шапух не успел придти к назначенному сроку, идет на северян... Царь Трдат во главе (войск) всей Армении, спустившись на равнину Гаргараци, встречает северян войною... гнал их до земли гуннов. И, хотя немало понесло поражения и его войско и многие из его высокопоставленных (лиц) пали... Трдат возвратился оттуда, взяв по обычаю отцов своих заложников. Пользуясь этим обстоятельством, Трдат созывает всех северян, собирает большое войско, соединяет их всех в одно целое и идет на землю Персидскую на Шапуха, сына Арташира» (*Армянские*...1985, в. 1, с.35-36).

Не останавливаясь подробно на анализе данного сюжета, отметим лишь, что он согласуется с другими источниками и подтверждает стремление восточных владык заполучить в качестве союзников аланские отряды.

В период правления царя Амазаспа (по Л.Мровели – 242-272 гг.) в Иберию «пришли Двалетским путем многочисленные войска ов-

сов. Амазасп не чуял наступления овсов прежде, чем они перешли горы (Кавказские). Явились овсы и восемь дней стояли они над Лнахви на привале, не устраивая никаких набегов, ибо пришли они (лишь только) с целью сокрушения города Мцхеты». Этот поход, возможно, аланы предприняли по наущению противников Амазаспа, т.к. началась «смута в Картли». При активной помощи алан на престоле утвердился Рев — «царь-язычник», благосклонно относившийся к христианам, «покровитель горемычных». Его праправнук Аспагур (искаженное скифо-сарматское имя Аспарук — «имеющий много светлых коней»), на котором прервалась династия Фарнавазианов, для борьбы с экспансией персов отправился к аланам, «дабы привести войско из Овсети и укрепить города-крепости. Но по пришествии в Овсети Аспагура настигла смерть...» (*Мровели* 1979, с.35-37). В древнеармянской версии похода алан на Амазаспа в середине III в. также говорится, что они пришли «по Двалетскому пути» (там же, с.72 примеч. 128). Впервые за два с половиной столетия оказавшись в Картли в качестве врагов, аланы воспользовались не Дарьялом, по которому они обычно приходили на помощь к иберийским царям, а перевалом в Туалгоме (современная Военно-Осетинская дорога). Путь через Туалгом Леонтий Мровели упомянул дважды и оба раза в связи с Аланией («Овсети»). Это обстоятельство, резонно подчеркивает Г.В.Цулая, свидетельствует о том, что туальцы «находились в тесном контакте с древнеосетинскими племенами, оказавшими несомненное влияние на их генезис» (там же, с.73 примеч. 129).

Активность алан на Кавказе, их огромный военный потенциал продолжал привлекать закавказских монархов. Царь Армении Трдат III (298-330 гг.), например, для укрепления союза с аланами взял в жены дочь их повелителя. Согласно Мовсесу Хоренаци, Трдат отправил аспета Смбата «привести в жены девицу Ашхен, дочь Ашхадара, которая ростом не уступала царю, (который) приказал записать ее в Аршакуни, облечь в пурпур, возложить на нее корону, дабы она могла быть супругой царя. От нее родился сын Хосров, который ростом не походил на своих родителей» (*Армянские*...1985, в. 1, с.35).

Современные армянские исследователи (*Налбандян* 1977, с.212; *Габриелян* 1989, с.72-73) отмечают внутреннюю связь имен Ашхадар и Ашхен, восходящих к одному корню — *xsa* «власть». Первый антропоним разбивается на составные *xsa* «власть» + *dar* «иметь» = «владеющий властью». Ашхен сопоставляется с осетинской формой *axsin* «княжна». Учитывая время, в которое жили носители антропонимов, внесем небольшую корректировку в понимание их имен. Ашхен точнее трактовать как «госпожа» (*Абаев* 1989, с.236), а не «княжна». Часть имени Ашхадар действительно восходит к древнеиран. *xsathra*. Если исходить из трифункциональной концепции Ж.Дюмезиля, то термин связан со второй, военной функцией и в

догосударственный период означал «военную силу», «военную доблесть». По В.И.Абаеву, «эта семантика преобладает в осетинском». Своеобразие же аланского термина состоит в том, что *xsar* понимается как «высшее достоинство в бою» (там же, с.224-225). Т.е. антропоним Ашхадар следует переводить как «обладатель высшей воинской доблести», очевидно — военный вождь (багатар). Здесь же отметим, что именник предков осетин в основном состоял из т.н. «говорящих» имен. Большая их часть мотивирована, т.е. отражала различные стороны быта и окружающей среды (*Козырева* 1976, с.243). С этой точки зрения Ашхадар и Ашхен принадлежали, очевидно, к высшему слою аланской аристократии.

Предположение о территориальной близости Алании с Картли и Арменией подтверждается данными о расположении алан к северу от Абазгии (Равеннский аноним, IV в.) и вблизи лазов (Певтингеровы таблицы, 365 г.); в сасанидских надписях III в., в частности в надписи Картира на «Каабе Зороастра», аланы названы в описании границ Ираншахра, на севере доходивших до Кавказского хребта и Аланских ворот (*Волкова* 1973, с.102; *Ковалевская* 1984, с.88).

Ранние аланы и Кавказ. Присутствие алан на Кавказе с I в. н.э. фиксируется не только письменными источниками, но и археологическими памятниками. Аланские памятники в Предкавказье фиксируются с начала н.э. По версии Б.А.Раева, аланы появились здесь около середины I в. и оставили богатые погребения в курганах Хохлач, Садовый, Жутовской, Соколовский и др. Например, в Соколовском могильнике выделяются богатые кочевнические погребения конца I в. в курганах 3 и 4. Здесь обнаружены предметы из драгоценных металлов, импортные вещи, остатки повозки и др. (*Каталог*...1985, с.4, 16-18, 23-25). Богатые погребения знати кочевников Нижнего Дона второй половины II в. «все большим числом исследователей отождествляются с памятниками, оставленными аланами — «бывшими массагетами» Аммиана Марцеллина» (*Прохорова* 1993, с.174).

В самом начале XX в. Н.И.Веселовский раскопал на Кубани интересный могильник первых веков н.э., получивший название «Золотого кладбища» (*Веселовский* 1905). Определяя этническую принадлежность населения, оставившего «Золотое кладбище», К.Ф.Смирнов связал могильник с сармато-аланами, пришедшими сюда из прикаспийских степей. Аналогичной точки зрения придерживаются Л.Г.Нечаева, А.М.Ждановский и В.А.Кузнецов (*Ждановский* 1979, с.38-45; *Кузнецов* 1992, с.54).

По признанию самого Н.И.Веселовского, на узкой полосе вдоль правого берега Кубани «высятся сотни не особенно крупных курганов, большей частью группами, не удаляясь внутрь степи». В течение двух лет работы было раскопано около сотни курганов. Почти все погребения оказались ограбленными в древности. Тем не менее, обнаруженные многочисленные и разнообразные находки представ-

ляют собой ценный источник по истории региона начала н.э. Последующие исследования хронологию прикубанских памятников варьировали в пределах I-III вв. Что касается этнокультурной принадлежности курганов, то большинство исследователей (К.Ф.Смирнов, Л.Г.Нечаева, В.Б.Виноградов, А.М. Ждановский и др.) связывают их с аланами. Уточнение хронологии могильника позволило археологам выделить три группы погребений. К первой относятся 6 погребений; самое ранне из них — в кургане 43 у ст. Усть-Лабинской скорее всего принадлежит к ЗВГ и датируется второй половиной I в. до н.э. — рубежом н.э. Основу «Золотого кладбища» составляют 53 погребения второй половины I-II вв. Наконец, к третьей группе принято относить 15 погребений конца II — начала III вв. (*Гущина, Засецкая* 1992, с.45-48, 51).

Люди, похороненные на «Золотом кладбище», принадлежали к одной социальной группе, объединенной общими интересами и культурными традициями. Их воинский характер свидетельствует о том, что здесь мы имеем дело со специальным воинским отрядом — дружиной. Обилие же в погребениях римского импорта указывает на определенную связь их организации с Римом. Основная группа погребений «Золотого кладбища» приходится на I-II вв. С одной стороны, это время наивысшего расцвета Римской империи, а с другой — период господства в Приазовье аланских племен. На Северном Кавказе политическая обстановка после войны 49 г. оставалась напряженной. Между тем, этот регион играл существенную роль в военных планах Нерона, собиравшегося организовать большой поход в Прикаспийский район. Рим был заинтересован в стабильности и спокойствии на левом фланге намечавшегося наступления. Вполне возможно, что именно в это время на важном в стратегическом отношении участке возникло военное объединение номадов - *sozii*, в обязанность которых входило сдерживание активности варваров степей юга России (там же, с.61, 63-64).

Аланские захоронения на Терезинском могильнике найдены рядом с захоронениями автохтонного населения. Е.П.Алексеева усмотрела в этом свидетельство «антагонизма между пришлым, аланским, и местным населением. Скорее всего уже с первых веков нашей эры какая-то часть аланских пришельцев, поселившихся в предгорьях Карачаево-Черкесии, стала сливаться с местным кавказскими племенами» (*Алексеева* 1971, с.71).

В комплексах начала I тысячелетия Пятигорья обнаружены египетские фаянсовые амулеты. Они обнаружены в 21,5% погребений I-II(III) вв. Одной из основных причин попадания восточных предметов в данные комплексы С.Н.Савенко (1993, с.132-136) считает участие северокавказских алан в закавказских и переднеазиатских военно-политических событиях I-II вв. н.э.

Интересный памятник, оставленный скорее всего ранними аланами, исследуется на р. Черек — Зарагажский некрополь. К декаб-

рю 1997 г. на нем исследовано 453 погребения (7 подкурганных и 397 катакомб без наземных признаков, 21 подбойное и 8 грунтовых погребений). За редким исключением, катакомбы относятся к 1 типу. Преобладают одиночные погребения с западной ориентировкой. Большая часть погребений ограблена еще в древности. Тем не менее, вещевой материал сравнительно богат и разнообразен. В первую очередь это керамика; ручки большинства сосудов выполнены в зооморфном стиле, преобладающим мотивом которого является изображение кабана. Интересен набор из бронзы, серебра, золота и иных материалов: зеркала, поясные пряжки, фибулы, бляшки, подвески, серьги, бусы и т.д. Собранный материал позволяет говорить «о довольно ощутимой социально-экономической дифференциации населения», оставившего данный могильник. Особо выделяется 118 комплекс, в дромосе которого выявлен целый костяк коня. Здесь обнаружены фрагменты тонкостенного стеклянного сосуда, парадные меч и нож, ножны которых украшала золотая фольга с чешуйчатым и линейно-клетчатым (в шахматном порядке) орнаментом. Концы ножен украшали массивные фигурные золотые пластины с перегородчатой инкрустацией в полихромном стиле (*Атабиев* 1996; 1998).

Одним из интереснейших археологических памятников, открытых в последнее время, является обширное Зилгинское городище в Северной Осетии. Даже предварительные итоги раскопок позволили И.А.Аржанцевой и Д.В.Деопик пересмотреть традиционный взгляд на время возникновения т.н. «земляных» городищ алан Центрального Кавказа. Если раньше их появление относили ко времени после гуннского нашествия, то теперь эту дату приходится сдвигать в I-II вв. Такого же мнения придерживается В.А.Кузнецов (1992, с.39-42).

Присутствие алан в Закавказье уже в I в. также прослеживается по археологическим данным. К.В. Тревер (1959, с.124-125) писала, «что аланы в это время действительно обитали в южных предгорьях Кавказа и на всем протяжении северокавказских степей». Как отмечает И.Алиев (1971, с.200-201), археологические материалы подтверждают свидетельства письменных источников о проникновении «племен массагето-аланского круга уже в I в. н.э.» в Азербайджан, Армению и Грузию.

Появившиеся на Северном Кавказе аланы усилили этнические процессы, которые наметились при скифах и стали интенсивнее в сарматское время - процессы иранизации некоторых местных культур. С начала н.э., отмечает в этой связи Г.В. Цулая, «аланы освоили на Северном Кавказе обширную территорию, распространив свое название на значительную часть местного населения»; с этого времени стало складываться «ядро аланского этноса» (*Цулая* 1993, с.84), которое позднее, в новых исторических условиях легло в основу народа алан, образовавших свое мощное государство.

[1]Этноним переводится как «светлые аланы» (*Миллер* 1887, с.86; *Абаев* 1949, с.178; *Фрай* 1972, с.218). Р.Фрай отверг гипотезу Ю.Юнге (1939, S.79), который в качестве исходной формы «роксаланы» предлагал Roxonaloi.

[2]У Б.Бахраха – «стойких и всегда воинственных алан» (*Bachrach* 1973, p. 4). Правда, Д.Браунд полагает, что у Лукана (кн.8, 233) «чтение Albanos следует, видимо, предпочесть чтению Alanos». Добавив, что и у Тацита (Hist. 1.6) «чтение Albani нельзя переправлять на Alani», ученый резюмирует: «Казалось бы, простой вопрос о первом появлении алан в наших письменных источниках остается без ответа» (*Браунд* 1994, с.171). В отношении Тацита можно согласиться с Д.Браундом: первый действительно писал о подготовке Нерона «к войне с альбанами» (*Тацит* 1968, т. II, с.8). Что же касается Лукана, то здесь можно и поспорить. Лукан продемонстрировал блестящее знание этногеографии юго-восточной Европы, неоднократно характеризуя скифов (*Марк Лукан* 1993, с.7, 17, 40, 46, 57-58, 109, 121), исседонов (с.58), сарматов (с. 19, 58), парфян (с. 10, 29, 57, 178-179), народы Кавказа (с.45, 58, 178) и др. В упомянутом Д.Браундом сюжете речь идет о вполне конкретном этносе: «аланов гоня, загрубевших от вечного Марса» (с. 178). */ Через два века Аммиан Марцеллин напишет об аланах: «они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу...» (Аммиан Марцеллин* 1994, с.494)/. Несколько фрагментов поэмы Лукана отразили «восточный импульс» - появление в Причерноморье раннеаланских племен (с.29); особенно интересен следующий сюжет:

«...за ними – арий отважный
И массагет на сарматской войне заливающий жажду
Кровью коня своего...» (*Марк Лукан* 1993, с.58).

[3]К.Мюлленгов и Е.Тойблер рассматриваемый фрагмент «Аргонавтики» использовали в качестве аргумента в пользу аланского присутствия на Кавказе еще в I в. (*Mullenhoff* 1892, Bd. 1, S.78; *Taubler* 1909, S.15). Косвенно это мнение разделил Б.Бахрах, цитируя Н.Дебевойса: «Работа В.Флакка ... ясно свидетельствует о заинтересованности Рима в отношении алан и в целом Кавказа» (*Bachrach* 1973, p. 165).

[4]В последнем русском издании Аммиана, подготовленном и отредактированном Л.Ю.Лукомским, данный сюжет изложен в такой редакции: «Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на огромном расстоянии, но с течением времени *они объединились под одним именем* и все зовутся *аланами* вследствие единообразия обычаев ... образа жизни и одинаковости вооружения» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с.493). В данной версии формирование раннеаланского этноса предстает не как создание полиэтнического союза во главе с аланами (племенем-гегемоном), а как синтез родственных ЭСО, объединенных едиными обычаями и образом жизни.

[5]Недавно свое видение данной проблемы изложили А.В.Исаенко и В.Д.Кучиев. По их мнению, с VIII-VII вв. до н.э. на Дону и Центральном Предкавказье складывалась народность, которую они вслед за Я.Б. Березиным и В.Б. Виноградовым условно назвали «пред- или праалланской». С VII по III в. до н.э. возникли и развивались четыре области формирования вариантов праалан с устойчивыми савромато-скифскими чертами; «центральная» область охватывала Ставрополье, Кабардино-Балкарию, Северную и Южную Осетию. В этот период, по мнению А.В.Исаенко и В.Д.Кучиева, шел

процесс ассимиляции автохтонного населения савромато-скифскими племенами. «Процесс их окончательной ассимиляции был завершен сармато-аланами во II в. до н.э. — I в. н.э.» (*Исаенко, Кучиев* 1995, с.30).

[6]Как заметил Ш.Уолн, в большинстве случаев люди предпочитают использовать выгоду, которую сулит дальнейшая разработка уже существующей системы. Необходимо подавляющее превосходство новой концепции или кризисная ситуация, в противном случае на атаки критики вряд ли обратят внимание. Не случайно один из великих физиков XX в. Л. де Бройль с горькой иронией заметил, что в науке, как правило, сторонники старых идей не принимают новые, просто приверженцы старых теорий постепенно умирают, а молодежь принимает новое как данное (см.: НАА, 1987. № 4, с.94 примеч.7). Уже в силу этого вызывают уважение исследователи, которые при появлении новых данных могут изменить свою точку зрения.

[7]Вопрос о локализации «Скифского царства» до сих пор остро дискутируется, но большинство исследователей политический центр архаических скифов располагает на Кавказе (*Галанина* 1992, с.155).

[8]Аналогии этому шитью дает материал раскопок В.И.Сарианиди храма и некрополя Тилля-тепе. Как мужские, так и женские погребальные одеяния некрополя сохранили остатки золотошвейного шитья — своего рода парадное одеяние. Впервые золотое шитье распространилось, по мнению археологов, среди сарматов (*Сарианиди* 1989, с.88-89). Богатое погребение сарматки из кургана Комарово в Северной Осетии сопоставимо с богатыми женскими захоронениями в Тилля-тепе. Одна из могил находилась на самом гребне холма Тилля-тепе и, судя по сопровождающему инвентарю, «усопшая при жизни занимала одну из самых высоких ступеней иерархической лестницы». Сохранились части золотой короны, золотая гривна весом более 800 г, массивные золотые браслеты; особый интерес вызвали одежные застежки, «отлитые в виде воинов в полном греко-римском боевом облачении с копьем в одной и шитом в другой руке». Застежки не привозные, а местного производства, о чем свидетельствуют изображения фантастических крылатых животных, чуждых античному искусству, но хорошо представленных в погребальных изделиях кочевых курганов. Наличие в изголовье погребального сосуда для вина и кубка для питья вроде бы подтверждает правоту древних авторов, отмечавших, что у кочевников женщины в обычаях «сходствуют» с мужчинами (*Сарианиди* 1984, с.147-148).

[9]По мнению Д.Браунда, Дарьяльский проход для той эпохи можно называть «Сарматскими воротами» (*Браунд* 1994, с.171).

[10]М.Б.Щукин полагает, что «остроумная гипотеза Ю.Г.Виноградова» основана на двух «умозрительных» допущениях: 1) «изобретении» не отмеченного в источниках «армянского царя Артавасда периода interregnum 37-41 гг. н.э.» и 2) предположении о также не зафиксированной источниками независимости Армении в те годы (*Щукин* 1994, с. 178).

[11]Сторонники аланской атрибуции похода 35 г., — подчеркнул в другой работе С.М. Перевалов, — либо приводят доказательства того, что под «скифами» источников следует понимать только алан (Ю.С.Гаглойти), либо ставят знак равенства между названиями «сираки», «аорсы», «скифы», «сарматы», «аланы», чем еще больше запутывают вопрос. Проблема этнической атрибуции участников похода 35 г. — «проблема прежде всего источниковедческая и должна решаться обращением к первоисточнику». В переводе С.М. Перевалова император «Тиберий большими денежными подарками убеждает царей иберов и албанов не колебаться идти войной на Артабана. Они, однако, воздержались сами, но напускают на Артабана аланов, предоставив им

путь через свои владения и открыв ворота Каспийские». Как подчеркивает исследователь, «все греческие рукописи дают чтение *аланы*» (*Перевалов* 1998, с. 96-97). В еще одной статье доказательства участия в походе 35 г. именно алан сведены С.М. Переваловым в три пункта: 1) сообщение Иосифа Флавия, все греческие рукописи которого содержат имя *алан*; 2) сведения Тацита, которые не дают оснований «предполагать, что под сарматами 35 г. можно понимать аорсов или сираков. С учетом свидетельства Иосифа Флавия под ними, скорее, следует понимать все-таки алан»; 3) данные античной традиции об алано-сарматском способе конного боя, исходя из коих автор пришел к выводу, что «аланы были носителями нового вида оружия среди сарматов» и новой тактики катафрактариев, примененной в 35 г. Таким образом, «аланская атрибуция сарматов в войне 35 г. должна считаться самой обоснованной» (*Перевалов* 2000. С. 203-210).

[12]Данный сюжет цитируется по тексту, впервые изданному В.В.Латышевым (перев. А.И.Малеина). Как это ни парадоксально, но, при наличии 30 древнерусских переводов «Иудейской войны», ее перевода с языка оригинала на современный русский язык нет. Различные варианты перевода разнятся как по стилистике, так и по точности. Если в цитированном фрагменте аланы предстают как *«часть* скифов», то в переводе с немецкого, осуществленного Л.Четком в конце XIX в. и недавно изданном в Минске, об «аланском народе» говорится «как о скифском племени, живущем на берегах Танаиса и Меотийского озера» (*Иосиф Флавий* 1991а, с.435). В текстах переводов имеются и более существенные расхождения.

[13]Эту точку зрения впервые высказал de Guignes (1859, S.399).

[14]Это всего лишь предположение. Возможен и другой вариант развития событий. По свидетельству Секста Аврелия Виктора (1998, с.86-87), при императоре Веспасиане «царь парфянский Вологез войной был принужден к заключению мира». Возможно, здесь речь идет об аланском разгроме северных областей Парфии. В связи с угрозой аланского вторжения во внутренние районы страны Вологез обратился к Риму за помощью. Но император ограничился посылкой войск в Сирию и Иберию.

III. СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПРОТОАЛАНСКИХ ПЛЕМЕН

Изучение социальной истории протоалан, как и изучение общественной жизни номадов вообще, затрудняет целый ряд объективных и субъективных причин. Источниковедческая база данной проблемы довольно скудна. Как уже отмечалось, письменные памятники по прото- и ранним аланам создавались в иноэтнической среде, с другими социальными и бытовыми условиями. Это иногда приводило к распространению на алан нехарактерных для них социальных представлений, что, разумеется, искажало реальную картину. С другой стороны, оценка кочевников в данных источниках нередко зависела от того, союзниками или противниками выступали номады в той или иной ситуации. Археологические источники по прото- и ранним аланам изучены пока слабо. За исключением скифской культуры, в районе от Дона до Алтая т.н. «царских» курганов раскопано очень мало, едва более 10 (*Железчиков, Пшеничнюк* 1994, с.10; *Zelezcikov* 1994, p.258).

Следует учитывать и то обстоятельство, что интерпретация археологических данных по социальной истории ранних кочевников не дает однозначных результатов. Не удивительно, что скептики вообще отрицают возможность при помощи археологических материалов получить ответ «на вопросы, связанные с экономической или социальной организацией номадизма, включая систему родства». Отрицается ассоциация ранних кочевых культур с сильной военной традицией, опирающейся на фигуру воина; археология, якобы, «не содержит каких-либо сведений в поддержку этой гипотезы». Отмечая это, Б.Дженито полагает также, что значение и роль центральной фигуры кочевых обществ — воина — «трудно выяснить до тех пор, пока не проведены четкие разграничения, например, между тем, что такое оружие и что такое орудие, что является ритуальным (экстраординарным), а что функциональным (ординарным) объектом».

Итальянский археолог, признавая, что анализ погребального инвентаря позволяет получить «интересные и неожиданные результаты, нацеленные на определение индексов рангов и статуса, которые предполагают определенную социальную сегментацию», вместе с тем утверждает, что археологические данные не гарантируют «определения символов ранга или природы власти, к которым они относятся». Касаясь конкретно ранних кочевников, он указывает на значительное единообразие погребальных сооружений и инвентаря, исключающее гипотезу о том, что «ранние кочевники были агрессивными воинами и их общество было организовано вокруг военной аристократии или что линидж гарантировался через наследование по мужской линии» (*Статистическая*...1994, с.11).

Скудность источниковой базы по социальной истории прото- и раннеаланских племен вынуждает нас обращаться к аналогиям из других эпох и материалам по соседним кочевым (в первую очередь и главным образом — ираноязычным) обществам. Это тем более оправдано, что, по замечанию С.А.Плетневой (1999, с.100), «преемственность степных культур раннего железного века и средневековья очевидна, а процессы, протекавшие в степных обществах, несмотря на хронологический разрыв, идентичны». Что касается социальной организации, то она, по замечанию М.Г.Мошковой, сходна «почти у всех евразийских кочевников» (*Статистическая*... 1994, с.7).

Первые сведения об ираноязычных племенах, живших восточнее Каспия, содержатся в поэме Аристея «Аримаспея»: «Исседоны — чванящиеся длинными волосами... многочисленные и доблестные воины, богатые конями и стадами овец и быков. — Каждый из них имеет один глаз на милом челе; они носят косматые волосы и являются самыми могучими из всех мужей» (*Аристей* 1992, с.46).

Более детальные и правдоподобные сведения об ираноязычных племенах Средней Азии привел Геродот, писавший об исседонах и массагетах. Первых он располагал на территории современного Казахстана, вторых — между Оксом и Яксартом. Интересно отношение самого «отца истории» к источникам своих знаний об этом регионе: «Никто точно не знает, что находится выше страны, о которой начато это повествование. У меня даже нет возможности расспросить кого-либо, кто утверждал бы, что знает это как очевидец. И даже Аристей, о котором я упомянул незадолго перед этим; даже он в своих трудах утверждал, что дошел не дальше исседонов, но о том, что находится выше, он рассказывал по слухам, говоря, что это рассказывают исседоны. Но то, что мы смогли как можно более точно выяснить по слухам — все это будет изложено» (*Доватур, Каллистов, Шишова* 1982, с.107).

Характеризуя исседонов, Геродот вновь повторяет, что информацию черпал из чужих уст («как говорят»): «они (исседоны — Ф.Г.) — *считаются* справедливыми; женщины у них совершенно равны с

мужчинами» (там же, с.111). Таков же источник информации о массагетах, хотя сам рассказ о них гораздо больше по объему: *«Говорят,* что массагеты — племя большое и сильное, обитает к востоку, в направлении восхода солнца, по ту сторону реки Аракс, напротив исседонов. По мнению некоторых, массагеты — это скифское племя» (там же, с.85). В другом месте Геродот уточнил: «Одеждой, которую они носят, и образом жизни массагеты походят на скифов». Детально описывая последний поход основателя персидской державы Кира (окончившегося его поражением и гибелью в 530 г. до н.э.) против массагетов, Геродот привел и этносоциальную характеристику последних. «Они — всадники и пешие воины (есть у них и тот и другой род войска), и стрелки из лука, и копейщики — имеют обыкновение носить секиры. Они для всякой надобности употребляют золото и медь. Для изготовления копий, наконечников и секир они употребляют медь, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Точно так же лошадям на грудь они надевают медные панцири, а уздечки, удила и фалары (украшают) золотом. Железо и серебро они совсем не употребляют, их даже нет в их стране, а золота и меди — несметное количество». Из обычаев массагетов Геродот особенно подробно остановился на следующем. «Предел жизни им положен не какой-либо иной, но когда человек становится очень старым, все родственники, собравшись вместе, приносят его в жертву и вместе с ним также мелкий рогатый скот; сварив мясо, они устраивают пир. Такая смерть считается у них счастливой. Умершего же от болезней не съедают, но погребают в землю, считая несчастьем, что он не дожил до приношения в жертву» (там же, с.93).

Вероятно, «съедаемые» старцы у массагетов относились к особой группе (возможно, сакрализованной), причисляемой к рангу святых. Интересные параллели можно привести из быта римлян и греков. М.Нильссон в своем исследовании бога Диониса в греческой и римской древности пришел к выводу, что в формировании этого образа значительна роль культовых традиций Фракии, где дважды в год во время оргий бог — в виде некоего животного — был разрываем на части и съедаем. В свою очередь, этот фракийский обычай восходит к традиции Крита. П.Уоррен в 1979 г. при раскопках в Кноссе натолкнулся на человеческие кости и черепа 3-6 лиц. Остатки скелетов принадлежали детям 10-15 лет. На многих костях имеются следы скобления («примерно на 11% ясно различимы резаные метки»), что служит признаком антропофагии. Никаких следов воздействия огня на костях не замечено, поэтому археолог пришел к убеждению, что находка свидетельствует о культовой омофагии — пожирании сырого мяса. По заключению М.Нильссона, разрывание на куски бога, являвшегося в виде зверя, и поедание сырыми этих частей являет собой пример сакрального обряда — усвоения божественной силы религиозной общиной. По мнению Б.Отто, смысл

данного обряда был шире – бог сам через «собственное» жертвоприношение восстанавливал ту часть своего магического потенциала, которая «поступила в природу, в мир растений и живых существ» (*Отто* 1996, с.103-108).

Очевидно, по аналогии, массагеты съедая своих старцев, «сохраняли» их мудрость, опыт и силу. Подобный обычай Геродот описал также у исседонов, добавив, что голову (череп) умершего «они золотят, а затем пользуются ею как чашей для возлияний при ежегодных больших жертвоприношениях» (*Доватур, Каллистов, Шишова*, с.73-80). У европейских скифов, согласно Геродоту, чаши делали из черепов врагов.

По мнению Э.Тэйлора, многие племена поддерживали «лютую ненависть к врагу и воинственную гордость также при помощи трофеев, например, высушивая голову врага и вывешивая ее в виде украшения на своей хижине или превращая его череп в кубок» (*Тэйлор* 1939, с.119).

Косвенное подтверждение эта идея находит в словах армянского историка V в. Фавстоса Бузанда. Описывая войну между родственниками – армянским царем Хосровом и царем маскутов Санесаном - он обратил внимание на то, что «*голову* (курсив мой – Ф.Г) великого царя Санесана принесли армянскому царю» (*Армянские...*1985. Вып. I, с.22).

Что касается конкретно скифов, то лишь сравнительно недавно археологические находки на Бельском городище и Завадской Могиле подтвердили достоверность сведений Геродота. Правда, в скифских могилах, начиная с V в. до н.э. встречаются деревянные чаши полусферической формы с металлическими обкладками по краю: они являются атрибутами мужчины-воина, т.к. в большинстве случаев найдены в комплексах с оружием. Возможно, деревянные чаши служили имитацией сосудов из черепов и связаны с последними генетически. Судя по тому, что головы убитых врагов были единственным «документом», дававшим воину право на участие в дележе добычи, чаши из черепов можно рассматривать как «документ», обеспечивавший право на имущество побежденного родственника или доблесть убитого врага (*Кузнецова* 1993, с.73-80).

Аналогичный обычай существовал и у аланских воинов. В евразийских степях одно из самых ранних изображений лиц, украшавших конскую сбрую, происходят из кургана Кобяково. На костяной пластине из кургана II в. до н.э. – I в. н.э. из Орлата изображен всадник, с седла которого свисает отрубленная голова. Более поздняя аналогия этому сюжету известна на кувшине из клада в Надьсентмиклош, где изображен всадник-победитель. «Приведенные примеры подтверждают сообщение Аммиана Марцеллина (XXXI. 2), который писал об аланах, гордо украшающих своих боевых коней скальпами врага» (*Иштванович, Кульчар* 1998, с.8-9). Весьма вероятно, что перечисленные и аналогичные им изображения игра-

ли роль своеобразных «военных знаков», символизировавших отрубленные головы врагов. Если это так, то многочисленные человеческие личины на бляшках являются не «портретами» их владельцев или изготовителей, а символами отрубленных голов противников, что объясняет факт их непохожести друг на друга (там же, с.9).

Геродот описал обычай савроматов, запрещавший женщинам выходить замуж, не убив предварительно в сражении врагов. Ф. Бози убийство первого врага и доказательство победы - отрубленную голову — рассматривает как успех в инициационном испытании, знак совершеннолетия (*Статистическая*...1994, с. 22).

Вернемся к поеданию близких пожилых родственников массагетами; этот обычай связан с бытовавшей в древности системой взглядов на жизнь и смерть. Представления древних на жизнь и смерть качественно отличались от современных. Смерть воспринималась ими не как окончательное уничтожение, а как переход в иную форму существования. Жизнь и смерть рассматривались как два хотя и противоположных, но диалектически связанных начала: жизнь — продолжение смерти, а смерть — жизни. Умереть означало родиться вновь (*Островерхов* 1996, с.97).

Согласно реконструкции Ю.А.Рапопорта, по верованиям тех древних времен, «душа» умершего входит в тело существа, поглотившего его. При таких воззрениях был только один надежный способ оставить роду душу прославленного мудрого старшего (такой чести, по Геродоту, удостаивались не все). Возможно, у массагетов существовала возрастная группа старцев, и лишь входившие в нее считались готовыми через ритуально-заупокойное застолье к «возвращению» в состав рода. К таким же представлениям относится и культ черепов, т.к. древние полагали, что и после чьей-либо смерти череп продолжает хранить свойственные человеку духовные качества. Их можно было поставить себе на службу, если завладеть черепом могущественного соплеменника или врага (*Рапопорт* 1971, с.32-37).

Как и у многих других народов, у ираноязычных племен Евразии именно голова рассматривалась как средоточие жизни, местопребывание души. Поэтому в обширном спектре культур голова считалась священной частью тела. Т.к. золото воплощало сияние, огонь, то именно на голову, как воплощение «пылающего фарна» (благодати), следовало надеть золотую корону, либо поместить ее в золотую чашу (*Литвинский* 1968, с.75-77). Возможно, с этими представлениями связано то, что у скифов черепа врагов, а у исседонов — и родственников, золотили: золото — символ власти, царской судьбы и счастья, т.е. фарна (*Литвинский* 1982, с.38-39, 43).

Интересно, что в кургане Кызыл-Джар IX на Алтае обнаружена неограбленная могила человека, чей сопроводительный материал состоял лишь из «зеркала» — одного из священных у скифов пред-

мета. У покойного отсутствовали череп и кисть правой руки. В связи с этим вспоминаются слова Геродота о том, что некоторые скифы чаши делают из черепов «родственников, если у них была с ними тяжба, и если они одержали верх над ними перед царем. Если к (скифу) приходят гости, с которыми он считается, он приносит эти черепа и добавляет при этом, что, будучи ему родственниками, они вступили с ним в войну, и что он одержал над ними победу» (*Доватур, Каллистов, Шишова* 1982, с.123). Слово из текста Геродота, которое большинство комментаторов и переводчиков понимает как «родственники», в словарях *Passow* и *Lidell-Scott* развернуто - «сородичи, живущие общим хозяйством, под одной крышей». Следовательно, в приведенном сюжете речь идет о борьбе за право на имущество, а поединок родственников перед «царем» — ритуально-судебный, по определению Э.А.Грантовского (1981, с.61-71).

Ритуально-судебные поединки не являлись специфической чертой ираноязычных номадов. Во многих догосударственных обществах в крайних случаях споры завершались ритуальными сражениями. У некоторых этносов непосредственные виновники конфликта не участвовали в сражении, а выплачивали компенсацию семьям убитых и раненых. Иногда такие сражения завершались после первой пролитой крови. Если спор не затрагивал групповых интересов, стороны могли решить свои проблемы любыми методами (*Березкин* 1995, с.72).

В свете изложенного, идея Т.М.Кузнецовой (1991, с.31) о том, что обезглавленное погребение в кургане Кызыл-Джар IX на Алтае связано с межродственным конфликтом за долю имущества, представляется вероятной.

У ираноязычных преемников скифов обычай поедания родственников или изготовления чаш из черепов вроде бы не отмечен, но с его отголоском возможно связана находка расчлененного костяка человека в одном из сарматских могильников рубежа двух эр (*Берлизов, Каминская, Каминский* 1994, с.42).

В качестве параллелей некоторым скифским обычаям, описанным выше, приведем данные святилищ Уляпского некрополя IV в. до н.э. На тризновой площадке кургана 2 среди костей животных найдено три человеческих черепа. В тризновом комплексе кургана 4 обнаружены золотые и серебряные предметы, античная керамика и бронзовая посуда, разрозненные кости людей: череп, обломок плечевой кости. На поверхности кургана 5 были совершены конские и человеческие жертвоприношения; причем в месте скопления человеческих костей найдено особенно много железного оружия, в основном мечи. Вся поверхность тризновой площадки кургана 6 покрыта обломками конских и человеческих костей, многие из которых побывали в огне. По мнению исследователей, ритуальные действия здесь совершались неоднократно. Следы жертвоприношения коня и человека обнаружены и в кургане 8. Согласно анализу Е.А.Беглo-

вой (2000, с. 12-13), конструкция Уляпских комплексов тяготеет к традиции VIII-VI вв. до н.э.

Большой интерес представляют два ритуальных комплекса II в. до н.э. на Тенгинском могильнике Северо-Западного Кавказа. На самом высоком месте могильника сохранился непотревоженный комплекс. В восточной части культовой площадки были уложены друг на друга 4 лошади в богатом уборе. С западной стороны — останки 10 человек, буквально положенных друг на друга. У некоторых отчленены головы, кисти рук и стопы. Вдоль южной границы парами (мужчина и женщина) лежали еще 4 скелета. Центральную часть комплекса занимал сопутствующий материал: оружие, украшения, сосуды. Вместе с костями животных здесь найдены многочисленные одиночные кости и черепа людей. Возможно, это следы ритуального каннибализма.

На другом культовом комплексе (погребение 164) первоначально были совершены человеческие и конские жертвоприношения. Позднее останки ранее погребенных сдвинули в южную часть площадки, а в центре устроили яму с подбоем, в котором захоронили связанного человека и лошадь. Впоследствии туда же подзахоронили карлика /?/ (*Беглова* 2000, с. 14-15)..

В рассказе Геродота (II, 205, 206) о войне Кира с массагетами имеется несколько сюжетов, несущих определенную социальную нагрузку. Говоря о верховной власти, он писал: «У массагетов после смерти (своего) мужа царствовала женщина. Имя ей было Томирис». В послании Киру она советовала: прекрати «поход, царствуй над своими и смирись, видя, как мы правим подвластными нам». Томирис не только управляла массагетами, но и возглавила решающее сражение против персов.

Свидетельство Геродота о высоком положении Томирис перекликается с рассказом Ктесия о царицах саков Зарине и Спаретре. У соседей массагетов — исседонов — согласно тому же Геродоту, женщины пользовались равными правами с мужчинами. Женщинам, вероятно, принадлежала немалая роль в отправлении культа. Во всяком случае, погребения жриц обнаружены как в богатых, так и в бедных захоронениях.

Войско массагетов в войне с Киром было поделено на три части, одну из которых возглавил сын царицы Томирис — Спаргапиф.

Позднее Страбон, опираясь на своих предшественников, несколько расширил рассказ о массагетах. При этом он также подчеркнул, что «древние эллинские писатели... не имели *возможности* сказать о них ничего достоверного, хотя и рассказывали о войне Кира с массагетами» (*Страбон* 1993, с.284).

Страбон одних массагетов локализовал в горах, других — на равнине, третьих — на речных островах или болотах. Жившие на островах питались кореньями и дикими плодами, «одежды носят из древесных лык»; жившие в болотах питались рыбой и одевались в

тюленьи шкуры. Горцы также «питаются дикими плодами, но держат и овец, хотя в небольшом количестве, так что даже не режут их, сберегая ради шерсти и молока». Жители равнин не обрабатывали землю, живя засчет овцеводства и рыбной ловли, «подобно кочевникам и скифам». Правда, И.В.Пьянков данное сообщение считает ошибочным, полагая, что различные группы (племен) массагетов, будто бы живших на островах, в горах и на равнине, у Страбона появились из-за неверного толкования свидетельства Геродота. Только «массагеты равнин» Страбона «являются действительно массагетами» (*Пьянков* 1964, с.122), в остальных случаях речь идет не о них.

Повторив описание Геродотом некоторых обычаев и воинского снаряжения массагетов, Страбон отметил и некоторые детали защитного вооружения, не указанные «отцом истории» — панцири, «золотые пояса и такие же повязки».

Среди свидетельств по социальной истории ираноязычных племен древней Средней Азии выделим также указание Полиена на то, что во время похода «Дария против саков, цари сих последних: Саксфар, Омарг и Тамирис составили между собою совет для обсуждения военных обстоятельств». К ним подошел «конюх по имени Сирак, вызвавшийся истребить персидское войско, если только дети и внучата его будут за то награждены домами и деньгами» (*Полиен* 1940, с.34-35). И цари поклялись выполнить его условие. Здесь же отметим, что В.В.Струве, сопоставляя Томирис Геродота с Тамирис Полиена, пришел к выводу, что речь, *вероятно,* идет об одной и той же женщине. Царица Томирис, победительница Кира (530 г. до н.э.), могла предводительствовать сако-массагетами и позднее при Дарие (517 г. до н.э.) (*Струве* 1968, с.62).

Более обширную информацию по проблеме социальной истории протоаланских племен содержат археологические материалы.

К 1975 г. было исследовано свыше 500 погребений античного времени (*Мандельштам* 1975, с.131). Сопровождающий материал невелик, часть погребений вообще лишена его. Возможно, какая-то часть могил была ограблена. Причем, как установил А.Д.Грач, нарушение некоторых сако-массагетских погребений было совершено вскоре после их сооружения, а мотивы проникновения в усыпальницы не всегда можно объяснить только поисками ценностей. Например, нарушение ряда курганов скифского времени в Центральной Туве не связано с целью просто грабежа: костяки были изрублены, исчезли кинжалы и многие предметы вооружения, но оставлены ценные золотые и бронзовые предметы. А.Д.Грач предположил, что в погребения проникли захватчики-пришельцы, осуществившие «обезвреживание» мертвых врагов. Показательна в этом плане картина ограбления кургана Пазырк II на Алтае: с погребенных сорвали одежду и изорвали ее в клочья, головы отрубили, у женщины обрубили ступни, голени и кисть правой руки, надломили пальцы. Туловища обоих погребенных вырубили изо льда и отбросили к стене

камеры. Сравнение с картинами «разграбления» более скромных усыпальниц среднего социального слоя позволило А.Д.Грачу и в данном случае предположить, что пазыркские мумии также были «обезврежены» людьми, проникшими в царские усыпальницы (*Грач* 1980, с.60).

Возможно, «обезвреженными» являются несколько погребений курганного могильника Первомайский X (сарматские могилы датируются I в. до н.э. — II в. н.э.), расположенного на левом берегу Цимлянского водохранилища. Так, кости умершего в погребении 7 кургана 9 были разбросаны по яме; скелет человека в погребении 6 кургана 10 полностью разрушен, кости выброшены из ямы (*Демиденко, Мамонтов* 1997, с.173-174). Почти все погребения Маяцкого могильника салтово-маяцкой культуры, исследованные в 1975-1982 гг. В.С.Флеровым и В.Е.Нахапетяном (1996, с.151), оказались «обезвреженными». Аналогичная картина выявлена на катакомбном могильнике Клин-Яр III у г. Кисловодска. Из исследованных 25 катакомб 18 содержали нарушенные скелеты. Все катакомбы с «обезвреженными» погребениями тщательно закрыты плитами, иногда двумя. Исключение составляла катакомба 5 с выброшенным в дромос скелетом. Все катакомбы содержали вещи — керамику, оружие, украшения (включая золотые и позолоченные), амулеты, что противоречит версии об ограблении. Разная степень разрушенности скелетов и разные виды обращения с ними, помимо прочего, зависели от двух причин: 1) от оценки характера погребенного при жизни его окружением — был ли он или она мстительными, злыми, имели ли «дурной глаз» и т.д.; и 2) от определения посмертной судьбы погребенных шаманом (жрецом). Найти причины разрушения детских скелетов сложнее (там же, с.151-153).

Особый интерес в связи с рассматриваемым вопросом представляет катакомба 29 могильника Клин-Яр III. В камере погребены мужчина 45-60 и женщина 55-65 лет. Женский скелет сохранял анатомическую схему, но имел ряд явных нарушений. Мужской скелет разрушен полностью и оказался фактически разделенным на три части: череп, крупные и мелкие кости. Аналогично поступили и с сопровождавшими мужчину вещами. Они, в основном, подразделяются на две группы: 1) оружие — лук, стрелы, колчан; 2) снаряжение коня - ремни с бляхами, удила, стремена, пряжки. Ни одна из вещей мужчины (очевидно, воина-всадника) не осталась на месте. Все без исключения были отброшены в груду мелких костей к правой стенке, а часть — к передней. Лук был преднамеренно разломан, как и походный котел, склепанный из медных листов. Из двух возможных версий интерпретации рассматриваемого комплекса — обезвреживание или ограбление — археологи склоняются к первой. Этому способствуют следующие обстоятельства. Во-первых, над камерой катакомбой отсутствовала грабительская воронка. Во-вторых, камеру закрывала даже не одна, а две плиты, заклиненные по бокам

мелкими камнями, а все пазы тщательно замазаны. В-третьих, состояние скелетов. Мужской скелет полностью разрушен, тогда как женский — лишь частично. Правда, на могильнике отмечена ситуация и прямо противоположная. В катакомбе 54 лежавший прямо перед входом мужской скелет остался нетронутым, а находившийся у задней (!) стенки женский скелет разрушен полностью. Объяснений может быть много. Возможно, судьба останков умершего зависела от его личных качеств при жизни. Не исключено, что разрушение зависело от видений шамана, и т.п. В любом случае, насыщенность катакомбы вещами лишает основного аргумента сторонников версии ограбления (*Флеров* 1998, с.523-530, 534-535).

А.Д.Мандельштам среди погребений прикаспийских массагетов V-III вв. до н.э. выделил группу захоронений, совершенных на уровне древнего горизонта. Археолог обратил внимание на указанный античными авторами особый обряд погребения старцев у массагетов. Собственно, «погребением» данный обряд назвать нельзя. Старцев закалывали, а мясо вместе с мясом жертвенных животных варили и съедали. Такая смерть, как уже отмечалось, считалась *наиболее почетной.* Умерших же от болезней, по Геродоту, «предавали земле», а по Страбону — выбрасывали, т.к. считали нечестивыми и «достойными съедания зверями». Таким образом, письменные источники четко выделяют отличавшиеся от общепринятых норм специфические обычаи, связанные с двумя особыми вариантами смерти. Согласно А.М.Мандельштаму, отнесение Геродотом захоронений в земле (усопших от болезней) к особой категории позволяет считать, что им соответствуют погребения, совершенные непосредственно на поверхности почвы (*Мандельштам* 1976, с.21-26).

Часть так называемых «рядовых» курганных могильников раскопана на территории бывшей Северной Парфии. Среди немногочисленных находок — сосуды, в том числе каменные, курильницы, оружие. Расположение этих могильников в зоне земледельческого населения свидетельствует, возможно, об оседании части кочевников. Из археологических находок на Средней Амударье выделим статуэтки светского характера более позднего периода — фигурки животных и всадников. Очень хорошо сохранилась крупная (высотой 18 см) статуэтка из Мирзабеккалы. Всадник, грудь и шея лошади украшены оттисками кружков — вероятно, условная передача доспехов (*Древнейшие...*1985, с.224, 248-249).

В качестве аналогии приведем данные анализа К.Ф.Смирнова материалов 150 курганных погребений с левого берега Илека в Южном Приуралье. Более 60 погребений относятся к VII-IV вв. до н.э., более 80 — к IV-II вв. до н.э. Наиболее архаичные погребения единичны и бедны по инвентарю. Но уже к рубежу VI-V вв. в бассейне Илека концентрируются наиболее богатые погребения «савроматов»[2] Приуралья — компактные группы больших земляных насыпей, высотой до 6 м. Эти «пятимары» — кладбища военно-жрече-

кой знати и их зависимых. Например, в кургане 8 Пятимары 1 два богатых вооруженных телохранителя (но не раба) были убиты и погребены с их конями на краю грунтовой могилы семьи вождя. По ряду могил Илека заметно почетное положение знатных женщин-наездниц и жриц (*Смирнов* 1975, с.150-154). В савроматских памятниках обнаружено мало женских могил с мечом или копьем и большое число - со стрелами. Ф. Бози вслед за А.М. Хазановым рассматривает это как свидетельство участия женщин лишь в дистанционном бое, но никак не в ближнем (*Статистическая*... 1994, с.24).

Н.П. Матвеева на материале Среднего Притоболья предприняла попытку выявить социальную стратификацию сарматских племен. На основе анализа 120 погребений выделены три основные социальные группы, коррелируемые с объемом могильных ям и сопровождающим инвентарем, и четвертая группа — зависимых лиц, захороненных на дне рвов, окружавших курганы. В центральных могилах захоронены как мужчины, так и женщины. Около трети женских погребений содержат оружие, главным образом, несколько наконечников стрел; оружие ближнего боя и оборонительные доспехи отсутствуют (*Могильников* 1992, с.289).

Здесь же отметим недавние раскопки скифских курганов V-IV вв. до н.э. на Среднем Дону. В трех из четырех исследованных курганов были погребены молодые женщины из богатых семей; в двух случаях их сопровождал и набор оружия. Наличие дорогих ювелирных украшений боспорского производства, греческих амфор, значительные размеры и пышность погребальных сооружений сопоставимы с известными курганами военной аристократии. Всего же в южнорусских лесостепях между Доном и Днепром на 1991 г. обнаружено 112 таких погребений, что существенно превосходит количество женских могил с оружием у савроматов Поволжья и Приуралья, считающихся главными «поставщиками амазонок»[3]. В тех случаях, когда удалось определить возраст, оказалось, что большинство вооруженных скифянок было в возрасте от 16 до 30 лет (69% таких захоронений). Многие такие погребения относились к верхним слоям общества. Захоронения вооруженных скифянок археологи склонны объяснять наличием некоей воинской повинности в качестве легковооруженной конницы для определенных возрастных и социальных групп (*Гуляев, Савенко* 1995, с.100-101).

В социальном плане несомненный интерес представляют комплексы «замерзших» курганов Алтая. В памятниках Пазырыка V-IV вв. до н.э. обращает на себя внимание то обстоятельство, что вещи с золотой обкладкой встречаются «и в могилах рядовых лиц, что весьма необычно для иранских народов древности». В рядовых погребениях обнаружены и покрытые золотой фольгой гривны. Возможно, это связано с обилием золотых приисков у соседей воинственных пазырыкцев. Конечно, захоронения знати отличались боль-

шим богатством. Парадная одежда знати из-за наклеивания на кожаную основу большими площадями фигурных листочков из золотой фольги создавала иллюзию сплошного золотого покрытия. Гривны, браслеты, поясные пластины высшей аристократии изготовлялись из литого золота. Интересно также, что из всех многочисленных изображений на вещах Пазырыка единственное антропометрическое — мужская монголоидная личина со звериными ушами и рогами, помещенная у ног оленя. Оно идентифицируется с конкретным божеством индоиранцев. Сходный мифологический персонаж с ушами и (или) рогами в петроглифах лоуфаней (соседей Ордоса) и саков Семиречья изображался всадником верхом на олене. У осетин аналогично выглядит бог-покровитель диких животных Афсати, тесно связанный с оленями (*Яценко* 1999, с. 146-147, 154-159, 166-169).

Изучение курганов знати для реконструкции социальной структуры номадов дает гораздо больше, чем анализ захоронений рядовых членов общества. В целом, «рядовые» погребения ираноязычных племен изучены пока слабо. Все еще остается справедливым упрек Е.Е.Кузьминой почти двадцатилетней давности: «тщательная обработка массы рядовых скифских погребений до сих пор еще не осуществлена» (*Дискуссионные*...1980, №6, с.102).

Гораздо дальше продвинулось изучение элитных курганов. Их раскопки «приводят к ошеломляющим открытиям, к большим комплексам разнообразных находок, информирующих о степени социально-экономической развитости общества, об уровне его культуры, искусства и духовной жизни» (*Акишев* 1994, с.11). К числу признаков элитных погребений в степной зоне относят наличие курганной насыпи, связанной со значительными трудовыми затратами, сложность внутреннего устройства могилы, богатство сопровождающего инвентаря, заключающегося не столько в количестве предметов, сколько в их уникальности и престижности, наличие повозок (колесниц) или останков лошадей, инсигний власти, проявление профессиональной (сословной) принадлежности погребенного (*Моргунова* 1994, с.166).

Археологи выделили критерии социологической интерпретации неординарных погребальных сооружений ранних кочевников. К.А.Акишев курганы диаметром 50-105 м и высотой 8-17 и считает «царскими», курганы диаметром 30-45 м и высотой 5-6 м принадлежавшими знати, курганы диаметром 6-18 м и высотой 1-2 м принадлежавшими рядовым воинам (*Ставиский* 1966, с.103). В.М.Массон разделил это мнение и, учитывая ограбление могил древними и современными охотниками за сокровищами, критерий трудовых затрат, как отражающий организационный и престижный потенциал погребенного, предложил считать «наиболее реальным в практике интерпретации данных археологии». В то же время он напоминает, что раннекочевнические образования не были обществами строгой социальной кодификации (*Массон* 1994, с.4).

К настоящему времени накопилось достаточно данных, позволяющих детализировать наши представления о социальной истории племен сако-массагетского круга.

Для начала необходимо подкорректировать взгляд на них как на «вечных странников пустыни», т.е. кочевников. Термин «номад» имеет древнегреческую основу, в переводе означающую «пастбище», «пастух». В этом значении термин «номад» вошел как в русскую, так и в зарубежную историческую традицию. Как справедливо отметил Я. Харматта, «хорошо известно, что китайские и античные источники описывают конных номадов евразийского степного пояса как народы, которые постоянно кочуют вместе со своим скотом в поисках воды и пастбищ». Под влиянием этой литературной традиции сложилась классическое представление о бедных номадах, основу экономики которых составляло животноводческое хозяйство, связанное с продолжительными миграциями и временными поселениями. Эта идея в специальной литературе прежде тесно увязывалась с теорией, по которой кочевое скотоводство своим происхождением связано с охотничьей общиной. Однако позднее стало ясно, что экономика номадов связана не со средой охотников, а с развитием хозяйства земледельческо-пастушеских общин (*Harmatta* 1994, p. 565).

Согласно одной из версий, около «1000 г. до Р. Хр. произошли разительные перемены в структуре экономики». Изменения экологической ситуации, политических и этнических процессов в «киммерийскую» эпоху стали причиной, с одной стороны, почти тотального уменьшения населения в степном регионе между Дунаем и Алтаем, а с другой — освоения новых земель, что постепенно привело к увеличению населения степи. Применение технологии «чистых полей» и земли под паром было невозможно из-за экстенсивного земледелия. Поэтому получили распространение различные формы кочевого скотоводства — специфической формы экономики. Это была адекватная реакция примитивных племен на физико-географические изменения окружающей среды степи (*Zelezcikov* 1994, p. 251).

Принято считать, что синонимами слова «номад» являются понятия «всадник», «всадник-воин». Конечно, появление конных пастухов — важная инновация, позволившая человеку впервые контролировать табун, пасущийся на естественных пастбищах. Однако верховой пастух — это еще далеко не всадник-воин. Последнему для уверенной стрельбы или уверенного владения копьем необходима твердая посадка, для чего нужны удила и псалии. Последние появились в степях лишь во II тысяч. до н.э., удила для верховой езды и того позже — в конце этого тысячелетия, и только с этого времени можно говорить о возникновении всадничества. Не подтверждается и предположение о чисто скотоводческом и подвижном хозяйстве номадов. Во-первых, во всем ареале энеолитических культур степей Евразии открыты стационарные поселения. Во-вторых, на многих

памятниках степняков найдены сельскохозяйственные орудия. В-третьих, в стаде присутствовала свинья. Все это свидетельствует о комплексном и оседлом хозяйстве по меньшей мере части номадов (*Кузьмина* 1996, с.73-74, 84-85).

Вспомним, например, горных саков Памира и Тянь-Шаня. Да и на равнине какая-то часть саков жила оседло. В 1971 г. Б.И.Вайнберг в левобережном Хорезме открыла курганный могильник и поселение Куюсуй. Это было большое городище площадью 15 га с домами-мазанками, стены которых возводились из плетня, а затем обмазывались глиной. Отмечены здесь и традиционные для кочевников землянки. Население занималось земледелием, скотоводством; были в поселке и свои ремесленники — кузнецы, гончары, ткачи и др. Судя по огромному количеству найденных на городище раннесакских стрел VII-VI вв. до н.э., большую роль в жизни куюсуйцев играла война. Свидетельством дальних походов, например в Парфию, являются красивые украшения, прекрасные сосуды и некоторые предметы вооружения (*Кузьмина* 1977, с.80-81).

Весьма интересные данные об оседлости и поливном земледелии у архаических саков и усуней получены в ходе паспортизации памятников северо-восточного Семиречья (равнина и горные хребты до 5000 м высотой). Об этом свидетельствуют остатки небольших участков (5х10 м, 10х12 м, 12х15 м), самый большой из них имел размеры 30х35 м, следы оросительных каналов (арыков); выявлены остатки поселений с усадьбами, на территории которых найдены мотыги, серпы, зернотерки и др. (*Грошев* 1994, с.81-85).

В сфере производительной деятельности сако-массагетских племен ведущее место, безусловно, занимало скотоводство. На стабильности экономики сказывались экономические изменения, стихийные бедствия и то обстоятельство, что скот, как легко отчуждаемое имущество, нередко утрачивался в результате вражеских набегов. В конечном итоге получение прибавочного продукта в скотоводстве номадов вообще было значительно менее надежно, чем в земледельческом или комплексном земледельческо-скотоводческом хозяйстве (*Першиц* 1976, с.288-289).

В развитии производительных сил существуют пределы, преодоление которых без технологических инноваций невозможно. В некоторых древних обществах в рамках системы натуральных производительных сил технологические изменения были невелики, а у кочевников скудный набор орудий труда практически не изменялся с древности до наших дней (*Крадин* 1994, с.64). Правда, некоторые исследователи (М.П.Грязнов, С.И.Вайнштейн) выделяют период ранних кочевников (до середины I тысяч. до н.э.), и период поздних кочевников, для которого типичны такие инновации, как появление разборной юрты, стремян, кочевание малыми этническими группами и господство патриархально-феодальных отношений (*см.: Кузьмина* 1996, с.75).

Развитие общества номадов скорее связано не с изменениями в экономике, а с разделением и кооперацией труда. Одним из важнейших факторов классообразования являлись война, точнее говоря – специализация и ранжирование военной деятельности, узурпация функций военного управления (*Першиц* 1976, с.293-295; *Хазанов* 1979, с.137-140; *Маретина* 1987, с.161; *История первобытного*...1988, с.194-198, 212-216; *Куббель* 1988; *Павленко* 1989, с.87-88; *Ранние формы*...1993, 1995). Хозяйство кочевников не требовало чрезвычайных усилий; несколько пастухов справлялись с многочисленными стадами. Поэтому в обществе номадов всегда находились свободные руки, владеющие оружием. А они использовались не только для угона скота и борьбы за пастбища, но и для исправления определенной однобокости экономики номадов. Кочевнику трудно прожить без продуктов земледелия и ремесла. По этой причине возникавшие в степи социальные организмы часто стремились к разным формам симбиоза с земледельческими и ремесленными социумами. Примерами такого симбиоза могут служить древний Хорезм и даже Парфянское царство, основанное «скифом» (в широком смысле) Аршаком. Хотя основное население страны составляли земледельцы, ремесленники и торговцы - потомки персидской ахеменидской державы и греко-македонских поселенцев, пришедших с Александром Македонским, но кочевники играли важную роль в политической структуре Парфии. Представителям «сакских» племен принадлежало наследственное право возложения короны на голову царя, из их среды назначался главнокомандующий (*Щукин* 1994, с.22-23).

Считается, что почти по всей полосе степей Евразии звучали разные диалекты иранской речи. В среде ираноязычных племен очень рано значимыми стали война и специализация военной деятельности. Симптоматично, что среди предлагаемых лингвистами этимологий этнонимов «сак» и «скиф» есть и такие, как «могучие мужи», «мужчины», «лучники», а в Ригведе *sak* «быть сильным, искусным» засвидетельствовано как эпитет к слову «муж» (*Фрай* 1972, с.69; *Кузьмина* 1977, с.77).

Древние авторы, как уже отмечалось, сако-массагетские племена изображали как воинов. Еще Аристей писал, что исседоны – «многочисленные и очень доблестные воины, богатые конями...» По Геродоту, массагеты – «племя большое и сильное ... Они – всадники и пешие воины (есть у них и тот и другой род войска), и стрелки из лука, и копейщики имеют обыкновение носить секиры». Напомним также об археологических находках на Средней Амударье статуэток всадников. Сакские древности Сырдарьи также указывают на большую роль военной деятельности. Например, в погребениях Тагискена и Уйгарака оружие (наконечники стрел, кинжалы, мечи) найдены только в мужских захоронениях. Предметы конской сбруи имелись в большинстве погребений, но более чем в 100 захоронени-

ях обоих могильников не обнаружено погребений коня (*Вишневская, Итина* 1971, с.20), т.е. это не элитный могильник, а «кладбище» воинов. О.А.Вишневская на примере могильника Уйгарак подчеркнула резкую разницу между захоронениями простых скотоводов в западной части археологического памятника и больших могил с богатым сопровождающим инвентарем знатных (или удачливых) воинов-всадников – в центре (*Вишневская* 1973).

Вероятно, даже незнатные воины отличались по своему статусу от скотоводов и ремесленников. Аналогичные положение имело место и у оседлых народов. Например, в начале II тысячелетия у славян Среднего Подунавья существовал слой свободных воинов неблагородного происхождения, первоначально сидевших на земле герцога, но обращавшихся с ней как с аллодом. Причем, в отличие от свободных крестьян, они имели право избирать земского судью (*Тржештик* 1991, с.71).

Среди воинов ранних номадов также отмечена градация. Войско массагетов делилось на всадников и пеших, что уже само по себе является дифференцирующим признаком, т.к. при дележе добычи всадник получал в три раза больше пешего воина (Л.Е.Куббель). Внутри самих всадников четко прослеживается дифференциация. Священный могильник саков Бесшатыр К.А.Акишев считает принадлежащим трем социальным группам. Большие курганы интерпретируются как могилы сакских «царей» и племенных вождей-военачальников, средние – как могилы знати и прославленных воинов, малые – как могилы заслуженных дружинников. Размеры Бесшатырских курганов зависели от степени знатности погребенного, его заслуг перед соплеменниками, от воинской доблести, от численности и богатства социума (*Акишев* 1978, с.55-56).

В Тагискене и Уйгараке имеется три типа погребальных сооружений VII-VI вв. до н.э., при этом погребальный ритуал в зафиксированных случаях един (*Вишневская, Ильина* 1971, с.198-199). В курганах V в. до н.э. на Уйгараке набор вещей не слишком выразителен. Зато на Тагискене явно выделяется группа богатых захоронений (*Толстов, Итина* 1966, с. 163).

Та же картина наблюдается на материале архаических скифов. В скифских курганах Северного Кавказа VII-VI вв. до н.э. четко просматривается деление конных воинов на три группы. Причем всадники представляли собой не просто войско, а своего рода дружину, прообраз будущих катафрактариев, боевое содружество, в этнографии обозначаемое понятием «мужской союз»; его разновидности на Кавказе и в Средней Азии (как и в других регионах мира) сохранились до наших дней (*Этнографические*...1990).

Мужские союзы. Проблеме воинского братства (мужских союзов) у древних иранцев посвящена известная работа К.В.Тревер (1947). Молодых воинов, членов мужских союзов, называли «волками», их жестокие обряды были связаны с хтоническим культом.

Это отчетливо прослеживается на материале архаических скифов, воевавших в Передней Азии. Интересна информация о скифском вожде Ишпакае, упоминаемом в ассирийских надписях царя Асархаддона (680-669 гг. до н.э.) (*Дьяконов* 1951, с.216-217). В 70-х гг. VII в. до н.э. Ишпакай вступил в союз с Манной против Ассирии. В союзе с мидийцами скифы разгромили киммерийцев. Полиен, рассказывая об этом событии, утверждал, что киммерийцев разбили при помощи «отважнейших псов».

По мнению А.И.Иванчика, это сообщение, в основе которого лежит, вероятно, достоверная информация, имеет явно фольклорный облик. Ученый обратил внимание на распространение в разных местах Малой Азии рассказа об изгнании киммерийцев «псами». Таким образом, в фольклоре «отважные псы» заменяют скифов (*Иванчик* 1988, с.38-40). В этой связи напомним этимологию имени вождя скифов — Ишпакай, восходящее к *spaka* «собака». Собака почиталась священной иранскими народами (*Абаев* 1995, с.371-373; *Дьяконов* 1990, с.245 примеч.5), в том числе скифами. Молодые воины — члены древнеиранских мужских союзов, именовались «волками» («собаками»). Они не только поклонялись своему тотему, но во время боя приходили в неистовство, сравнимое с яростью сражающегося пса[5].

Приведенные данные сопоставимы с запросом Асархаддона к оракулу Шамаша, в котором говорится о том, что скифы могут выставить «пса воинственно-яростно-бешеного» (*Иванчик* 1989, с.66) (может быть имеется в виду Ишпакай ?).

Ключом к интерпретации сообщения о поведении скифских «воинов-псов» является, на наш взгляд, мысль И.М.Дьяконова: «В первобытном мире, как и всюду, наступление есть лучшая оборона, и агрессивность принадлежит поэтому к числу необходимых социально-психологических побуждений, между прочим, и как побуждение к движению вообще. Нечего и говорить, что агрессивность всегда эмоциональна» (*Дьяконов* 1990, с.88).

Почитание собаки молодыми воинами Ишпакая побуждало их во время боя вести себя соответствующим образом — как разъяренным собакам сражаться с врагом. В таком поведении нельзя усмотреть нечто «варварское», характерное лишь для скифов. В традиционных культурах технические приемы запугивания противника перед атакой являлись важной фазой сражения. Подобные приемы применялись по особой ритуальной схеме, где нет мелочей, тут важно все: и одежда, и крик, и жест. Ф.Кардини, изучавший истоки средневекового рыцарства — европейские «воинские общины» и «мужские союзы» — был поражен одним фактом. «Речь идет, — пишет он, — о превращении (если не буквальном, то по меньшей мере ритуальном, а также психоповеденческом) воина в дикого зверя... Наши военные лексиконы, да и сама геральдическая символика, унаследованная от античности и средневековья, хранят следы этого древнего «превращенного зверя».

Скандинавские и германские саги красочно рисуют портрет «воина-зверя». В каком-то смысле это «настоящий» зверь. Германский воин, рычащий как медведь или собака, как бы *на самом деле* становился медведем, волком, бешеной собакой. Между ним и животным-патроном устанавливалась симпатико-магическая связь. Например, «берсеркр» — в более позднее время синоним слова «воин», иногда «разбойник», в общем, опасной личности, подверженной приступам бешенства. Но изначально термин «берсеркр» имел совершенно иное значение — «некто в медвежьей шкуре, воплотившийся в медведя». Обратим внимание — в *медведя* , а не просто в его шкуру! Разница принципиальная. Рядом с «берсеркром», воином-медведем, стоит «улфедхинн», т.е. «волчья шкура», облаченный в шкуру волка воин-волк.

Группы «воинов-зверей» были организованы в некий военный союз, основная характерная черта которого — участие юношей. По свидетельству Тацита, они «начинают все битвы, они всегда составляют передовой строй, вид которого поразителен». Хозяйственными делами они не занимались даже в мирное время. Вне всякого сомнения, это группа привилегированных воинов, выделявшихся среди прочих (*Кардини* 1987, с.90, 112-116, 124-130).

Пример классического мужского союза сохранила Ригведа. Одной из имманентных характеристик главного героя — Индры — является его связь с юношами-Марутами. Маруты в Ригведе — юноши, упоминающиеся только как группа. Они - воины, обладавшие всей воинской атрибутикой. Анализ Ригведы привел шведского ученого С.Викандера к выводу о том, что Маруты — «классический образец мужского союза, возрастного класса юношей-воинов». В отношении к Индре в ведах применяются эпитеты «молодой», «юный» и *marya* «(воинственный) юноша». Последний термин Луи Рену в свое время охарактеризовал как «полуэротический, полувоинский». Более явственно значение термина вырисовывается при сравнении с однокоренными словами в других языках: «молодой мужчина», «смутьян, возмутитель спокойствия», «жених», «муж», «представитель воинского сословия», «воин, представитель привилегированной социальной группы» и т.д. Перечисленные значения легко возводятся к праязыковому «член половозрастной группировки юношей-воинов», в мирное время угрожавших спокойствию социума, во время войны составлявших ударную силу и при условии воинской доблести получавших право перехода в следующую возрастную степень и вступления в брак. Связь понятий «муж» и «храбрец», воинской доблести и вступления в брак легко объяснима: так, на Тайване для перехода из возрастного класса «юношей» в класс «зрелых мужчин», имевших право на брак, необходимо было добыть голову врага. Подобные примеры можно привести для обществ разных этнокультурных традиций (*Кулланда* 1995, с.106-108, 119).

В ряде индийских текстов в рассказе об Индре говорится о

неких салавриках. Слово это не имеет удовлетворительной этимологии. Дословный перевод его составных частей sala «дом, помещение» и vrka «волк», в конечном итоге — «домашний волк», который с вопросительным знаком дает словарь Моньер-Уильямса, значения сложного термина не проясняет. Однако от слова vrka в Ригведе образовано еще одно понятие, связанное с Марутами — vrkatat. С.В. Кулланда сопоставляет его с аналогичным древнегреческим термином (также образованным от корня «волк»), означающим «боевое исступление». Такое толкование представляется тем более вероятным, что vrka «волк» в санскрите имеет и значение «кшатрий, член воинского сословия». Таким образом, в индийских текстах речь идет о юношах-воинах как враждебных племен, так и соплеменниках, агрессия которых в мирное время иногда могла направляться внутрь социума (там же,. С.120-121, примеч.10).

Суммируя приведенные свидетельства, присоединимся к мнению А.И.Иванчика: в рассказе Полиена об «отважнейших псах» речь идет о скифском мужском союзе. Покровитель этого союза, бог-воитель, почитался в образе собаки или волка; соответственно и все члены союза также считались псами-воинами (*Иванчик* 1988, с.41).

Следы скифских представлений о воинах как псах-волках сохранились в нартовском эпосе. В некоторых вариантах один из героев эпоса Сауай, подобно римским близнецам, выкармливается волками. Сослан, один из виднейших нартовских героев, стал неуязвимым после того, как искупался в волчьем молоке. Причем, в ряде версий волчиц для этой цели сгоняет и помогает доить прародитель собак Селан (*Миллер* 1887 с.147; *Нарты* 1990, с.87-89). Как на интересный факт, укажем на объяснение Батрадза: «храбрости я выучился у своего охотничьего *пса*». Обратим внимание и на рассказ Батрадза о том как «молодые нарты отправились в поход». Было их «всего тридцать девять всадников».

Ряд сказаний свидетельствует о дружбе между нартами и волками. Так, умирающий Сослан предложил волку полакомиться его мясом. Однако волк благородно отказался, вспомнив многочисленные благодеяния, оказанные ему Сосланом. В сказании о «Черной лисице» волки дружески беседуют с обращенным в собаку Урызмагом, а затем последний помог им опустошить стада своего хозяина (*Абаев* 1978, с.18-20). Наконец, первопредок правящего рода Ахсартаггатов носил имя Уархаг, что в переводе означает «Волк» (*Абаев* 1965, с.88-90). Сказание об Уархаге и его потомках — тотемический миф о происхождении племени от волка. Здесь же отметим, что имя Уархаг (в греч. передаче Аргот) носил один из первых скифских царей, дед Скила (*Бонгард-Левин, Грантовский* 1983, с.22).

Как дети Волка, нарты «больше всего любят охоту, войны, набеги и походы за добычей»; относительно характера нартовских походов не приходится заблуждаться: «это были хищнические, «волчьи» походы» (*Абаев* 1978, с.64).

О невероятной смелости нартов (и особенно их военных вождей) написано уже немало. Обратим внимание лишь на один сюжет, до недавнего времени не объясненный фольклористами: речь идет о пляске нартов в тот момент, когда войско *агуров* окружило их и готово было уже ворваться в селение. Пляски в эпосе упоминаются часто, «и притом не как случайный, а как существеннейший элемент нартовского быта, как серьезное и важное занятие, которому нарты отдавались от всей души» (*Абаев* 1990, с.219). Все это понятно, но танцевать в тот момент, когда твоему жилищу и жизни угрожает смертельная опасность — это необъяснимо. По предположению В.И.Абаева, возможно, танец имел ритуальное значение. Эту идею развил Ю.А.Мотов. Он обратил внимание на групповой танец нартов «симд», который исполнялся мужчинами и женщинами, а в ряде случаев — исключительно мужчинами. Примечательна одна деталь: каждый нарт, танцующий симд, на плече держит свой «рабочий инструмент». Уаиг (великан), отважившийся явиться на симд нартов, принес на плече вырванное с корнем дерево, очевидно, представлявшее его «инструмент» — дубину. Танец с «инструментами» (корыто, грабли, вилы), представляется довольно нелепым занятием, если за этим не увидеть намека на пляску нартов с оружием. Об этом не говорится напрямую; несомненно, здесь мы сталкиваемся с иносказанием. Античные и средневековые источники, касаясь табуированных тем, широко пользовались языком иносказаний, метафор и т.д. Это относится и к эпосу. Показательно, что уаиг, явившийся на мужской симд, калечит нартов, и его самого калечит нарт Батрадз. Таким образом, симд представляет собой метафору боя. Что касается неистовой пляски нартов в момент, когда враги окружили селение и готовы были ворваться в него, то и здесь нет оснований для упрека нартов в легкомыслии и беспечности. Наоборот, данная сцена позволяет предположить, что симд — это пляска, распаляющая боевую ярость. Танец явно выражал готовность нартов к бою (*Мотов* 1996, с.33-34).

Резюмируя изложенное, отметим, что рассказы античной традиции об «отважнейших псах» скифов связаны с общеиндоевропейскими представлениями о находившемся под покровительством тотема — волка (собаки) — мужском союзе. У скифов, по убеждению специалистов, были особенно развиты представления о молодых членах мужского союза как двуногих волках (псах). Показательно и то, что древняя традиция подвиги скифов в Передней Азии приписывала мобильному отряду воинов без женщин, т.е. настоящему мужскому союзу. Описание аналогичного союза скифских юношей оставил Геродот (*Доватур, Каллистов, Шишова* 1982, с.99, 101, 143, 145).

С мужскими союзами связано и представление о великих воинах, во время битвы впадавших в неистовство, превращаясь в псов-волков. Кажется верной догадка А.И.Иванчика о том, что имя пред-

водителя скифского отряда — Ишпакай (от *spaka* «собака») — не личное имя, а почетное прозвище главы войска членов мужского союза псов или волков. Возможно, упоминание пса-волка в запросе оракулу Шамаша, о котором говорилось выше, является лишь переводом почетного прозвища (имени) Ишпакая (*Иванчик* 1989, с.66-67).

Если предложенная конструкция верна, то мы имеем дело с подвижным отрядом молодых скифов и их военным предводителем (мужского союза) Ишпакаем. Интересен в этой связи сюжет из всеобщей истории Помпея Трога о скифах в период их владычества в Азии: «В это время двое скифских юношей из царского рода, Плин и Сколонит, изгнанные из отечества происками вельмож[6], увлекли за собой *множество молодежи*, поселились на капподокийском берегу...»

Разновидностью мужского союза у скифов являлся институт «друзей», насколько известно, впервые описанный Геродотом в разделе о похоронных обрядах. Скифов не царского рода, «когда они умрут, самые близкие родственники везут, положив на повозки, к *друзьям*. Каждый из этих (друзей), принимая сопровождающих у себя, обильно их угощает...» (*Доватур, Каллистов, Шишова, 1982*, с. 127). Э.А. Грантовский, подробно проанализировавший институт «друзей» у скифов, подчеркнул разнообразные функции членов такого союза: участие в походах, поддержка жизненными средствами, культовые связи, участие в похоронах и т.д. (*Грантовский* 1980, с.131-132, 141, 150; 1981, с.76-78). Но в таком случае перед нами фактически описание дружины или его ближайшего прообраза. Без особой натяжки можно сказать, что аналогичный воинский отряд возглавлял Ишпакай.

Подобная дружина, составленная из аланских юношей, существовала у царя Грузии V в. Вахтанга Горгасала. Очевидно, неслучайно царь носил прозвище «Горгасал» - «Волчья голова». По словам летописца Джуаншера, «Вахтанг соорудил себе шлем из золота и изобразил спереди Волка...» (*Джуаншер* 1986, с81). Да и имя царя — Вахтанг восходит к ираноязычной основе в значении «имеющий волчье тело» (*Абаев* 1949, с.87). В результате в сочетании имени царя с прозвищем получается, на первый взгляд, нечто несуразное: «имеющий волчье тело — волчья голова». Логичным в этой связи представляется предположение Р.Г.Дзаттиаты (1985, с.104-106) о том, что Вахтанг возглавлял дружину «волков». Поэтому его прозвище означало не «волчья голова», а «глава волков».

Смутный намек на молодежные дружины алан содержится у Мовсеса Хоренаци в описании событий начала н.э. Заключая мир с Арташесом, «царь» алан «дал клятвенные обещания, чтобы отныне *юноши аланские* (курсив мой — Ф.Г.) не делали набегов на Армянскую страну» (*Аланика* 2000, с.239).

Интересные сведения о юношеских годах первого «солдатского

императора» Рима Максимина (172/3 - 238 гг.) привел Юлий Капитолин (Двое Максиминов, I, 5-6; II, 1-2). Отец Максимина происходил «из страны готов», а мать — «из племени алан» и звали ее Габаба. Будущий император в раннем детстве «был пастухом, был он также *главарем молодежи* (курсив мой — Ф.Г.), устраивал засады против разбойников и охранял своих от нападений». Он обладал всеми качествами военного лидера — среди сверстников выделялся «огромным ростом», среди воинов — «своей доблестью, отличался мужественной красотой, неукротимым нравом, был суров... но часто проявлял справедливость».

Возможно, аналогичные воинские структуры существовали в Римской империи. Во всяком случае нумизматические памятники IV в. свидетельствуют об участии сыновей Константина Великого в сражениях с варварами на дунайском лимесе. Как показывают монеты Константина II, юный «предводитель молодежи» (родился в 316 г.) сопровождал отца в походах против сарматов. На аверсе одной из монет 322 г. он изображен в панцире; на реверсе — одетый в доспех Константин II, держа в руках шар и копье, попирает пленного сармата (*Абрамзон* 1999, с.185).

Примеры молодежных воинских отрядов находим в средневековой Средней Азии. Согласно анализу О.И. Прицака (1998, с. 25), во второй половине 50-х гг. XIV в. знаменитый Темур-ленг свой путь к славе начал, как в свое время и Чингисхан, с привлечения на свою сторону «*молодых* (курсив мой — Ф.Г.) авантюристов различного происхождения и стал их предводителем». Причем, число молодых сподвижников Темура было невелико. Кастильский посол, в 1403 г. направленный королем Генрихом III к великому эмиру, называет цифру 300 человек. Уроженец Дамаска Ибн Арабшах (1390-1407 гг.), который также путешествовал по империи Темура, назвал другую цифру - 40 дружинников. В любом случае, число «персональных сторонников Темура», его «неплеменное ополчение» (О. Прицак) было незначительным.

Следы мужских союзов находим и на средневековом Северном Кавказе. В «Книге познания мира» (1404 г.) архиепископ Иоанн де Галонифонтибус, описывая «Кавказские или Каспийские горы», среди примечательностей региона указал и то, «что там живут человекособаки — полусобаки и полулюди, которые бегают быстрее, чем олень» (*Галонифонтибус* 1980, с.15). Архиепископ, заимствуя данный сюжет у Плано Карпини (*Путешествие*...1957, с.48), писал далее об этих существах: «они имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо, как у собаки» (*Галонифонтибус* 1980, с.34 примеч.72). По нашему мнению, и в данном случае мы имеем дело с фольклорным отражением реального бытования мужского союза, поклоняющегося собаке.

В фольклоре народов Кавказа мир людей и мир волков суще-

ствуют хотя и параллельно, но практически взаимосвязано. Иногда эти миры пересекаются, создавая прецеденты кровного и молочного родства. В целом, как отмечает Ю.Ю.Карпов, традиция горцев наделяет волка свойствами тотемного животного. Культ волка у кавказских горцев имеет давнюю традицию. Возможно, с нею связано изображение трех голов волков на бронзовом навершии посоха из Тлийского могильника (XII-X вв. до н.э.). Интересен серебряный кубок середины II-го тысячелетия до н.э. из кургана Курух-таш в Триалети. На верхнем фризе кубка представлена композиция с изображением персонажей в волчьих костюмах (*Карпов* 1996, с.154-155). У предков осетин — скифов и сарматов — образ волка использовался в качестве одного из символов божества солнца, а позднее и Уастырджи /св. Георгия/ (*Кочиев* 1987, с.61). В традиционном пантеоне осетин особое место занимает покровитель волков - Тутыр, имя которого восходит к имени христианского святого Феодора Тирона, которому повиновались волки. Тутыр выступал одновременно и покровителем собак, из-за чего волки именовались «собаками Тутыра» (*Чибиров* 1984, с.99-100; *Кочиев* 1987).

Данные этнографии подтверждают бытование у горцев Кавказа особых воинских молодежных «волчьих» отрядов. Так, ежегодно 5 февраля в цезском селении Шаитли устраивается праздник *игби*. В качестве главных действующих лиц выступают «волки» *боци*. Они одеты в вывернутые наизнанку шубы, на головах маски, в руках — деревянные сабли. Сначала «волки» обходят селение и собирают ритуальные кольцеобразные хлеба. Боци не разговаривают с сельчанами, а свои распоряжения передают через сопровождающих их мальчиков. Приказы неукоснительно выполняются, ибо ослушников ждет наказание. Театральную агрессивность «волки» нередко проявляют к женщинам и пришедшим на праздник чужакам. В роли «волков» выступают юноши старше 15-16 лет и молодые мужчины (*Карпов* 1996, с.149-150).

Со временем, в условиях имущественной и социальной стратификации того или иного общества изменялись возможности членства в мужских союзах для малосостоятельных лиц, т.к. оно все больше зависело от размеров персональных взносов (*Карпов* 1999, с.9).

Мужские союзы не только у ираноязычных племен, но и других народов, являлись важным фактором институализации власти. Конечно, взаимоотношения мужских союзов и формальных вождей бывали различными, но в целом прослеживается тенденция к постепенному превращению союзов в реальную власть, как это было у населения полуострова Газели, некоторых племен Западной и Восточной Африки, тех же скифов и т.д. (*Куббель* 1988, с.143-148, 152; *Бочаров* 1993, с.241-242).

Из мужских союзов постепенно формировалась особая прослойка воинов-профессионалов, которым походы и грабежи давали глав-

ный, а затем и единственный источник существования. Эти воины, группируясь вокруг военного вождя, известного своими удачами, создавали внутри племени относительно автономную военную силу, на которую в случае необходимости этот вождь мог опереться в противовес соплеменникам. Такие специальные воинские отряды имели тенденцию к превращению в дружину.

Формирование дружины. Интересные данные по этому вопросу дают элитные могильники архаических скифов Северного Кавказа. Они содержат весьма наглядный материал по структуре военной организации ранних номадов, поэтому рассмотрим их подробнее.

Внутри военной организации скифов, если судить по кавказским материалам, четко прослеживается дифференциация. Среди погребальных комплексов составом и богатством сопровождающего инвентаря выделяется группа захоронений военной аристократии.

Со времени выхода работ М.И.Ростовцева, посвященных скифам, в науке твердо установилось мнение о скифской принадлежности прикубанских курганов: у ст. Келермесской, Костромской, Воронежа, Уля и др., а по времени они относятся к периоду возвращения скифов из переднеазиатских походов (*Ростовцев* 1918, с.34; 1925, с.310). Особо следует выделить Келермесские элитные курганы, т.к. они дают наиболее полную картину захоронений аристократии архаических скифов /В.М.Массон различает могилы 1) рядовых воинов, 2) состоятельных скифов, и 3) знати; в последней группе выделяются еще «царские» курганы (*Массон* 1976, с.174-176)/.

Из *кургана №1* Келермесса (раскопки Шульца) происходят такие замечательные предметы, как знаменитая золотая «пантера», украшавшая щит; акинак с золотой отделкой рукоятки и ножен; отделанная золотом парадная секира; золотая диадема в виде ленты, украшенная цветами и розетками, чередующимися с фигурками птиц и солнечными дисками; золотое навершие (наконечник) с изображениями свернувшегося хищника; бронзовые наконечники стрел. В архивных материалах среди находок упоминаются бронзовые удила, чешуйчатый панцирь и два копья.

В составе инвентаря *кургана №3* немало вещей, получивших всемирную известность: золотая диадема в виде ленты с розетками, подвесками и головой грифона в центре; серебряный ритон; два золотых украшения ручек ассирийского трона с львиными головами; круглая золотая пластина с изображением летящей пощади; и др.

Среди инвентаря *кургана №4* — золотое налучие с изображениями оленей и «пантер», серебряное зеркало, покрытое золотым листом с художественными изображениями; золотая пластина с изображением летящего барана; бронзовый котел: бронзовые и костяные наконечники стрел; два железных наконечника копий, один из которых длиной 70 см; и т.д. Размеры гробницы кургана № 4 — 10,65x10,65 м, вдоль западной стороны камеры лежали скелеты ло-

шадей. В одном из курганов, раскопанных в 1904 г. Н.И.Веселовским, обнаружены два бронзовых раннескифских шлема (*Ильинская, Тереножкин* 1983, с.58-72).

Согласно анализу М.И.Ростовцева, кубанские погребения скифских «царей» значительно сложнее описанного Геродотом. Покойника привозили на катафалке; в жертву приносилось огромное количество лошадей. Погребались «цари кубанских скифов в полном вооружении, в богатой одежде, с большим количеством драгоценной утвари». Заметную роль играли медные котлы, о которых говорил и Геродот, с кусками туш жертвенных животных, и большие греческие глиняные амфоры, вероятно, наполненные вином (*Ростовцев* 1918, с.63-64).

Из других погребений скифской знати примечателен 15-метровый курган в Уле. На глубине 5,5 м находилась платформа с останками около 50 лошадей. Чуть глубже — шатрообразная конструкция, а вокруг скелеты 360 (!) лошадей. Здесь же богатый сопровождающий инвентарь. Отметим и находку в Костромской богато украшенного щита, принадлежавшего, возможно, скифскому вождю (*Markowin, Muntschajew* 1988, S.86).

Выразительным памятником является Краснознаменский курганный могильник на Ставрополье, состоящий из 9 захоронений военной аристократии. *Курган №1* В.Г.Петренко считает возможным причислить к разряду «царских». Его высота изначально достигала 15 м, диаметр — 70 м, окружавший ров был 25-метровой ширины, глубина 3,5 м. К разряду захоронений высшей аристократии относятся курган 1984 г. на окраине Ставрополя и *курган №2* группы II у с. Новозаведенное. В этом же районе исследованы варианты менее богатых воинских захоронений VII-VI вв. до н.э. Высота насыпей доходила до 4,5 м, что свидетельствует о высоком социальном статусе погребенных, т.к. сооружение таких курганов требовало затрат труда значительного числа людей (*Степи*...1989, с.217-218).

Из археологических находок последних лет выделим результаты раскопок В.М.Батчаева (1985) у Нартана — селения, расположенного на Центральном Кавказе у лесистых гор Передового хребта. Погребенных в Нартановских курганах В.М.Батчаев справедливо относит «к привилегированной прослойке общества». На наш взгляд, их можно отнести к военно-служилой знати, дружинникам. Причем, судя по нартановским материалам, в среде скифской военной аристократии уже имела место дифференциация — достаточно сопоставить комплексы 9 и 10 или 20 и 21 (*Батчаев* 1985, с.27-30, 42-43, 45).

В социальном плане очень интересен курган № 16, хотя он оказался почти полностью разграбленным. Его выделяют самые крупные размеры, сложность погребального ритуала, посвящение усопшему нескольких коней, расположение камня-стеллы на вершине

насыпи (в отличие от курганов 11, 17, 20, где они были скрыты под курганной насыпью), что также подчеркивает особый социальный статус покойного. Здесь же обнаружены остатки железного пластинчатого панциря и железного меча, которые традиционно рассматриваются в качестве атрибутов власти (*Мелюкова* 1964, с.46; *Батчаев* 1985, с.45). Рукоятка одного из мечей и ножны имели золотую обкладку из тонкого листа. Можно предположить, что в кургане № 16 погребен дружинный вождь. Курганы № 9 и 20 по размерам и богатству инвентаря также можно отнести к захоронениям вождей.

Большинство курганов содержало по два одновременных захоронения; одно обычно находилось в скорченном положении и сопровождалось незначительным инвентарем кобанского типа; другое — в вытянутом положении, отличалось богатством и набором скифского вооружения. Вполне резонно предположение об этнических различиях между погребенными и зависимым положением первого.

Заметное место в нартановских комплексах занимают оружие и доспехи. Почти в каждом кургане обнаружены наконечники стрел (от 1-3 до 100 и более), в 9 могилах найдено по одному наконечнику копья, а в одной — сразу два. Защитный доспех представлен остатками пластинчатых панцирей, обнаруженных в 5 погребениях (в двух случаях пластины были железными), и литым бронзовым шлемом. Последний аналогичен шлемам т.н. «кубанского» типа. Из 7 известных подобных находок две приходятся на Центральный Кавказ и 5 — на Прикубанье (VI в. до н.э.).

Нартановские находки кардинально меняют устоявшиеся представления о месте и роли тяжелой (панцирной) конницы (дружины) в структуре войска ранних скифов. Со времен Геродота, назвавшего скифов превосходными стрелками, бытовало мнение, что их основное оружие — лук и стрелы. Археологические материалы вроде бы говорили об этом же, т.к. во многих мужских (а после раскопок А.И.Тереножкина — и в женских) погребениях обнаружены наконечники стрел. Вплоть до недавнего времени не признавалось наличие у скифов эффективного оружия ближнего конного боя. Акинак — короткий меч (длиной 40-60 см) для этой цели явно непригоден, длинных рубящих мечей было известно мало, значение короткого копья недооценивалось, а использование длинных копий отрицалось.

Начнем с длинных мечей. Только в ходе последних раскопок в Кабардино-Балкарии[8] их обнаружено несколько; и не только в Нартане, но и, например, у сел. Лечинкай Чегемского района (*Батчаев* 1985, с.15). Вообще же, по данным А.И.Мелюковой, (1964, с.46-47) такие мечи у скифов составляли около 15% от найденных ; при этом мечи длиной до 1 м и более встречались редко, а самые ранние экземпляры (VII в. до н.э.) происходят с Северного Кавказа (*Степи*...1989, с.93). Очевидно, надо согласиться с А.М. Хазановым (1971, с.69): мечи у скифов не стали ведущим оружием и встречаются, преимущественно, в погребениях аристократов (дружинников). В

этой связи напомним, что наиболее архаичные мечи (VII в. до н.э.) в ножнах с золотой обкладкой, были *парадными*; их поразительное сходство объясняется производством в одной и той же мастерской, хотя один меч найден в Келермессе на Северном Кавказе, а другой — в Мельгуновском кургане Северного Причерноморья (*Черненко* 1980). Это еще раз свидетельствует о принадлежности мечей элите скифского общества.

Второстепенное значение меча в вооружении всадника отмечено античными авторами (см., например: Плутарх. Александр. XVI). Ксенофонт (О коннице. XII. 11-12), подробно описывая снаряжение конника, меч не упоминает (*Черненко* 1971, с.361). В то время как у сарматов, по Т.Сулимирскому, во II в. до н.э. длинные мечи вместе с пиками стали главным оружием (*Сулимирский*//Архив СОИГСИ, с.18).

Другой вид наступательного вооружения скифов — копья длиной, как правило, 1,7 — 2 м. Но еще у ранних скифов появились копья длиной 2,5-3,1 м. Е.В.Черненко называет их «штурмовыми» по аналогии с копьями тяжеловооруженных сарматских воинов, изображенных на стенах боспорских склепов. Если короткое копье держали в одной руке, то длинное — в обеих. Им можно было достать как конного, так и пешего воина. Целые пики найдены в кургане VI в. до н.э. в Подолии (Т.Сулимирский) и на Никопольщине (А.И.Тереножкин). Если размеры могилы не позволяли положить копья целыми, их ломали (*Черненко* 1984, с.231-234). В Нартановском могильнике обнаружено 10 наконечников копий; В.М.Батчаев по наконечнику и сохранившимся деталям одного из них восстановил возможную длину копья — 2,75 м (*Батчаев* 1985, с.30).

Из предметов защитного доспеха ранних скифов реже всего встречается щит. В архаичных материалах Северного Кавказа их крайне мало, но они интересны. Вспомним отмеченный выше щит со знаменитой золотой «пантерой» из Келермесского кургана № 1. В Костромском кургане VI в. до н.э. на Северном Кавказе обнаружен круглый щит, покрытый сплошной железной пластиной; в центре эмблема — золотой олень. Из более поздних находок отметим щит с покрытием из железных пластин, найденный в кургане IV в. у г. Орджоникидзе; на нем укреплена массивная бронзовая рыба (*Степи*...1989, с.94). Редкие находки щитов объясняются не ограниченным их использованием, а плохой сохранностью дерева, из которого чаще всего изготовлялись щиты (Е.В.Черненко).

Представители скифской военной аристократии имели и более основательное защитное вооружение — (кожаные) панцири с пластинчатым набором (железным, бронзовым, костяным). Т.Сулимирский появление данного вида защитного доспеха на юге России в VII-VI вв. до н.э. связывал со скифами. Первые панцири, по его мнению, изготовлялись из бронзовых пластин; постепенно они дополнялись широкими боевыми ремнями, сделанными либо из ма-

леньких железных или бронзовых пластинок, либо из длинных узких полосок, нашитых на кожу, и латами из толстой кожи (*Сулимирский//* Архив СОИГСИ, с.18-19). Наиболее ранняя северокавказская находка остатков панциря из кургана № 9 у хут. Красное Знамя датируется VII в. до н.э. (*Степи*...1989, с.94). В Нартановском могильнике обнаружены остатки 5 панцирей: двух из железных пластин, двух из бронзовых и железных, одного — из костяных.

На основании новых находок В.Р.Эрлих недавно пересмотрел традиционную дату появления наборных чешуйчатых панцирей и поясов на юго-востоке Европы — VI в. до н.э. — и согласился с мнением В.И. Козенковой об их появлении на Северном Кавказе в новочеркасское время (с рубежа VIII-VII вв. до н.э.). К переднеазиатским истокам восходят появившиеся в комплексах Новочеркасского клада колесницы и колесничья упряжь. Они выступают как атрибут наиболее значимых воинских погребений и возникают, скорее всего, под влиянием знакомства с войском Ассирии и Урарту во главе с предводителями-колесничими. Согласно В.Р. Эрлиху (1994, с. 84-86, 119-122), упряжь колесницы на Северном Кавказе была, вероятно, индикатором принадлежности их носителей к сословию воинов-колесничих, аналогичных древнеиранской касте «стоящих на колеснице».

Шлемы, кажется, не являлись обязательными даже для самых знатных и богатых скифов. На это указывает, например, отсутствие шлема в Чертомлыке — одном из самых богатых курганов (если, правда, он не был оттуда похищен). Данный вид защитного доспеха скифам известен еще в VII в. до н.э. Поскольку большинство находок шлемов сделано в Прикубанье, основным местом их производства считается Северный Кавказ (*Батчаев* 1985, с.40-41) (в древностях VI в. до н.э. их обнаружено 7). Интересен бронзовый шлем из Фаскау Северной Осетии, найденный П.С. Уваровой. Последняя находка такого рода — бронзовый шлем из Нартана: полусферической формы, с вырезом для глаз в виде двойной арки. Вдоль нижнего края шлема по окружности — 9 отверстий для прикрепления кожаной бармицы (там же).

Имеются определенные основания для постановки вопроса об использовании средств тяжелой защиты для боевого коня. Геродот, описывая вооружение массагетов, отмечал: «Точно так же лошадям на грудь они надевают медные панцири...» (*Доватур, Каллистов, Шишова* 1982, с.93). Собственно скифские материалы по этому важному вопросу еще крайне малочисленны. Возможно, это связано с недостаточной изученностью скифских памятников Северного Кавказа. Тем не менее, уже имеющийся материал позволяет предположить использование скифами средств защиты и для коня. Возможно, для этой цели служили конские массивные бронзовые налобники (*Черненко* 1971, с.37).

В связи с рассматриваемым вопросом интерес представляет тип

скифских каменных изваяний, которые обычно изображают наиболее полно вооруженных воинов. Из учтенных В.Г.Петренко пяти статуй на всех были широкие боевые пояса, на четырех — шлемы, панцири, мечи, у трех изображены топоры, колчаны, ногайки (чем подчеркивалась принадлежность изображенного лица к всадничеству) (*Петренко* 1986, с.169).

Известные на сегодня северокавказские археологические данные о видах вооружения и защитного доспеха всадника и его коня у скифов позволяют нам присоединиться к высказанной почти четверть века назад гипотезе Е.В.Черненко о существенной роли тяжелой (панцирной) конницы (дружины) в структуре военной организации ранних скифов. Более того, судя по Нартановскому могильнику, внутри самой дружины имела место дифференциация (иерархия).

Возникновение тяжелой конницы традиционно связывается с Передней Азией. Так, А.С.Юнусов полагает, что восточное рыцарство генетически восходит к панцирной коннице Древнего Востока. Вооружение всадников III-I вв. до н.э. состояло из тяжелого доспеха, нередко закрывавшего тело воина до колен, шлема, копья, меча, иногда лука со стрелами. Зачастую доспех имели и лошади. Этих конных воинов в античной литературе именовали катафрактариями (от греч. «катафракта» — доспех воина) (*Юнусов* 1986, с. 101).

По мнению Т.Сулимирского, тяжелая кавалерия была известна еще ассирийцам; от них ее заимствовали скифы и сарматы. К концу IV в. до н.э. хорезмийцы и массагеты сформировали специальные подразделения тяжеловооруженной кавалерии и разработали особые способы ее использования в бою. Катафрактарии вели сражение в тесном боевом порядке (в отличие от средневековых рыцарей, исход боя решавших в индивидуальных поединках). Распространителями этой тактики в Европе, как полагает ученый, были сарматы (*Сулимирский//*Архив СОИГСИ, с.19). Сходных взглядов придерживается и А.М.Хазанов (1971, с.67-75).

М.Б.Щукин полагает, что новая тактика конного боя и новый род войск — тяжеловооруженная конница катафрактариев — родились у азиатских кочевников в столкновениях с греко-македонскими армиями Александра и его наследников, что позже сыграло свою роль, когда столкнулись Парфия и Рим (*Щукин* 1994, с.140).

Приведенные выше скифские материалы дают право предполагать, что именно у них в конце VII-VI вв. до н.э. (а может быть и раньше) оформилась тяжелая конница. Тактика скифской панцирной конницы не отличалась, очевидно, от тактики катафрактариев других народов и регионов. Косвенные данные об этом приводит Диодор в описании борьбы наследников Перисада за боспорский престол в конце IV в. до н.э. Союзниками одного из братьев — Сатира — «были греческие наемники в числе не более двух тысяч и столько же фракийцев (сираков — Ф.Г.), а все остальное войско состояло из

союзников-скифов в количестве двадцати с лишком тысяч пехоты и не менее десяти тысяч всадников» (*Диодор* 1991, с.154).

Как видно, войско Сатира фактически состояло из скифов; не удивительно, что оно было выстроено «по скифскому образцу». Сам Сатир «по скифскому обычаю стал в центре боевого строя... окруженный отборными воинами»; в последних можно усмотреть панцирную конницу. Именно она сыграла решающую роль в битве на р. Фат. Сначала «отборные воины» (катафрактарии) скифов в кровопролитной схватке разбили свиту царя противника, как и скифы стоявшую «в центре боевого строя» (видимо, также панцирная конница), а затем, изменив направление удара, разгромила пехоту противника (там же, с.154-156).

Резюмируя изложенное, присоединимся к мнению Е.В.Черненко: у скифов Северного Кавказа еще в VI в. до н.э. (а не в сарматских степях IV-II вв. до н.э.) «появилась сильная конница, способная успешно сражаться в открытом бою с конным и пешим противником» (Черненко 1971, с.38). Возможно (в свете последних изысканий В.И.Козенковой и В.Р.Эрлиха), эту дату можно будет удревнить до рубежа VIII—VII вв. до н.э.

Таким образом, у скифов Северного Кавказа в период переднеазиатских походов оформилась панцирная конница – дружина. Внутри специальных отрядов конных воинов существовала определенная иерархия, нашедшая отражение в дифференциации погребальных памятников и сопровождающего инвентаря. Появление у скифов Северного Кавказа слоя новой, военной по происхождению, аристократии, свидетельствует о далеко зашедшей социальной стратификации. Позиции военной аристократии характеризует тот факт, что главное оружие военной аристократии – меч – стал символом бога войны Ареса (*Бессонова* 1983, с.23). В этой связи привлекает внимание большой курган Синташты в Азии, определяемый археологами как погребальный комплекс, трансформированный в святилище. Конструкция этого кургана, при сооружении которого каждый ярус камеры-клети на 3/4 заполнялся камышом, напоминает описанное Геродотом (со слов информаторов) возведение «в каждой области скифов святилища Ареса», на вершине которого водружался железный меч. Почитание божества-покровителя воинов В.М.Массон склонен («скорее всего») возводить к эпохе степной бронзы, когда появились боевые колесницы, совершившие переворот в военном деле древнего мира (*Массон* 1994, с.3). С.С.Бессонова относит это событие ко времени архаических скифов, особо подчеркивая, что символом бога войны стал меч – главное оружие формирующейся военной аристократии (*Бессонова* 1983, с.23).

Фольклорное отражение этого явления находим в эпосе осетин. Бог-воин, бог-меч грозный Батрадз преследовал других языческих богов. Где он их настигал, там и убивал (*Нарты каджыта* 1975, с.245-247). По верному наблюдению Ж.Дюмезиля, «хотя Батрадз и

не Арес, спустившийся в ранг эпического персонажа, все же это эпический персонаж, соответствующий по природе Аресу ...» (*Дюмезиль* 1990, с.14).

Скифы ежегодно нагромождали гору хвороста, служившую пьедесталом для бога-меча Ареса, и вокруг нее во множестве приносили в жертву пленных и животных. Точно так же в эпосе нарты устраивали для бога-меча Батрадза нагромождение из ста возов обгорелых деревьев, а вокруг находились люди, затем поголовно перебитые Батрадзом (*Абаев* 1982, с.51; *Дюмезиль* 1976, с.253-257; 1990, с.22-23). Акт рассечения мечом представлялся язычникам творческим актом, воплощением рассечения Хаоса божественным фаллосом, в результате чего возникло Мироздание. В связи с этим слова со значением «меч» иногда соотносятся со словами со значением «жить». Сравним гот. h*airius* «меч» с осетин. *caryn* «жить» (*Маковский* 1996, с.210).

Кроме нартовского, во многих других эпосах мира меч отождествляется с молнией — атрибутом бога-громовержца. Вспомним меч-молнию Индры, пламенеющий меч Вишну, происхождение из молнии священного меча в японском мифе. Интересно, что в Ветхом Завете в Книге Пророка Иезекииля в уста Господа вложены следующие слова: «скажи: меч, меч наострен и вычищен... вычищен, чтобы сверкал, как *молния*». И немного далее вновь повторяется: «вычищен для истребления, чтобы сверкал как *молния*» (*Библия* гл. XXII, 9, 10, 23).

В некоторых мифах меч, изготовленный из небесного огня, является оружием богов и культурных героев, сражающихся с чудовищами - Мардук, разрубающий Тиамат; архангел Михаил, мечом карающий Люцифера, и др. (*Мифы*...1992, с.149).

Культ меча был присущ не только скифам. Аммиан Марцеллин указывал на аналогичный культ у алан: «У них нельзя найти ни храмов, ни святилищ... Однако они вонзают в землю меч и после варварского обряда поклоняются ему, как Марсу, покровителю тех мест, в которые они вторгаются» (перев. Я.Лебединского). В отличие от скифов, у алан символом Марса служил не короткий меч — акинак, а длинный меч — оружие аристократов. Вероятно, от алан культ меча переняли готы. Позднее миф, в центре которого был меч бога войны, переняли гунны; стать обладателем этого меча мечтал Аттила. По словам Приска, уверенность Аттилы «укрепилась еще больше, когда был найден меч Марса, который скифские цари всегда держали при себе». В средние века скифский культ меча, возможно, имел еще одно продолжение: меч играл важную символическую роль у рыцарей (ритуал посвящения в рыцари, хранение в головке различных реликвий, крестообразная, наподобие христианского символа, форма меча). Подобная значимость меча, истоки которой нельзя найти ни у римлян, ни у германцев, вполне могла быть унаследована от алан в период Великого переселения народов (*Лебединский* 1997, с.196-200).

Итак, меч — оружие военной элиты, всадников — у ираноязычных племен очень рано стал символом бога войны, тем самым подчеркивая особый статус военной аристократии — членов специальных отрядов профессиональных конных воинов.

Возможно, такому военному отряду с внутренней иерархией принадлежал могильник Бесшатыр в Казахстане. К низшему слою дружинников (при всей условности данного понятия применительно к рассматриваемому времени) принадлежали малые курганы высотой 1-2 м и диаметром 6-18 м. Один из таких — курган № 25 — дал довольно обильный материал. В нем были погребены два воина. У каждого с правой стороны лежали железные акинаки, а с левой — остатки колчанов с бронзовыми наконечниками стрел (всего около 50); на остатках одного из колчанов — два украшения в виде спаянных крупных золотых зерен. Слева от одного из погребенных — остатки деревянного щита и пояса.

В дополнение к Бесшатырским укажем на курган 12 могильника Жуантобе, в 1956 году раскопанного алма-атинскими археологами Е.И.Агеевой и А.Г.Максимовой. Он имел насыпь высотой менее 0,5 м и диаметром 10 м. При очевидной бедности сопровождающего инвентаря особенно выразительно захоронение коня с украшенной конской сбруей (*Ставиский* 1966, с.103, 110, 112).

Знатным воинам, отличившимся в походах, принадлежали курганы высотой 5-6 м и диаметром 30-45 м. Показательно захоронение знатного воина в кургане Иссык высотой 6 м и диаметром 60 м. В подкурганной площади обнаружено два захоронения. Центральная могила из-за неоднократных ограблений полностью деформирована. Боковая могила оказалась непотревоженной, останки захороненного и погребальный инвентарь сохранились полностью. Среди предметов выделим золотые пластины, бляхи и бляшки различных форм, золотую статуэтку архара, золотые перстни и т.д. Из оружия обнаружены остатки железного меча, кинжала и ножен, золотой наконечник стрелы. Всего в данном кургане найдено свыше четырех тысяч золотых предметов, бронзовое зеркало, 31 глиняный, металлический и деревянный сосуды, серебряная ложка и т.д. Реконструированный кафтан погребенного представлял собой роскошную одежду, сплошь украшенную золотыми бляхами, «и скорее напоминал сверкающий чешуйчатый панцирь, чем просто кафтан». Поверх кафтана находился парадный, тяжелый и массивный пояс, украшенный 16 золотыми бляхами-накладками. По заключению К.А.Акишева, пышность и богатство одежды иссыкского сака были рассчитаны не только на внешний эффект. «Главное назначение одежды было в возвеличении личности вождя, возведении его в ранг солнцеподобного божества» (*Акишев* 1978, с. 10, 15, 17, 23, 49-56).

Размеры Кургана Иссык относятся ко второй группе (по принятой классификации) и явно уступают так называемых элитным, «царским» курганам[10]. Но богатейший сопроводительный инвентарь

позволяет видеть в погребенном обладателя высокого социального статуса. Б.А.Литвинский счел даже возможным этот курган назвать «княжеским захоронением» (*Литвинский* 1982, с.34). Правда, определение «княжеский» кажется привнесенным из другой эпохи. Часть инвентаря иссыкского кургана обычна для погребений знатных воинов во всей евразийской степи: оружие, посуда, богатая утварь. Золотую стрелу и плеть с золотой рукоятью Е.Е.Кузьмина сопоставила с авестийским рассказом о том, как верховный бог Ахура Мазда вручил золотую стрелу и хлыст первому царю иранцев Йиме — сыну солнца, чтобы тот расширил землю, ставшую тесной для скота и людей. С тех пор золотая стрела и хлыст стали эмблемами владык ираноязычных племен (*Кузьмина* 1977, с.91). Учитывая то обстоятельство, что курган Иссык не относится к элитарным, но имеет богатый сопровождающий инвентарь, погребенного в нем следует считать не вождем племени, а военным предводителем, или военным вождем[11].

Вместе с тем, специалисты обратили внимание на то, что наряду с предметами, символизирующими власть и воинское сословие, в иссыкском кургане найдены предметы, характерные для жрецов (шаманов) — бронзовое зеркало с кусочками охры и расшитая символическими украшениями шапка. Согласно Л.А.Лелекову, погребенные в «царских» усыпальницах Приаралья вожди архаических ираноязычных племен являлись носителями религиозно-магической и воинской функций (*Лелеков* 1976, с.9).

В этой связи здесь уместно привести наблюдение В.И.Абаева, по которому до появления металлов «люди больше верили в колдунов, чем в воинов». Однако затем резко возросла роль вооруженного металлическим оружием бойца. Герой-воин стал теснить героя-шамана. Переходный период разложения родового строя, перехода от шаманской к воинской идеологии создал и героя переходного периода: полуворин-полуколдун (*Абаев* 1994). В нартовском эпосе таким героем является, например, Сослан. Если другой герой-воин — Батрадз полагается только на *тух* «силу», то Сослан, помимо силы, нередко прибегает к *хin* . Это слово имеет два значения: «хитрость» и «колдовство» (*Абаев* 1989, с.201-202). Интересно, что в кабардинском варианте нартовского эпоса Сослан, как подчеркивал Л.Г.Лопатинский, «скорее волшебник, чем богатырь» (*Лопатинский* 1891, с. 19).

Возможно, знатный воин из иссыкского кургана был таким героем переходного периода.

В комплексах кочевников последних веков до н.э. появляются длинные мечи и защитное вооружение, свидетельствующее о наличии слоя катафрактариев в войске номадов той поры. Так, например, в могильнике Гяур-IV (Присарыкамышская дельта Амударьи) в курганах 2 и 6 найдены длинные мечи, аналогичные мечу из кургана 63 могильника Тумек-кичиджик. Эти длинные всадические

мечи, очевидно, предназначались для борьбы с такими же тяжеловооруженными всадниками. Подобным оружием поражают друг друга воины на бляхе из кургана 2 Орлатского могильника. Существование в Приаралье тяжелого доспеха уже в III-II вв. до н.э. подтверждается находкой пластинчатого панциря в мавзолее Чирик-Рабата и изображением катафрактария на лошади, покрытой защитной попоной-доспехом, на фрагменте фляги из Хумбузтепе (*Маслов, Яблонский* 1996, с.172-174).

К этому же времени относится длинный меч из богатого сарматского погребения у с. Володарка в Приуралье. Наличие в могиле импортных фаларов, возможно, указывает на участие погребенного воина в грабительских походах на эллинистическом Востоке (*Мордвинцева* 1996а, с.148-149, 155).

Интерес исследователей вызвали изображения катафрактариев на рельефах зала усадьбы вождя юечжей в Халчаяне на среднем течении Сурхандарьи. П.Бернар и К.Абдуллаев (1997, с.69) полагают, что «речь идет о сцене сражения, где легкая кавалерия юечжей побеждает тяжелых катафрактариев. То, что две группы четко представлены как противники, подтверждает панно, где изображена царская фамилия. Один из юечжей держит у ног кирасу катафрактария, как бы демонстрируя трофей, завоеванный у врага». В катафрактариях Халчаяна ученые видят «других кочевников, с которыми столкнулись юечжи во время завоевания Бактрии». Это могли быть «саки» или «сакарауки» (там же, с.71, 73).

Катафрактарии изображены на стене дома богатого горожанина Дальверзинтепе — памятника, расположенного на среднем течении Сурхандарьи. Обращают на себя внимание изображение коня в панцирном намордник, профильное изображение воина в шлеме. Еще более показательны батальные сцены на костяных пластинах из Орлата (Рис.1). Примечательную особенность вооружения на пластинах представляют доспехи — панцирь с высоким бронированным воротом. Из оружия наступательного боя представлены длинные мечи и штурмовые копья (там же, с.73-84).

Высокая насыщенность изображений деталями превращает орлатские пластины в первоклассный исторический источник. В связи с этим актуальной становится проблема их датировки. Курганный могильник, откуда происходят данные пластины, был исследован Г.А.Пугаченковой. Исходя из сведений письменных памятников о крушении Греко-Бактрии и возникновении на ее территории пяти «домов кангюй», она определяла дату комплекса концом II-I вв. до н.э. — началом н.э. Сами же археологические материалы трактовались как свидетельство перехода к оседлости пришлых номадов, «конного народа — кангюйцев». Предлагались и другие даты; разброс мнений доходит до пяти столетий. Сарматологи (В.К. Гугуев, С.А. Яценко, М.Ю. Трейстер) сравнивали некоторые детали орлатских пластин с деталями парадной упряжи из кургана 10 Кобяков-

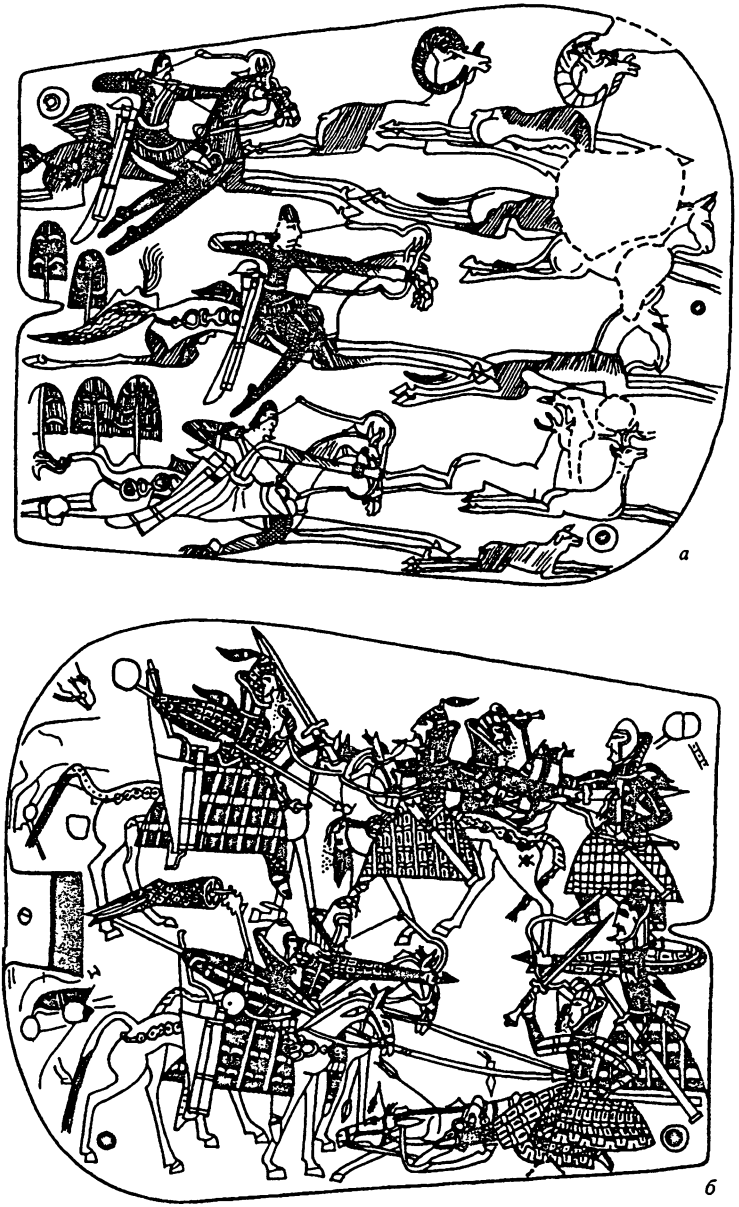

Рис.1. Большие костяные поясные пластины из Орлата (Узбекистан), по Г.А.Пугаченковой

ского некрополя, с изображением на кубке из Косики (*Маслов* 1999, с. 219). Из последних работ на эту тему выделим статью П.Бернара и К.Абдуллаева (1997, с. 75-84), где орлатские пластины датируются II-I вв. до н.э., а сам могильник связывается с тохарами. В монографическом исследовании Дж.Я.Ильясова и Д.В.Русанова отстаивается кангюйская принадлежность комплекса и дата – I-II вв. н.э. Этот хронологический рубеж поддержал и В.Е. Маслов (1999, с. 229). Он же обратил внимание на наличие индивидуальных черт доспехов (несмотря на общее сходство) всех орлатских воинов в батальной сцене. Они состоят из приталенных курток с высокими стоячими воротниками, длинными рукавами. Нижнюю часть тела воинов прикрывала длинная широкая юбка-набедренник с двумя разрезами для посадки на лошадь. Защитный доспех орлатских воинов дополняли шлемы; у трех воинов изображены покрытые нашивными бляшками штаны. Интересно, что над головой всадника в центре композиции развивается закрепленный на древке расшитый «змеевидный» штандарт, аналогичный штандартам европейских сарматов. Отметим также признаки искусственной деформации черепа некоторых всадников. Такой обычай фиксируется на изображениях правителей на согдийских монетах конца I в. до н.э., и особенно I-II вв. н.э. Кольцевую деформацию имел череп женщины из погребения 6 I в. н.э. некрополя Тилля-тепе (*Маслов* 1999, с. 220-225).

Несомненный интерес представляют изображения кочевников, найденные на городище Кампыртепа (правый берег Амударьи в 30 км к западу от Термеза) – одном из немногих памятников правобережной Бактрии. На одеянии одной из терракотовых фигур распознается металлический диск, нашитый на кожаную или матерчатую основу. По всей видимости, это элемент панцирного защитного вооружения воина. О воинской принадлежности данного персонажа свидетельствует и изображение одеяния с длинными продольными линиями различной частоты – условная передача нашитых пластин. К.А.Абдуллаев так реконструирует доспех персонажа: верхняя его часть – «бронированная куртка с круглой сплошной пластиной, закрывающей грудь (кираса ?) и нашитыми продольными пластинами. Нижняя часть – расширенная книзу юбка с такими же нашитыми металлическими пластинами». Аналогичные колоколовидные бронированные «юбки» многократно засвидетельствованы на пластинах из Орлата. На одной из скульптур Халчаяна панцирный доспех показан в виде длинного, расширяющегося книзу платья. Подобную форму бронированного костюма имеют изображения на монетах сако-парфянский и сако-индийских правителей. Очевидно, благодаря именно сакским племенам панцирный доспех распространился на Индийском субконтиненте (*Абдуллаев* 1998, с. 84-85, 87-89).

С начала н.э. панцирные доспехи распространяются в юго-восточной Европе, возможно, непосредственно или под влиянием ираноязычных номадов с востока. Примечательна в этом отношении

сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (Рис.2). На нижнем фризе облаченный в панцирную рубаху, вооруженный копьем всадник атакует в опорном галопе. Своим длинным копьем он поражает насмерть уже раненного стрелой, упавшего с коня противника. Перед этой сценой изображен стрелок без панцирного доспеха, также мчащийся в опорном галопе. У разных сарматских всадников совершенно четко проявляется социальная дифференциация. Вооруженный копьем атакующий конник облачен в роскошный чешуйчатый панцирь с вырезом на груди, состоящим из меньших по размеру чешуек. Он вооружен также мечом и луком. Длинные волосы и наложенная на лоб повязка, по мнению Х. фон Галля, намекают на то, что речь идет о представителе сарматской элиты. В противоположность ему поверженный с лошади противник не покрыт панцирем. Без панциря изображен и конник, стреляющий из лука. Очевидно, противник катафрактария и лучник были представителями более низкого сословия (*фон Галль* 1997, с.175,177).

Сцена на сосуде из Косики перекликается с описанием Плутархом битвы при Каррах 53 г., в котором войско парфян подразделялось на незнатных, выступавших как незащищенные панцирем лучники, и на элиту — одетых в тяжелые панцири всадников с пиками. При этом на долю лучников выпадала задача измотать противника длительным обстрелом из луков, тогда как катафрактарии на заключительном этапе сражались, встречая минимальное сопротивление. Так и на сцене на серебряном сосуде из Косики: поверженный противник и его конь ранены стрелами. Можно предположить и здесь начальную фазу сражения, в которой лучники обстреляли противника, и лишь затем в дело вступили катафрактарии (там же, с.179).

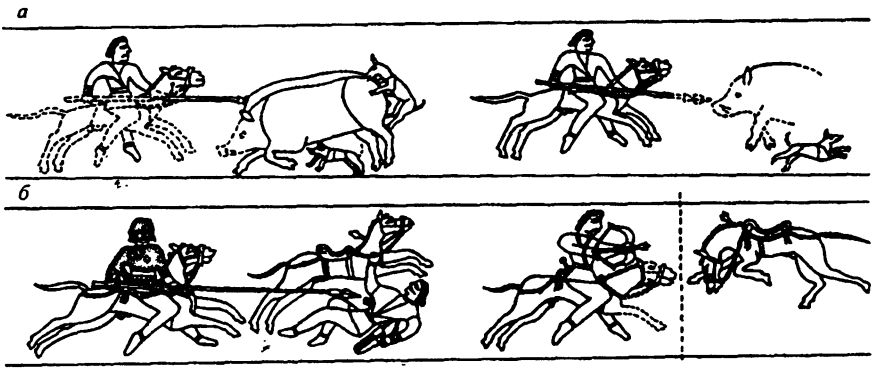

Рис.2. Фриз кубка из Косики (Астраханская обл.), по В.В.Дворниченко, В.К.Гугуеву

Несколько сцен поединков с участием катафрактариев изображены на росписях склепов Пантикапея (Рис.3). На Стасовском склепе (1872 г.) такая сцена нанесена на заднюю стенку погребальной камеры. Главный персонаж — мчащийся в развернутом галопе всадник с длинной пикой (контосом), которую он держит двумя руками. Всадник облачен в чешуйчатую панцирную рубаху с короткими рукавами, на голове составленный из отдельных пластин шлем. Среди его противников выделяется такой же катафрактарий. Следующая батальная сцена встречена на склепе Ашика (1841 г.). Среди нескольких изображений катафрактариев особенно интересны два всадника в длинных панцирных кафтанах. На склепе 1873 г. изображен поединок всадников (там же, с.182-188).

Появление катафрактариев означало оформление специального отряда всадников-аристократов, занимавшего автономную позицию в структуре войска номадов. Его с полным основанием можно назвать дружиной. Хрестоматийным примером описания такого элитного отряда стал сюжет из Тацита о вторжении 9 тысяч сарматских катафрактариев в Мезию. Причем, как у сарматов, так и у других ираноязычных племен, структура войска, выражая в военной сфере основные принципы социальной организации общества, состояла, практически, из кавалерии. Пехота, если и существовала, то не играла существенной роли. Кавалерия состояла из двух частей: легковооруженных лучников из рядовых воинов, и тяжеловооруженных всадников-аристократов. Из среды дружинников постепенно складывался новый тип знати — военная аристократия, со временем по-

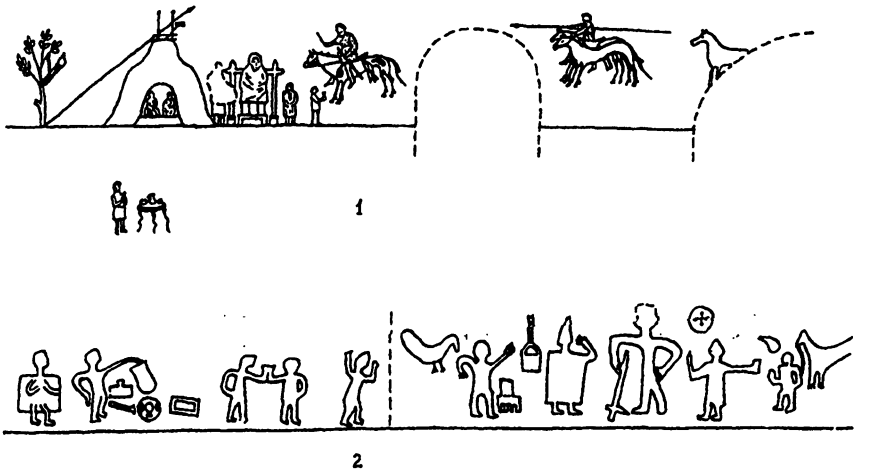

Рис.3. 1 — роспись «склепа Анфестерия», 2 — роспись на склепе с реки Кривой

теснившая представителей старой родоплеменной знати и в конечном счете захватившая управление социумом в свои руки. Этот процесс характерен не только для номадов рубежа н.э., но и для других ЭСО в иные времена, например, для северокавказских алан, хазар, гуннов, Оногуро-Булгарской конфедерации VI-VII вв. (*Гутнов* 1990). Вместе с тем существовали ЭСО, члены которых успешно противостояли попыткам выделения военной аристократии и усилению ее социальной роли. Так, в ряде обществ средневекового Дагестана существовала система постоянной смены воинов в отрядах, что препятствовало превращению военного дела в ремесло и выделению военной элиты, становившейся над рядовыми соплеменниками (*Карпов* 1996, с.132). Тем не менее, основная тенденция развития политогенеза в обществах военной иерархии одерживала верх и военная аристократия рано или поздно становилась ключевой силой в управлении социумом.

Вождь. Особая роль дружины в процессе социогенеза особенно выпукло видна на примере эволюции статуса ее лидера. Хорошей иллюстрацией к этому является эволюция статуса главного героя Ригведы. Образ Индры воплощал предводителя военного отряда юношей; сам он принадлежал к этой же возрастной группе живших разбоями и войной, составлявших отборные отряды воинов — основную ударную силу раннего социума при конфликтах с соседями. То, что Индра впоследствии становится воплощением идеального царя, показывает, что институт власти вождя и затем царской власти вырастает из власти военного предводителя отрядов юношей-воинов (*Кулланда* 1995, с.118).

Лидерство и выбор вождя в ранних общественных структурах во многом основывались на превосходстве личных качеств: отваги, мужества и т.д. Конечно, в процессе классообразования, как таковом, в разных районах мира значительными являлись не только функции военного лидерства, ибо военная иерархия — не единственная форма политической организации общества в период разложения первобытного строя. В условиях развития сложных хозяйственных комплексов, например, крупномасштабного поливного земледелия, определяющую роль приобрела функция хозяйственного лидерства (*Массон* 1980, с.15). «У арапеш в связи с исключительным местом изобразительного искусства в системе ритуалов, игравших огромную роль, руководство общественными делами возлагалось на художников и скульпторов» (*История первобытного*...1986, с.398). Соответственно формирование правящей группы зависело не только от исполнения важных общественных функций, но и от разных норм психологической организации (*Артемова* 1987, с.110). В.П.Алексеев убедительно показал противопоставление характеров лидеров в охотничьей и земледельческой общинах. Если в последней глава коллектива — человек, придерживавшийся традиций, степенный, более детектор, чем генератор, то предводитель охотников — личность с ак-

тивным и богатым ассоциациями поведением, волей, решительностью и смелостью (*Алексеев* 1971).

В обществах, где лидерство функционировало главным образом в военной сфере, основными качествами лидера считались агрессивность, смелость, военный талант. Вспомним, например, говорящее имя одного из противников Дария — предводителя саков Скунхи, чье имя означает «отличившийся».

В обществах военной иерархии большое внимание уделялось воспитанию в детях агрессивности, честолюбия, задиристости, хвастовства, стремления к первенству среди сверстников — т.е. качеств, помогавших в борьбе за лидерство (*История первобытного* ...1986, с.391, 398; *Артемова* 1993, с.50). Предводитель должен был обладать и другими качествами, судя по этнографическим данным — красноречием, физической силой, умением организовать людей и ладить с ними, багажом различных знаний и т.д. (*Шнирельман* 1985, с.93; *История первобытного*...1985, с.398).

В нартовском эпосе особенно выделялись три черты: отвага, воздержанность в пище и питье, уважение к женщине. Функции военных вождей фольклорная традиция приписывает, главным образом, Ахсартаггатам. Показательно имя родоначальника — Ахсар, означающее «силу, храбрость, героизм» и, по мнению лингвистов, представляющее закономерное в осетинском фонетическое развитие индоиранского *ksathra* «мощь», «принцип военной функции» (*Дюмезиль* 1976, с.168; 1986, с.34-35). Главу рода Ахсартаггата Урызмага в эпосе называют «хистар (старший) всех нартов» (*Памятники*...1925, в.1, с.17). Интересна этимология антропонима, данная Г.Бейли: Урызмаг в значении «старший» восходит к *avarasmaka* «господин» (*Габараев* 1986, с.68).

В родословных кабардинских феодалов их предки-вожди наделялись твердостью характера, благородством души, мужеством, честолюбием, щедростью. Согласно генеалогическому преданию, эти качества первопредка князей Кеса привлекли «адыхов до такой степени, что они признали его своим князем, или повелителем ...» Внук Кеса Хурофатлае (Хруфатайя) не обладал «мужеством своих предков», из-за чего «адыхейские князья и витязи отложились от него и стали жить по-прежнему независимо ...» Инал, наоборот, «имел все качества великих и добродетельных людей ... был удачлив в войнах», поэтому приобрел «доверенность народа и упрочил свою власть» (*Адыги*...1974, с.229-230; *Ногмов* 1982, с.75-77).

Авторитет вождей в обществах военной иерархии базировался не только на личных качествах, но и щедрых раздачах. Фольклорное отражение функций престижной экономики находим в осетинском эпосе. Для виднейших нартов устраивать щедрые и обильные пиры было делом чести. Как правило, такие застолья устраивали знатные военачальники Урызмаг, Сослан и Батрадз. Нарты и по прошествии нескольких лет благодарили Сослана за «большой пир».

В голодный год Урызмаг с помощью запасов Шатаны пять дней угощал нартов (*Шифнер* 1868, с.171-173). По одному из вариантов цикла, Урызмаг усомнился в целесообразности организации большого застолья для всех нартов. Чрезвычайно интересен ответ Шатаны: «С одной стороны, хочет создать себе имя, а с другой — боится расходов: этого делать нельзя: или вертел должен сгореть, или шашлык» (*Памятники*...1927, в.3, с.4). В ответе Шатаны выражена социальная роль престижной экономики. Выбор лидера или вождя в ранних структурах типа общины зависел от личных качеств, компетенции, связанных с ними престижа и авторитета (*Васильев* 1982, с.68-69), размера поддерживавшей его группы. Поэтому вербовка многочисленных сторонников путем престижных раздач была одним из путей к лидерству (*История первобытного*...1986, с.398-399; *Баглай* 1993, с.174; *Белков* 1993, с.90-91).

Обильные пиры и престижные раздачи устраивались из запасов, систематически пополняемых в набегах и походах. Письменные источники непременным условием участия воина в дележе добычи считают степень его активности в бою. Геродот, в частности, писал: «Военные обычаи у скифов таковы: скиф ... головы всех убитых им в сражении относит к царю, потому что принесший голову получает долю захваченной добычи, а не принесший не получает».

Интересен еще один воинский обычай скифов. Ежегодно начальник каждой области приготовлял вино,[12] которое пили скифы, умертвившие врагов; «те, кто этого не совершает, не вкушают этого вина, но презираемые сидят отдельно. Это для них величайшее бедствие. А все те из них, кто убил очень много мужей, имеют по два килика и пьют из обоих» (*Доватур, Каллистов, Шишова* 1982, с.123).

Устная традиция также выделяет воинов, отличившихся в походах: «кто был первым в бою, тот первым получит долю добычи» . Показательна молитва нарта, отправлявшегося в поход: «Боже, устрой так, чтобы я добыл пленника, или хоть немного скота» (*Жантиева*//Архив СОИГСИ, с.7).

Порядок раздела добычи у ираноязычных предков осетин имел ряд характерных особенностей, связанных с утверждением престижа военачальников. «Тыхы кувды хай» (доля пира силы) и «хистæры хай» (доля предводителя) использовались по-разному. Доля для пира хранилась отдельно и использовалась для организации мужских застолий. Доля старшего находилась в единоличном распоряжении военачальника и состояла из золота, серебра, оружия, тканей и скота. Обычаем возбранялось тратить эту долю на себя и свою семью: она предназначалась для нужд общего характера. В тяжелые времена вождь обязан был помогать общинникам, иначе он терял уважение и вместе с тем свой ранг. Помимо этого, военачальник в праздники одаривал отличившихся в состязаниях. Особо следует отметить сосредоточение трофейного оружия в руках знати.

Это создавало предпосылки для его использования в собственных интересах. Представлялась возможность по своему усмотрению вооружить угодную часть общинников и претендовать на большие доли добычи на основании распоряжения арсеналом оружия (*Чочиев* 1985, с.157-159).

Вообще в доклассовых обществах вождь, в соответствии с традиционным менталитетом, являясь символом общества, не должен был выделяться своим богатством. Это вынуждало верховных старейшин устраивать своеобразный потлач для рядовых соплеменников (*Бондаренко* 1993, с.194).

Престижные раздачи, ставившие получателя в неравноправное положение по отношению к донатору (*Васильев* 1982, с.68), долгое время сохранялись и в классовом обществе[13]. На Кавказе, например, Д.Интериано в XУ в. отметил щедрость и «просто расточительность» горских феодалов. «Если же откажутся отдать или покажут свою неохоту, то это у них считается величайшим позором» (*Адыги*...1974, с.49-50).

Военные вожди контролировали распределение не только добычи, но и дани. В этой связи специалисты обращают внимание на введенные К.Поланьи в научный оборот понятия «реципрокции» и «редистрибуции» (*Васильев* 1982, с.66, 70; 1985, с.31; *История первобытного*...1988, с.146; *Павленко* 1989, с.32). Суть реципрокции состоит в стремлении каждого члена коллектива внести максимум в общий котел, чтобы затем и получить максимум, но уже в виде престижа и связанных с ним привилегий. Под редистрибуцией понимается особый статус вождя как верховного регулятора и контролера, распорядителя той части общественного достояния, которая изымалась из фонда потребления и накапливалась на иные нужды.

«Цари». Как было сказано выше, в Ригведе Индра поначалу был военным вождем отряда юношей, постепенно стал царем. По подсчетам Ж.Дюмезиля, из 16 употреблений слова «самодержец» в единственном числе в Ригведе 10 относятся к Индре (*Кулланда* 1995, с.105-106).

Из высшего слоя военной аристократии происходили «цари» ираноязычных племен. Согласно Геродоту, скифских воинов в Азии после смерти их главы Прототия (Партатуа) возглавил сын последнего – «царь» Мадий (*Доватур, Каллистов, Шишова* 1982, с.83). «Царицей» массагетов в период вторжения Кира была Томирис; наследовавшая власть «после смерти (своего) мужа» (там же, с.87). Она не только управляла массагетами, но и возглавила войско в войне с персами. Ктесий писал о «царе скифов Скифарбе», его брате Марсагете (*Ктесий* 1992, с.15) и «царице» саков Зарине – женщине «с совершенно воинственными наклонностями» (*ДАСА*, с.24).

О связи верховных владык сако-массагетских союзов с военной аристократией свидетельствуют исследования элитных курганов.

Древнейшим из исследованных на сегодняшний день «царским» курганом является Аржан, именуемый *Улуг-Хорум* «Великий курган». Он подробно описан М.П.Грязновым, поэтому мы остановимся лишь на самой общей его характеристике.

Похороны «царя» были совершены с пышным и богатым обрядом погребения. Об огромном количестве и ценности находившихся в кургане сокровищ можно только догадываться (по сохранившемуся мизеру), т.к. все самое дорогое похитили грабители. Сохранились фрагменты роскошных одежд из собольих мехов и импортных тканей. По заключению М.П.Грязнова, «захороненные в кургане лица являлись представителями кочевой знати и среди них был верховный владыка — вождь большого племени или союза племен, называемый нами царем»[14]. Характерно, что все, кроме одного молодого 18-20 лет (в мог. 4), это мужчины преклонного возраста: 60 лет и старше — шесть человек, 40-60 лет — один, более 50 лет — трое, у двоих погребенных возраст не определяется. Ни в одном элитном кургане скифского времени не встречено такого большого числа лиц, погребенных вместе с «царем». Возможно, это ближайшие сподвижники «царя», «его свита из числа высокопоставленных должностных лиц» (*Грязнов* 1980, с.46).

Богатство и пышность похорон «царя» подчеркивается и массовым захоронением верховых коней — не менее 160 — подношения усопшему от своих и соседних племен. Об этом говорит возраст жеребцов — все старые, не моложе 12-15 лет. Следовательно, это не табун «царя», т.к. поголовье табуна в значительной части состоит из молодняка и кобылиц, а с «царем» погребены лишь старые жеребцы.

По числу лошадей Аржан занимает второе после Ульского кургана место. Примечательно, что число сопровождавших «царя» коней[15] у скифо-сакских племен было не произвольным, а строго определенным: на Алтае чаще всего 10 и 14 (либо половина этого количества). В одном из курганов Келермесса было две группы коней. В Чертомлыке и кургане Козел — по 11 коней в трех группах. Это уже закономерность, трактуемая археологами как свидетельство приношения коней от подчиненных «царю» общественных структур (там же, с.47-50).

Еще на один момент обратила внимание Е.Е.Кузьмина. По реконструкции М.П.Грязнова, часть лошадей в Аржане была светлой масти, а большинство (как и в других скифских «царских» курганах) — золотисто-рыжие. У всех древних индоариев красный цвет и золото являлись социальным символом группы воинов и верховного правителя, а белый цвет и серебро — касты жрецов. Исходя из этого, Е.Е.Кузьмина предположила, что «аржанский правитель сосредотачивал в своих руках и духовную и светскую власть и занимал совсем особое положение в обществе. Вот почему его могила выделяется и размерами и богатством» (*Кузьмина* 1977, с.116).

Грандиозные курганы скифо-саки возводили для увековечивания памяти о знаменитых предках. Интерес вызывает группа святилищ (около 20) преимущественно на Западном Устюрте. Их отличительная черта — наличие каменной антропоморфной скульптуры и разнообразных жертвенно-поминальных конструкций. Структурно они являются сложными культовыми памятниками площадью от 5000 до 40000 квадратных м. Святилища использовались для совершения обрядов, связанных с культом героев-предков, героя-родоначальника, покровителей родоплеменных коллективов. Здесь же отметим, что тамгообразные знаки на венчике жертвенной чаши и изваяниях на одном из святилищ идентичны сарматским знакам Причерноморья, Предкавказья, Хорезма и т.д. В частности, эти знаки аналогичны тамгам царя Фарзоя, очень близки тамгам на медных монетах Хорезма II — I вв. до н.э. (*Ольховский, Галкин* 1997, с.149-152).

Ктесий в передаче Диодора (Библиотека, II, 34, 5) рассказал о том, как после смерти «царицы» саков Зарины[16] подданные «в знак признательности за благодеяния и в память ее добродетели» соорудили гробницу, намного превосходившую остальные — грандиозную трехстороннюю пирамиду с колоссальной золотой статуей царицы на вершине[17].

Уникально по своей масштабности скопление «царских» курганов в относительно небольшом регионе: от долины р.Сырдарьи до Тарбагатайских гор, от Прибалхашья до Северного Тянь-Шаня. На этом пространстве площадью 1200х300 км уже выявлено 65 могильников, в которых насчитывается около 350 элитных курганов V-II вв. до н.э. Очевидно, их феноменальное количество свидетельствует о достаточно высоком развитии социума, «его властных структур с вертикальным подчинением социальных категорий населения, при массовой фанатичной приверженности религиозно-идеологическим догмам» (*Акишев* 1994, с.8-11).

Группа элитных курганов высотой 8-17 м и диаметром 20-100 м расположена в Чиликинской долине Восточного Казахстана. Один из раскопанных курганов (диаметром 66 м) дал сравнительно ранний материал VII-VI вв. до н.э. Объем земляных работ при его сооружении составил 34 тыс. кубометров. Другая группа гробниц, принадлежавшая, видимо, сакским предводителям, сосредоточена в урочище Бесшатыр Семиречья[18]. В горном Алтае престижные гробницы отмечены в Пазырке и других пунктах (*Массон* 1994, с.5-6).

В Бесшатыре, знаменитом могильнике архаических саков, к «царским» усыпальницам относятся (по классификации К.А.Акишева) курганы с громадной насыпью высотой 8-17м и диметром от 50 до 105 м. Под насыпью скрывались специальные погребальные устройства, гробницы из обработанных целых бревен тяньшаньской ели. Археологи считают, что после постройки эти деревянные строения какое-то время стояли на поверхности открыто, без насыпи.

Что-либо конкретнее о «царских» курганах Бесшатыра сказать трудно, т.к. все они подчистую ограблены; не нашли даже ни одного захоронения. Но судя по богатству курганов знатных воинов, сопровождающий инвентарь «царских» захоронений был впечатляющим (*Ставиский* 1966, с.105-110).

Столь же показательны курганы европейских скифов. Еще в 1763 г. начаты раскопки Червонной могилы Литого кургана на Украине. В могиле скифского вождя VI в. до н.э. найдено немало драгоценных вещей. Интересен меч в обложенных золотом ножнах. Золотая обкладка украшена изображениями фантастических существ с туловищем быка, хвостом в виде скорпиона, головой то барана, то льва, то орла и др. В вытянутых руках каждой фигуры — натянутые луки. На Кубани в Келермесском кургане известно богатое погребение скифского «царя» VI в. до н.э. (*Брошинский* 1979).

«Царские» погребения с их сложным ритуалом, огромными трудовыми затратами, многочисленными жертвоприношениями, богатым сопроводительным инвентарем были вершиной нерентабельной траты общественного достояния (*Массон* 1976, с.176).

В целом, исследование наиболее ранних элитных курганов свидетельствует о теснейшей связи верховных вождей скифо-сакских племен с военной знатью. В условиях постоянных военных действий это обстоятельство в совокупности с высоким социальным статусом и большой ролью в обществе знатных воинов, как и специальных военных отрядов всадников-профессионалов, позволяет говорить о военно-аристократической модели политогенеза древних ираноязычных номадов. Причем, процесс социальной стратификации зашел настолько далеко, что определение уровня развития их строя как «первобытного» будет неточным.

Античные источники говорят о «царях» и «царицах» саков и массагетов эпохи Кира и Дария. Можно предположить, что в тот период верховная власть в конфедерациях наследовалась: «царь» Мадий сменил отца Партатуа, «царица» Томирис возглавила массагетов после смерти мужа и т.д. Вместе с тем, античные авторы говорят о «царях» номадов во множественном числе. Вспомним совет трех «царей» саков во время похода Дария. Вероятно, они возглавляли союзы племен.

Следует учитывать также то обстоятельство, что власть «царей» в ираноязычных социумах ограничивалась рядом факторов. Для многих кочевых обществ древности и средневековья типична концепция принадлежности верховной власти не «царю» лично, а всему роду, к которому он принадлежал. Так было, например, в парфянском обществе. Помимо этого, власть «царя» здесь ограничивалась парфянской аристократией, обладавшей существенными традиционно установленными правами. Юстин (XLII, 4,1) и Страбон (XI, 9,3) упоминают «совет знати», который мог назначать нового царя. Историки по-разному интерпретируют данное сообще-

ние. Одни полагают, что «совет» мог выполнять консультативные функции, другие считают, что это вряд ли был постоянно действующий орган, третьи осторожно предполагают эпизодические (по мере надобности, например, в критические моменты) собрания высшей знати. Власть «царя» Парфии в определенной мере ограничивала военная мощь знати. Античные авторы (Юстин, Плутарх и Тацит) оставили примеры выставления знатью своих отрядов в армию царя. Когда в Риме вспыхнула борьба за престол между Септимием Севером и Песценнием Нигером (парфяне поддержали последнего) и встал вопрос о военной помощи, Вологез IV смог лишь пообещать, что попросит своих вассалов предоставить их отряды в распоряжение царя. Такая практика служила постоянным залогом влияния знати на царя (*Кошеленко, Гаибов, Бадер* 1997, 81-83, 87 примеч.27).

По мнению Б. Дженито, в кочевых обществах принадлежность к «царскому» роду гарантировалась исключительно отношениями отец/сын, в то время как верховная власть была в руках всего господствующего рода. «Последний мог, вероятно, осуществлять участие во властных функциях путем назначения своих членов для управления определенной группой и закрепления за ними пастбищ и части завоеванных земель» (*Статистическая*...1994, с. 13).

Наконец, свидетельства античных авторов о варварских «царях» не следует понимать буквально, и трактовать термин в позднейшем его смысле. Перевод латинского *rex* как «царь» не всегда оправдан. Т.Бернс и Я.Харматта пришли к выводу, что в античных памятниках *rex* с древних времен до падения империи римляне «употребляли для обозначения *постоянных вождей* варварских народов» (*Ермолова* 1984, с.234).

Несколько иной подход к данному термину был у М. Блока. При описании архаического германского общества, отмечал он, иногда некритически используют терминологию латинских авторов, в частности, речь идет о термине *rex*, примененном к вождям крупных племен; предводителей же племенных объединений меньшего масштаба именовали *principes*. Если переводить эти термины на современные языки, то получится «бессмыслица: в терминах современной социологии и *principes*, и *reges* — не кто иные, как короли, иными словами, монархи, получающие власть по наследству». Из того факта, что и те и другие *избирались*, некоторые авторы делают вывод о том, что они являлись, «если можно так сказать, президентами республики в миниатюре». Однако, подчеркнул М.Блок, «если народ выбирает себе вождей исключительно из числа членов одного-единственного рода, которые передают свою мощь из поколения в поколение вместе с кровью, мы можем и должны говорить о наследственной власти» (*Блок* 1998, с. 657-658). С М. Блоком можно согласиться в тех случаях, когда речь идет действительно о выборах главы социума из членов исключительно одного рода.

О статусе верховных правителей номадов в ту эпоху можно

судить по известной Бехистунской надписи. В переводе Б.А.Тураева: «Я пошел на землю Сака... Тигр к морю... я переправился, я перебил... сака... другого они взяли в плен и привели ко мне связанным; я поразил их... я взял в плен их вождя по имени Скунха... и поставил другого вождя согласно моей воле. Тогда страна стала моей» (*Латышев* 1992, с.25).

В.В.Струве данный текст восстановил иначе: «Говорит Дарий царь: вместе с войском саков я пошел к стране саков, которая за морем, эта шапку острой носит... я саков сильно разбил, одну часть я схватил, другая часть связанной была приведена ко мне и их первого, наибольшего из них Скунха по имени, его они схватили и привели ко мне. Там другого наибольшим сделал я, как моя воля была» (*Струве* 1946, с.231).

Как видно, в Бехистунской надписи Скунха назван не «царем», а «наибольшим» (варианты: «вождем» или «предводителем», как предпочел американский ученый Г.Камерон). В рельефе с пленными «царями» антидариевских сил Скунха обозначен не как «царь», а просто «сак». Разумеется, Скунха был отнюдь не рядовым саком, а, судя по имени («Отличившийся»), талантливым вождем. В трактовке Г.Камерона Бехистунской надписи Дарий захватил еще одного предводителя саков и казнил его. Очевидно, захвату Скунхи Дарий придавал большее значение, чем пленению безымянного вождя. Во всяком случае, Скунха не был казнен и его изображение было высечено на Бехистунской скале рядом с другими важнейшими врагами персидского царя (*Ставиский* 1966, с.97).

Практически повсюду возникновение первых сколько-нибудь централизованных социумов кочевников сопровождалось появлением легенд, призванных обосновать право правящего рода на власть над своим и другими (чаще всего покоренными) народами. Роль такого идеологического обоснования играли различные фольклорные версии о необычном происхождении правящего клана, получение инсигний власти с небес и т.д. Идея избранничества отдельно лица или рода, вручение ему власти над соплеменниками высшими силами, окончательно оформляется на заключительных этапах классообразования и формирования государства. В частности, если обратиться к примерам из истории этносов Центральной Азии, то воцарению их правящих династий часто предшествовало появление легенд об их божественном происхождении, либо о чуде рождения ее основателя, или о чудесных явлениях, сопровождавших воцарение (*Кычанов* 1997, с.247-248, 278).

Для **стадиально-типологической характеристики** архаических сако-массагетских племен важна не только структура этносоциальных организмов (ЭСО), но и характер отношений между сословными группами соплеменников.

По археологическим данным выделяются три больших ЭСО саков: номады Семиречья, Памира и Тянь-Шаня. Насколько можно

судить по имеющимся данным, процесс социогенеза во всех трех регионах шел в одном направлении, различались степень его интенсивности и процесса имущественной и социальной дифференциации. Например, Восточный Памир не знал и половины тех материалов, которые археологи встретили в могилах равнинных саков (*Ставиский* 1966, с.124-127).

Античные авторы, называя саков и массагетов «богатыми конями и стадами овец и быков» (*Аристей* 1992, с.46), вместе с тем отмечают у них обедневших и совсем неимущих. Показателен нарисованный Полиеном портрет неимущего сакского конюха Сирака в период похода Дария. Еще раньше Геродот отмечал, что помимо конницы, у массагетов имеется и пехота. Неравенство в бою — ибо конный воин гораздо мобильнее пехотинца — у номадов очень рано привело к разной доле получаемой добычи. Конный воин получал три доли против одной у пешего (*Куббель* 1988, с.146). Неслучайно «рядовые» погребения древней Средней Азии весьма бедны сопровождающим инвентарем, а многие лишены его вовсе (*Древнейшие*...1985, с.224).

Та же картина наблюдается по материалам скифов Причерноморья и Северного Кавказа. Судя по этим данным, у скифов в период возвращения из переднеазиатских походов уже существовал свой «царский» род. Но еще примечательнее указания античных источников на серьезное социальное расслоение скифских общинников. Они подразделялись, видимо, на три категории: 1) обладатели повозок на шести колесах с шестью быками; 2) владельцы «самых маленьких повозок» с четырьмя колесами и четырьмя быками; 3) владельцы «двух волов и кибитки». Последние составляли категорию скифов, которые «не ездят верхом» (Гиппократ); они находились за той чертой, когда терялась самостоятельность, свобода, начиналась зависимость и эксплуатация со стороны имущих (издольная аренда скота, найм, зачатки личной зависимости). У греческого поэта Пиндара, жившего на рубеже VI-V вв. до н.э., сохранились известия о людях вовсе лишенных жилья, а в схолиях к его рассказу (Аристофан) говорится, что не имевшие повозки составляли у скифов разряд «бесчестных» или «презираемых» (*Степи*...1989, с.123: см. также: *Лукиан* 1935, т. 1, с.95, 98-99).

Свидетельства письменных источников проверяются при помощи археологических материалов. Захоронения рядовых скифов дифференцируются по составу и богатству сопровождающего инвентаря. Как правило, в могилы с ними следовал очень небольшой комплекс предметов. Мужчин сопровождало оружие: колчан со стрелами или один набор стрел обычно входил в их погребальный инвентарь. В могилах рядового населения встречаются одно, два, а то и несколько относительно богатых погребений мужчин и женщин. В одном из наиболее ранних, невысоких (0,35 м) курганов на р. Калитве у слободы Криворожье в 1869 г. исследовано погребение в

деревянной сожженной гробнице на уровне древнего горизонта. Здесь найдены массивный золотой цилиндр, два небольших кувшинчика, верхняя часть самосского кувшина, украшенная головкой барана, и серебряная головка быка, в VIII-VII вв. до н.э. украшавшая подлокотник табурета из ассирийского дворца. Погребение, скорее всего, относится к концу VII в. до н.э. (*Ильинская, Тереножкин* 1983, с.90).

В целом, видимо, особое положение занимали воины, погребенные под невысокими (до 1 м) курганами, снабженные полным комплексом наступательного оружия и защитного доспеха. Наиболее примечательным является погребение у с.Красный Подол на Херсонщине. На невысоком кургане стояло антропоморфное изваяние воина-скифа; тело усопшего покоилось на разостланном пластинчатом доспехе, состоявшем из рубахи с оплечьем, широкого защитного пояса, рядом - пластинчатый шлем. Воина сопровождал овальный щит с таким же пластинчатым набором. Комплекс наступательного вооружения представлен стрелами, копьем, дротиками, мечом, топором, булавой и пращевыми камнями (более 80). Кроме того, в могиле находились бронзовый котел с костями барана, золотые бляшки, серебряный сосуд и несколько ножей (*Степи*...1989, с.58).

Вместе с тем, в ряде могильников встречаются довольно бедные погребальные комплексы, в которых оружие представлено лишь стрелами (*Яценко* 1959, с.80). Встречаются вообще безынвентарные мужские и женские захоронения. Следовательно, и по археологическим данным прослеживается заметная дифференциация незнатных скифов (*Степи*...1989).

Обедневшая и неимущая часть номадов, вероятно, подвергалась эксплуатации со стороны знати. Одним из каналов формирования эксплуататорских отношений среди соплеменников являлся услугообмен. Обедневший или неимущий человек, обращаясь за помощью к богатому или сильному лицу, со временем оказывался вовлеченным в сеть неравного услугообмена, когда «патрон» получал от своей помощи большую выгоду, нежели «клиент», получавший помощь. В условиях кочевого скотоводства распространение получила издольная аренда скота (саун), прикрываемая традициями взаимопомощи.

Как представляется, не все виды изъятия у населения прибавочного продукта в предклассовом и раннеклассовом обществе можно рассматривать как эксплуатацию. В частности, так называемые «добровольные дары», на наш взгляд, являлись ранней формой налога, а не эксплуатацией. Если отбросить некоторые расхождения в деталях, то в современной отечественной историографии преобладают две трактовки понятия «эксплуатация»: как 1) любое безвозмездное изъятие продукта одними людьми у других (*Илюшечкин* 1990, с.24-30, 95, 303, 306, 331; *Семенов* 1993, с.55) и с этой точки зрения налог рассматривается как эксплуатация: 2) присвоение чужого труда собственником средств производства; при таком подходе налог не

является эксплуатацией (*Ильин* 1985, с.69-72; *Ким, Ашрафян* 1985, с.14; *Коротаев* 1992, с.189-198). Вторая точка зрения представляется более логичной. Любой вид налога направлен на поддержание управленческих структур и отнюдь не являлся «безвозмездным изъятием продукта», а расходовался элитой прежде всего на производство необходимых обществу услуг и информации (управление, обеспечение безопасности и т.д./ (*Коротаев* 1992, с.193, 198 примеч. 24). Да и в классовом обществе налоги — «это экономическая основа правительственной машины, и ничего другого» (*Маркс, Энгельс*, т. 19. с.29).

Таким образом, письменные и археологические памятники рисуют сложную социальную структуру обществ ираноязычных номадов древней Евразии. Однако, сказав «сложная структура», мы, строго говоря, ничего не объяснили, т.к. сложной является социальная структура любого общества, включая родовое. Каждый социум (в архаическом обществе род или клан, община и т.д.) представлял собой не беспорядочное объединение людей, а расположенное в определенном порядке. В простейшем случае, отмечает в этой связи И.М.Дьяконов, это «порядок клева», впервые обнаруженный у цыплят. В человеческих социумах этот принцип означал, что среди массы людей, которые «как все», не все одинаковы: каждый имел свою нишу, занимал определенное положение, в определенном порядке и в большей или меньшей близости к лидеру (*Дьяконов* 1990, с.93). Более того, в отечественной литературе неоднократно высказывалось мнение, что раскол общества на классы может осуществиться еще в рамках родового строя (*Коротаев, Оболонков* 1989, с.40; *Луцков, Чипирова* 1993, с.144-147). Что касается конкретно ираноязычных племен, то еще Б.Г.Гафуров, анализируя их общество в «арийский период», отметил, что «социальные отношения были уже весьма сложными». Среди элиты выделялась военная знать — «стоящие на колесах»; из их среды происходили вожди или «цари», для обозначения которых употреблялись различные термины, в том числе образованные от древнеиран. *хшай* («господствовать», «властвовать» и др.) (*Гафуров* 1972, с.30-32, 184-185).

На материале архаических саков к такому же выводу пришла Е.Е.Кузьмина, по убеждению которой: «Мы располагаем вескими основаниями отодвигать время оформления сложной стратифицированной структуры общества индоевропейцев, включая иранцев, еще к эпохе бронзы и даже энеолита. Если принять гипотезы автохтонного генезиса скифов и саков, то сложная социальная структура общества реконструируется для них уже с середины II тыс. до н.э. (погребения воинов-колесничих покровского и новокумского этапов), а выделение вождей-жрецов на этой же территории восходит еще к раннеэнеолитической эпохе (погребение с жезлами мариупольского этапа IV тыс. до н.э.)» (*Дискуссионные*...1980, №6, с.79). М.А.Итина общественную организацию ранних саков

Приаралья обозначает понятием «военная демократия» (*Степная*...1992, с.46-47).

На наш взгляд, в обществе архаических саков и массагетов ведущую роль играла военная аристократия, которая была неоднородной. Важным источником существования элиты являлась военная добыча и дань. Обедневшая и неимущая часть соплеменников уже подвергалась завуалированной (замаскированной традициями взаимопомощи) эксплуатации со стороны знати. Наиболее точной стадиально-типологической характеристикой такого социума представляется определение «стратифицированное общество» или «вождество» («чифдом»). Эта стадия социального развития детально проанализирована Л.С.Васильевым (1983, с.32-40). С поправками Л.Е.Куббеля (1988, с.153-156), под «чифдомом» понимается основанная на нормах генеалогического родства, знакомая с социальным и имущественным неравенством, разделением труда и обменом деятельностью, с имевшей тенденцию к сакрализации властью позднепотестарная структура, главной функцией которой являлась административно-экономическая, отражавшая объективные потребности усложнявшегося коллектива. Чифдом являл собой тот этап, на котором правитель из слуги общества начинал становиться господином.

В последнее время предприняты активные попытки модернизации социальной истории архаических номадов. Например, В.М.Массон, признавая социальную структуру ранних кочевников сложной, призвал отвлечься от «примитивной бинарности «эксплуататоров» и «эксплуатируемых», полагая, что номады стояли на одной социологической ступени «с государствами зоны городских цивилизаций». Причем, качественно новый рубеж степные общества перешли «после взлета военной аристократии колесничих в середине II тысячелетия до н. э.» (*Массон* 1994, с.5-6).

Е.И. Кычанов (1997, с.247-300) считает, что государство у номадов стало результатом сословно-классового разделения кочевых обществ, не только орудием обороны или грабежа соседей, но и формой организации общества, позволявшей аристократам и зажиточной части населения осуществлять свою власть, контроль и влияние на соплеменников с целью эксплуатации малоимущих и неимущих членов общества и рабов.

Для решения данного вопроса необходимо выделить критерии различий между вождеством и ранним государством. Их поиски ведутся в зарубежной и отечественной науке. Разбирая дефиниции государства и попытки провести демаркационную линию между вождеством и государством, П.Л.Белков (1995, с.171-175) пришел к выводу, что в отечественной и зарубежной «науке, по крайней мере на операциональном уровне, вообще не существует определений государства. Выдаваемые за таковые оказываются более или менее подробными списками институтов власти». Причем, в высказывани-

ях о государстве как у марксистов, так и у их противников упор делается на «силу, принуждение, насилие». В конечном итоге все теории сводятся к простому до банальности определению «специализированного института управления обществом».

В отечественной науке наиболее детально основные различия между вождеством и государством привел Н.Н.Крадин (1995, с.42-45, 49-50). Но и он с сожалением отметил: «провести четкую грань между этими стадиальными этапами социокультурной эволюции, особенно когда речь заходит о конкретно-исторических исследованиях, очень и очень сложно, если не невозможно». Уловить грань между вождеством и государством «очень сложно. Скорее всего универсальных признаков государственности нет, нужна их система».

В зарубежной науке одну из недавних попыток в этой области предпринял М. ван Бакел, отметив четыре принципиальных, на его взгляд, различия: 1) *экономические различия :* в вождестве экономические и социальные отношения строились по кровнородственным линиям, в раннем государстве важна лояльность к правителю; 2) *собственность* : в раннем государстве нет производителей, которые имели бы в собственности средства производства; 3) *сословно-классовые различия:* раннее государство резко делилось на элиту и производителей пищи; 4) *насилие и власть:* в чифдоме вожди обладали консенсуальным лидерством, т.е. авторитетом. В раннем государстве правители имели монополию на использование силы (*Загорулько, Крадин* 1993, с.159). Относительно первых трех пунктов можно привести немало примеров совершенно противоположного характера (*Куббель* 1988, с.114-163).

Б.Дженито вождество понимает как тип общества, опиравшегося на социальные системы, в которых некоторое число линиджей объединено сознанием своего исторического родства. Господствующий линидж определялся либо местом в прямом наследовании, либо его претензиями на связь с предком. Вождество, по мнению итальянского ученого, может рассматриваться и как своеобразный распределительный механизм, т.к. лидеры периодически собирали с соплеменников и с подвластного населения дань в виде вещей и пищи. В то же время они щедро раздавали продукты и ремесленные изделия. Такой механизм перераспределения служил для поддержания роскошной жизни вождей и элиты. Абсолютное верховенство гарантировалось организацией собраний, пиршеств, предоставлявших возможность «символического» распределения прибавочного продукта. Системы сложных вождеств от более простых отличало большее число уровней властной иерархии и способность вождя навязывать свою власть.

Ранние государства, согласно Б. Дженито, отличны от вождеств по двум важным аспектам, которые могут идентифицироваться археологически: 1) бюрократизация системы поступления натуральной оплаты посредством создания центров накопления и хранения; 2)

основание вспомогательных общин с целью укрепления гегемонии в регионах и регулирования производства и торговли. Археологическим маркером возникновения государства служит рост размеров поселений, наличие больших городских общин, специализированных ремесленных районов, возрастающие затраты на строительство парадных зданий, роскошь погребального инвентаря, прочно налаженная дальняя торговля. Хотя в зародыше все эти элементы существовали еще во время перехода от простых к сложным вождествам (*Статистическая*... 1994, с. 14-15). Более аргументирована позиция Л.Е.Куббеля, по убеждению которого о завершении политогенеза в данном обществе и появлении на исторической арене государства позволяет говорить *только совокупность* трех обстоятельств: 1) формирование системы налогообложения; 2) появление отделенной от основной массы народа публичной власти, располагавшей специализированным аппаратом внутреннего подавления: 3) переход к территориальному разделению народа вместо родоплеменного (*История первобытного*...1988, с.244-247).

Исходя из данных критериев, общество ранних ираноязычных номадов следует считать не раннеклассовым, а стратифицированным.

---

[1]Археологические раскопки подтверждают широкое распространение скифского вооружения и обилие золотых украшений в конском убранстве; эта черта являлась отличительной особенностью конского снаряжения азиатских скифов (сако-массагетские племена) по сравнению со скифами европейскими. Специально обращалось внимание на то, что сообщение Геродота об изобилии меди у массагетов находит подтверждение в археологических данных. Вместе с тем отмечалось наличие в вооружении массагетов и железных предметов (*Доватур, Каллистов, Шишова* 1982, с.189 примеч. 73).

[2]«Савроматами» К.Ф.Смирнов называл все кочевые племена Поволжья и Южного Приуралья, носителей единой, по его мнению, археологической культуры, но, «конечно, со своими локальными вариантами». Условно именуя ранних кочевников Илека «савроматами», ученый рассматривал их как «одно из крупных и сильных племенных объединений, родственное дахо-массагетскому (сакскому) миру».

[3]Черты матриархата у скифов и сарматов отразились в нартовском эпосе осетин (*Fritz, Gippert* 1984, S.185).

[4]К сожалению, для нас оказалась недоступной книга К.А.Акишева и Г.А.Кушаева (1963), в которой К.А.Акишев впервые остановился на классификации элитных курганов.

[5]Показательно в этом плане поведение сарматских воинов, описанное Аммианом Марцеллином: «Когда они увидели на высоком помосте императора... вдруг один из них в злобной ярости бросил сапогом в трибунал и воскликнул: «марра, марра», — это у них боевой клич. Вслед за этим дикая толпа, подняв кверху свое знамя, вдруг *завыла диким воем* (курсив мой — Ф.Г.) и бросилась на самого императора» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с.181). Данную характерную черту поведения в бою сарматов подметил Валерий Флакк: «примчался *с диким ревом* (курсив мой — Ф.Г.) ужасный отряд сарматских молодцов» (*Перевалов* 1999а, с. 70)

[6]Перевод Э.А.Грантовского иной: двое юношей «царской фамилии (regia),

покинувшие родину из-за действий *аристократии* (optimates), увлекли с собой множество молодежи» (*Грантовский* 1980, с.150).

[7]Детальное описание курганов Келермесса см. у М.И.Артамонова (1966).

[8]Интересен длинный железный меч VI в. до н.э., обнаруженный в могиле со скифскими предметами у Цицамури, в непосредственной близости к известному могильнику в Самтавро (*Погребова* 1981, с.45).

[9]По предположению Б.А.Литвинского, металлический доспех в Средней Азии также возник еще в VIII-VII вв. до н.э. Термин доспеха в Авесте – *zraba* «панцирь» – восходит к глагольной основе древнеиран. zar «покрывать». Развитая терминология для обозначения защитного доспеха существовала в хатано-сакском (*Литвинский* 1972. с.125-127). У наследников скифов и алан *zgar* означает «доспех», «латы», «панцирь», «кольчуга», «броня», «металл» (*Абаев* 1989, с.306-309).

[10]По мнению некоторых археологов, использование высоты насыпи в качестве основного показателя для курганов элиты иногда приводит к неадекватной оценке памятников и искажает реальную картину. Считается более продуктивным в качестве ранжирующего признака использовать объем насыпи; этот показатель наглядно демонстрирует трудовые затраты на возведение конкретного памятника. Такой подход использован для сакских курганов Семиречья и примечательно, что параметры наибольшего в регионе кургана – Большого Бесшатырского – практически равны Чертомлыку и первичной насыпи Огуза (80 тыс. кубометров). Ю.В.Болтрик, отталкиваясь от информации Лукиана о социальной структуре скифского общества (царский род, «колпаконосцы» и «восьминогие» – простые скифы), попытался сопоставить с каждым сословием комплекс определенных параметров. За условную единицу приняты насыпи объемом 3000 кубометров, сопоставляемые с «колпаконосцами». Памятники уровня Толстой и Гайматовой могил (объемом около 12000 м) могут быть отнесены к погребениям «родственников царя». Комплексы с объемом насыпей 36-42 тысячи кубометров отнесены к захоронениям «членов царской семьи». И, наконец, курганы типа Огуз и Чертомлык следует рассматривать как усыпальницы собственно «царей» скифов (*Болтрик* 1998, с.89-90).

[11]«Лидерами» или «предводителями» называются лица, занимавшие руководящий неформальный пост, достигшие его благодаря личным качествам и успехам. Термин «вождь» применяется лишь к лицам, которые занимали фиксированную формальную должность по наследственному или псевдонаследственному праву (*Шнирельман* 1985, с.69; *Куббель* 1988, с.69). Сознавая условность данных дефиниций, автор тем не менее прибегает к ним, чтобы подчеркнуть разницу в положении, с одной стороны, лидера, выдвинувшегося из среды воинов благодаря своим личным качествам, и военного вождя-аристократа, с другой.

[12]Интересно, что верховные вожди Восточной Африки широко практиковали изготовление чудодейственных напитков, будто бы оберегавших воинов и обеспечивавших им неуязвимость в бою.

[13]Престижный характер княжеских дарений и пиров, а также утилитарно-политическая цель такого рода действий имели место во многих ранних государствах. В частности, по летописям, они прослеживаются в Киевской Руси XI-XII вв. (*Ветловская* 1987, с.58-72: *Дегтярев* 1987, с.74-75). Специалисты отметили также и другую роль пиров – они были средством социального общения; участие в них демонстрировало единство правителя и подданных (*Кобищанов* 1995, с.241).

[14]В социальном аспекте ни у кого не вызывает особых возражений гипотеза М.П.Грязнова о принадлежности погребения в Аржане вождю конфедерации племен, похороненного со свитой и многочисленными конскими жертвоприношениями (*Боковенко* 1994, с.41).

[15]Жертвоприношения коня (коней) широко практиковались у многих древних народов. Роль коня в этих ритуалах состояла, прежде всего, в том, что он выступал как посредник между миром живых и обителью ушедших предков. Эта роль коня четко показана в гимне Ригведы, где коня просят привезти умершего путем предков на третье небо. То же значение имели скачки на поминках. Значение коня в погребальной обрядности обусловлено также верой в его возможность обеспечить человеку возрождение к новой вечной жизни на том свете. На ранних порах обряд жертвоприношения коня подобал только лицам с высоким социальным статусом, в первую очередь — вождям (*Кузьмина* 1971, с.41-42).

[16]Воспоминания о Зарине сохранились в среднеазиатской поэме «Гургули», в которой говорится о богатырской Зарине Заринтар («Златописанной») — дочери победителя девов царя Согдына (т.е. Согдийца). Фольклорное отражение матриархальных и амазонских мотивов (высокое положение женщины в обществе, ее активное участие в походах, сюжет о специальных обособленных вооруженных девичьих лагерях, и др.) в эпосе народов Приаралья и Северного Кавказа рассмотрела Л.С.Толстова (1984, с.188-210).

[17]Вероятно, в данном случае мы имеем дело с одним из элементов сакрализации власти вождей («царей»). Это явление характерно не только для ираноязычных кочевников. Так, «у славян (по крайней мере в некоторых районах) существовал известный ряду индоевропейских народов институт сакрального вождя — главы культа, магическая деятельность которого обеспечивала племени мир и плодородие» (*Флоря* 1991, с.192). По данным М. Блока, представления о сакральности царской власти были присущи большому числу народов. Касаясь сакрализации власти у германских племен, он обратил внимание на свидетельство Тацита: «Царей они выбирают из наиболее знатных, вождей — из наиболее доблестных». Эта фразу Тацита ученый сопоставил с тем, что говорил Григорий Турский в «Истории франков»: «И там по округам и областям избрали себе королей из своих первых, так сказать, наиболее знатных родов». Следовательно, заключает М.Блок, правители по-настоящему могущественные происходят только из родов, отмеченных свыше, «ибо только эти роды владеют тем таинственным благополучием, которое Иордан называет *quasi fortuna*; именно в этом свойстве, а вовсе не в талантах того или иного военачальника видели народы истинную причину военных побед». Считалось, что божественные правители обладают некоторой властью над природой и отвечают за порядок вещей. Порой, если урожай оказывался скверным, правителя свергали. Аммиан Марцеллин привел пример из истории бургундов, сопоставив этот случай с традициями Древнего Египта, «классической родины представлений о сакральности королевской власти». «Короли у них, — писал Аммиан о бургундах, — по старинному обычаю теряют свою власть, если случится неудача на войне под их командованием или постигнет их землю неурожай. Точно так же и египтяне обычно возлагают вину за такие несчастья на своих правителей». И лишь переворот в области религии нанес сокрушительный удар по пониманию сакральности королевской власти; христианство лишило его естественной опоры — местного язычества (*Блок* 1998, с. 124-132).

[18]По мнению некоторых археологов, культ предков саков Семиречья генетически связан с кангюйским Хорезмом. Пышность похорон вождей объясняется пониманием древними людьми смерти вождя как наступления дисгармонии в обществе (*Акишев К.А., Акишев А.К.* 1981, с. 144-153).

IV. СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РАННИХ АЛАН

Во второй половине I тысячелетия до н.э. у ираноязычных кочевников продолжала расти роль военной аристократии. Этот процесс в сако-массагетской среде Средней Азии стимулировали начавшиеся войны с гуннами. Поразительным художественным свидетельством первых гунно-юечжийских войн рубежа V-IV вв. до н.э. является хранящаяся в Эрмитаже узда боевого коня из гробницы юечжийского вождя в Пазырке. Украшающие узду деревянные подвески выполнены в форме отрубленных человеческих голов. Символика изображения очевидна и вполне соотносима с военными обычаями номадов, описанными древними авторами: головы поверженных врагов победитель отрубал и как трофеи привозил к царю. Лица людей на подвесках Пазырка изображены с ярко выраженными монголоидными чертами; они совсем не похожи на захороненных здесь юечжей. Зато эти изображения схожи с изображениями гуннских воинов на каменных барельефах гробницы ханьского «военачальника сильной конницы» Хо Цюйбина (ум. в 119 г. до н.э.) (*История древнего...*1989, с.245-246).

На рубеже V-IV вв. на базе южноуральских дахомассагетов и исседонов формировались, согласно К.Ф.Смирнову, собственно сарматские союзы племен. В образовании новых союзов принимали .участие как местные племена, так и пришлые из-за Урала и, возможно, Приаралья. Среди известных по письменным источникам племен К.Ф.Смирнов выделили аорсов как «особенно выдающийся союз». Одновременно усилились локальные и региональные миграции, что, помимо прочего, объясняется «дальнейшей имущественной и социальной дифференциацией в среде кочевников, активным процессом классообразования, жаждой власти и обогащения военных вождей и их дружинников, родоплеменной аристократии» (*Смирнов* 1984, с.116-117).

Среди прото- и раннеаланских племен наиболее полно освещена источниками социальная история усуней. Социальное расслоение в их обществе устанавливается по археологическим и письменным памятникам.

Судя по большому количеству археологических комплексов в долинах рек Алатау и Или, в усуньский период здесь выросла численность населения. Более 20 крупных скоплений могильников в этих районах отделены друг от друга свободным пространством. Такое распределение, полагает Ю.А.Заднепровский, «можно рассматривать как отражение родоплеменной группировки населения». Раскопано свыше 370 рядовых могил в большинстве случаев с бедным сопровождающим инвентарем. Вместе с тем среди памятников Семиречья выделяется огромный Талгарский могильник, с захоронениями в больших грунтовых могилах с выложенными камнем стенами. Большинство могил ограблено, но все же сохранились золотые украшения, железные ножи, керамика. В одной из могил оказалось около 500 бляшек из золотой фольги, нашитых некогда на одежду из красной кожи, глиняная печать с изображением крылатого животного с головой козла. В другой могиле была найдена бляшка полихромного стиля со схематическим изображением человеческого лица (*Степная полоса*...1992, с.80-82).

Особый интерес вызывает упоминавшееся уже Каргалинское захоронение (II-I вв. до н.э.) женщины-шаманки с богатым набором украшений одежды и головного убора — около 300 предметов из золота с инкрустацией из бирюзы, в том числе два перстня со скульптурными фигурками двугорбого верблюда и знаменитая диадема. Богатое захоронение III-II вв. до н.э. выявлено в одном из курганов могильника Тенлик восточного Семиречья. Одежду знатного номада украшали сотни художественных бляшек, в том числе с изображением всадника в плаще (там же, с.82-83; *Заднепровский* 1997, с.18).

Типичным памятником поздних саков Семиречья, обитавших в усуньское время в долине Чу, является Буранинский могильник III в. до н.э. — I в. н.э. Погребенных снабжали большим количеством сосудов, вероятно, с молоком, а также кусками мяса барана, лошади и быка. Все могилы ограблены. Сохранилось лишь около 50 золотых украшений, железные предметы, включая наконечники стрел, лепные сосуды (*Степная полоса*...1992, с.83-85.).

Социальная структура общества усуней рубежа двух эр довольно подробно описана в источниках той поры. В древнекитайских «Историях» об Усуни говорится, что это «кочевое владение, коего жители переходят за скотом с места на место. В обыкновениях сходствуют с хуннами. Усунь имеет несколько десятков тысяч войска, отважного в сражениях». Верховный правитель носил титул «гуньмо» (Б.А.Гафуров более точным считает *куньмо* от **кун-баг** «князь над племенами»). В конце II в. до н.э. «усуньский государь послал

1000 лошадей, чтобы получить супругу из Дома Хань; Дом Хань отправил к нему княжну из своего рода с наименованием Гян-ду царевны. Усуньский государь Гуньмо сказал: я уже состарился; почему велел внуку своему Сэньцзу жениться на царевне» (*Бичурин* 1950, с.150, 160).

Ставка «усуньского большого гуньми (князя)» находилась «в городе Чигу... Народонаселение состоит из 120000 кибиток, 630000 душ; строевого войска 188800 человек... земли ровные и травянистые; страна слишком дождливая и холодная. На горах много хвойного леса... В их владении много лошадей и богатые содержат их от 4000 до 5000 голов. Народ суров, алчен, вероломен, вообще склонен к хищничеству. Усунь считается одним из сильнейших владетелей» (*ДАСА*, с.127-128).

По усуньской легенде, зафиксированной в древнекитайских анналах, отец первого усуньского гуньмо Наньдоуми возглавлял небольшое владение, в древности расположенное вместе с Большими юечжами на востоке, у границ Китая. Большие юечжи напали на Наньдоуми, убили его и захватили владение. Народ бежал к гуннам. Новорожденного гуньмо спас наставник. На одном из привалов он положил ребенка в траву и пошел искать пищу. Вернувшись, он «увидел, что волчица кормит его (ребенка) молоком, ворон, держа в клюве мясо, летает около него; поэтому счел ребенка духом и, взяв его, вернулся» к гуннам. Шаньюй (повелитель) последних полюбил и воспитал ребенка. Когда тот вырос, «шаньюй дал Гуньмо народ его отца, велел начальствовать над войсками. Неоднократно Гуньмо совершал военные подвиги». Он же отомстил «за обиду отца», напав и разбив Больших юечжей «на западе» (*Кюнер* 1961, с.72-73). Не это ли событие имел ввиду Помпей Трог, говоря, что «Асии — цари тохаров» (юечжей)?

Приведенное сказание имеет яркие параллели в нартовском эпосе осетин, особенно это касается сюжета с волком (*Миллер* 1887, с.147; *Абаев* 1949, с.187; 1965, с.88-90; *Нарты* 1990, с.87-89). Что же до «роли» ворона в возмужании фольклорного главы усуней, то еще Э.Шарпентье считал возможным китайское У-сунь переводить как «сыновья сына ворона, что должно быть старым тотемным названием племени»(*Charpentier* 1917, S.357, Anm. 5). О.Менчен-Хелфен обратил внимание на то, что в фольклоре восточных народов существует мотив спасения героя волчицей, становившейся затем его женой и тем самым прародительницей рода или племени. Другой мотив — девушка-птица становится женой героя, пережившего гибель всех родственников. По мнению О.Менчен-Хелфена, в усуньской легенде эти две линии слились: после того, как убит отец, а страна уничтожена, герой в одиночестве живет в пустыне. Ворона приносит ему мясо, а волчица вскармливает своим молоком. Этноним ученый переводит как «внуки вороны» (*Maenchen-Helfen* 1945, p.74).

Саму легенду можно рассматривать как стремление к сакрали-

зации власти гуньмо, т.к. в фольклорном памятнике его принимают за святого. Вместе с тем четко выражена связь гуньмо с военной аристократией, о чем свидетельствует сюжет с волком, а волк в идеологии ираноязычных племен являлся патроном военного братства (дружины) молодых воинов (*Тревер* 1947; *Иванчик* 1988). Вероятно, изначально термин «гуньмо» обозначал не верховного главу усуней, а военного вождя, т.к. по легенде он «начальствовал над войсками» и «неоднократно совершал военные подвиги».

Усиление усуней к концу II в. до н.э. подтверждает тот факт, что известный китайский дипломат Чжан Цянь передал престарелому гуньмо предложение взять в жены китайскую царевну (*ДАСА*, с.128) и переселиться в очищенные от гуннов земли на правах вассала императора. С первым предложением гуньмо согласился, но от переселения с цветущего Тянь-Шаня в голую Алашанскую степь категорически отказался. О величии усуней в тот период красноречиво свидетельствует и то, что на приемах владетеля Кангюя усуньским «князьям и старейшинам подают кушанья прежде, а потом уже посланным от наместника Китая». Показательно и то, что внучка китайского императора Уди, выданная за престарелого гуньмо, была лишь младшей (правой) женой, а старшей (левой) — «девица от сюнну», т.е. гуннов (*Кюнер* 1961, с.77-78).

Во время пребывания в Усуни Чжан Цянь увидел, что среди тамошней знати нет единства. Средний сын гуньмо ненавидел своего племянника, наследника престола. Престарелый гуньмо выделил обоим по 10 тысяч конницы в управление. Это вызвало беспорядки в стране, но пока старый гуньмо был жив, они не переросли во внутренние войны (*Гумилев* 1993а, с.102).

В 72 г. до н.э. усуни совместно с Китаем решили нанести сокрушительный удар по гуннам. 160 тысяч китайских всадников выступили пятью колоннами; одновременно 50 тысяч усуней напали на врага с запада. Приготовления императора гунны заметили и заблаговременно откочевали, сведя на нет действия китайских полководцев. Даже в китайских источниках приводятся смехотворные цифры убитых гуннов — от 19 до 700 человек, причем, два китайских полководца попали под суд за преувеличение успехов и покончили жизнь самоубийством (*Бичурин* 1950, с.81-82).

Зато бесспорный успех выпал на долю усуней; они разгромили ставку западного люли-князя, захватили в плен тестя, невестку шаньюня, вождей, тысячников, воинов — всего 39 тысяч человек и 700 тысяч голов скота. Цифры выглядят завышенными, но, несомненно, потери гуннов были велики. Пытаясь исправить критическое положение, гунны в следующем году ударили по самому опасному противнику — усуням, уничтожив их стариков и детей, остальных загнав в горы. Но на обратном пути победителей застиг большой снегопад и страшные морозы, уничтожившие почти все войско (*Гумилев* 1993а, с.126).

Древнекитайские источники, называя Усунь «весьма сильным государством», сообщают информацию, нередко туманную, о его социальной структуре. Среди верхов существовала, очевидно, определенная иерархия, т.к. знатные усуни «домогаются подчинять вассалов...» Помимо гуньмо, в конце II в. до н.э. к высшему слою управления относились: «министр Далу, левый и правый великий предводитель — двое, хоу — трое (да-шуай) и дуай каждого по одному; дацзянь — двое, дали — один, шэчжун дали — двое; цицзюнь — один» (*Кюнер* 1961, с.73, 74). Какие функции исполнял носитель каждого титула точно установить пока невозможно. По информации Чжан Цяня, из более 10 сыновей гуньмо должность *далу* занимал старший, т.к. «был крепок (характером), умел начальствовать». Далу имел в подчинении «10000 с лишком всадников, жил отдельно». Наследником гуньмо считался старший из братьев, сын которого занимал временную почётную должность *цэньцзоу*. Старший из братьев рано умер, но перед смертью просил отца сделать наследником «непременно» цэньцзоу. «Гуньмо из жалости согласился». Это решение вызвало ярость далу, который «собрал своих братьев, начальников войска и восстал, замышляя напасть на Цэньцзоу». Хотя общее руководство формально оставалось в руках гуньмо, фактически «государство разделилось натрое» и гуньмо «не мог по своему усмотрению управлять...» (там же, с.73, 76-77).

Судя по характеру отношений с гуньмо, должность *далу* сопоставима с бытовавшим в ряде древних обществ институтом «второго царя», или его ближайшим прообразом. «Второй царь» командовал войсками, в то время как сфера деятельности верховного правителя — управление социумом. Конечно, существование двух столь мощных фигур нередко приводило к острым столкновениям за реальную власть (*Меликишвили* 1959, с.455-456; *Новосельцев* 1980, с.106-114, 135; *Гутнов* 1992, с.143-146); подобный конфликт, очевидно, имел место и у усуней. Тем не менее, после смерти гуньмо внук «цэньцзоу заместил его на престоле». Его позиции были настолько прочными, что он подкорректировал название должности главы усуней, взяв из старого титула первый слог «гунь» и добавив к нему последний слог своего имени (Лиецзяоми) «ми». С этих пор «гуньми сделалось титулом государя» (*Кюнер* 1961, с.78). *Гуньми,* вероятно, удалось сузить функции *далу* (или даже ликвидировать эту должность). Во всяком, случае, во время начавшейся в 72 г. до н.э. совместной с Китаем войны против гуннов, именно гуьми распоряжался «отборным войском государства»; он же, «командуя линхоу и ниже (их) в звании», во главе 50-тысячной «отборной конницы» вторгся в земли гуннов, «достиг ставки первого князя Лули», уничтожил и взял в плен 40 000 гуннов, взял в плен многих полководцев и аристократов, захватил огромную добычу: более 700 000 голов скота, лошадей и верблюдов. Причем, гуньми не поделился трофеями с союзниками. Не без горечи китайские чиновники писа-

ли: «Усунь все сами берут пленных и добычу». Несмотря на это, учитывая, что победа союзников была достигнута исключительно за счет военного успеха усуней (поход огромной китайской армии закончился провалом), император отправил своего посла «с золотом и тканями одарить усуньских заслуженных вельмож» (там же, с.81-83).

Усунь в этот период имела такое влияние, что союза с нею искали не только Китай, но и другие соседние владения (*Малявкин* 1989, с.51-52, 188 примеч.313). В середине I в. до н.э. из-за раздоров среди наследников гуньми произошло разделение «народа и земельных границ. Великому гуньми (при разделении) дано семей 60 000 с лишком, малому гуньми семей 40 000 с лишком» (*Кюнер* 1961, с.89). Однако смуты продолжались: в 32 г. до н.э. Жили, один из претендентов на титул гуньми, бежал в Кангюй. Его противник Анжи послал нескольких вельмож, которые обманом смогли примкнуть к восставшим и убить Жили. Но и сам Анжи был убит после того. как «все линь-хоу (вассальные князья) произвели большой мятеж». На короткий период в Усуни воцарилось «великое спокойствие и мир», когда «великий гуньми Цылими твердо (держал власть), и все линьхоу из боязни подчинились ему. Он объявил, чтобы население, пася лошадей и скот, не входило на пастбище». Последнюю фразу известный китайский ученый XIX в. Хэ цю-тао понимал как свидетельство взимания платы за пользование пастбищем гуньми. «Это подобно тому, как нынешнее племя косакэ (казахи), входя на внутренние земли пасти лошадей, с каждой сотни платят налог в одну лошадь» (там же, с.91-92). Аналогичного мнения придерживается К.А.Акишев (1978, с.56), рассматривающий свидетельство древнекитайского памятника, как «факт закрепления за усуньским правителем (гуньмо) под именем Цылими земельных владений...» (*Акишев* 1993, с.48).

На наш взгляд, разбираемый фрагмент источника можно интерпретировать иначе: Цылими, возможно, и не был собственником пастбища, а его жесткие меры — стремление отрегулировать налогообложение. Конечно, это не означает, что у усуней не отмечено внутриобщинных форм эксплуатации. Источники четко указывают, что «в их владении много лошадей и *богатые* содержат от 4000 до 5000». Это огромные табуны, за которыми кому-то надо было ухаживать. Крупным собственником являлся правящий клан. При подготовке к походу 72 г. до н.э. против гуннов сам гуньми «дал людей и лошадей для 50 000 конницы» (*Кюнер* 1961, с.81).

Что-либо конкретнее сказать по этому вопросу затруднительно, т.к. китайские анналы фиксируют, главным образом, политическую историю усуней, в том числе и при гуньми Цылими. Его власть продержалась недолго, и Усунь вновь захлестнули раздоры.

Последнюю попытку объединить усуней предпринял «шуцзы (сын от наложницы) Бихуаньчжи»; около 5 г. до н.э. вместе «(с другими) замышлявший убийство Великого гуньми, взяв 80 000 с

лишком народу, ушел на север», в Китай. Здесь он рассчитывал получить военную помощь, «объединить (все под своей командой) и покорить обоих гуньми». Так и не реализовав свой замысел, Бихуаньчжи был убит (там же, с.93-94).

Другой протоаланский союз — Кангюй — также попал в поле зрения древнекитайских авторов. В конце II в. до н.э., как и Усунь, Кангюй — «кочевое владение; в обыкновениях совершенно сходствует с юечжысцами; имеет до 90 000 войска». Южная часть племен зависела от юечжей, восточная — от гуннов (*Бичурин* 1950, с.150). Город Битянь являлся административным центром Кангюя. Очевидно, так надо понимать указания источников о том, что «князь государства Кангюй проживает в городе Битянь», который считается местом управления «(страной)» Вместе с тем, древнекитайские памятники подчеркивали: «однако князь... не постоянно зиму и лето живет здесь». От этого города «до земли Леюань, где находится зимнее управление князя, езды на лошадях 7 дней»; летом «правитель пребывал» на другой «подвластной территории» (*Кюнер* 1961, с.174-175).

«Страна теплая, изобилует деревом... виноградом, имеет много рогатого скота, баранов, производит хороших лошадей...» (там же, с.175).

В борьбе за влияние в Центральной Азии Кангюй соперничал с усунями и гуннами. Борьба эта шла с переменным успехом, на какое-то время две стороны могли объединиться против третьей, иногда они вместе выступали против Китая. Но в целом «эти три владения не уставали подсматривать друг за другом и при выгодных случаях взаимно нападают друг на друга». В конце I в. до н.э. Кангюй усилился; китайские чиновники с сожалением писали в своих отчетах: «Кангюй... горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланниками. Князьям и старейшинам его подают кушанье прежде, а потом уже посланным от наместника». Правда, правитель Кангюя отправил сына к императору Чэнди (32-7 гг. до н.э.) для службы при китайском дворе. Но, по убеждению чиновников той поры — это лишь «хитрый предлог, под которым он желает производить торговлю» (*ДАСА*, с.129).

По данным китайских дипломатов, «Кангюй имеет пять малых князей» и «все пять князей подчинены Кангюй» (*Кюнер* 1961, с.178-179). Три владения находились вблизи столицы: Сусе располагалось в 90 км в горах, Фумо — в 90 км к востоку, Юйни — в 110 км к северу. Два других отстояли от столицы на большое расстояние: Изи — свыше 300 км, Юйцзянь — около 250 км.

Более скудны сведения письменных источников о владении Яньцай (=Аланья). Согласно показаниям Сыма Цяня, в конце II в. до н.э. Яньцай — «это кочевое владение; в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем. Войска имеет более 100 000. Лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов». В начале н.э.

«Яньцай переименовалась Аланья; состоит в зависимости от Кангюя. Климат умеренный... Обыкновения и одеяние народа сходны с кангюйскими» (*Бичурин* 1950, с.150, 229). По другим данным, у Яньцай «лучников 100 000 с лишком. С Кангюй одинаковые обычаи и (страна) подвластна Кангюю... пасут скот, следуют за водой и травой. Со времени Поздней Ханьской династии переименовали имя на государство Аланьнаго» (*Кюнер* 1961, с.180).

Определенную информацию о социальном устройстве ираноязычных племен Средней Азии последних веков до н.э. содержат археологические памятники. Раскопано несколько сот курганных погребений на Амударье, в Тулхарском, Аруктаусском, Коккумском и Бабашевском могильниках южного Таджикистана и Туркмении.

Самый крупный — Тулхарский могильник — состоит из небольших курганов диметром 3-4 м. Из оружия обнаружено 2 длинных меча и 27 кинжалов; и те и другие находились в деревянных ножнах, иногда окрашенных в красный цвет. Встречены, хотя и немногочисленные, украшения из золота. Аруктаусский и особенно Коккумский могильники сильно разграблены. Бабашевский могильник оставлен рядовыми кочевниками: сопровождающий инвентарь беден, а изделия из золота не многочисленны.

На территории Яньцай и особенно Кангюя — в восточном Приаралье и бассейне северных древних русел нижней Сырдарьи — располагается основной комплекс памятников джетыасарской культуры. Ее характеризуют особенности расселения, организация поселений, специфика материальной культуры, погребальных памятников. В отличие от соседних районов, где преобладали оазисы из неукрепленных поселений, в топографии джетыасарских поселений известен лишь один тип городища — многослойные с развитой фортификацией крепости. Все городища (более полусотни) расположены группами («гнездами») по 5-9 крепостей в каждой. В настоящее время известно 9 групп одновременных ранних поселений. Ядро городища составляла верхняя площадка — многослойный дом-массив с мощной и сложной фортификационной системой. С последних веков до н.э. внутренняя жилая застройка дома-крепости представляла собой систему из множества однотипных двух- и трехкомнатных жилых секций. Демографические подсчеты допускают одновременное проживание в самых маленьких крепостях такого типа около 450 человек. «Гнездовой» тип бытования укрепленных джетыасарских городищ склоняет Л.М.Левину к мысли о родоплеменной организации обитателей крепостей. Типовая планировка жилища, ее бесконечная повторяемость в пространстве и времени, особая связь секций с определенным глухим участком оборонительного коридора, полное отсутствие видимой имущественной дифференциации вроде бы говорят о прочности патриархально-общинных отношений (*Степная полоса...* 1992, с.62, 71; *Левина* 1997, с.4-5, 8, 11). С другой

стороны, имеются основания считать социальную организацию Кангюя рубежа н.э. более сложной.

Некоторые археологи вслед за Г.А.Пугаченковой катакомбы могильника Орлат связывают с военной аристократией кангюйцев, во II в. до н.э. завоевавшей Согд. Другие исследователи катакомбы соотносят с сакарауками (сакараваками), но при этом последних считают частью населения Кангюя. Изображения кангюйских катафрактариев сохранились на костяных пластинах Орлата с гравированными рисунками сцен сражения и поединка, сакские (в широком смысле) катафрактарии изображены на настенной росписи дома богатого горожанина в Дальверзинтепе (среднее течение Сурхандарьи, притока Окса; I в. до н.э. — II в. н.э.), панцирная конница сакараваков изображена среди персонажей рельефов усадьбы рубежа н.э. в Халчаяне в долине Сурхандарьи (*Бернар, Абдуллаев* 1997, с.69-84; *Заднепровский* 1997, с.102).

Еще одна группа курганных могильников расположена в низовьях Зеравшана под Бухарой, на степных просторах, непригодных для земледелия. Погребальный ритуал, оружие и снаряжение близки сарматским последних веков до н.э. Согдийские могильники также сохранили длинные двулезвийные мечи и кинжалы, во всех случаях находившиеся в деревянных ножнах. Анализ материала из Бухарского оазиса показал его отличие от материала предшествующего времени и большую близость с сарматским погребальным инвентарем. Археологи полагают, что курганные могильники юга Средней Азии оставлены племенами, вторгшимися сюда с территории северного Казахстана, между Алтаем и Уралом (*Сарианиди* 1989, с.163-165).

Обращает на себя внимание увеличение числа находок длинных мечей в курганах рассматриваемого времени по сравнению с предыдущим периодом. Очевидно, что это показатель выделения элиты военной аристократии и дальнейшей консолидации особого отряда конных воинов — катафрактариев.

Аналогичные процессы протекали среди прото- и раннеаланских племен Северного Кавказа (*Смирнов* 1984, с.119-123; *Берлизов, Каминская, Каминский* 1995, с.120, 122). По археологическим данным рубежа н.э. в их среде отмечается «резкое социальное размежевание». Выделяются захоронения знати в больших катакомбах, содержавшие золотые украшения, наборы защитного и наступательного вооружения, разнообразные атрибуты культа, италийскую посуду, малоазийское стекло, броши и т.д. В погребениях воинов встречается наступательное вооружение (мечи, стрелы), единичные сосуды, зеркала и т.д. Бедные захоронения сопровождали отдельные наконечники стрел, зеркала, сосуды, бусины. Некоторые изменения в обрядности и погребальном инвентаре специалисты связывают как с социальными изменениями (усилением роли дружинной верхушки), так и с очередным «восточным импульсом» — новой

волной кочевников, пришедших из-за Урала (*Берлизов, Каминская, Каминский* 1995, с.125, 131).

При стадиально-типологической характеристике прото- и раннеаланских социумов последних веков до н.э. возникают серьезные затруднения; очень не просто ответить на вопрос: сумели ли они преодолеть стадию стратифицированного общества (=вождество, чифдом) и создать государство?

По китайским источникам, наиболее «сильным владением» являлся Усунь с 630-тысячным населением и 188 800 человек «строевого войска». Во главе усуней находился «большой гуньми (князь)», опиравшийся на сложный аппарат управления (правда, установить все функции верховных чинов не удается). В социальной структуре выделяются «князья и старейшины», среди которых существовала, очевидно, определенная иерархия, т.к. знатные усуни «домогаются подчинить вассалов». В подчинении главы находилась «отборная конница». Основным богатством считались лошади и скот; у богатых усуней табуны доходили до 5000 голов. За ними присматривали, вероятно, обедневшие соплеменники. В конце I в. до н.э., когда Усунь переживала последний всплеск могущества, «великий гуньми Цылими... объявил, чтобы население, пася лошадей и скот, не входило на пастбище». Этот сюжет можно интерпретировать двояко. Либо великий гуньми попытался захватить какое-то пастбище (настолько крупное, что на это обратили внимание китайские дипломаты), и в этом случае плата за пользование пастбищем превращается в ренту (Хэ Цю-тао; К.А.Акишев). Либо Цылими, как верховный владыка усуней, попытался упорядочить налогообложение за пользованием пастбищными угодьями.

Итак, в правление Цылими у усуней существовала отделенная от народа публичная власть (великий гуньми, сложная структура высших чинов); можно предположить, что «отборное конное войско» (катафрактарии?) использовались не только во время войн с внешним противником, но и в качестве аппарата внутреннего подавления, т.к. гуньми уверенно пресек сепаратизм противников и «твердо держал власть»; существовала система налогообложения, которую Цылими попытался реформировать; переход к территориальному разделению вместо родоплеменного, судя по письменным памятникам, оформился еще раньше. Совокупность перечисленных факторов, согласно Л.Е.Куббелю (*История первобытного*...1988, с.244-247), позволяет говорить о завершении политогенеза у усуней и оформлении у них государства. Однако со смертью Цылими раннеклассовое общество усуней распалось.

В последние века до н.э. социальное развитие не всех ираноязычных этносов Евразии было поступательным. Так, оформление к IV в. до н.э. Прохоровской культуры ранних сарматов («на раннем этапе выглядит обычной скифоидной культурой, тяготеющей к сако-массагетскому миру Средней Азии») совпало «с бурными социальны-

ми процессами»: стратификацией общества, обособлением знати. Это подтверждается многочисленными элитными погребениями. В первой половине IV в. до н.э. сооружается грандиозный Филипповский курган. По мнению некоторых археологов, этот курган служит доказательством далеко зашедшей социальной стратификации и достижении раннесарматского социума стадии позднепотестарного общества. Однако ко времени миграционного потока (II в. до н.э.) Прохоровская культура изменилась коренным образом. Прекращается традиция сооружения «царских» курганов, исчезают выраженные погребения знати. На этом этапе рассматриваемое общество выглядит менее стратифицированным, чем прежде. Большинство погребений отличается простотой обряда и бедностью инвентаря (*Глебов* 1998, с.93-94).

О стадиально-типологической характеристике других прото- и раннеаланских социумов из-за ограниченности информации сказать что-либо конкретное затруднительно. Насколько можно судить по письменным и, особенно, по археологическим данным, к рубежу н.э. возросла роль военной аристократии и конных дружинников — катафрактариев. Отчетливо данный момент прослеживается на материале *ранних алан* юго-восточной Европы начала н.э.

Античная традиция с момента знакомства с аланами главной их отличительной чертой считала воинственность. Страбон, характеризуя роксалан, назвал их «народом воинственным... Они носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием им служат копья, лук и меч» (*Страбон* 1993, с.260). В одной из пьес Сенека назвал алан «могущественными» (*Бахрах* 1993, с.21), римский поэт Марк Лукан упомянул «вечно воинственных аланов» (*Марк Лукан* 1990, с.111). Военная активность алан, как и сарматов вообще, подмечена многими римскими авторами (*Тацит* 1968, т.2, с.6-8, 97; *Светоний* 1990, с.214-215).

Данная черта алан дала повод А.О.Наглеру считать термин «аланы» изначально не этническим, а социальным. Так, по его мнению, первоначально обозначалась военная аристократия сарматов, и лишь позднее термин стал этнонимом (*Наглер, Чипирова* 1985, с.89-90).

Более осторожно эту мысль сформулировал М.Б.Щукин. Обратив внимание на присутствие военных отрядов алан в I в. в разных местах Восточной Европы и Передней Азии, он задает вопрос: «не имеем ли мы дело с какой-то сравнительно небольшой, но очень воинственной и постоянно передвигающейся ордой, имя которой охотно стали принимать в силу ее авторитета и другие, так или иначе подчинившиеся им группировки» (*Щукин* 1994, с.209).

Данную идею подкорректировал А.С.Скрипкин (1996, с.165): «Аланы были, вероятно, не моноэтническим, а полиэтническим военно-политическим объединением, которое окончательно сложилось в восточноевропейских степях и в котором собственно аланы играли

роль консолидирующей силы». Данная точка зрения представляется нам наиболее близкой к истине. Аланы были полиэтническим союзом, в жизни которого война и организация для войны занимали исключительное место. В структуре войска с момента выхода алан на историческую арену заметную роль играли тяжеловооруженные всадники — дружинники. В памятниках прошлого сохранились достаточно многочисленные следы панцирной конницы алан.

Интересны в этом отношении курганы захоронения так называемой Зубовско-Воздвиженской группы на Средней Кубани. Выделяются несколько очень богатых захоронений; воины-катафрактарии в римских кольчужно-пластинчатых панцирях были похоронены с оружием, парадной одежде, расшитой золотыми бляшками, и многочисленными драгоценными украшениями — гривнами, браслетами, перстнями и т.п. Всего на «Золотом кладбище» в 32 погребениях обнаружены защитные доспехи, представленные комбинированными панцирями и кольчугой. В ряде случаев находки панцирей сочетались с копьями, мечами, кинжалами и наконечниками стрел. Всего же предметы вооружения найдены в 49 погребениях. Перечисленные особенности могильника свидетельствуют о том, что он оставлен военной аристократией. Отметив целый ряд восточных элементов, археологи пришли к заключению (с разной мерой уверенности), что мы имеем дело с первой группой алан, пришедших с востока (*Гущина, Засецкая* 1992; *Раев, Яценко* 1993; *Щукин* 1994, с.177-178).

Интересно греческое изображение аланских катафрактариев на склепе Анфестерия I в. н.э. (Рис.3). С.А.Яценко полагает, что в целом изображение представляет собой сцену «из важного аланского предания», иллюстрирующую путешествие нарта «Сослана в загробный мир и детали жизни в нем» (*Яценко* 1995). Нас интересует лишь изображение доспеха и вооружения воинов.

Оба всадника в наплечной одежде — нераспашной, ниже бедер кольчуге (именно так, на наш взгляд, следует интерпретировать крупные кружки на «рубахах» всадников). Кольчуга перехвачена поясным набором. Один из всадников изображен с жезлом (символом власти?) в правой руке и мечом у левого бедра. Второй всадник держит длинное копье. Оба воина сидят на оседланных длинноногих конях. По предположению Ю.М.Десятчикова (1972), эта порода лошадей на Боспоре появляется с I в. Сюда она попала из Средней Азии (*Горончаровский* 1993, с.80) (вспомним «небесных» коней усуней).

Изображение аланских катафрактариев на склепе Анфестерия совпадает с описанием Тацита сарматских катафрактариев, вооруженных «пиками» и «длиннейшими мечами», облаченных «в панцири, которые у них носят все вожди и знать»; причем панцири «делаются из пригнанных друг к другу железных пластин или самой твердой кожи» (*Тацит* 1968, т.2, с.42). Весьма примечательно, что Та-

цит выделил катафрактариев не только в военном отношении, но и в социальном: они — «все вожди и знать».

Высший слой катафрактариев, располагая огромными ресурсами и средствами воздействия на соплеменников, претендовал не только на роль военных вождей, но и на исполнение иных функций. Интересный материал на эту тему дает курган 10 Кобяковского могильника[2] у восточной окраины Ростова, в коем, по мнению археологов (Б. А. Раев, А. С. Скрипкин, В. А. Симоненко, В. К. Гугуев, И. П.Засецкая, Т. А. Прохорова и др.), похоронена представительница элиты раннеаланской аристократии. Отметим некоторые характерные особенности погребения.

Удивление вызывает то, что кости правого предплечья скелета женщины 25-30 лет обломаны. Фаланги пальцев правой кисти со следами искусственных подпилов находились под черепом и вокруг него. Аналогичный ритуал отсечения правой руки у принесенных в жертву Аресу пленных отмечен Геродотом у скифов (*Доватур, Каллистов, Шишова* 1982, с.123). Данный ритуал Ж.Дюмезиль сопоставил с сюжетами нартовского эпоса осетин, в которых Сослан и Батрадз отрубали противникам правую руку, что свидетельствовало о позорной смерти (*Дюмезиль* 1976, с.44; 1990, с.20-22).

Архаические представления о правой руке в значении положительного (в отличие от отрицательной левой) имеет несомненную биологическую основу (В.В.Иванов) (*Мифы*...1992, с.43-44). Здесь же отметим, что в осетинском языке слово *galiw* «левый» одновременно означает «плохое-дурное» (*Уарзиати* 1987, с.35). По мнению В.А.-Цагараева, у древних индоиранцев бытовали представления «о правой руке, плече, лопатке как месте нахождения сакральной воинской силы, силы, которую могли дать воину всегда заботящиеся о потомках предки» (*Цагараев* 1995, с.145). С этой точки зрения дифформация правой руки знатной аланки из Кобяковского кургана выглядит несколько странно. Возможно, в данном случае мы имеем дело с обрядом обезвреживания погребенных (*Флеров* 1998а, с.139).

Е.Ф.Батиева и Т.А.Прохорова предложили еще одно объяснение. Они обратили внимание на то, что левая плечевая кость погребенной была пробита стрелой, а фаланги пальцев разрушены воспалительным процессом. Сопоставляя это с наличием в мифологии[3] грозового божества мотива запрета прясть в ритуально отмеченные периоды (нарушителю волос-костоед съедал палец), они отмечают: «Не может быть простым совпадением наличие указанной болезни у кобяковской «царицы» и присутствие золотой пряжи в инвентаре погребения». Ранение стрелой кобяковской женщины также рассматривается в контексте «грозового» мифа. И отсечение правой руки связывается с культом грозового божества, символизируя акт посмертного расчленения первородного змея богом грозы с целью гармонизации пошатнувшегося миропорядка. Целью ритуала с кобя-

ковской «царицей» являлось обеспечение военной мощи и плодородия общества (*Батиева, Прохорова* 1998, с.85-86).

Сопровождающий инвентарь 10 кургана Кобяково богат и разнообразен: множество золотых предметов, шкатулка, амулеты, браслеты, железный нож, серебряная ложка, китайское бронзовое зеркало, бронзовый таз, деревянный сосуд, конская сбруя и т.д. Интересно, что богато украшенный головной убор и сбруя окрашены в красный цвет - цвет воинов (если это не случайное совпадение).

Заслуживает внимания золотая ажурная гривна весом 485,9 г. В центре фриза изображен сидящий на коврике со скрещенными в восточной позе ногами мужчина с пышной прической и бородой. Одет он в кафтан и узкие штаны, заправленные в сапоги с застежками. В руках у мужчины чаша, на коленях — меч в ножнах. Оба предмета в древних иранских обществах были сакральными: чаша — атрибут жреческой власти, меч — атрибут царской власти. Т.А.Прохорова обратила внимание на то, что центральный персонаж сидит на коврике с двумя поднимающимися вверх по углам косичками — в индоиранской традиции и шаманской практике признак места, где боги или жрецы совершали акт жертвоприношения (*Прохорова* 1993, с.179). По мнению Т.А.Прохоровой, прототипы всех изображенных на кобяковской гривне восходят к мифу индоевропейской мифологической традиции о борьбе грозового бога со змеем и связанной с этим мифом царской мифо-ритуальной моделью (*Прохорова* 1998, с.113-114).

Наличие в Кобяковском кургане таких инсигний власти, как диадема, гривна, топор, парадная конская упряжь с родовой тамгой позволяет сделать вывод о «царском» статусе погребенной. А найденные здесь же предметы культового назначения: сосуды, курильницы, амулеты и др., Т.А.Прохорова и В.К.Гугуев объясняют совмещением «царями» управленческих и культовых функций (*Гугуев* 1992; *Прохорова* 1993, с.182). Как отмечает В.К.Гугуев, «кобяковская жрица занимала высокое положение в системе социальной иерархии ираноязычных кочевников. Судя по богатству и характеру погребального инвентаря, включавшего сакрализованные у иранцев инсигнии власти, она могла быть женой вождя, близкой по статусу легендарным сарматским царицам».

Вообще на Нижнем Дону отмечена концентрация элитных курганов I — начала II вв., большинством археологов связываемых с появлением здесь алан. Интересен курган у г. Азова. Среди предметов, обнаруженных в его тайничке, привлекают внимание «два стяга, богато расшитых бляшками восьми типов, штампованными из тонкого золотого листа». В тайничке обнаружены также удила с поводьями из золота и серебра, массивный золотой браслет, парадный кинжал в богато украшенных ножнах, более 15 тысяч штук (!) золотых нашивных бляшек (*Берлизов, Каминская, Каминский* 1995, с.191).

Памятники ираноязычных военных аристократов известны на правом берегу Дона. В кургане у ст. Камышевской исследован богатый кочевнический комплекс последней трети II – первой половины III в. Одним из наиболее эффектных предметов погребения является хорошо сохранившийся длинный меч. Анализ его деталей позволил «усомниться в его южнорусской принадлежности». Данный и аналогичный ему длинные мечи (например, более скромный клинок из Сладковского могильника) С.И.Безуглов (1998а, с.87-88) рассматривает как северо-западную группу клинкового оружия, распространенного в Средней и Центральной Азии, Переднем и Дальнем Востоке.

Интересен материал кургана II-III вв. могильника Центральный в Ростовской области. В богатом погребении находился костяк мужчины 25-30 лет. Среди сопровождающего инвентаря выделим короткий и длинный мечи. На Нижнем Дону известно всего с десяток комплексов с такими мечами (*Безуглов* 1988).

Концентрация курганов сарматской знати I-II вв. отмечена и на Иловле – левом притоке Дона. В.И.Мордвинцева и И.В.Сергацков рассматривают данные памятники как свидетельство пребывания в бассейне Иловля мощного сарматского объединения, возможно игравшего «значительную роль среди кочевников Азиатской Сарматии» (*Мордвинцева, Сергацков* 1995, с.123).

Важную социальную информацию дают материалы курганов Нижнего Поволжья. В Криволукском погребении представителя раннеаланской аристократии обнаружены сотни золотых нашивных бляшек, украшенные золотом ножны меча, золотые украшения колчана. Как знак высокого социального статуса погребенного археологи рассматривают «золотые накладки со сценами, по-видимому, из сарматского эпоса: на одной из них воин убивает копьем фантастического зверя, на другой – держит коня за повод».

Из других находок обращает на себя внимание бронзовая позолоченная пластина так называемого ордосского типа, происходящая из Центральной Монголии. Вместе с такой же, но железной, найденной в кургане у с. Косика, это самые западные находки подобных вещей (*Дворниченко, Федоров* 1989, с.5-6).

О «восточном импульсе» свидетельствует инвентарь погребения вождя у с. Косика, выше Астрахани на правом берегу Волги. Это захоронение относится к группе богатых, «царских» погребений. Типологически оно близко к царским погребениям Тилля-тепе (*Дворниченко, Федоров* 1993, с.145). Особенностью погребения в Косике является то, что курган заменял естественный холм, на вершине которого вырыли могилу. На дне сохранились следы расшитой золотом ткани. Она могла быть погребальным альковом, как в Тилля-тепе, либо являться остатками стягов, подобно найденным в кургане у г.Азова. Скептуха, захороненного в Косике, сопровождал богатейший инвентарь: два копья, железные стрелы, лук, кинжал,

меч с золотым перекрестием и костяной рукоятью, железные ножны, инкрустированные золотыми бляшками, бронзовыми вставками и орнаментом из золотых полосок (кинжал и меч относятся к редким образцам парадного оружия), круглое зеркало. Здесь же найдены серебряная ложечка, несколько массивных бронзовых деталей римских сосудов: ручки котлов, рукоятка жаровни с изображениями лебединых головок на шеях. Очень интересен серебряный набор, в который входили два котла с подвижными ручками, чашка с крышкой, ваза, стаканчик, ритон; на трех сосудах рисунки, выполненные золотой наводкой с гравировкой. На высоком уровне ювелирного искусства выполнены золотые бляшки, видимо греческой работы. В большом количестве обнаружены бляшки от дорогих одежд, тысячи золотых нитей и шнурков от тканей, множество других золотых предметов. Очень интересны два сосуда. Один из них — маленькая чашка с крышкой, на которую напаяна скульптурка орла; на рисунках изображены дельфины, морские коньки и другие рыбы. Второй сосуд — ваза с ручками в виде фигурок кабанов (вепрей). На вазе два фриза изображений, разделенных золотой лентой. На верхнем фризе представлена сцена охоты с собаками, где всадник поражает копьем огромного вепря. На нижнем фризе — две сцены поединков. На одном изображен катафрактарий, пытающийся длинным копьем поразить поверженного противника, придавленного сбитым конем. Всадник с короткими усами одет в панцирную рубаху с крупными чешуйками, а на врезе груди — мелкими; она перехвачена поясом. Как и остальные всадники, он одет в узкие штаны, у голеней перетянутые подвязками. За спиной видны горит со стрелами и рукоять меча. Во второй сцене целым сохранилось только изображение стреляющего на ходу всадника. В отличие от первого катафрактария у этого всадника отсутствует изображение браслета и гривны. Из-за правого бока выступает рукоять меча.

Сцены, изображенные на обоих фризах, навеяны сюжетами иранских мифов и эпоса. Кабан был одним из воплощений божества Веретрагны и сопровождал Митру во время битв. Одним из обрядов получения власти у иранцев являлся ритуальный поединок, в ходе которого достаточно было сбить соперника с коня. Охота на вепрей — частый сюжет в сценах царских охот на серебряных сосудах из Ирана и Средней Азии.

Несомненный интерес представляют две цилиндрические печати, бесспорно более древние, чем само погребение. Возможно, они хранились в одном из храмов Востока и были захвачены протоаланами во время грабительских походов. Вождь, захвативший эти трофеи, использовал их как амулеты. Одна из печатей (сильно потертая) относится ко II тысячелетию до н.э.; на ней изображен бог на троне и две колонки клинописного текста. Рисунок другой печати сохранился очень хорошо: царь в короне руками сжимает шеи двух львов; два воина добивают их копьями. Царя осеняют крылья и диск солнца — символ бога Ахура Мазды.

Высокий ранг погребенного у с.Косика подчеркивает богато украшенный пояс, в древности, вероятно, служивший символом знатности и богатства. Социальный статус катафрактария археологи определяют термином «скептух» (*Дворниченко, Федоров* 1989, с.6-10; 1993, с.155-157; *Трейстер* 1995, с.151).

Весьма показательны в социальном плане два погребения I в. у с. Пороги недалеко от Винницы (*Симоненко* 1992). В этническом плане одни исследователи относят их к сарматам, другие - к аланам. Хотя мы склоняемся ко второй точке зрения, из осторожности назовем курган протоаланским.

Один из покойников лежал в деревянном саркофаге; у левого плеча найдена золотая гривна с концами в виде лошадиных голов. У правого локтя — серебряный кубок с ручкой в виде фигурки лошади, на запястье — золотой браслет. Из сопровождающего инвентаря отметим железный кинжал, лук с костяными накладками, колчан со стрелами, дротик, парадный короткий меч, рукоять и ножны которого декорированы золотыми пластинами и т.д. Погребенный был одет в расшитую золотом куртку и штаны. Куртка перехвачена красным кожаным поясом с железными, плакированными золотом застежками; по обе стороны две накладки, золотые с внешней стороны и серебряные внутри. На них насечены тамги.

Рядом с мужчиной погребена женщина, которую сопровождали золотые украшения, зеркало, две глиняные курильницы, кувшин и др.

Интересно, что все оружие дистанционного боя из данного кургана имеет ярко выраженный восточный характер. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что не только в аланских, но и вообще в сарматских погребениях рубежа н.э. разнятся количество стрел и способ их положения. Высказывалось мнение, что в этом проявлялась одна «из разновидностей социальной градации погребенных» (*Шевченко* 1993, с.48). Правда, бытует и другое мнение, согласно которому ограниченное число стрел в могилах служило не социальным индикатором, а лишь символом реального оружия (*Хазанов* 1971, с.42-43).

Количество и качество сопровождающего инвентаря донских элитных курганов оказали на С.А.Яценко настолько большое впечатление, что уровень социально-политического развития *ранних алан* он счел возможным считать «более высоким, чем у их предшественников — европейских сарматов». Весьма эмоционально он утверждает, что даже ограбленные погребения донских алан «являются самыми богатыми в истории кочевых народов (так, в одном уцелевшем тайничке в Дачах найдено 16000 золотых изделий!), масштаб социальных контрастов в их обществе был колоссальным (в Степи в это время по-прежнему преобладают могилы рядовых скотоводов с нищенским инвентарем)». Показателем «высокого социального статуса Алании рубежа I-II вв.», согласно С.А.Яценко, слу-

жат браки царевны Сатиник с царем Армении, и сестры «царей-соправителей» Базука и Амбазука с боспорским царем. Род Сатиник будто бы считался «божественного происхождения и знатнее армянского; власть передавалась в нем от отца к сыну». В целом, С.А.Яценко подводит своих читателей к выводу о существовании у донских алан государства (хотя прямо об этом нигде не говорит) (*Яценко* 1993, с.68; 1993а, с.86; 1994а, с.200-204).

С частью этих утверждений можно согласиться, но лишь с частью. Во-первых, нет абсолютно никаких оснований курганы донских алан считать «самыми богатыми в истории кочевых народов». Если сравнивать только с протоаланами, то вспомним хотя бы богатейшее погребение рубежа н.э. в 15-метровой высоты кургане у хутора Комарово Северной Осетии , в котором число найденных одних золотых предметов составляет около 1000 (*Гиджрати, Наглер* 1985, с.130-132).

Что касается аланской «царевны» Сатиник и принципа наследования власти членами ее рода, то рассказ об этом дошел до нас в древнеармянских агиографических памятниках (двух Житиях) и «История Армении» Мовсеса Хоренаци. Жития, как источник, имеют свою специфику, и буквально следовать за их текстом нельзя. Сведения о Сатиник, ее роде и походе алан в Армению Мовсес Хоренаци черпал из фольклорных памятников, на что сам же указывал (*Моисей Хоренский* 1858, с.120-121). Эти же события описаны грузинским историком XI в. Леонтием Мровели (1979, с.33-35), причем он братьев Сатиник древнеармянских памятников назвал «царями овскими по имени Базук и Амбазук». Исследователи (В.Миллер, Г.А.Меликишвили, Г.В.Цулая и др.) установили, что и в древнегрузинской и в древнеармянской версиях речь идет об одних и тех же событиях. С.А.Яценко неоправданно и без какой-либо аргументации разделяет эти события.

И, наконец, вопрос о наследовании власти у *ранних алан*. С.А.Яценко предполагает наследование именно *царской* власти. Между тем, источники, которыми он оперирует, не дают оснований для такого заключения. По одному фрагменту труда Мовсеса, противники рода Сатиник «завладели *их землею*». Армянский полководец Смбат, придя на помощь брату Сатиник, «опустошил *землю его врагов*». Следовательно,, здесь речь идет о двух автономных ЭСО, а не о едином государстве (*Гутнов* 1992, с.134-138). Помимо этого, данные события закавказские источники связывают с аланами, жившими в районе Дарьяла — на Владикавказской равнине (*Миллер* 1887, с.109-116; *Гадло* 1979, с.164-165; *Гутнов* 1993, с.7-8), в то время как С.А.Яценко (и вновь без какой-либо аргументации) — с донскими аланами.

Конечно, какие-то ранне- и протоаланские ЭСО Средней Азии могли достичь стадии раннего государства. Но это не означает, что мигрируя на запад, ранние аланы сохранили свою политическую

организацию. Как под ударами сарматов рухнула государственность причерноморских скифов, так и *ранние аланы* под давлением обстоятельств утратили не только свою прежнюю территорию, но и социальную организацию.

Сохранившиеся изображения воинских групп ранних алан свидетельствуют об их неоднородности. Например, у всадников на сосуде из Косики совершенно отчетливо проявляется социальная дифференциация. Вооруженный пикой атакующий конник облачен в роскошный чешуйчатый панцирь. Помимо прочего, он вооружен мечом и луком, а правая рука до локтя прикрыта наручем для защиты от тетивы. В противоположность ему поверженный с лошади противник не покрыт панцирем, а одет лишь в куртку. Его единственное оружие — лук (*фон Галль* 1997, с.175).

В погребениях сарматской и раннеаланской знати юго-восточной Европы множество импортных вещей, в том числе редкие драгоценные вещи. С I в. н.э. в могилах или насыпях курганов сооружаются различного рода тайники — ритуальные захоронения вещей, подчеркивающих высокий социальный статус их владельца. Значительная часть римских импортов, расцениваемых как сокровища, происходит из таких тайников. Наличие же соответствующей погребальной практики исследователями вслед за А.М.Хазановым рассматривается в качестве непременного атрибута общественного строя, определяемого как вождество (*Мордвинцева* 1994, с.29-31).

---

[1]Панцирная конница алан была вооружена контосами. Слово *контос* С.М. Перевалов предлагает оставить без перевода, т.к. оно обозначает «очень специфичный вид оружия». По функциональному назначению контос является пикой, предназначенной, в основном, для удара. Хотя, принимая во внимание свидетельство Страбона («копья имеют двойное применение — для рукопашного и для дальнего боя; также двойное назначение имеет и контос»), ученый не исключает возможности применения контоса и для метания. Сарматскую панцирную конницу принято называть катафрактариями. Причем, главным оружием признается пика; как подчеркивал А.М.Хазанов, «без пики не было бы катафрактариев». Это согласуется с данными Арриана, в качестве специфической новой черты тактики алан и сарматов назвавшего использование контоса. В связи с этим С.М.Перевалов (1999, с. 304-307) конницу сарматов начала н.э. считает более точным называть не катафрактариями, а *контофорами*.

[2]Кобяково — городище и некрополь, исследованные в 1956-1962 гг. На могильнике было открыто 276 погребений I — первой половины III в. Большинство из захоронений совершено в простых могильных ямах, изредка — в подбоях и катакомбах. Последние, как новое явление, представляют резкий контрастный переход к более сложной форме могильных сооружений, приходящийся на вторую половину II — первую половину III в. Погребения в катакомбах относятся «к довольно состоятельным». Катакомбные захоронения отличаются наличием шкур коров, в одном случае овцы, и еще в одном — коня. Катакомбы отличает также большое количество оружия: в 8 катакомбах найдено 3 длинных меча, 2 кинжала и железные наконечники стрел. В

каждой катакомбе (за исключением 15, где похоронены мужчина и женщина) было единичное захоронение. Вероятно, в катакомбах погребены воины-всадники (*Косяненко* 1998, с.66-67).

[3]Отсутствие правой кисти у погребенной в Кобяково исследовательницы сопоставили со скифским обрядом жертвоприношения пленных врагов Аресу и с сюжетом нартовского эпоса, повествующим об отсечении Батрадзом правой руки Сайнаг-алдара. В цикле о Батрадзе они усматривают «мотивы царских мифо-ритуальных моделей, а сам образ героя» трактуют «как образ эпического царя сармато-аланов» (*Батиева, Прохорова* 1998, с.85).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы этносоциальной истории ираноязычных племен, в том числе алан, привлекали и привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных ученых.

В решении проблемы этногенеза оформилось два основных направления: 1) «автохтонисты» формирование алан понимают как процесс развития скифо-сарматского населения Северного Кавказа; 2) другие ученые происхождение алан связывают со Средней Азией. На наш взгляд, ученые рассматривают один и тот же «куб», но с разных сторон. Это становится очевидным, если признать, что этногенез (= процесс формирования этноса) и этническая история *протоаланских племен, ранних алан и алан средневековых* – это разные процессы и явления, протекавшие в разное время и, иногда, в разных местах.

Ранние аланы сформировались в результате синтеза близкородственных ираноязычных племен (или их частей) района Окса-Яксарта-Приаралья. Стимулирующим фактором формирования нового этнообразования послужили изменения этнополитической карты Азии в последние века до н.э. Данные перемены во многом связаны с продвижением хуннов с восточных районов на запад; это, в свою очередь, вызвало подвижки ираноязычных племен, что в конечном итоге привело к изменению этнической и политической ситуации. Очевидно, с конца II в. до н.э. отдельные раннеаланские племена или их мобильные группы воинов-всадников стали проникать и в юго-восточную Европу. К востоку от Каспия в тот же период среди союзов племен сако-массагетского круга быстро усиливались Кангюй и Усунь (асии). В конце I в. до н.э. сначала Жили со своими многочисленными сторонниками, а затем и Бихуаньчжи с 80 000 сторонников переселились в Кангюй. Разумеется, последний усилился в военном отношении. Вероятно, можно вести речь о синтезе. Вскоре Кангюй завоевал Яньцай (аорсов), в результате чего «Яньцай переименовалась в Аланья». Данное событие древнекитайские династийные истории

относят к началу н.э. (между 25 и 50 гг.). Примерно в это же время этноним «аланы» появляется в античной традиции. Это не означает, что аланы как таковые появились именно в это время. И.М.Дьяконов назвал «наивным» мнение о том, что «первое упоминание в источниках какого-либо этнонима есть показатель времени сложения данного народа» (*Дьяконов* 1951, с.90). Надо согласиться и с А.С.Скрипкиным: время появления алан в юго-восточной Европе и «время их фиксации здесь письменными источниками — разные вещи».

Группа исследователей обратила внимание на интересный рассказ Страбона о событиях 107 г. до н.э., когда роксаланы под предводительством Тасия воевали «с полководцами Митридата Эвпатора», включая Диофанта (*Страбон* 1993, с.260). Это свидетельство Страбона подтверждает Херсонесский декрет той поры в честь Диофанта, где роксаланы названы «ревксиналами» (*Смирнов* 1981, с.21).

Обратим внимание на факт переселения наместником Мезии Плавтием Сильваном 100 000 варваров с семьями за Дунай. В посвященной этому знаменитому римлянину эпитафии говорится об усмирении им «ранее неведомых и враждебных римскому народу царей...» А. С.Скрипкин справедливо полагает, что прежняя номенклатура варварских племен Северного Причерноморья была достаточно хорошо известна римлянам, т. к. они неоднократно имели с ними дело — и как с противниками, и как с союзниками. Вслед за археологом присоединимся к версии М. Б.Щукина, по которой причиной этих событий могло быть вторжение в восточноевропейские степи новых ираноязычных племен, в которых реальнее всего видеть алан (*Скрипкин* 1996, с.168).

Как представляется, прежде чем имя алан попало на страницы произведений античных авторов, носители этнонима должны были какое-то время находиться в поле их зрения. В противном случае трудно объяснить поразительную осведомленность римской традиции о жизни и быте алан. Например, умерший в 23/24 г. Страбон дал довольно подробную этнографическую характеристику роксалан, буквально в деталях совпадающую с характеристикой алан, данной позднее Аммианом Марцеллином.

Таким образом, племя (или союз племен) под названием «аланы» наверняка существовало и до его первого упоминания в источниках. Показания же древнекитайских памятников о завоевании Кангюем аорсов (Яньцай), в результате чего последние переименовались в алан, означает лишь, что в результате этнополитических событий на рубеже двух эр оформился новый мощный союз близкородственных ираноязычных племен во главе с аланами, давшими всему объединению свое имя.

Появление *ранних алан* на юге России не только изменило этнополитическую ситуацию в регионе, но и сказалось на самих пришельцах. В новых политических и географических условиях они, оказывая влияние на местное население, сами подвергались их влиянию, что сказывалось на этнографическом облике пришельцев. Речь

идет о формировании собственно *средневековых алан*, отличных от *ранних алан*. Строго говоря, с появлением на Северном Кавказе в начале н.э. очередной волны кочевников с востока связан лишь заключительный этап формирования средневековых алан (осетин); начало ему положил синтез кобанцев со скифами, а затем — с сарматами. С начала н.э., с появлением здесь ранних алан, процесс ираниза-ции ряда местных культур стал интенсивнее. С этого времени, отмечает Г.В.Цулая, стало складываться «ядро аланского этноса» (*Цулая* 1993, с.84), которое позднее, в новых исторических условиях легло в основу народа алан, образовавших свое мощное государство.

Повышенный интерес ученых вызывает не только этническая, но и социальная история ранних алан. К анализу данной проблемы исследователи подходят с различных методологических позиций и приходят к диаметрально противоположным выводам: от архаизации до модернизации общественного устройства ираноязычных номадов. Не претендуя на окончательное решение вопроса,предложим свое видение проблемы.

Если речь вести о стадиально-типологической характеристике архаических скифов, саков и массагетов, то следует признать, что ведущую роль в их обществе играла военная аристократия (неоднородная по своему составу). Важным источником существования элиты являлась военная добыча и дань. Обедневшая и неимущая часть соплеменников уже подвергалась замаскированной традициями взаимопомощи эксплуатации со стороны знати. Наиболее точной характеристикой такого социума представляется определение «стратифицированное общество» или «вождество» («чифдом»).

Из прото- и раннеаланских ЭСО рубежа н.э. по письменным источникам наиболее «сильным владением» предстает Усунь с 630-тысячным населением и 188 880 человек «строевого войска». Во главе усуней находился «большой гуньми (князь)», опиравшийся на сложившийся аппарат управления и «отборную конницу». В социальной структуре «князья и старейшины» располагались, очевидно,, в иерархическом порядке, т.к. знатные усуни «домогаются подчинить вассалов». В конце I в. до н.э. «великий гуньми Цылими» реформировал систему налогообложения. Неимущая часть населения подвергалась завуалированной эксплуатации со стороны имущих; бедняки присматривали за скотом и лошадьми богатых соплеменников, табуны которых доходили до 5000 голов. Совокупность перечисленных факторов позволяет говорить о завершении политогенеза у усуней в годы правления Цылими и оформлении у них государства. Однако со смертью этого гуньми раннеклассовое общество усуней распалось.

О стадиально-типологической характеристике других прото- и раннеаланских социумов из-за ограниченности информации сказать что-либо конкретное затруднительно. Насколько можно судить по письменным и, особенно, по археологическим данным, к рубежу н.э. возросла роль военной аристократии и конных дружинников-катафрактариев.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Архив СОИГСИ.

Абуладзе И. 1964. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Тбилиси. Кн. 1 (на грузин.яз.).

Абхазия и абхазцы средневековых грузинских повествовательных источников/Пер., предисл. и примеч. Г.А.Амичба. Тбилиси, 1988.

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов/Сост. В.К.Гарданов. Нальчик, 1974.

Аланика: Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах/Сост. и комм. Ю.С. Гаглойти//Дарьял, 1999. № 1-4; 2000. № 1,2.

Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах/ Сост., введ. и примеч. Ю.С.Гаглойти//Дарьял, 1992. № 1.

Аласания Г.Г. 1986. Классификация грузинских письменных исторических источников. Тбилиси.

Амвросий. 1991. О разрушении города Иерусалима//КДПАА.

Аммиан Марцеллин. 1949. История//ВДИ. № 3.

Аммиан Марцеллин. 1991. Деяния//КДПАА.

Аммиан Марцеллин. 1994. Римская история/Вступ. статья, научн. ред. текста Л.Ю.Лукомского. М., 1994.

Античные источники о Северном Кавказе/Сост. В.М.Аталиков. Нальчик, 1990 (АИСК).

Анчабадзе Г.З. 1990. Источниковедческие проблемы военной истории Грузии. Тбилиси.

Аристей. 1992. Аримаспея//Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб. Т. 1.

Армянские источники об аланах/Сост. Р.А.Габриелян. Ереван, 1985. Вып. 1-3.

Баладзори. 1927. Книга завоевания стран/Пер. П.К.Жузе. Баку.

Бейлис В.М. 1984. Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель//ДГТ СССР. 1982. М.

Бейлис В.М. 1986. Арабские авторы IX - первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Восточной Европы//ДГТ СССР. 1985. М.

Бибиков М.В. 1982. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.)//ДГТ СССР. 1980. М.

Библия. Синодальное издание.

Бичурин Н.Я. 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л. Ч. П.

Бларамберг И. 1992. Кавказская рукопись. Ставрополь.

Валерий Флакк. 1991. Аргонавтика//КДПАА.

Вахушти. 1904. География Грузии/Введ., пер. и примеч. М.Джанашвили/ /Зап.КОИРГО. Т. XXIV. Вып. 5.

Велиханлы Н.М. 1974. Арабские географы-путешественники IX-XII вв. об Азербайджане. Баку.

Веселовский Н.И. 1905. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе//Труды XII Археологического съезда. М.Т.1.

Восточные источники о Скифии и Кавказе/Пер. и комм. Д.Г.Редера// ВДИ, 1947. № 1.

Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.

Восточные материалы по истории Грузии. Тбилиси, 1976-1979.

Галонифонтибус И. 1980. Сведения о народах Кавказа. 1404 г. Баку.

Ган К. 1894, 1890. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе//СМОМПК. Вып. IV, IX.

Гаркави А.Я. 1870. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.). СПб.

Геродот. 1991. История//КДПАА.

Гиппократ. 1992. О воздухе, водах и местностях//Латышев В.В. Указ.раб. Т. 1.

Грацианская Л.И. 1988. «География» Страбона. Проблемы источниковедения//ДГТ СССР. 1986. М.

Гребенец Ф.Е. 1915.Могильники в Куртатинском ущелье//СМОМПК. Вып. XLIV.

Джанашвили М. 1897. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России//СМОМПК. Вып. XXII.

Джуаншер. 1986. Жизнь Вахтанга Горгасала/Пер., введ. и примеч. Г.В.Цулая. Тбилиси.

Диодор Сицилийский. 1991. Историческая библиотека//КДПАА.

Диодор Сицилийский. 1992. Библиотека//Скифы. Хрестоматия. Сост., введ., комм. Т.М.Кузнецовой. М.

Дион Кассий. 1948. Римская история//Латышев В.В. Известия...ВДИ. №1.

Дион Кассий. 1991. Римская история//КДПАА.

Дионисий Периегет. 1990. Описание населенной земли//АИСК.

Дионисий Периегет. 1991. Описание населенной земли//КДПАА.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова А.И. 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, пер., комм. М.

Древние авторы о Средней Азии/Под ред. Л.В.Баженова. Ташкент, 1940 (ДАСА).

Дьяконов И.М. 1951. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту// ВДИ. № 3.

Евстафий. 1990. Объяснение к Шестодневу//АИСК.

Евтропий. 1991. Бревиарий от основания города//КДПАА.

Евтропий. 1997. Краткая история от основания Города//Римские историки IV века. М.

Заходер Б.Н. 1962, 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М. Т. 1, 2.

Иордан. 1960. О происхождении и деяниях гетов/Пер., вступ. статья и комм. Е.Ч.Скржинской. М.

Иосиф Флавий. 1991. Иудейские древности. О войне иудейской. Против Аппиана//КДПАА.

Иосиф Флавий. 1991*а*. Иудейская война/Подг. текста, предисл. и примеч. К.А.Ревяко, В.А.Федосика. Минск.

Иосиф Флавий. 1993. Иудейские древности//Латышев В.В. Указ.раб. СПб.Т. 2.

Иосиф Флавий. 1993а. Иудейская война/Пер. с древневр. М. Финкельберг и А. Вдовиченко. М.- Иерусалим.

Калинина Т.М. 1984. Арабский источник X в. (географический трактат «Чистых братьев») о территории СССР и сопредельных районов/ДГТ СССР. 1982.М.

Калинина Т.М. 1984*а*. Сведения ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии//ДГТ СССР. 1983. М.

Калинина Т.М. 1988. Сведения ранних ученых арабского халифата. М.

Караулов Н.А. 1902, 1908. Сведения арабских географов и историков IX и X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане//СМОМПК. Вып. XXXII, XXXVIII.

Каталог археологических коллекций (Соколовский курганный могильник). Новочеркасск, 1985.

Кипшидзе Д. 1927. Житие Прохора, муч. Луки и муч. Николая Двали// Изв. Кавк. ист.-арх. ин-та в Тифлисе. Л.; т.II.

Клапрот Ю. 1992. Доклад, в котором доказывается идентичность осетин, народности Кавказа и средневековых алан/Пер. Т.Т.Камболова//Аланы и Кавказ. Владикавказ.

Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей. Текст, пер. комм. М.

Ксенофонт. 1991. Воспоминания о Сократе//АИСК.

Ктесий. 1992. История Персии//Латышев В.В. Указ.раб. СПб. Т. 1.

Кулаковский Ю. 1899. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев.

Кюнер Н.В. 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Древнего Востока. М.

Латышев В.В. 1893, 1900. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб. Т. I, II.

Латышев В.В. 1947, 1948, 1949. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе//ВДИ. № 1-4.

Латышев В.В. 1992, 1993. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб. Т. 1, 2.

Летопись Картли/Пер., введ. и примеч. Г.В.Цулая. Тбилиси, 1982.

Лукиан. 1935. Собр. соч. в 2-х т. М.-Л.

*Малахов С.Н.*1992. Малоизвестное свидетельство об аланах в Житии Феодора Эдесского//Аланы, Западная Европа и Византия. Владикавказ.

Малявкин А.Г. 1989. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск.

Марк Анней Лукан. 1993. Фарсалия/Пер. Л.Е.Остроумова. М.

Марр Н.Я. 1905. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Георгием. СПб.

*Матузова В.И.*1979. Английские средневековые источники. М.

Моисей Хоренский. 1858. История Армении/Пер. Н.Эмина. СПб.

Мровели Л. 1979. Жизнь картлийских царей/Пер., предисл. и комм. Г.В.Цулая. М.

Нарты. Осетинский эпос. М., 1990. Кн. 2.

Нарты каджыта. Орджоникидзе, 1975.

Осетины глазами русских и иностранных путешественников/Сост. и комм. Б.А.Калоева. Орджоникидзе, 1967 (ОГРИП).

Памятники армянской агиографии/Пер., введ. и комм. К.С.Тер-Давтяна. Ереван, 1973. Вып. 1.

Памятники древнегрузинской агиографической литературы/Пер. К.Кекелидзе, Тбилиси, 1956.

Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1925, 1927. Вып. 1-3.

Патканов К.П. 1877. Армянская география УП в. СПб.

Патканов К.П. 1883. Ванские клинообразные надписи как источник для истории Передней Азии//ЖМНП. ХП. Отд. 2.

Плиний Гай. 1990. Естественная история//АИСК.

Плиний Гай. 1991. Естественная история//КДПАА.

Полиен. 1940. Военные хитрости//ДАСА.

Прокопий Кесарийский. 1862. История войн римлян с персами/Пер. С.Дестуниса. СПб.

Прокопий из Кесарии. 1950. Война с готами/Пер. С.П.Кондратьева. Вступ. статья З.В.Удальцовой. М.

Птолемей. 1940. География//ДАСА.

Птолемей. 1990. Географическое руководство//АИСК.

Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Римские историки IV века. 1997. М.

Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сб. док./Сост. М.М.Блиев. Орджоникидзе, 1975, 1984. Т. 1, 2.

Санакоев М.П. 1979. Некоторые вопросы источниковедения истории осетинского народа. Цхинвали.
Светоний Гай Т. 1990. Жизнь двенадцати цезарей/Пер., предисл. и послесл. М.Гаспарова. М.
Секст Аврелий Виктор. 1997. О цезарях//Римские историки IV века. М.
Скифы. 1992. Хрестоматия/Сост., введ. и комм. Т.М.Кузнецовой. М.
Стефан Византийский. 1990. Описание племен//АИСК.
Страбон. 1964. География/Пер., статья и комм. Г.А.Стратановского. Л.
*Страбон.*1991.География//КДПАА.
Страбон. 1993. География//Латышев В.В. Указ.раб. СПб. Т. 3.
Такайшвили Е.С. 1900. Три хроники. Источники грузинских летописей// СМОМПК. Вып. XXVIII.
Тацит. 1968. Соч. в 2-х томах/Пер. Г.С.Кнабе. Л.
Тацит. 1991. История//КДПАА.
Тер-Мкртычан Л.Х. 1979-1985. Арабские источники о Средней Азии. М.
Техов Б.В. 1985. Тлийский могильник. М.
Тогошвили Г.Д., Цховребов И.Н. 1962. История Осетии в документах и материалах. Цхинвали. Т. 1.
Уварова П.С. 1900. Могильники Северного Кавказа. М. Вып. VIII.
ЦагаеваА.Дз. 1975. Топонимия Северной Осетии. Ч. 1, 2.
Чичуров И.С. 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, пер. комм. М.
Чичуров И.С. 1983. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской традиции: IV - начало IX вв.//ДГТ СССР. 1981. М.
Шифнер А. 1868. Осетинские тексты. СПб.
Шихсаидов А.Р. 1986. Арабские источники IX-X вв. и вопросы социально-экономического и военно-политического положения раннесредневекового Дагестана//Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала.
Якуби. 1927. История/Пер. П.К.Жузе. Баку.
Klaprot J. 1812, 1814. Reise in der Kaukasus und nach Georgien, unternommen in den Jaren 1807 und 1808. Halle und Berlin. Bd. 1, 2.
Zgusta L. 1955. Die Personnennamen griechischer Stadte der nordlichen Schwarzmeerkuste. Praha.

Литература

Абаев В.И. 1949. ОЯФ. М.-Л. 1.
Абаев В.И. 1965. Скифо-европейские изоглоссы. М.
Абаев В.И. 1967. Этногенез осетин по данным языка//Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе.
Абаев В.И. 1968. Осетинский социальный термин *Алдар*//Изв. СОНИИ. Т. XXVIII.
Абаев В.И. 1971. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы //Проблемы скифской археологии. М.
Абаев В.И. 1978. Нартовский эпос осетин//Сказания о нартах. Осетинский эпос. М.
Абаев В.И. 1982. Нартовский эпос осетин. Цхинвали.
Абаев В.И. 1958, 1989. ИЭСОЯ. М.-Л., Л. Т. I, IV.
Абаев В.И. 1992, 1995. Избранные труды. Владикавказ. Т. 1, 2.
Абаев В.И. 1994. «Шаман сильнее воина»//Историко-этнографические исследования по фольклору. М.
Абдуллаев К.А. 1998. Номады в искусстве эллинистической Бактрии//ВДИ. № 1.
Абегян М. 1948. История древнеармянской литературы. Ереван. Т. 1.
Абрамзон М.Г. 1999. Тема борьбы с племенами европейской Сарматии и Скифии в монетной чеканке Римской империи//ВДИ. № 2.

Абрамова М.П. 1982. О подкурганных катакомбах первых веков н.э. на Северном Кавказе//XII Крупновские чтения. М.
Абрамова М.П. 1986. Некоторые особенности погребений III-I вв. до н.э. предгорной зоны Центрального Кавказа//Новое в археологии Северного Кавказа. М.
Абрамова М.П. 1990. О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV-II вв. до н.э.//Проблемы скифо-сарматской археологии. М.
Абрамова М.П. 1992. Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья//РА. № 2.
Абрамова М.П. 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н. э.). М.
Абрамова М.П. 1994. Некоторые особенности материальной культуры сарматов Центрального Предкавказья//Проблемы истории и культуры сарматов. Тез.док. Волгоград.
Абрамова М.П. 1995. Катакомбные могильники III-V вв. н.э. центральных районов Северного Кавказа//Аланы: история и культура. Владикавказ.
Абрамова М.П. 1996. О некоторых критериях выделения памятников алан на Северном Кавказе//XIX Крупновские чтения. М.
Абрамова М.П. 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н.э. М.
Абрамова М.П. 1999. Поселения скифского времени у аула Хумара на Верхней Кубани// Древности Северного Кавказа. М.
Абрамова М.П. 1999а. О некоторых спорных вопросах хронологии раннесарматской культуры//Евразийские древности. М.
Абрамян А. 1962. Мовсес Хоренаци. Ереван.
Адонц Н. 1971. Армения в эпоху Юстиниана. 2-е изд. Ереван.
Акишев К.А. 1978. Курган Иссык. М.
Акишев К.А. 1993. Социальная стратификация сакского общества в VI-IV вв. до н.э.// Археологические памятники на Великом шелковом пути. Алматы.
Акишев К.А. 1994. Феномен элитарных курганов Северного Тянь-Шаня// Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматское время. СПб.
Акишев К.А., Акишев А.К. 1981. К интерпретации символики иссыкского погребального обряда//Культура и искусство древнего Хорезма. М.
Акишев К.А. и Кушаев Г.А. 1963. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-ата.
Аксенов В.С., Бабенко Л.И. 1998. Погребение VI-VII вв. н.э. у села Мохнач//РА. № 3.
Аланы, Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992.
Аланы и Кавказ. Владикавказ, 1992.
Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.
*Алексеев В.П.*1971. Человек: биология и социологические проблемы//Природа. № 8.
Алексеев В.П. 1974. Происхождение народов Кавказа. М.
Алексеева Е.П. 1949. Позднекобанская культура Центрального Кавказа// Уч.Зап. ЛГУ. Вып. 13.
Алексеева Е.П. 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М.
Алиев И. 1960. История Мидии. Баку. Т. 1.
Алиев И. 1971. Сармато-аланы на пути в Иран//История иранского государства и культуры. М.
Алиев И ., Асланов Г.М. 1976. Племена сако-массагето-аланского круга в Азербайджане //Древний Восток. Ереван. Вып. 2.
Антипов Г.А., Кочергин А.Н. 1988. Проблемы методологии исследования общества как целостной системы. Новосибирск.
Ардасенов А. и Есиев А. 1892. Высшее сословие у осетин Куртатинского общества. М.

Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.
Артамонов М.И. 1966. Сокровища скифских курганов. Прага-Л.
Артамонов М.И. 1974. Киммерийцы и скифы. Л.
Артемова О.Ю. 1987. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М.
Артемова О.Ю. 1993. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной стратификации//Ранние формы социальной стратификации. М.
Арутюнов С.А. 1989. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.
Атабиев Б.Х. 1996. Некоторые итоги раскопок Зарагижского второго катакомбного могильника//X1X Крупновские чтения. М.
Атабиев Б.Х. 1998. Зарагижский и Кашхатауский катакомбные могильники. Некоторые итоги исследования//XX Крупновские чтения. Ставрополь.
Афанасьев Г.Е. 1992. Этнические аспекты генезиса катакомбного обряда погребений в салтово-маяцкой культуре//Аланы и Кавказ. Владикавказ.
*Афанасьев Г.Е.*1993. Донские аланы. М.
Ахвледиани Г. 1960. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси. Кн. 1.
Ашрафян К.З. 1985. Всесоюзная конференция «Государство в докапиталистических обществах Азии»//НАА. № 3.
Баглай В.Е. 1993. Социально-классовая структура древнеацтекского общества//Ранние формы социальной стратификации. М.
Байрамкулов А.М. 1998. И азиатские, и европейские аланы были предками карачаевцев и балкарцев. Ставрополь.
Бакрадзе Д. 1887. Статьи по истории и древностям Грузии//Приложения к IX тому Зап. Императорской АН. СПб. № 1.
Балахванцев А.С. 1998. Дахи и арии у Тацита//ВДИ. № 2.
*Бартольд В.В.*1963, 1965, 1973. Соч. Т. II, III, VIII.
Басилов В.Н. 1997. Смерть Салыр-Газана (среднеазиатско-кавказские параллели)//ЭО. № 2.
Батиева Е.Ф., Прохорова Т.А. 1998. Антропология погребения из кургана 10 Кобяковского могильника и мифо-ритуальная роль руки у сарматов//Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов н/Д.
Батчаев В.М. 1985. Древности предскифского и скифского периодов//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. Т. 2.
Бахрах Б. 1993. Аланы на Западе. М.
Бахтиаров А. 1930. Осколки «исчезнувших» аланов//Туркменоведение. №8-9.
Беглова Е.А. 2000. О культовых комплексах в меотской культуре Закубанья//XXI «Крупновские чтения». Кисловодск.
Безуглов С.И. 1988. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье// СА. № 4.
Безуглов С.И. 1998. Позднесарматский меч из ст. Камышевской//Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов н/Д.
Бейли Г.Э. 1977. Сакский и аланский//Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси.
Белинский А.Б., Березин Я.Б., Калмыков А.А. 2000. Предварительные итоги комплексного археологического изучения северной части Ставропольского края//XXI «Крупновские чтения». Кисловодск.
Белков П.Л. 1993. Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе//Ранние формы социальной стратификации. М.
Белков П.Л. 1995. Вожди и бигмены (о механизме становления вождества)//Ранние формы политической организации. М.
Белков П.Л. 1995а. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? //Там же. М.

*Бенвенист Э.*1965. Очерки по осетинскому языку. М.

Березин Я.Б., Ростунов В.Л. 1994. Сарматские подкурганные могильники у сел. Заманкул (Северная Осетия)//Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск.

Березкин Ю.Е. 1995. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели//Ранние формы политической организации. М.

Берлизов Н.Е. 1994. Хронология и хронография Азиатской Сарматии// Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Берлизов Н.Е. 1996. Сарматы в Предкавказье//XIX Крупновские чтения.М.

Берлизов Н.Е. 1996а. Аланы-скифы//Историко-археологический альманах. Армавир-М.

Берлизов Н.Е. 1996б. К интерпретации ахеменидского импорта в сарматских курганах Южного Приуралья и Прикубанья//Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск.

Берлизов Н.Е. 1998. О двух подходах к поиску предков исторических алан. Перспективы третьего подхода//Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар. Ч. 2.

Берлизов Н.Е., Каминский В.Н. 1993. Аланы, Кангюй и Давань//ПАВ. СПб. Вып. 7.

Берлизов Н.Е. 1998а. Относительная хронология Азиатской Сарматии VII в. до н.э. - IV в. н.э. //Историко-археологический альманах. Вып. 4. Армавир – М.

Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н. 1994. Сарматские памятники Восточного Закубанья//Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н. 1995. Сарматские памятники Восточного Закубанья//Историко-археологический альманах. М.-Армавир.

Бернар П., Абдуллаев К. 1997. Номады на границе Бактрии//РА. № 1.

Бернштам А.Н. 1947. Новые работы по тохарской проблеме//ВДИ. № 2.

Бернштам А.Н. 1947а. К вопросу об усунь/кушан и тохарах: Из истории Центральной Азии//СЭ. № 3.

Бернштам А.Н. 1951. Очерк истории гуннов. М.

Бессонова С.С. 1983. Религиозные представления скифов. Киев.

Беспалый А.И. 1992. Курган сарматского времени у г. Азова//СА. № 1.

Бируни. 1966. Избр. произв. Ташкент. Т. III.

Блок М. 1986. Апология истории или Ремесло историка. 2-е изд. М.

Блок М. 1998. Короли-чудотворцы/Пер. с франц. В.А. Мельчиной. Предисл. Ж. Ле Гоффа. Послесл. А.Я. Гуревича. М.

Боковенко Н.А. 1994. Проблема генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии//Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.

Болтрик Ю.В. 1998. Попытка социальной стратификации Скифии второй половины IV века до н.э. // Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов н/Д.

Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. 1983. От Скифии до Индии. 2-е изд. М.

Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. 1985. Индия в древности. М.

Бондаренко Д.М. 1993. Привилегированные категории населения Бенина накануне первых контактов с европейцами. К вопросу о возникновении классов и государства//Ранние формы социальной стратификации. М.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. 1988. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.

Боровкова Л.А. 1989. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. М.

Бочаров В.В. 1993. К динамике потестарно-политических процессов в Восточной Африке: проблемы исторической преемственности//Ранние формы социальной стратификации. М.

Браунд Д. 1991. Римское присутствие в Колхиде//ВДИ. № 4.

Браунд Д. 1994. «Препарируя сарматов»: проблемы источниковедческой и археологической методологии//ВДИ. № 4.

Брей У., Трамп Д. 1990. Археологический словарь. М.

Брошинский И.Б. 1979. В поисках скифских сокровищ. Л.

Бубенок О.Б. 1997. Ясы и бродники в степях Европы (VI - начало XIII вв.). Киев.

Буданова В.П . 1999. Варварский мир эпохи переселения народов: опыт типологической реконструкции//Вестник РГНФ. № 3.

Бурде-Шнейдевинд Г. 1969. Народные рассказы как исторический источник//Труды VII Международ. Конгресса антрополог. и этногр. Наук. Т. VI.

В научном совете «Закономерности исторического развития и смены общественно-экономических формаций»//СВ. Вып. 51.

Вайнберг Б.И. 1979. Курганные могильники северной Туркмении (Присарыкамышская дельта Амударьи)//Кочевники на границах Хорезма.

Вайнберг Б.И. 1981. Скотоводческие племена в древнем Хорезме//Культура и искусство древнего Хорезма. М.

Ванеев З. 1961. К этногенезу осетинского народа//Изв. ЮОНИИИ. Вып. XIII.

Ванеев З.Н. 1989, 1990. Избранные работы. Цхинвал. Т. I, II.

Васильев Л.С. 1982. Феномен власти-собственности//Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.

Васильев Л.С. 1983. Проблема генезиса китайского государства. М.

Васильев Л.С. 1985. Социальная структура и социальная мобильность на традиционном Востоке//Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М.

Васильева Л.М. 1975. Проблемы истории Осетии в русской науке XIX века. Орджоникидзе.

Вернадский Г. 1992. Древняя Русь//Аланы и Кавказ. Владикавказ.

Вернадский Г. 1996. Древняя Русь. Тверь.

Вернадский Г.В. 1996а. Киевская Русь. Тверь – М.

Вернадский Г. Очерки эпической поэзии осетин/Пер. с франц. Н.А.Джанаевой//Архив СОИГСИ, ф. 41, д. 23 «а».

Ветловская В.Е. 1987. Летописное осмысление пиров и дарений в свете фольклорных и этнографических данных//Генезис и развитие феодализма в России. Л.

Вигасин А.А. 1999. Карта Индии в «Естественной истории» Плиния Старшего//ВДИ. № 1.

Видные деятели армянской культуры (V - XVIII вв.). Ереван, 1982.

Виноградов В.Б. 1963. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный.

Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. 1980. Киммерийско-кавказские связи//Скифы и Кавказ. Киев.

Виноградов В.Б., Березин Я.Б. 1985. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в Ш в. до н.э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе.

Виноградов Ю.Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э.//ВДИ. № 2.

Виноградов Ю.Г. 1996. Новые документальные досье императорской эпохи из Херсонеса//ВДИ. № 1.

Вишневская О.А. 1973. Культура сакских племен низовье Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н.э. М.

Вишневская О.А., Итина М.А. 1971. Ранние саки Приаралья//Проблемы скифской археологии. М.

Возникновение античного государства//ВДИ, 1989. № 2-4; 1990. № 1-4.
Волкова Н.Г. 1973. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа.М.
Воронов Ю.Н. 1998. Колхида на рубеже средневековья. Сухуми.
Вопросы иранистики и алановедения. Владикавказ, 1990.
Габараев Н. 1986. Новое о нартах.//Фидиуаг. № 1 (на осетин. яз.).
Габриелян Р.А. 1989. Армяно-аланские отношения (I-X вв.). Ереван.
Габуев Т.А. 1996. Аланские походы в Закавказье//XIX Крупновские чтения. М.
Габуев Т.А. 1997. Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время//РА. № 3.
Габуев Т.А. 1997а. Армянские источники о походах алан в Закавказье в I-II вв. н.э.// Дарьял. № 4.
Габуев Т.А. 1998. Клавдий Птолемей и Аммиан Марцеллин об аланах//XX Крупновские чтения. Ставрополь.
Габуев Т.А. 1998а. Аланы-скифы Клавдия Птолемея и аланы-массагеты Аммиана Марцеллина//Историко-археологический альманах. Вып. 4. Армавир–М.
Габуев Т.А. Китайские источники об аланах//XXI «Крупновские чтения». Кисловодск.
Гагкаев К.Е. 1981. История, география и ономастика скифов//Осетинская филология. Орджоникидзе. Вып. 2.
Гаглоева З.Д. 1981. Захарий Николаевич Ванеев. Цхинвали.
Гаглойти Ю.С. 1962. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья// Изв. ЮОНИИ. Вып. XI.
Гаглойти Ю.С. 1962а. К этимологии племенного названия сакараваков// Там же.
Гаглойти Ю.С. 1966. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси.
Гаглойти Ю.С. 1967. Этногенез осетин по данным письменных источников//Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе.
Гаглойти Ю.С. 1991. Начальный этап этногенеза осетин//1 международная конференция: «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ.
Гаглойти Ю.С. 1995. К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе//Аланы: история и культура. Владикавказ.
Гаджиев М.С. 1998. О несостоявшемся Каспийском походе Нерона//XX Крупновские чтения. Ставрополь.
Гадло А.В. 1977. Рец.: В.А.Кузнецов. Алания в X-XIII вв.//Византийский временник. Т. 38.
Гадло А.В. 1979. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.
Гадло А.В. 1984. Северный Кавказ в IУ-X веках. Автореф.докт.дис. М.
Гадло А.В. 1985. Этносоциальные процессы на Северном Кавказе в свете археологических источников VIII-X вв.//Историческая этнография. Л.
Гадло А.В. 1986. Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья// Вестник ЛГУ. Вып. 1.
Гакстгаузен А. 1857. Закавказский край. М. Ч. 1.
Галанина Л.К. 1992. Скифская тема в работах Б.Б.Пиотровского//ВДИ. № 4.
фон Галль Х. 1997. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики//ВДИ. № 2.
Ган К. 1909. Опыт объяснения кавказских географических названий// СМОМПК. Вып. LX.
Гатуев А. 1901. Христианство в Осетии. Владикавказ.
Гафуров А. 1987. Имя и история. М.
Гафуров Б.Г. 1972. Таджики. М.
Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.

Георги И.Г. 1776. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб. Ч. 2.

Герасимова М.М. 1994. Палеоантропология Северной Осетии: по материалам могильника Верхняя Кобан//ЭО. № 3.

Герасимова М.М. 1998. Некоторые замечания к статье Н.Е.Берлизова..../ Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар. Ч. 2.

Гиджрати Н.И., Наглер А.О. 1985. Сарматское погребение у сел. Комарово Моздокского района СО АССР//Античность и варварский мир. Орджоникидзе.

Глебов В.П. 1998. К вопросу о генезисе раннесарматской культуры//Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов н/Д.

Горбунова Н.Г. 1994. Скотоводы Бактрии и Согда и сарматы//Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Горончаровский В.А. 1993. Катафрактарии в истории военного дела Боспора//ПАВ. № 6.

Граков Б.Н. 1954. Каменское городище на Днепре//МИА. Вып. 36.

Граков Б.Н. 1971. Скифы. М.

Грантовский Э.А. 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии.

Грантовский Э.А. 1975. О восточноиранских племенах кушанского ареала// Центральная Азия в кушанскую эпоху. М. Т. II.

Грантовский Э.А. 1980. Проблемы изучения общественного строя скифов// ВДИ. № 4.

Грантовский Э.А. *1981.* О некоторых материалах по общественному строю скифов//Кавказ и Средняя Азия в древности и средние века. М.

Грацианская Л.И. 1999. Центр и периферия: литературное воплощение этнопсихологических реалий в описании «варваров»//ДГВЕ. 1996-1997 гг. М.

Грач А.Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.

Грач А.Д. 1984. Центральная Азия – общее и особенное в сочетании социальных и географических факторов // Роль географического фактора в истории доклассовых обществ. Л.

Григолиа К. 1973. О чем поведала «Картлис цховреба». Тбилиси.

Григорьев В.В. 1871. О скифском народе саках. СПб.

Грошев В.А. 1994. К вопросу о поливном земледелии у саков и усуней северо-восточного Семиречья//Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.

Грязнов А.П. 1980. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.

Гугуев В.К. 1992. Кобяковский курган//ВДИ. № 4.

Гугуев В.К., Трейстер М.Ю. 1995. Ханьские зеркала и подражания им на юге Восточной Европы//РА. № 1.

Гуляев В.И. 1995. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация//РА. № 2.

Гуляев В.И., Савенко Е.И. 1995. Терновое 1 – новый курганный могильник на Среднем Дону//РА. № 4.

Гумилев Л.Н. 1993. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.

Гумилев Л.Н. 1993а. Хунну. СПб.

Гутнов Ф.Х. 1987. Классообразование на Северном Кавказе: факторы и механизмы//Молодые ученые Осетии – 70-летию Октября. Орджоникидзе.

Гутнов Ф.Х. 1990. Структуры и характер раннесредневековых обществ Северного Кавказа// Изв. СКНЦВШ. Ростов н/Д.

Гутнов Ф.Х. 1991. К этногенезу алан//Дарьял. № 4.

Гутнов Ф.Х. 1992. Аланский царевич Баракад древнеармянских фольклорных памятников//Осетинская филология. Владикавказ.

Гутнов Ф.Х. 1993. Средневековая Осетия. Владикавказ.

Гутнов Ф.Х. 1997. Поход алан в Закавказье в 72 г.//Изв.ВУЗСКР. Ростов н/Д. № 2.

Гутнов Ф.Х. 1998. Социальная история скифов Северного Кавказа//РА. №1.
Гутнов Ф.Х. 1998а. Впускные катакомбы Моздока//Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов н/Д.
Гущина И.И., Засецкая И.П. 1992. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища»//Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.
Гущина И.И., Мошкова М.Г. 1999. Раскопки Б.Н.Гракова в Заволжье у сел Блюменфельд и Кано в 1925 году//Евразийские древности. М.
Данилова С.В. 1982. Ритуальные захоронения баранов в Забайкалье//СА. №1.
Дворниченко В.В., Федоров Г.А. 1989. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье//Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.
Дворниченко В.В., Федоров Г.А. 1993.. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области//ВДИ. № 3.
Дегтярев А.Я. 1987. Комментарий к статье 3 Русской Правды Краткой редакции// Генезис и развитие феодализма в России. Л.
Демиденко С.В. 1997. Типология литых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа//Древности Евразии. М.
Демиденко С.В., Журавлев Д.В., Трейстер М.Ю. 1997. «Круглый курган» из раскопок В.Г.Тизенгаузена//Древности Евразии. М.
Демиденко Ю.В., Мамонтов В.И. 1997. Курганный могильник Первомайский X// Древности Евразии. М.
Десятчиков Ю.М. 1972. Катафрактарий на надгробии Афения//СА. № 4.
Джавахишвили И.А. 1950. Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси.
Джиоев М.К. 1994. О датировке времени жизни царицы Сатиник//Тез.док. междунар. конф. к 200-летию А.М.Шегрена. Владикавказ.
Дзаттиаты Р.Г. 1995. Аланы в дружине Вахтанга Горгасала//Аланы: история и культура. Владикавказ.
Дискуссионные проблемы отечественной скифологии//НАА, 1980. № 5, 6.
Добродомов И.Г. 1981. Об аланизмах в русском языке//Осетинская филология. Орджоникидзе. Вып. 1.
Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
Дударев С.Л. 1997. О характере скифо-кавказского этнокультурного взаимодействия в VII – VI вв. до н.э. // Некоторые вопросы культурных и этнических связей населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы — раннего железа. Армавир.
Дударев С.Л. 1997а. К изучению процессов межэтнического синтеза в Предкавказье в скифское время//Там же.
Дьяконов И.М. 1951. Последние годы урартского государства//ВДИ. № 2.
Дьяконов И.М. 1956. История Мидии. М.–Л.
Дьяконов И.М. 1981. К методике исследования этнической истории: «киммерийцы»// Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.
Дьяконов И.М. 1990. Архаические мифы Востока и Запада. М.
Дьяконов И.М. 1993. Природа этногенеза: К постановке вопроса//Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ.
Дьяконов И.М., Якобсон В.А. 1998. Гражданское общество в древности// ВДИ. № 1.
Дюмезиль Ж. 1976. Осетинский эпос и мифология. М.
Дюмезиль Ж. 1986. Верховные боги индоевропейцев. М.
Дюмезиль Ж. 1990. Скифы и нарты. М.
Ельницкий Л.А. 1977. Скифия Евразийских степей. Новосибирск.
Ермолова И.Е. 1984. Общественный строй гуннов последней четверти IV - начала V в.//ДГТ СССР. 1982. М.

Ермолова И.Е. 1999. Аммиан Марцеллин и античная традиция о Северном Причерноморье// ДГВЕ. 1996-1997 гг. М.

Есаян С.А., Погребова М.Н. 1985. Скифские памятники Закавказья. М.

Жантиева Д. Мотивы героического эпоса горцев Северного Кавказа//Архив СОИГСИ, ф.ф., п. 74, № 31.

Ждановский А.М. 1979. Новые данные об этнической принадлежности курганов «Золотого кладбища»//Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.

Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х. 1994. Племена Южного Приаралья в VI – III вв. до н.э.// Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Железчиков Б.Ф., Фадеев А.В. 1996. Связи ранних кочевников Южного Приуралья с соседями в IV - III вв. до н.э.//Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск.

Жордания О.Н. 1988. Институт истории, археологии и этнографии им. Акад. И.А. Джавахишвили АН ГССР. Тбилиси.

Жуков Е.М. 1980. Очерки методологии истории. 2-е изд. М.

Загорулько А.В., Крадин Н.Н. 1993. Рец.: Early State Economics. New Brunswick; London, 1991//ЭО. № 6.

Заднепровский Ю.А. 1994. Юго-восточная экспансия сарматов: *pro* и *contra* //Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Заднепровский Ю.А. 1994а. К проблеме этнической принадлежности катакомбных памятников Средней Азии//ПАВ. СПб. Вып. 8.

Заднепровский Ю.А. 1997. Древние номады Центральной Азии. СПб.

Заднепровский Ю.А. 1998. Пути миграции юечжей по данным археологии/ /Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 1996-1997 гг. СПб.

Засс Ф. 1805. Описание Кавказа. СПб.

Зубарев В.Г. 1999. «Географическое руководство» Клавдия Птолемея как источник по античной географии Северного Причерноморья//ДГВЕ. 1996-1997 гг. М.

Зуев Ю. 1995. Сармато-аланы Приаралья (Яньцай/Абзойя)//Культура кочевников на рубеже веков. Алматы.

Иванчик А.И. 1988. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию//СЭ. № 5.

Иванчик А.И. 1989. К истолкованию сообщения Полиена о киммерийцах// Кавказ и цивилизации древнего Востока. Орджоникидзе.

Иванчик А.И. 1990. К анализу рассказа Геродота об изгнании киммерийцев из Причерноморья//Вопросы иранистики и алановедения. Владикавказ.

Иванчик А.И. 1993. К истолкованию сообщения Полиена о киммерийцах// Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ.

Иванчик А.И. 1996. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII – VII вв. до н.э. М.

Иванчик А.И. 1999. «Млекоеды» и «абии» «Илиады». Гомеровский пассаж в античной литературе и проблемы возникновения идеализации скифов//ДГВЕ. 1996-1997 гг. М.

Иессен А.А. 1954. Некоторые памятники VIII – VII вв. до н.э. на Северном Кавказе//Вопросы скифо-сарматской археологии. М.

Ильин Г.Ф. 1985. О так называемой налоговой эксплуатации//Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983. Скифия VII – IV вв. до н.э. Киев.

Ильюков Л.С., Власкин М.В. 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов н/Д.

Илюшечкин В.П. 1986. Сословно-классовое общество в истории Китая: Опыт системно-структурного анализа. М.

Илюшечкин В.П. 1990. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.

Исаенко А.В., Кучиев В.Д. 1995. Некоторые проблемы древней истории алан//Аланы: история и культура. Владикавказ.

Историогеографическая записка о странах между морями Черным и Каспийским. СПб., 1810.
История древнего мира. 1989. М.
История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой коммуны. М., 1986.
История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988.
История Северо-Осетинской АССР. 2-е изд. Орджоникидзе, 1987.
Итина М.А., Яблонский Л.Т. 1997. Саки Нижней Сырдарьи. М.
Иштванович Э., Кульчар В. 1998. О верованиях, племенной принадлежности и хронологии сарматов Венгерской низменности//Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар. Ч. 2.
Казанский М.М., Мостыкова А.В. 1999. Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: свидетельство Аммиана и археологические данные// РА. № 4.
*Каминский В.Н.*1993. Военное дело алан Северного Кавказа // Понтийско-кавказские исследования. Краснодар. Вып. 1.
Капица М.С. 1992. Новые подходы в теориях и методиках востоковедных исследований// Восток. № 2.
Кардини Ф. 1987. Истоки средневекового рыцарства. М.
Карпов Ю.Ю. 1996. Джигит и волк. СПб.
Карпов Ю.Ю. 1999. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа (XIX – начало XX в.). Автореф. докт. дис. СПб.
Карсанов А.Н. 1997. Шафарик в «Славянских древностях» о сарматах и аланах// Дарьял. № 4.
Керефов Б.М. 1988. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик.
Ким Г.Ф., Ашрафян К.З. 1985. Некоторые вопросы изучения классов и сословий в докапиталистических обществах Азии//Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М.
Клейн Л.С. 1976. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
Ключевский В.О. 1989. Соч. М. Т. VII.
Кнабе Г.С. 1981. Корнелий Тацит. М.
Кобищанов Ю.М. 1995. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М.
Кобрин В.Б 1977. Генеалогия и антропонимия//История и генеалогия. М.
Кобычев В.П. 1980. Рец.: Л.И.Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа//СЭ. № 1.
Кобычев В.П. 1989. Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: финно-угры на Кавказе//КЭС. М. Т. IX.
Ковалевская В.Б. 1984. Аланы и Кавказ. М.
Ковалевская В.Б. 1985. Роль скифов в этногенезе местных северокавказских племен//Мацне. № 3.
Ковалевская В.Б. 1992. Методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н.э. в Закавказье//Аланы и Кавказ. Владикавказ.
Ковалевская В.Б. 1992а. Аланы в Западной Европе//Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ.
Ковалевская В.Б. 1995. Хронология древностей северокавказских алан// Аланы: история и культура. Владикавказ.
Ковалевский М.М. 1883. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа//РМ. № 12.
Ковалевский М.М. 1886. Современный обычай и древний закон. М. Т. I, II.
Ковалевский М.М. 1890. Закон и обычай на Кавказе. М. Т. I, II.

Ковалевский М.М. 1975. Моя жизнь//История и историки. 1973. М.
Ковальченко И.Д. 1987. Методы исторического исследования. М.
Козырева Т.З. 1976. Осетинская антропонимия древнего и средневекового периода// Ономастика Кавказа. Махачкала.
Кожомбердиева Э.И. 1997. История изучения кенкольской культуры//Древности Евразии. М.
Кожомбердиева Э.И. 1997а. Географическое расположение катакомбно-подбойных могильников Киргизии и учет их особенностей//Древности Евразии. М.
Кожомбердиева Э.И. 1997б. Классификация погребальных сооружений кенкольской культуры//Древности Евразии. М.
Кокиев Г.А. 1926. Очерки по истории Осетии. Владикавказ.
Кокиев Г.А. 1940. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе.
Колобов А.В., Мельничук А.Ф., Кулябина Н.В. 1999. Римская фалера из Пермского Приуралья// ВДИ. № 1.
Колосовская Ю.К. 1996. Некоторые вопросы истории взаимоотношений Римской империи с варварским миром//ВДИ. № 2.
Колпаков Е.М. 1988. Проблема специфичности понятия «археологические источники»// Категории исторических наук. Л.
Копылов В.П., Янгулов С.Ю., Кузнецов В.В. 1990. Новые данные о связях Племен Нижнего Подонья в I в. н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Старочеркасская –Ростов н/Д.
Коробов Д.С. 1996. Опыт многомерного статистического анализа материалов могильника Мокрая балка 1//Компьютеры в археологии. М.
Коротаев А.В. 1992. Рец.: Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность.../Восток. № 2.
Коротаев А.В., Кузьминов Я.И. 1989. Некоторые проблемы моделирования социально-экономической структуры раннеклассовых и феодальных обществ//НАА. № 3.
Коротаев А.В., Оболонков А.А. 1989. Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ//СЭ. № 2.
Косвен М.О. 1959. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке//КЭС. М. Т. П.
Косяненко В.М. 1998. К вопросу о принадлежности катакомбных погребений некрополя Кобякова городища//XX Крупновские чтения. Ставрополь.
Кочакова Н.Б. 1995. Размышления по поводу раннего государства//Ранние формы политической организации. М.
Кочиев К.К. 1987. Тутыр – владыка волков//Изв. ЮОНИИ. Вып. XXXI.
Кочиев К.К. 1988. К вопросу о пережитках культа барана у осетин//Изв. ЮОНИИ. Вып. XXXП.
Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.К. 1997. Власть номада//Власть, человек, общество в античном мире. М.
Крадин Н.Н. 1994. Кочевые общества в контексте социальной эволюции// ЭО. № 1.
Крадин Н.Н. 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения//Ранние формы политической организации. М.
Крачковский И.Ю. 1957. Избр. соч. М.-Л. Т. IV.
Круглый стол «Ранние скифы и культура»//ВДИ, 1994. № 1.
Крупнов Е.И. 1954. О походах скифов через Северный Кавказ//Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
Крупнов Е.И. 1957. Древняя история Кабардино-Балкарии. М.
Крупнов Е.И. 1958. Киммерийцы на Северном Кавказе//МИА. М. № 68.
Крупнов Е.И. 1961. Древняя история Северного Кавказа. М.
Куббель Л.Е. 1988. Очерки потестарно-политической этнографии. М.
Кузнецов А.И. 1990. Этническая терминология в серии «Народы Советского Союза»// Материалы координационно-методического центра по подготовке серии «Народы Советского Союза». М. Вып. 1.

Кузнецов В.А. 1962. Аланские племена Северного Кавказа//МИА. № 106.
Кузнецов В.А. 1973. Алания в X – XIII вв. Орджоникидзе.
Кузнецов В.А. 1977. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе.
Кузнецов В.А. 1980. Нартовский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе.
Кузнецов В.А. 1984. Очерки истории алан. Орджоникидзе.
Кузнецов В.А. 1992. Очерки истории алан. 2-е изд. Владикавказ.
Кузнецов В.А. 1993. Алано-осетинские этюды. Владикавказ.
Кузнецов В.А. 1997. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона// МИАР. М. № 1.
Кузнецов В.А. 1999. Аланы и асы на Кавказе//Древности Северного Кавказа. М.
Кузнецова Т.М. 1991. Этюды по скифской истории. М.
Кузнецова Т.М. 1993. «Погпргоv» скифского логоса Геродота//ПАВ. № 4.
Кузьмина Е.Е. 1971. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света//Средняя Азия в древности и средневековье. М.
Кузьмина Е.Е. 1976. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
Кузьмина Е.Е. 1977. В стране Кавата и Афрасиаба. М.
Кузьмина Е.Е. 1987. Дионис у усуней//Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. М.
Кузьмина Е.Е. 1996. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма// ВДИ. № 2.
Кузьмина Е.Е. 1999. Предыстория Великого Шелкового пути: контакты населения Евразийских степей//ВДИ. № 1.
Куклина И.В. 1985. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.
Куклина И.В. 1999. Савроматы и сарматы у Овидия//ДГВЕ. 1996-1997 гг. М.
Кулаковский Ю. 1898. Христианство у алан//ВВ. № 1.
Кулланда С.В. 1995. Царь богов Индра: юноша – воин – вождь//Ранние формы политической организации. М.
Курбатов Г.Л. 1991. Ранневизантийские портреты. Л.
Кызласов Л.Р. 1999. Города гуннов//Евразийские древности. М.
Кычанов Е.И. 1997. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.
Лавров Л.И. 1978. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.
Лавров Л.И. 1980. Топонимические заметки//КЭС. М. Т. VII.
Ле Гофф Ж. 1992. Цивилизация средневекового Запада. М.
Лебединский Я. 1997. Три статьи о древнем оружии//Дарьял. № 4.
Левина Л.М. 1997. Этнокультурная история Восточного Приаралья в I тыс. до н.э.//ЭО. № 2.
Лелеков Л.А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н.э.//История и культура народов Средней Азии. М.
Ленин В.И. Полн.собр.соч.
Литаврин Г.Г. 1988. Этническое самосознание населения пограничной зоны между Византией и Болгарией в X-XIV вв.//Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.
Литвинский Б.А. 1968. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе.
Литвинский Б.А. 1972. Древние кочевники «Крыши мира». М.
Литвинский Б.А. 1982. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии//СЭ. № 4.
Лопатинский Л.Г. 1891. Кабардинские предания, сказания и сказки// СМОМПК. Вып. XII.
Лоховиц В.А. 1979. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик//Кочевники на границах Хорезма. М.

Лоховиц В.А., Хазанов А.М. 1979. Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр //Кочевники на границах Хорезма. М.

Луцков Д.Ю., Чипирова Л.А. 1993. Общество и государство: к вопросу о психосоциальных механизмах политогенеза//Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ.

Макарий 1845. История Русской Церкви: история христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. СПб.

Маковский М.М. 1996. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.

Максименко В.Е. 1972. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д.

Малахов С.Н. 1992. Еще раз о «печенежском» происхождении ясов в древнерусском переводе Иосифа Флавия//Проблемы этнографии осетин. Владикавказ. Вып. 2.

Малышев В.Ю. 1994. К проблеме протогородской культуры населения Северного Кавказа 1-ой пол. I тысяч. до н.э.: денежное обращение//Боспорский сборник. М. Вып. 4.

Мандельштам А.М. 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.

Мандельштам А.М. 1976. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // КСИА. М. Вып. 147.

Маргиев Э.А. 1992. Осетия в исследованиях украинского академика//Дарьял. № 2.

Маретина С.А. 1987. Социальная стратификация и становление государства//От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.

Маретина С.А. 1995. К проблеме универсальности вождеств: о природе вождей у нага (Индия)//Ранние формы политической организации. М.

Марковин В.И. 1969. Некоторые итоги археологических разведок в Северной Осетии// МАДИСО. Орджоникидзе. Т. II.

Марковин В.И. 1991. Современные проблемы в изучении истории Северного Кавказа// РА. № 1.

Марковин В.И. 1994. Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа//РА. № 1.

Маслов В.Е. 1999. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника//Евразийские древности. М.

Марченко К.К. 1996. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи//РА. № 2.

Маршак Б.И. 1987. Искусство Согда//Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. М.

Маслов В.Е., Яблонский Л.Т. 1996. Могильник Гяур-IV в Северной Туркмении//РА. № 2.

Массон В.М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. М.

Массон В.М. 1980. Формирование раннеклассового общества и вопросы типологии древних цивилизаций//Древний Восток и античный мир. М.

Массон В.М. 1994. Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи//Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматское время. СПб.

Массон В.М. 1996. Палеолитическое общество Восточной Европы (вопросы политэкономии, культурогенеза и социогенеза). СПб.

Махортых С.В. 1992. Проблемы киммерийской истории и Кавминводы// Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск.

Махортых С.В. 1994. Скифы на Северном Кавказе. Киев.

Мачинский Д.А. 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников//АСГЭ. Л. Вып. 13.

Мачинский Д.А. 1974. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э.// АСГЭ. Л. Вып. 16.

Медведская И.Н. 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток//РА. № 3.

Медойти Д.Н., Чочиев А.Р. 1994. Еще раз о «кавказском» субстрате: к этнической атрибуции кобано-тлийской культуры//От скифов до осетин. М. Вып. 1.

1-ая Международная конференция: «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ, 1991.

Международный «круглый стол»: «Ранние скифы и культура». Дискуссия//ВДИ, 1994. № 1.

Меликишвили Г.А. 1959. К истории древней Грузии. Тбилиси.

Мелюкова А.И. 1964. Вооружение скифов. М.

Мизиев И.М. 1986. Шаги к этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик.

Миллер В. 1881, 1887. Осетинские этюды. М. Ч. I, III.

Миллер В.Ф. 1881а. Этнографические следы иранства на юге России// ЖМНП. № X.

Миллер В.Ф. 1887а. О значении Кавказа для языкознания//Труды У-го Археолог. съезда в Тифлисе. М. Т. 3.

Миллер В.Ф. 1887б. Об осетинском языке и его месте в группе иранских языков// Там же.

Минорский В.Ф. 1963. История Ширвана и Дербента X-XI вв. М.

Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1992. Т. 2.

Могильников В.А. 1992. Конференция «Скифо-сибирский мир: социальная структура и общественные отношения» (Кемерово, 1989)//СА. № 1.

Могильницкий Б.Г. 1976. История исторической мысли как предмет исторического исследования//Проблемы истории общественной мысли и историографии. М.

Моргунова Н.Л. 1994. К вопросу об истоках сарматского элитарного обряда// Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.

Мордвинцева В.И. 1994. Импорты в сарматских погребениях//Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск.

Мордвинцева В.И. 1996. О вторичном использовании ахеменидских блюд из Прохоровского кургана//РА. № 2.

Мордвинцева В.И. 1996а. Фалары с изображением Белкерофонта из сарматского погребения у села Володарка в западном Казахстане//РА. № 4.

Мордвинцева В.И. 1998. Классификация фаларов конской упряжи 3 в. до н.э. — нач.2 в. н.э. и типы парадного снаряжения сарматов//Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар. Ч. 1.

Мордвинцева В.И., Сергацков И.В. 1995. Богатое сарматское погребение у станицы Бердия//РА. № 4.

Мотов Ю.А. 1996. Нарты, «берсеркры», «бцри», шаманы//Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.

Мошинский А.П. 1997. Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами (по дигорским материалам)//РА. № 3.

Мошкова М.Г. 1983. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе//История и культура сарматов. Саратов.

Мошкова М.Г. 1994. К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II — IV вв. н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Музальков Ю. 1999. К происхождению терминов «аланы», «нарты» и др.// Дарьял. № 3.

Мурзин В.Ю. 1984. Скифская арханка Северного Причерноморья. Киев.

Мурзин В.Ю. 1990. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев.

Мурзин В.Ю. 1992. Происхождение и ранняя история скифов. Автореф. докт. дис. Киев.

Наглер А.О., Чипирова Л.А. 1985. К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах//Античность и варварский мир. Орджоникидзе.

Найденко А.В. 1986. Об этническом составе населения Ставропольского края в эпоху раннего железа//Х1У Крупновские чтения. Орджоникидзе.

Налбандян Г.М. 1977. Армянские личные имена скифо-алано-осетинского происхождения // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси.

Налоева Е.Дж. 1980. Об особенностях кабардинского феодализма//Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик.

Никонов В.А. 1974. Имя и общество. М.

Новосельцев А.П. 1980. Генезис феодализма в странах Закавказья. М.

Новосельцев А.П. 1985. Древнейшие государства на территории СССР. Некоторые итоги и задачи изучения//ИСССР. № 6.

Новосельцев А.П. 1986. Некоторые черты древнерусской государственности в сравнительно историческом аспекте//ДГТ СССР, 1985. М.

Новосельцев А.П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. 1972. Пути развития феодализма. М.

Ногмов Ш.Б. 1982. История адыхейского народа. Нальчик.

Обозрение российских владений за Кавказом. СПб., 1836. Ч. II.

Ольховский В.С. 1995. Погребальная обрядность и социологическая реконструкция// РА. № 2.

Ольховский В.С. 1996. Монументальная скульптура Кавказа эпохи раннего железа// Между Азией и Европой. СПб.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. 1994. Скифские изваяния VII - III вв. до н.э. М.

Ольховский В.С., Галкин Л.Л. 1997. К изучению памятников Северо-Восточного Прикаспия эпохи раннего железа//РА. № 4.

Островерхов А.С. 1996. Звериный стиль и античные города Северного Причерноморья// ВДИ. № 2.

Отто Б. 1996. Приносимый в жертву бог//ВДИ. № 2.

Очерки истории Ставропольского края. Т. 1. Ставрополь. 1986.

Павленко Ю.В. 1989. Раннеклассовые общества. Киев.

Патканов К.П. 1877. Армянская география VII в. СПб.

Перевалов С.М. 1994. Аланы Иосифа, сарматы Тацита в событиях 35 г. н.э. на Кавказе// Тез.док. междунар. конф. к 200-летию А.М.Щегрена. Владикавказ.

Перевалов С.И. 1998. Как создаются мифы (к ситуации в отечественном алановедении) // Историко-археологический альманах. Вып. 4. Армавир - М.

Перевалов С.М. 1999. «Тактика» Арриана: военный опыт народов Кавказа и Восточной Европы глазами греческого философа и римского офицера/ДГВЕ. 1996-1997 гг. М.

Перевалов С.М. 1999а. Сарматский контос и сарматская посадка//РА. № 4.

Перевалов С.М. 2000. О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г. н.э.: три довода в пользу аланов//ВДИ. № 1.

Першиц А.И. 1976. Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов//Становление классов и государства. М.

Петренко В.Г. 1986. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний//Новое в археологии Северного Кавказа. М.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. 1998. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.

Пиотровский Б.Б. 1940. Скифы и Закавказье//Труды ОИКИВ (Эрмитажа). Л. Т. III.
Пиотровский Б.Б. 1949. Археология Закавказья. Л.
Пиотровский Б.Б., Иессен А.А. 1940. Моздокский могильник. Л.
Пичикян И.Р. 1998. Возрождение Большого Клада Окса//ВДИ. № 1.
Плетнева С.А. 1999. Группа «Археология евразийских степей эпохи средневековья»//РА. № 2.
Погребова М.Н. 1977. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.
Погребова М.Н. 1981. Памятники скифской культуры в Закавказье//Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.
Погребова М.Н. 1990. О характере скифских походов через Кавказ//Вопросы иранистики и алановедения. Владикавказ.
Погребова М.Н., Раевский Д.С. 1989 К вопросу об «отложившихся скифах»//ВДИ. № 1.
Погребова М.Н., Раевский Д.С. 1994. Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных//От скифов до осетин. М. Вып. 1.
Подойницына Н.И. 1996. Общество открытых классов: Очерки о моделях социальной структуры. Новосибирск.
Подосинов А.В. 1999. Итоги и перспективы изучения античной литературной традиции как источника по истории Северо-Восточного Причерноморья// ДГВЕ. 1996-1997 гг. М.
Полосьмак Н.В. 1991. Курган с «замершей» могилой на Ак-Алахе//ВДИ. № 4.
Полосьмак Н.В. 1992. Исследование Пазыркского кургана Кутургунтас// ВДИ. № 4.
Полосьмак Н.В. 1997. Курган с «замершей» могилой на Ак-Алахе//ВДИ. № 4.
Поплинский Ю.К. 1993. Лев Куббель: историк, этнолог, источниковед, человек//Ранние формы социальной стратификации. М.
Попов В.А. 1995. Политогенетическая контроверза, парапалитейность и феномен вторичности государственности//Ранние формы политической организации. М.
Прицак О.И. 1998. Структура империи Темура // Сходознавство. № 5. Киев.
Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969.
Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
Прохорова Т.А. 1993. Некоторые аспекты идеологии сармато-алан//ВДИ. № 3.
Прохорова Т.А. 1998. Кобяковская гривна. Интерпретация сюжета изображения//Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов н/Д.
Пугаченкова Г.А. 1966. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства//ВДИ. № 2.
Пфаф В.Б. 1870, 1871. Материалы для истории осетин//ССКГ. Вып. IV, V.
Пфаф В.Б. 1871а, 1872. Народное право осетин//ССК. Вып. I, II.
Пфаф В.Б. 1894. Этнологические исследования в Осетии//Изв. КОИРГО. Т.1.
Пчелина Е.Г. 1929. Два погребения времени алано-хазарской культуры из селения Лац// Труды САРАНИОН. М.
Пчелина Е.Г. 1932. Обряд гостеприимства у осетин//СЭ. № 5-6.
Пчелина Е.Г. 1934. Крепость «Зильде-машиг»//СЭ. № 3.
Пчелина Е.Г. 1947. Урсдонское ущелье в Северной Осетии//Труды отдела истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа. Л. Т. 4.
Пьянков И.В. 1964. К вопросу о маршруте похода Кира на массагетов// ВДИ. № 3.
Пьянков В.И. 1994. Античные авторы о Средней Азии//ВДИ. № 4.

Пьянков И.В. 1999. Рец.: Frye R.N. The Heritage of Central Asia. Princeton, 1996. – 264 p. //ВДИ. № 1.
Работа горских научно-исследовательских институтов Северного Кавказа в области истории//Историк-марксист. 1934. № 3.
Радаев В.В., Шкаратан О.И. 1995. Социальная стратификация. М.
Раев Б.А. 1989. Аланы в евразийских степях: Восток-Запад//Скифия и Боспор. Новочеркасск.
Раев Б.А., Яценко С.А.. 1993. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе//Скифия и Боспор. Новочеркасск.
Раевский Д.С. 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.
Раевский Д.С. 1989. О культурно-исторических последствиях скифских походов через Кавказ//Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе.
Ранние формы социальной стратификации. М., 1993.
Ранние формы политической организации. М., 1995.
Рапопорт Ю.А. 1971. Из истории религии древнего Хорезма. М.
Ронин В.К., Флоря Б.Н. 1991. Государство и общество у полабских и поморских славян// Раннефеодальные государства и народности. М.
Ростовцев М.И. 1918. Эллинство и иранство на юге России. Птгр.
Ростовцев М.И. 1925. Скифия и Боспор. Л.
Ростовцев М.И. 1993. Skifika. Избранные работы. СПб.
Руденко А.И. 1952. Горноалтайские находки и скифы. М.-Л.
Савенко С.Н. 1993. Предметы египетского, китайского, иранского происхождения в комплексах I тысячелетия н.э. из Пятигорска//Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ.
Санакоев М.П. 1971. Историография истории Осетии. Цхинвали.
*Сапрыкин С.Ю.*1996. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М.
Сапрыкин С.Ю. 1998. Плиний Младший и Северное Причерноморье//ВДИ. №1.
Сарианиди В.И. 1984. Бактрия сквозь мглу веков. М.
Сарианиди В.И. 1989. Храм и некрополь Тиллятепе. М.
Семенов Ю.И. 1993. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития//ЭО. № 1.
Сергацков И.В. 1992. Сарматские погребения с римским импортом на Иловле// Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Старочеркасская – Ростов н/Д.
Сергацков И.В. 1998. Сарматское погребение с римским импортом в низовьях Иловли//РА. № 4.
Симоненко А.В. 1989. О периодизации сарматской культуры//Скифия и Боспор. Новочеркасск.
Симоненко А.В. 1992. Фарзой Иниемей – аорсы или аланы//ВДИ. № 3.
Симоненко А.В. 1998. Фигурные сосуды в виде барана в сарматских погребениях//Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар. Ч. 1.
Сказкин С.Д. 1981. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М.
Скитский Б.В. 1933. К вопросу о феодализме в Дигории. Орджоникидзе.
Скитский Б.В. 1948. Очерки по истории осетинского народа//Изв. СОНИИ. Т. XI.
Скитский Б.В. 1949. Нартский эпос как исторический источник//Нартский эпос. Дзауджикау.
Скитский Б.В. 1972. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе.
Скржинская М.В. 1977. Северное Причерноморье в труде Плиния «Естественная история». Киев.
Скрипкин А.С. 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.
Скрипкин А.С. 1992. Азиатская Сарматия. Автореф.докт.дис. М.
Скрипкин А.С. 1994. К определению содержания понятия «Сарматская эпоха»//Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Скрипкин А.С. 1994а. Сарматский феномен//Проблемы всеобщей истории. Волгоград.

Скрипкин А.С. 1996. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры// ВДИ. № 1.

Сланов А.Х. 1991. К скифо-закавказским отношениям//1 международная конференция «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ.

Смирнов К.Ф. 1975. Сарматы на Илеке. М.

Смирнов К.Ф. 1981. Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы// Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе.

Смирнов К.Ф. 1982. «Амазонка» IV века до н.э. на Дону//СА. № 1.

Смирнов К.Ф. 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Смирнова Я.С. 1959. Военная демократия в нартовском эпосе//СЭ. № 6.

Снесарев Г.П. 1983. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.

Социальная дифференциация общества (поиски археологических критериев). М., 1993.

Ставиский Б.А. 1966. Между Памиром и Каспием. М.

Ставиский Б.А. 1977. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.

Ставиский Б.Я. 1992. Средняя Азия и античное Причерноморье. Проблема контактов, их периодизация и характер//Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск. Ч. 1.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI-IV вв. до н.э.) / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1994.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV-I вв. до н.э.) / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1997.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Стродс Х.П. 1977. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях //Источниковедение отечественной истории. 1976. М.

Струве В.В. 1946. Поход Дария I на саков-массагетов//Изв. АН СССР. Т. III. Вып. 3.

Струве В.В. 1948. Геродот и политические течения в Персии эпохи Дария// /ВДИ. № 3.

Струве В.В. 1968. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л.

Сулимирский Т. Сарматы. Нью-Йорк – Вашингтон, 1970/Пер. с англ. В.Огоева//Архив СОИГСИ, ф.6, д. 167.

Суперанская А.В. 1973. Общая теория имени собственного. М.

Тезисы докладов международной конференции, посвященной А.М.Шегрену. Владикавказ, 1994.

Тереножкин А.И. 1976. Киммерийцы. Киев.

Техов Б.В. 1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII – VI вв. до н.э. М.

Техов Б.В. 1985. Тлийский могильник. Тбилиси. Ч. III.

Техов Б.В. 1994. К этнической принадлежности создателей Кобанской культуры Центрального Кавказа//От скифов до осетин. М.

Тихонов А.Г. 1994. Средневековое население Северной Осетии: по материалам могильника Верхняя Кобан//ЭО. № 2.

Тогошвили Г.Д. 1958. Грузино-осетинские отношения с древнейших времен до конца XIV века. Цхинвали (на грузин. яз.).

Тогошвили Г.Д. 1967. Леонти Мровели о происхождении осетинского народа// Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе.

Тогошвили Г.Д. 1981. Вопросы истории народов Северного Кавказа и их взаимоотношений с Грузией в грузинской советской историографии//Грузино-северокавказские взаимоотношения. Тбилиси.
Тогошвили Г.Д. 1977. Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах. Тбилиси (на грузин.яз.).
Тогошвили Г.Д. 1991. Сослан-Давид. Владикавказ.
Тогошвили Г.Д., Хабалашвили И. 1983. Население Осетии. Краткий историко-демографический очерк. Цхинвали.
Толстов С.П. 1948. Древний Хорезм. М.
Толстов С.П. 1948а. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л.
Толстов С.П., Итина М.А. 1966. Саки низовьев Сыр-Дарьи: по материалам Тагискена// СА. № 2.
Толстова Л.С. 1977. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа//Этническая история и фольклор. М.
Толстова Л.С. 1983. Использование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов//Фольклор и историческая этнография. М.
Толстова Л.С. 1984. Исторические предания Южного Приаралья. М.
Тотоев М.С. 1968. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX века. Орджоникидзе.
Тревер К.В. 1947. Древнеиранский термин *parna*: к вопросу о социально-возрастных группах//Изв. АН СССР. СИФ. М.
Тревер К.В. 1953. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. — IV в. н.э.). М.
Тревер К.В. 1959. Очерки по истории кавказской Албании. М.-Л.
Трейстер М.Ю. 1995. Гривна из сарматского погребения у с. Пороги// ВДИ. № 1.
Трейстер М.Ю. 1996. Рец.: M.Pfrommer. Metalwork from the Hellenized East. Malibu, 1993. 224 p.// ВДИ. № 1.
Тржештик Д. 1991. Возникновение славянских государств в Среднем Подунавье// Раннефеодальные государства и народности. М.
Тржештик Д., Достал Б. 1991. Великая Моравия и зарождение чешского государства//Там же.
Трубачев О.Н. 1976. О синдах и их языке//ВЯ. № 4.
Тэйлор Э. 1939. Первобытная культура. М.
Уарзиати В.С. 1987. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе.
Уарзиати В.С. 1990. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе.
Удальцов А.Д. 1946. Племена Европейской Сарматии II в. до н.э.//СЭ. № 2.
Федоров-Давыдов Г.А. 1976. Общественный строй кочевников в средние века/ /ВИ. № 8.
Федоров-Давыдов Г.А. 1996. Рец.: Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. Савроматская эпоха. М., 1994//РА. №1.
Флеров В.С. 1998. Разрушенные скелеты на могильнике Клин-Яр III на Северном Кавказе//Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
Флеров В.С. 1998а. Обезвреживание погребенных в Северном Предкавказье и на Дону в I - VIII вв.//Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов н/Д.
Флеров В.С., Нахапетян В.Е. 1996. Виды обезвреживания погребенных в катакомбах V - начала VIII вв. могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске//XIX Крупновские чтения. М.
Флоря Б.Н. 1991. Эволюция социальных и общественно-политических структур и возникновение государства//Раннефеодальные государства и народности. М.

Фрай Р. 1972. Наследие Ирана. М.
Франк А.Г. 1992. Формационные подходы и мифологемы способов производства//Восток. № 2.
Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
Хазанов А.М. 1975. Социальная история скифов. М.
Хазанов А.М. 1975а. Золото скифов.
Хазанов А.М. 1975б. Первобытная периферия докапиталистических обществ// Первобытное общество. М.
Хазанов А.М. 1976. Роль рабства в процессах классообразования у кочевников евразийских степей//Становление классов и государства. М.
Хазанов А.М. 1979. Классообразование: факторы и механизмы//Исследования по общей этнографии. М.
Хазанов А.М., Шкурко А.И. 1976. Социальные и религиозные основы скифского искусства//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
Харматта Я. О языке иранских племен Южной России/Пер. с англ. Е.Тулатовой// Архив СОИГСИ, ф. Лингв., д. 102.
Харузин Н. 1903. Этнография. Вып. III. Собственность и первобытное государство. СПб.
Храпунов И.Н. 1999. О населении Крыма в позднеримское время//РА. № 2.
Храпунов И.Н., Масягин В.В. 1998. Могила с двумя подбоями III в. н.э. из некрополя Дружное в Крыму//РА. № 4.
Цагараев В.А. 1995. Правая рука Сайнаг-алдара//Дарьял. № 1.
Цаликов Д. 1882. Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей. Каменец-Подольск.
Цветкова Н.Н. 1981. К этнической антропологии осетин//Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе.
Цинман М.З. 1993. К вопросу о «тайне» социально-экономического строя кочевых обществ//Археологические памятники на Великом шелковом пути. Алматы.
Цулая Г.В. 1984. Отрок Шарукан - Атрака Шараганис-дзе//КЭС. М.Т. VIII.
Цулая Г.В. 1987. Грузинское летописное предание о «нашествии хазар» и его параллели в фольклоре народов Кавказа//Кавказ и Византия. Ереван. Вып. 5.
Цулая Г.В. 1993. Осетины в контексте истории Грузии. Домонгольский период//ЭО. № 3.
Цуциев А.А. 1995. Известия китайских письменных источников по ранней истории алан //Аланы: история и культура. Владикавказ.
Цуциев А.А. 1998. Об одном аланском антропоморфном изображении// Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар. Ч. 1.
Цуциев А.А. 1999. Аланы Средней Азии (I - VI вв. н.э.): проблема этногенеза. Автореф. канд. дис. Владикавказ.
Чеченов И.М. 1986. Об этнокультурных связях Центрального Кавказа с кочевниками в древности и средние века//XIV Крупновские чтения. Орджоникидзе.
Чеченов И.М., Атабиев Б.Х. 1990. К проблеме происхождения Кобанской культуры и ее локальных вариантов//XVI Крупновские чтения. Ставрополь, 1990.
Черненко Е.В. 1971. О времени и месте появления тяжелой панцирной конницы в степях Евразии//Проблемы скифской археологии. М.
Черненко Е.В. 1980. Древнейшие скифские парадные мечи: Мельгунов и Келермесс//Скифия и Кавказ. Киев.
Черненко Е.В. 1984. Длинные копья скифов//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
Чибиров Л.А. 1976. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали.
Чибиров Л.А. 1984. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали.

Чибиров Л.А., Чочиев А.Р. 1985. Рец.: Кузнецов В.А. Очерки истории алан// Изв. СКНЦВШ. № 4.

Чистов К.Б. 1986. Народные традиции и фольклор. Л.

Чичуров И.С. 1983. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской традиции: IV – начало IX вв.//ДГТ СССР. 1981. М.

Членова Н.Л. 1981. Тагарские лошади//Кавказ и Средняя Азия в древности и средние века. М.

Чочиев А.Р. 1985. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали.

Чубарьян А.О. 1989. Опыт мировой истории и идеология обновления// Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М. Вып. 1.

Шафарик П.И. 1837. Славянские древности. Т. 1, кн.2, 3.

Шевченко А.В. 1986. К краниологии населения Предкавказской Алании X-XII вв. по материалам раскопок Змейского могильника 1981-1983 гг.//Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Шевченко Н.Ф. 1993. Стрелы у сарматских племен Прикубанья//Понтийско-кавказские исследования. Краснодар. Вып. 1.

Шевченко Н.Ф. 1994. Погребения I в. н.э. на правобережье Кубани//Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Шегрен А.М. 1998. Осетинские исследования/Сост. и перев. Камболов Т.Т. Владикавказ.

Шер Я.Н. 1999. О состоянии археологии в России//РА. № 1.

Шилов А.Б. 1983. Аорсы: историко-археологический очерк//История и культура сарматов. Саратов.

Шнирельман В.А. 1985. Классообразование и дифференциация культуры// Этнографические исследования развития культуры. М.

Шнирельман В.А. 1996. Чей род древнее, или в погоне за призраком. К дискуссии о происхождении народов Северного Кавказа//X1X Крупновские чтения. М.

Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.

Щукин М.Б. 1994а. От Индии до Ла-Манша. О фаларах греко-бактрийского типа, сарматах, киммерах и политике Митридата Евпатора//Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск.

Эмин Э. 1881. Моисей Хоренский и древний эпос армянский. М.

Эрлих В.Р. 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.

Этнография. 1982. Учебник для вузов. М.

Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М., 1990. Вып. 1, 2.

Юнусов А.С. 1986. Восточное рыцарство: в сравнении с западным//ВИ. №10.

Яблонский Л.Т. 1991. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья//СА. № 1.

Яблонский Л.Т. 1996. Саки Нижнего Приаралья. М.

Яблонский Л.Т. 1998. Отзыв на статью Н.Е.Берлизова...//Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар. Ч. 2.

Яйленко В.П. 1995. Правящий тюркский род ашина: истоки и продолжение//Элита и этнос средневековья. М.

Яценко И.В., Раевский Д.С. 1980. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы// НАА. № 5.

Яценко С.А. 1992. Аланы и Рим в Северном Причерноморье в начале н.э.// Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д.

Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв. н.э.//ПАВ. № 3.

Яценко С.А. 1993а. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV вв. н.э.// ПАВ. № 6.

Яценко С.А. 1994. Основные проблемы современных Сарматологии и Аланистики// Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Яценко С.А. 1994а. К истории формирования одного из ключевых стереотипов сарматологии//Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.
Яценко С.И. 1995. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия»//ВДИ. № 3.
Яценко С.А. 1996. Некоторые культовые сюжеты в искусстве сарматов Северного Кавказа I в. до н.э. – I в. н.э.//Между Азией и Европой. СПб.
Яценко С.А. 1998. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография//РА. № 3.
Яценко С.А. 1998а. «Бывшие массагеты» на новой родине – в Западном Прикаспии (II-IV вв. н.э.)//Историко-археологический альманах. Вып. 4. Армавир – М.
Яценко С.А. 1999. Костюм племен пазырыкской культуры горного Алтая как исторический источник//ВДИ. № 3.
Altheim F. 1768. Geschichte der Hunnen. I.
Antonini Ch.S. 1994. On Nomadism in Central Asia between the Saka and the Xiongnu: the Archaeological Evidence// The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli.
Afanas'ev G.E. 1994. System of Socially Marking Grave Goods in Male Burial Complexes of the Alans of the Don// The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli.
Bachrach B. 1973. Histori of the Alans in the West. Minneapolis.
Berezin J.B., Dudarev S.L. 1999. Neue praskythische Funde aus der Umgebung von Pjatigorsk, Nordkaukasien // Eurasia Antiqua. Zeitschrift fur archaologie Eirasiens. Bd. 5.
Bilmeier R. 1977. Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Mein.
Bleichsteiner R. 1918. Das Volk der Alanen//Berichte des Forschungs-Institut fur Osten und Orient. Wien. № 2.
Bosi F. 1994. The Nomads of Eurasia in Strabo// The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli.
Charpentier J. 1917. Die etnographische Stellung der Tocharer//ZDMG. Bd. 71.
Cuno J. 1871. Die Skiphen. Berlin.
De Guignes. 1859. Geschichte der Hunnen. Berlin.
Debewoise N.A. 1938. Political History of Parthia. Chicago.
Diesner H.-J. 1981. Die Volkerwanderung. Leipzig.
Feist S. 1924. Indogermanen und Germanen. 3 A. Berlin.
Fritz S., Gippert J. 1984. Wyryzmaeges Eselsritt//Acta Orientalia. Budapest. T. XXXVIII.
Frye R.N. 1996. Ossete-Central Asian Connections // Studia Iranica et Alanica. Roma.
Gerhardt D. 1939. Alanen und Osseten//ZDMG. Bd. 93.
Gutschmid V.V. 1888. Geschicht Irans und seiner Nachbarlander von Alexander der Grossen bis zum Untergang der Arsakieden. Tubingen.
Haloun G. 1937. Zur Ue-tse Frage//ZDMG. Bd. 91.
Harmatta J. 1970. Studies in the History and language of the Sarmatians. Szeged.
Harmatta J. 1994. Nomadic and Sedentary Life in the Great Steppe-Belt of Eurasia// The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli.
Henning W.B. 1932. Die Geographie des Homerischen Epos//Neue Wege zur Antike. H. 10.
Hirt F. 1899. Uber Wolga-Hunnen und Hiung-nu//Sitzungsberichte des Deutschen Akademie der Wissenschaftenn zu Berlin. Munchen.
Hirt H. 1905. Die Indogermanen: ihre Verbreitung, ihre Uhrheimat und Kultur. Strassburg. Bd. I.

Hubschmann H. 1877. Etymologie und Lautlehre der Ossetischen Sprache. Strassburg.

Junge J. 1939. Saka-Studien. Leipzig.

Maenchen-Helfen O. 1945. The Yueh-chin Problem Reexamined//Jornal of American Oriental Society. V. 65. №2.

Markowin W.J., Muntschajew R.M. 1988. Kunst und Kultur im Nordkaukasus. Leipzig.

Markwart J. 1901. Eranschahr nach der Geographie des Ps.Moses Xorenaci. Berlin.

Marqwart J. 1905. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Leipzig. Bd. II.

Markwart J. 1931. Jberer und Hyrkanier//Caucasica. Leipzig. Fasc. 8

Miller V. 1903. Die Sprache der Osseten. Strassburg.

Miller V. 1904. Ossetica. M.

Moskova M.G. 1994. On the Nature of the Similarity and Difference in the Nomadic Cultures of the Eurasian Steppes of the 1-st Milltnnium BC// The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli.

Mullenhoff K. 1892, 1893. Deutsche Alterthumskunde. Berlin. Bd. 1, III.

Petrenko V.G. 1994. On the Interpretation of Early Scythian Sites in Central Ciscaucasia// The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli.

Rau P. 1927. Hugelgraber romischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk.

Schlozer A.L. 1785. Weltgeschichte. Gottingen. I.

Sergazkov I.V. 1994. The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD// The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli.

Sjogren A.I. 1848. Ossetische studien//Memories L'Academie imperiale des scens. St.-Ptb. Th. VII.

Skripkin A.S. 1994. The Sarmatian Phenomen// The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli.

Taubler E. 1909. Zur Geschichte der Alanen//Klio. Leipzig. Bd. 91.

Tosi M. 1994. The Egalitarian Foundation of Steppe Empires// The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli.

Zelezcikov B.F. 1994. Sarmatians as Nomads//The Archaeology of the Steppes Methods and Strategies. Napoli.

Wincler H. 1893. Altorientalische Forschungen. Leipzig. Bd. I.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ИСТОРИОГРАФИЯ 9
ИСТОЧНИКИ 24
ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ 44
I. ПРОТОАЛАНЫ. ЭТНОГЕНЕЗ РАННИХ АЛАН 53
II. РАННИЕ АЛАНЫ И КАВКАЗ 105
Скифы и Кавказ 110
Сарматы и Центральный Кавказ 117
Появление ранних алан на Кавказе 121
Поход алан в Закавказье в 35 г. 122
Поход алан 72 г. 125
Поход алан 135 г. 139
Аланские походы в Закавказье конца II-III вв. 144
Ранние аланы и Кавказ 146
III. СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПРОТОАЛАНСКИХ ПЛЕМЕН 152
Мужские союзы 167
Формирование дружины 175
Вождь 190
«Цари» 193
Стадиально-типологическая характеристика архаических саков и массагетов 198
IV. СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РАННИХ АЛАН 207
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 227
БИБЛИОГРАФИЯ 230

Научное издание

ГУТНОВ ФЕЛИКС ХАЗМУРЗАЕВИЧ

РАННИЕ АЛАНЫ
Проблемы этносоциальной истории

Редактор *А.У.ГОЛИЕВА*
Художник *В.С.ГРИГОРЯН*
Художественный редактор *Г.З.ЧЕДЖЕМОВ*
Технический редактор *А.В.ЯДЫКИНА*
Корректор *Т.А.КАЗБЕКОВА*
Компьютерная верстка *З.С.МИСИКОВА*

Сдано в набор 28.02.01. Подписано к печати 23.03.01. Формат бумаги 60x84 1/16. Бум.тип.№1. Гарн.шрифта «Кудряшов». Печать офсетная. Усл.п.л.14,88. Учетно-изд.л.18,85. Тираж 1000 экз. Заказ № С 7.
Комитет РСО—Алания по печати и делам издательств.
Издательство «Ир», 362040,Владикавказ, проспект Мира, 25.
Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им.В.А.Гассиева, 362011, Владикавказ, ул.Тельмана, 16.

Ф.Х.Гутнов

РАННИЕ АЛАНЫ

Проблемы этносоциальной истории

